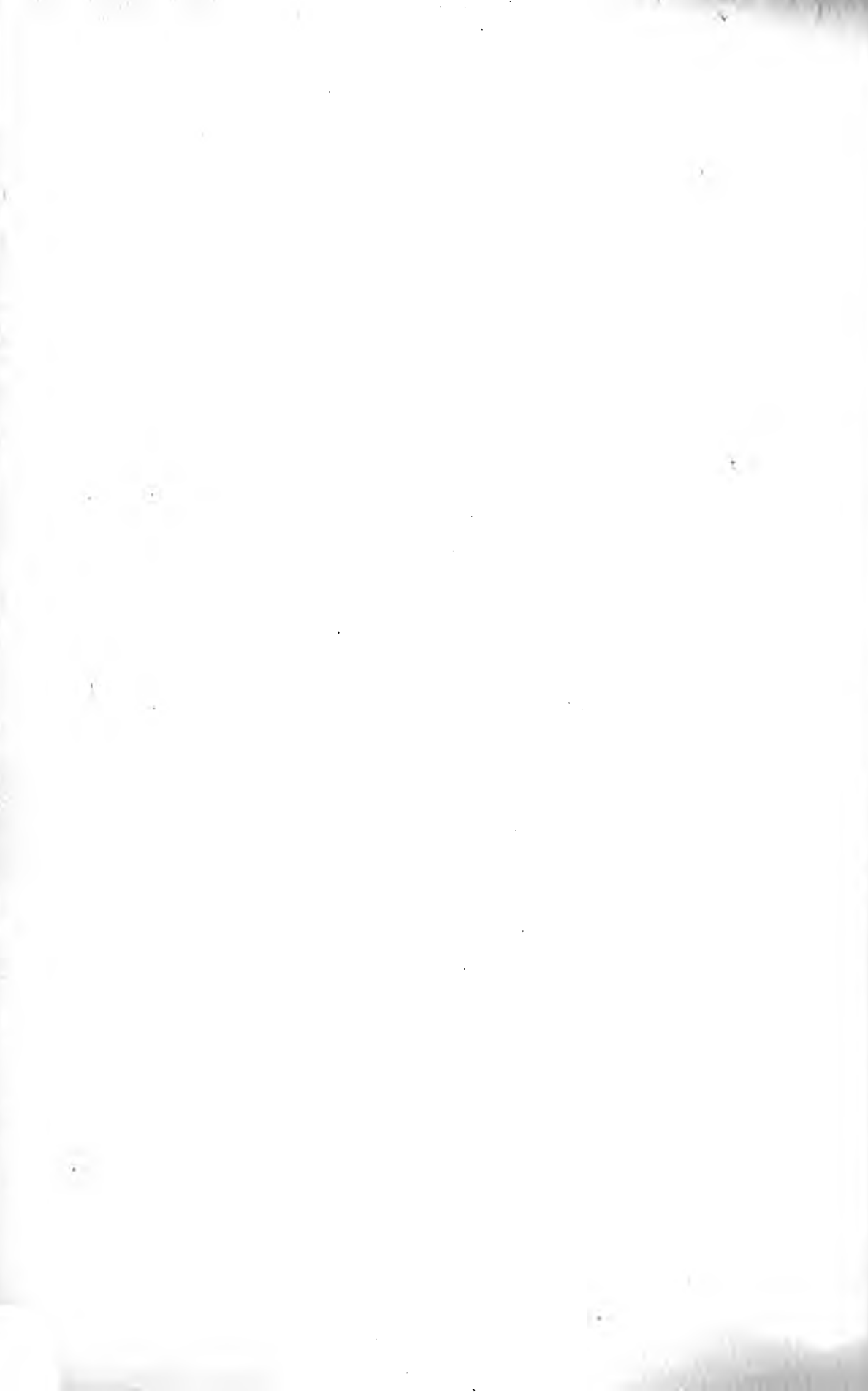

СОЧИНЕНІЯ
И. С. НИКИТИНА.

ТОМЪ II.

СОЧИНЕНІЯ
И. С. НИКИТИНА

СЪ

ЕГО ПОРТРЕТОМЪ, FAC-SIMILE

И

БІОГРАФІЕЙ,

СОСТАВЛЕННОЙ РЕДАКТОРОМЪ ИЗДАВІЯ

М. Ѳ. де-Пуле.

ТОМЪ II.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА.

Издание книгопродавца-издателя Нладіа Кузьмича Шамова,
въ Москвѣ, на Вол. Грузиной ул., въ собств. доми.

1896.

Типографія М. Г. Волчанинова, Кудринская ул., д. Кирѣевоѣ, и Русская Типо-
Литографія, Москва. Тверская, домъ бывш. Глицбурга.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1857.

	Стран.
I. Лампадка	1
II. «Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ»	2
III. «Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна»	4
IV. «Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ съ сн- нежъ»	5
V. «Въ снѣгѣ небѣ плывутъ надъ полями»	6
VI. «Ярко звѣздъ мерцанье»	—
VII. « Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ»	8
VIII. «Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ»	9
IX. Соха	10
X. «Ахъ, ты, бѣдность горемычная»	11
XI. Удаля и забота	12
XII. Безталанная доля	13
XIII. «Медленно движется время»	14
XIV. «Незамѣнимая, безцѣнная утрата»	15
XV. Разговоры	16
XVI. Нищій	18
XVII. Пахарь	19
XVIII. Деревенскій бѣднякъ	20

1858.

XIX. Ночлегъ въ деревнѣ	23
XX. Дѣдушка	24
XXI. Пряха	25
XXII. Въ альбомѣ Е. А. П—вой	28
XXIII. Въ альбомѣ А. Н. О—вой	—
XXIV. «Въ небѣ радуга сіяетъ»	30
XXV. «Въ темной чащѣ замолкъ соловей»	
XXVI. «Помнишь?—съ алыми краями»	31

	Стран.
XXVII. Горькія слезы	32
XXVIII. «Миѣ, видно, нѣтъ иной дороги»	33
XXIX. «Дѣтство веселое, дѣтскія грезы»	34
XXX. «Ахъ, у радости быстрыя крылья»	35
XXXI. «Опять знакомыя видѣнья!»	36
XXXII. Пѣсня бобыля	37
XXXIII. «Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ»	38
XXXIV. Мертвое тѣло	40

1859.

XXXV. Старый слуга	46
XXXVI. «Живая рѣчь, живые звуки»	48
XXXVII. «Перестань, милый другъ, свое сердце пугать»	49
XXXVIII. «И дождь и вѣтеръ. Ночь темна»	50
XXXIX. Могила дитяти (Посвящается Н. И. Второву)	51

1860.

XL. «Бѣдная молодость, дни не веселые»	53
XLI. «Я радъ молчать о горѣ старомъ»	54
XLII. Поэту обвинителю	55
XLIII. «Теперь мы вышли на дорогу»	56
XLIV. Поминки	58
XLV. На пепелищѣ	59
XLVI. Портной	60
XLVII. «За прялкою баба въ понявѣ сидитъ»	64
XLVIII. Мать и дочь	65
XLIX. Погость	67

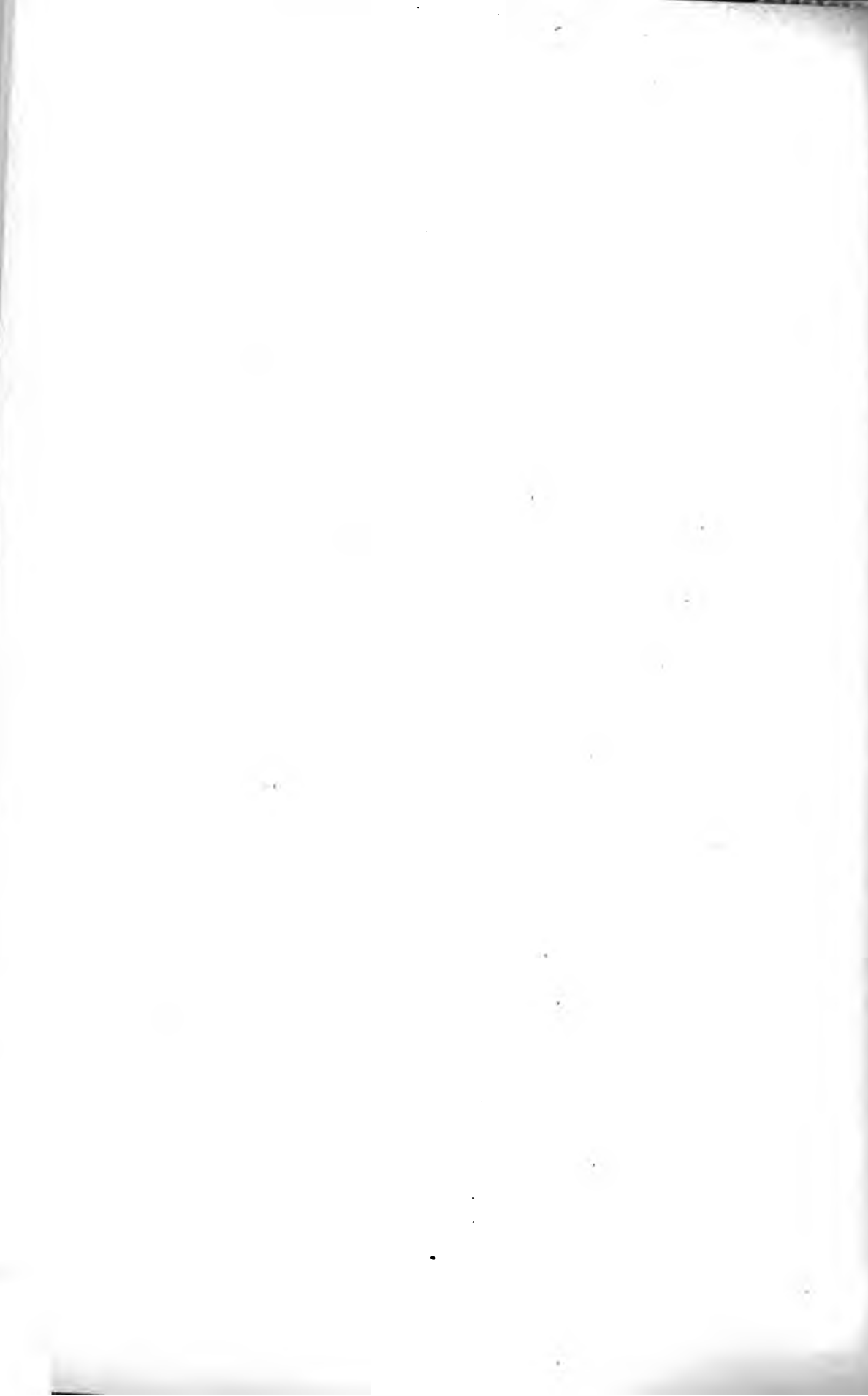
1861.

L. Хозяинъ	68
----------------------	----

Большія піесы.

Кулакъ (въ авторскомъ изданіи)	77
Поѣздка на хуторъ	211
Тарасъ	233
Дневникъ семинариста	245
Примѣчанія къ стихотвореніямъ	3
Приложеніе ко 2-му тому	3

Прощай, Лукия! Не раз с тобою,
Когда мой дом облетит бели снег,
Видишь е, грустивъ, са столамъ,
Подъ тетомъ дум, ночью порою!
И ста по твоимъ пути
Причалось бѣ, можетъ бѣтъ, идти...
Но е избранъ ищю долю.
Какъ ушникъ, е рвался на волю,
Упрямо упи правивалъ!
Е свѣта, воздуха жадалъ!
Въ мостъ торьлитъ лѣтъ было тѣсно!
Ни силе, ни зурни молодой
Е не жалеть въ борбѣ о судьбѣ,
Но благо ль? Небесахъ известно.

I.

Л а м п а д к а.

редь образомъ лампадка догораетъ,
Кидае тѣнь на потолокъ;
Какъ много думъ, думъ горькихъ вызываетъ
Глазамъ знакомый огонекъ!

Я помню ночь: передъ моей кроваткой:
Сжавъ руки, съ мукою въ чертахъ,
Вся блѣдная, освѣщена лампадкой,
Молилась мать моя въ слезахъ.

Я былъ въ жару. А за стѣною пѣли,—
Шелъ пиръ семейный, какъ всегда!..
Испуганный, я вздрагивалъ въ постели...
Зачѣмъ не умеръ я тогда?

Я помню день: лампадка трепетала;
Шелъ дождикъ, по стеклу звеня.
Отецъ мой плакалъ... мать въ гробу лежала...
Въ глазахъ мутилось у меня.

Но молодость сильна. Вдали блестяло;
 Полна надежды, жить спѣша,
 Изъ омута, гдѣ сердце холодѣло,—
 Рвалась впередъ моя душа.

Вотъ эта даль, страна моей святыни,
 Гдѣ, мнѣ казалось, свѣтъ горить.
 Иду по ней,—и холодомъ пустыни
 Со всѣхъ сторонъ меня язвить.

Увы! лампадки яркое сіянье,
 Чтѣ было, пробуждая вновь,
 Бросаетъ лучъ на новое страданье
 Недавнихъ ранъ живую кровь!

Я не нашелъ съ годами лучшей доли,
 Не спасъ меня завѣтный путь
 Отъ тонкихъ иглъ, чтѣ входятъ противъ воли
 Въ горячій мозгъ, въ больную грудь.

Все мракъ и плачъ... рубцы отъ бичеванья...
 Разсвѣтъ спасительный далекъ...
 И гаснутъ дни средь мрака и молчанья,
 Какъ этотъ блѣдный огонекъ.

II*).

* *

(Отрывокъ).

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ...
 Пожаръ зари надъ нимъ краснѣетъ;
 Во влажной почвѣ листь сухой

*) См. „Примѣчанія“, стр. 3, № 1-й.

Безъ звука тонетъ подъ ногой,
Недвижны сосны. Сонъ ихъ чудный
Такъ полонъ грезъ. Едва-едва
Примѣтна неба синева
Сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной
Покрыла цѣпкая трава
Сухое дерево. Грозою
Оно на землю свалено
И до корней обожжено.
Тропинка черной полосою
Лежить въ травѣ. По сторонамъ
Грибы бѣлѣютъ тутъ и тамъ.
Порою вѣтеръ шаловливый
Разбудить листья, слышенъ шумъ,
И вдругъ все стихнетъ — и на умъ
Приходятъ сказочныя дивы.
Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ —
И мнится, видишь яркій блескъ
Двухъ яркихъ глазъ... Одно мгновенье —
И все пропало. Вотъ рѣка;
Въ зеленой рамѣ лозняка
Ея спокойное теченье
Такъ полно силы! Челноки:
Собрали сѣти рыбаки,
Плывутъ; струи бѣгутъ отъ весель;
Угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ;
Мостъ подъ телѣгами дрожить;
И скрипъ колесъ, и стукъ копытъ
Тревожатъ цаплю, и пугливо
Она летитъ изъ-подъ куста.
Веселый шумъ и суета
На мельницѣ. Нетерпѣливо
Волна сердитая реветъ,
Мелькаетъ жерновъ торопливо...

Пора домой: ужъ ночь идетъ,
Огни по небу разсыпаетъ.
Пора домой: семья заботъ
Меня давно тамъ поджидаетъ;
Приду,—и встрѣтитъ у воротъ,
И крѣпко, крѣпко обойметъ.

III.

* * *

Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна...
Пѣтухи пропѣли;
Погасилъ я свѣчку
И лежу въ постели.

Спать-бы—да не спится,
Весь я, какъ разбитый;
Голову и сердце
Мучить день прожитый.

Пусть-бы мнѣ на долю
Выпалъ трудъ тяжелый,—
Да хоть сонъ покойный,
Да хоть часъ веселый!

Чтѣ-жъ ты, жизнь веселье,
Пропадаешь даромъ,
Улетаешь прахомъ?
Исчезаешь паромъ?

Есть-же, вѣдь, у птички,
Чтѣ поетъ въ лазури,

Воля да раздолье
И пріють отъ бури.

Запоесть зорею—
Кто нибудь услышитъ,
Веселѣе смотреть,
Легче грудью дышетъ.

Ты-же, какъ ни бейся,
Все не въ честь, не въ радость:
И другимъ ненуженъ,
И себѣ-то въ тягость.

IV.

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синевѣ,
Въ теплоѣ воздухѣ пѣсни и нѣга;
Голубые цвѣтки въ прошлогодней травѣ
Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.

Пригрѣваются стекла лучемъ золотымъ;
Вербы почки свои распустили;
И съ надворья гнѣздо, надъ окошкомъ моимъ,
Сизокрылые голуби свили!

Что за робкіе гости! чуть мимо идешь, —
Торопливо головки поднимаютъ,
Смотрятъ долго и зорко... Того только ждешь,
Что бѣдняжки пріють свой покинуть.

Какъ я радъ имъ! Боюсь и окно отворять:
Все мнѣ кажется, ихъ испугаю:
Беззащитнымъ созданиямъ легко помѣшать,
А легко-ль имъ живется—я знаю.

Чуть окрасится небо полоской огня
И сквозь стекла разсвѣтъ заблѣдетъ,—
Воркотнею своей они будятъ меня:
Посмотри, молъ, какъ зорька алѣетъ.

Сталъ уютнѣй, свѣтлѣй уголокъ мой теперь
Этой кроткой семьи новоселье,—
Можетъ быть, послѣ смуть, и борьбы, и потерь...
Предвѣщаетъ мнѣ миръ и веселье!

V.

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;
Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.

Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночью;
Грезить колось надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.

Кротко звѣздъ золотое сіянье,
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
Точно въ храмъ стою я въ тиши
И въ восторгѣ молюсь отъ души.

VI.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чашѣ молчаливой
Темнота лежить.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродить одиноко
Бѣлый конь въ потьмахъ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловить,—не глядитъ
Пляшетъ—присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснь отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

VII.

* * *

Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ.
Пѣсня изъ лѣсу несется,
Листъ зеленый задѣваетъ,
Желтый колосъ окликаетъ,
За курганомъ отдается.

За курганомъ, за холмами,
Дымъ-туманъ стоитъ надъ нивой,
Свѣтъ мигаетъ полосами,
Зорька тучекъ рукавами
Закрывается стыдливо.

Рожь да лѣсъ, зари сіянье,—
Дума, Богъ вѣсть, гдѣ летаетъ...
Смутно листьевъ очертанье,
Вѣтерокъ сдержалъ дыханье,
Только молнія сверкаетъ.

VIII.

* * *

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болить,
Озлобленъ умъ и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло.

Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
Мы всѣ добры и непорочны!
Боготворить себя готовъ
Иной другъ правды безупречный!

Убита совѣсть, умеръ стыдъ,
И ложь во тьмѣ царить свободно;
Никто позора не казнить,
Никто не плачетъ всенародно!

Межъ нами мучениковъ нѣтъ...
На крикъ: „спасите!“ нѣтъ отвѣта!
Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ,—
Чему-бы гибнуть,—процвѣтаетъ,
Чему-бъ цвѣсти,—роняетъ цвѣтъ
И жалкой смертью умираетъ.

IX.

С о х а

Ты, соха-ли наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости,
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты!

Про тебя и вспомнить некому...
Что-жь молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?..

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоить соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается;
Не твоя-ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужь и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

X.

**

Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черному привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь, въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь—куда водой несетъ,
Стороной бредешь—гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка—гроза идетъ,
Скажешь правду—силой ротъ зажутъ.

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости.

Вѣкъ ты мучишься, да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая;
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься,—
На могилѣ травка дикая.

XI.

Удаль и забота.

Таеъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе—не горе,
Въ цѣпи закуй,—распѣваетъ.

Ляжетъ забота—не спится,
Спитъ-ли, пройди—встрепенется;
Спитъ молодецкая удалъ,
Громомъ ударъ—не проснется.

Клонится колось отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонить;
Встрѣтится удалъ съ грозою—
На ухо шапку заломить.

Всѣхъ-то забота боится,
Топнуть ногой—поблѣднѣетъ;
Топнуть ногою на удалъ—
Лѣзетъ на ножъ, не робѣетъ.

По-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;
Удалъ, не думавъ, добудетъ,
Кинетъ на вѣтеръ—хохочетъ.

Пѣсня заботы—не пѣсня:
Слушать—тоска одолѣетъ;
Удалъ присвистнетъ, притопнетъ—
Горе и думу развѣетъ.

Явится въ гости забота,—
Въ домѣ и скука, и холодъ;
Удаль влетитъ да обниметъ,—
Станешь и весель, и молодъ.

XII.

Безталанная доля.

Доля безталанная,
Что жена сварливая,
Не уморить съ голода,
Не накормить досыта.

Дома—гонить изъ дому,
Ведеть въ гости на горе;
Ломить, что ни вздумаетъ,
Поперекъ да на двое.

Ахъ, жена сварливая
Пошумить—уходится,
Съ пѣтухами поздними
Заснетъ—успокоится.

Доля безталанная
Весь день потѣшается,
Растолкаетъ соннаго—
Всю ночь насмѣхается.

Грозить мукой, бѣдностью,
Сулить дни тяжелые,
Смотрѣть велить соколомъ
Пѣсни пѣть веселыя.

Пѣсни тѣ веселыя
Свистомъ покрываются,
Послѣ пѣсенъ въ три ручья
Слезы проливаются.

XIII.

* *

Медленно движется время, —
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молнии насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками, —
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами, —
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднились съ нимъ.
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужить,
Листья зашепчуть: онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служить,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...

Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли—
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили
Дѣло настало живымъ.

XIV.

* * *

Незамѣнимая, безцѣнная утрата!
И вѣра въ будущность, и радости труда,
Чѣмъ жизнь была средь горести богата,—
Все сгублено безъ цѣли и плода!
Какъ хрупкое стекло, все въ дребезги разбито
Желѣзнымъ молотомъ судьбы!
Такъ вотъ зачѣмъ такъ много лѣтъ прожито
Въ тяжеломъ воздухѣ, средь горя и борьбы!
Осталась боль... Незримо и несмѣло,
Но врагъ подходить въ тишинѣ.
До времени изношенное тѣло
Горитъ на медленномъ огнѣ...
Жизнь обманула горько и обидно!
А все не вѣрится... все хочешь на пути,
Въ глухой степи, гдѣ зги не видно,
Хоть точку свѣтлую найти.
Но гдѣ-жь она? Гдѣ отдохнуть возможно?

Гдѣ путеводные, небесные огни?
Неужто кончатся такъ пошло и ничтожно
Слезами памятные дни?..

Такъ, полная тревожнаго волненья,
Не смѣя тишины дыханьемъ нарушать,
Младенца милаго послѣднія мгновенья
Тоскливо сторожить трепещущая мать.
Неужто онъ умереть? И, чуду вѣрить рада,
Въ слезахъ предъ образомъ ницъ падаетъ она,
Но часъ пробилъ. Едва зажженная лампада
Таинственной рукой погашена...

XV*).

Р а з г о в о р ы.

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добръ говоримъ,
Негодуюмъ на зло.

За родимый нашъ край
Наше сердце болить;
За прожитые дни
Мучить совѣсть и стыдъ.

Что намъ цвѣсть не даетъ,
Держить ростъ молодой, —
Такъ и бросилъ-бы съ плечъ
Этотъ хламъ вѣковой!

*) См. „Прииѣчанія“, стр. 3, № 2-й.

Гдѣ-жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ...
Подавайте примѣры!
Поучайте народъ!

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Какъ повѣрить словамъ—
По часамъ мы ростемъ!
Закричать: „помоги!“ —
Черезъ пропасть шагнемъ!

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!..

А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать,
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять;

Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ;
А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!.. .

XVI.

Н и щ і й.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходятъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветь.

Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Неохота-ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаянни,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ,
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

По-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
По-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ.

XVII.

П а х а р ь.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается;
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана,
Да камнями унижена.

Не слышать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ сидить,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричить.

Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ—понуриль голову,
Мужичекъ идетъ—шатается...

Ужъ когда-же ты, кормилецъ нашъ,
Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
Изъ земли ты роешь золото,
Самъ-то сытъ сухою коркою!

Зрѣетъ рожь—тебѣ заботушка:
Какъ-бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ -- тебѣ кручинушка:
Убирать ты не справишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай -- купцы спѣсивятся;
Годъ плохой -- въ семьѣ всѣ мучатся --
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои, да на горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

XVIII.

Деревенскій бѣднякъ.

Мужика-бѣдняка
Господь-Богъ наградилъ:
Душу теплую далъ
И умомъ надѣлилъ.

Да злодѣйка-нужда
И глупа, и сильна,
Закидала его
Соромъ, грязью она.

Бѣдимъ дымомъ въ избѣ,
И курной, и сырой,
Выѣдаетъ глаза,
Душитъ зимней порой.

То работа не въ мочь,
То расправа и судъ
Молодца-силача
Въ три-погибели гнуть.

Присмирѣль онъ, притихъ,
Рѣчи скупю ведетъ,
Изъ подлобья глядитъ,
Силу въ землю кладетъ,

Захирѣй его конь—
Бѣдный чортъ виновать,
Плаксу-бабу бранить
И голодныхъ ребятъ.

Пропадай, дескать, всѣ!..
На печь ляжетъ ничкомъ,
Вихорь крышу развѣй,
Съ горя все ни почему!

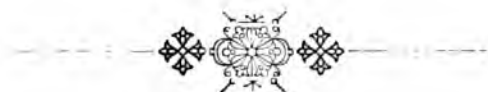
А какъ крикнуть: „пожаръ!“
Не зови и не тронь,—
За чужое добро
Радъ и въ дымъ, и въ огонь.

Коли хмѣль въ головѣ—
Загуляетъ душа:
Тутъ и горе прошло,
Тутъ и жизнь хороша.

На дворѣ подъ дождемъ
Онъ зипунъ распахнетъ,
Про лѣса, и про степь,
Да про Волгу поетъ.

Проспался, гдѣ упаль, —
И притихъ онъ опять:
Передъ всѣми готовъ
Шапку рваную снять.

Схватить немочь—молчить,
Только зубы сожметъ;
Скажутъ: смерть подошла, —
Онъ рукою махнетъ.

1858 г.

XIX.

Ночлегъ въ деревнѣ.

ушный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

Закоптѣлыя палаты,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряжи, плачь дитяти...
О, нужда, нужда!

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть!

XX.

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидить.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испытанъ лицомъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,
Притушился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ издушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печи не спрыгнетъ.

Старику не много надо:
Лапти сплестъ, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славить Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

XXI.

П р я х а.

Ночь и непогодь. Избушка
Плохо топлена.
Нитки бѣдная старушка
Сучить у окна.

Ужъ грозы-ль она боится,
Скучно-ли, — сидить,
Спать ложилась, да не спится,
Сердце все шемить.

И трещить-трещить лучина,
Свѣтъ на пряху льетъ.
Прожитая грусть-кручина
За сердце беретъ.

Бѣдность, бѣдности! Мужъ, бывало,
Хоть подчасъ и пилъ, —
Все жилось съ нимъ, горя мало,
Все жену кормилъ.

Вотъ подъ старость, какъ ужъ зрѣнье
Потерялъ на вѣкъ,
Потерялъ онъ и терпѣнье —
Грѣшный человѣкъ!

За сохой ходить—не видитъ,
Побираться—стыдъ,
Тутъ безвинно кто обидить,—
Онъ молчить, молчить...

Плюнетъ, срамными словами
Долю проклянетъ,
И зальется вдругъ слезами,
Какъ дитя реветъ...

Такъ и умеръ. Богъ помилуй—
Вотъ морозъ-то былъ!
Бились-бились! Сынъ могилу
Топоромъ рубилъ!...

Паренёкъ тогда былъ молодъ,—
Выросъ, возмужалъ...
Чтò за сила! Въ зной и холодъ
Устали не знали!

Поведеть-ли рѣчь, бывало,—
Чтò старикъ ведеть;
Запоеть при зорькѣ алой,—
Слушать,—духъ замреть...

Человѣкъ-ли утопаетъ,
Иль изба горить,
Чтò бъ ни дѣлалъ—все бросаетъ—
Помогать бѣжить.

И веселье, и здоровье
Далъ ему Господь;
Будь хоть камень изголовье,
Легъ онъ—и заснетъ...

Справить думаль онъ избушку,
Въ бурлаки пошелъ;
Нѣтъ! Беречь ему старушку
Богъ ужъ не привель.

Приусталь подь лямкой, въ стужу
До костей промокъ,
Платье—ветошь, грудь наружу,
Заболѣлъ и слегъ.

Умеръ, бѣдный! Мать узнала,—
Слезъ что пролила!
Умъ и память потеряла,
Грудь надорвала!

И трещить-трещить лучина,
Ниткъ нѣтъ конца,
Мучить пряху грусть-кручина,
Нѣтъ на ней лица.

Плачь да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышетъ,
Смотрить: по селу

Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ,
Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ,
Въ улицѣ пустой;

Звѣзды искрятся... А вьюга
Въ ворота стучить...
И старушка отъ испуга
Чуть жива сидитъ.

XXII.

Въ альбомъ Е. А. П—вой.

Съ младенчества дикарь печальный,
Больной, съ изношеннымъ лицомъ,
Съ какой-то робостию тайной
Вхожу я въ незнакомый домъ.

Но гдѣ привыкъ, гдѣ я встрѣчаю
Хозяйки милое лицо,—
Тутъ все забыто: я вбѣгаю
Здоровъ и веселъ на крыльцо.

Вотъ такъ и здѣсь: я точно дома;
Мнѣ отраднo и тепло;
И радъ я на листкѣ альбома
Писать, что въ голову пришло.

Хозяйка милая, я знаю,
Мнѣ все простить, она добра;
И сталь неловкаго пера
Я неохотно покидаю.
Хотѣлъ бы вновь писать, писать—
До безконечности болтать.

XXIII.

Въ альбомъ А. Н. О—вой.

Послушный вашему желанью,
Беру перо, сажусь писать:
Грѣшно прекрасному созданью
Въ невинной просьбѣ отказать.

Конечно, жалъ! я васъ не знаю;
Увы! скорбѣть моя душа!
Молвъ я съ жадностью внимаю,
Что вы, какъ ангель, хороша.

Но все равно. Идите съ Богомъ,
Мои стихи! Счастливый путь!
Отрадной встрѣчи мнѣ залогомъ
Послужите когда-нибудь.

Какъ угадать! Сѣдой и хилый,
Когда весь сморщусь и согнусь.
Авось съ красавицею милой,
Лѣтъ черезъ десять, я сойдусь.

Въ тотъ мигъ—его воображаю—
Добра, прекрасна, молода,
Она мнѣ скажетъ: „я васъ знаю.“
И буду счастливъ я тогда.

„Я съ вами ужъ давно знакома...“
И этихъ строкъ напомнить рядъ,
Покажетъ мнѣ листокъ альбома,
И я отвѣчу: виновать!

Позвольте... эта встрѣча съ вами...
И волю дамъ карандашу,
И вдохновенными стихами
Ея портретъ я напишу.

XXIV.

* * *

Въ небѣ радуга сіяетъ;
 Розы дождикомъ омыты,
 Солнце въ зелени играетъ,
 Темный садъ благоухаетъ,
 Кудри золотомъ покрыты.

Свѣтъ и тѣнь подъ деревьями
 Переходятъ, какъ живые;
 Мошь унизанъ огоньками;
 Надъ душистыми цвѣтами
 Вьются пчелы золотыя.

Въ чашѣ,—свиста переливы,
 Стрекотня и пѣсенъ звуки.
 Подлѣ ты, мой другъ стыдливый...
 Слава Богу! мигъ счастливый
 Уловилъ я въ часъ разлуки.

XXV *).

* * *

Въ темной чашѣ замолкъ соловей,
 Прокатилась звѣзда въ синевѣ;
 Мѣсяцъ смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
 Зажигаетъ росу на травѣ.

См. „Примѣчанія“, стр. 4. № 3-й.

Дремлють розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... вотъ замерь и свистъ.
Ухо слышитъ, — едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листь.

Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я-бъ продлилъ безъ конца, безъ конца!

XXVI.

* * *

Помнишь?— съ алыми краями
Тучки въ озерѣ играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки въ лѣсъ скакали.

Табуномъ своимъ покинуть,
Конь въ водѣ остановился
И, какъ будто опрокинуть,
Недвижимъ въ ней отразился.

При зорѣ румяной колосъ
Сквозь дремоту улыбался;
Лѣсъ синѣлъ. Кукушки голосъ
Въ сонной чашѣ раздавался.

По полянѣ передъ нами —
Что ни шагъ— цвѣты пестрѣли,
Тѣнь бродила за кустами,
Краски вечера блѣднѣли...

Трепетъ сердца, упоенье,—
 Вамъ въ слова не воплотиться!
 Помнишь!.. Чудныя мгновенья!
 Суждено-ль имъ воротиться?

XXVII.

Горькія слезы.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh
 Das will die Brust zersprengen.
 Н е и е.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
 Я жизнь разстратилъ безъ плода,
 И вотъ проснулась совѣсть-мститель
 И жжетъ лицо огнемъ стыда.

Чужой бѣдой я волновался,
 Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь,—
 И все молчалъ, и все боялся,
 И никому не могъ помочь.

Убить нуждой, убить трудами,
 Мой братъ и чахъ, и погибалъ,
 Я закрывалъ лицо руками—
 И плакалъ, плакалъ—и молчалъ.

Я слышалъ злу рукоплесканья
 И все терпѣлъ, едва дыша;
 Подъ пыткой негодованья
 Молчала рабская душа!

Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
 Тропой пробитою я шель:

Святую личность человека
До пошлой мелочи низвелъ.

Ты-ль это жизнь, къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы! отмѣчена ты кровью,
Насмѣшка страшная судьбы!

XXVIII.

* * *

Мнѣ, видно, нѣтъ иной дороги—
Она лежитъ... иди впередъ,
Тащись, покуда служить ноги,
А впереди—что Богъ пошлетъ.

Все грязь, да грязь... Господь помилуй!
Устанешь—духъ переведешь,
Опять впередъ! хоть не подъ силу,
Хоть плакать въ пору,—все идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука,
Нѣтъ воли сердцу и уму...
Изъ-за чего вся эта мука—
Извѣстно Богу одному!

Ужъ пусть-бы радость пропадала
Для блага хоть чьего нибудь,
Была-бы цѣль—душа-бъ молчала,
Имѣль-бы смыслъ тяжелый путь;

Такъ нѣтъ! какой-то врагъ незримый
Изъ жизни пытку создаетъ
И, какъ палачъ неумолимый,
Надъ жертвой хохотъ издаетъ.

XXIX*).

* *

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы—
Только васъ вспомнишь, — улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила;
Прыгаетъ котъ, шевелить его лапкой;
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
Двигается сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Прогнали сонъ мой рассказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая—
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ—дрожить...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
„Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою“...

*) См. „Примѣчанія“, стр. 4, № 4-й.

Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
 Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
 Сплю и не сплю я... лампада горить...
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

Вѣчная память, веселое время!
 Грудь мою давить тяжелое бремя,
 Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
 Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
 Гдѣ вы, веселье, и сонъ, и здоровье?
 Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
 Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

XXX *).

* *

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
 Золотыя да яркія перья!
 Прилетитъ, —вся душа встрепенется,
 Передъ смертью больной улыбнется!

Ужъ зазвать-бы мнѣ радость обманомъ,
 Задержать и мольбою и лаской:
 Отъ тумана глаза-бъ прояснились,
 На веселый ладъ пѣсни-бъ сложились,

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
 Безъ разсвѣта, да съ холодомъ, съ вѣтромъ...
 При тебѣ —вся краска изсушится,
 При тебѣ въ головѣ помутится.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 4, № 5-й.

Ужь и будь ты, кручинушка, пепломъ—
 Весь-бы по полю въ бурю развѣялъ,
 Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
 Да на сердцѣ смола не кипѣла.

XXXI.

Опять знакомыя видѣнья!
 Опять, подъ дѣтскій смѣхъ и шумъ,
 Прожитый день припомнилъ умъ,
 Проснулось чувство отвращенья!
 О, Боже правый! вотъ она
 И лжи, и подлостей страница,—
 На каждой буквѣ кровь видна...
 Какой позоръ! Вотъ эти лица
 Ханжей, предателей, льстецовъ,
 Низкопоклонниковъ, рабовъ,
 Рабовъ разчета и разврата,
 Рабовъ бездушныхъ, ледяныхъ,
 Рабовъ, продать готовыхъ брата,
 И друга, и дѣтей родныхъ,
 Рабовъ бездѣлья, скуки праздной,
 Страстишекъ мелкихъ и заботъ...
 И ты, въ своей одеждѣ грязной,
 Нашъ бѣдный труженикъ-народъ,
 Несущій крестъ свой терпѣливо,
 Ты,—за кого краснорѣчиво
 Ведемъ мы споръ, добро любя,
 Пора-ль на свѣтъ вести тебя,—
 И ты мнѣ вспомнился...

Угрюмо,
 Въ печальной долѣ хлѣбу радъ,
 Ты мимо каменныхъ палатъ
 Идешь на трудъ съ тупою думой,

Полуодѣтъ, полуобутъ,
 Нуждой безжалостной согнуть...
 Неужто, молодое племя,
 Въ тебѣ воскреснетъ наше время,
 Развратъ души, развратъ ума,
 И лѣнь, и мелочность, и тьма?
 Намъ нѣтъ изъ пропасти исхода...
 Влачась и въ прахѣ, и въ пыли,
 О, еслибъ мы сказать могли:
 „Вамъ, дѣти, счастье и свобода,
 Широкий путь, разумный трудъ!..
 Увы! невѣдомъ Божій судъ!

XXXII.

Пѣсня бобыля.

Ни кола, ни двора,
 Зипунъ—весь пожитокъ...
 Эхъ, живи—не тужи,
 Умрешь—не убытокъ!

Богачу-дураку
 И съ казной не спится;
 Бобыль голъ, какъ соколъ,
 Поетъ-веселится.

Онъ идетъ, да поетъ,
 Вѣтеръ подпѣваетъ;
 Стронись, богачи!
 Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоять по бокамъ,
 Отдаетъ поклоны...

Эхъ, присвистни, бобылы!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь-ли, не плачь,—
Слезъ никто не видитъ;
Оробѣй, загорюй,—
Курица обидить.

Ужъ ты сытъ-ли не сытъ,—
Въ печаль не давайся,
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ, да умремъ,—
Будетъ голь пригрѣта..
Разумѣй, кто уменъ,—
Пѣсенка допѣта!

XXXIII.

* * *

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ.
Сталъ онъ на дворъ лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянь,
Вышелъ на улицу веселъ и пьянь.
Собралъ онъ дѣвокъ-красавицъ въ кружокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
„Пей—пропивай! Проживемъ—наживемъ!..
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ,
Шутятъ, и пляшутъ, и пѣсни поютъ.

Ухарь-купецъ подпѣваетъ — свистить,
О земь ногой молодецки стучить.

Синее небо, и сумракъ и тишь,
Смотрится въ воду зеленый камышъ,
Полосы свѣта по рѣчкѣ лежатъ;
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.
Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣкой слышна,
По лугу льется, по чащѣ лѣсной...
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой;
Бѣлый, какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаётъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красotka за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги, — ихъ зависть беретъ,
Вотъ, молъ, упрямецъ счастье идетъ.
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смекнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ,
Сѣдъ онъ и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ — и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна, смѣла,
Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла,
„Полно, косатикъ, отстань — не балуй!
Дѣвки моей не позорь, — не цѣлуй!“
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
— Нѣтъ, такъ не надо... другую найдемъ... —
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать,
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять.

Звѣздная ночь и ясна, и тепла.
Дѣвичья пѣсня давно замерла.

Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
Спитъ въ зипунишкѣ и старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.—
Молится Богу старуха жена,
Плакать-бы надо,—не плачетъ она.
Дочь ихъ—красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила.
Что тутъ за диво! и замужъ пойдетъ...
То-то, чай, дѣтокъ на путь наведетъ!..

XXXIV.

М е р т в о е т ѣ л о .

Парень-извозчикъ въ дорогѣ продрогъ,
Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ.

Въ грязной избѣ онъ на печкѣ лежитъ
Горло распухло, чуть-чуть говоритъ.

Ноетъ душа отъ тяжелой тоски:
Пашни родныя куда далеки!

Какъ на чужой сторонѣ умереть!
Хоть бы на мать, на отца поглядѣть!..

Въ горѣ товарищи держать совѣтъ!
„Ну-ка умереть,—попадемъ мы въ отвѣтъ

„Изъ дому паспортовъ не взяли мы—
Ну-ка умреть,—не уйдемъ отъ тюрьмы!“

Дворникъ встревоженъ, священника ждетъ;
Медленнымъ шагомъ священникъ идетъ.

Встали извозчики, всталъ и больной!
Свѣчка горитъ предъ иконой святой,

Бѣлая скатерть на столъ постлана.
Въ душевной избѣ тишина, тишина...

Кончилъ молитву священникъ съдой,
Вышли извозчики за дверь толпой.

Парень шатается, дышетъ съ трудомъ,
Старецъ стоитъ недвижимъ со крестомъ.

„Страшенъ сулъ Божій, покайся, мой
сынъ!
Богъ тебя слышитъ, да я лишь одинъ“...

„Батюшка!.. грѣшенъ!..“—больной просто-
наль;
Паль на колѣни и громко рыдалъ...

Грѣшника старецъ во всемъ разрѣшилъ,
Крови и плоти святой приобщилъ...

Сѣлъ—написалъ: вотъ такой приобщенъ.
Дворнику легче: исполненъ законъ.

Полночь. Всѣ въ домѣ уснули давно,—
Въ душевной избѣ, какъ въ могилѣ, темно.

Скупо въ углу рукомойникъ течеть,
Капля за каплею звукъ издаеть.

Мѣрно кузнечикъ куеть въ тишинѣ,
Кто-то невнятно бормочеть во снѣ.

Вѣтеръ печально поеть подѣ окномѣ,
Воеть-голосить, Господь вѣсть, по комъ.

Тошно въ потьмахъ одному мужику:
Сны-вѣщуны навѣвають тоску.

Съ жесткой постели, въ раздумьи, онъ всталъ,
Ощупью печь и лучину сыскалъ,

Красное пламя изъ угля добылъ
Ярко больному лицу освѣтилъ.

Тихъ онъ лежитъ, на лицѣ доброта,
Впалыя щеки бѣлѣе холста.

Свѣсились кудри, открыты глаза,
Въ мертвыхъ глазахъ не обсохла слеза.

Вздрыгнулъ извозчикъ, „Ну, вотъ, дожда-
лись!“
Дворника будить: проснись, подымись!

— Чтѣ тамъ?— „Товарищъ нашъ мертвый ле-
жить“...
Дворникъ вскочилъ, какъ безумный, глядитъ.

— Охъ, попадете, ребята, въ бѣду!
Вы попадете и я попаду!

„Какъ-это паспортовъ, какъ не имѣть?
Знаешь—начальство... не станеть жалѣть!..“

Вдругъ у него на душѣ отлегло.
Тс!.. далеко-ли, братъ, ваше село?

„Версть этакъ двѣсти... не близко, родной!“
— Нечего мѣшкать! ступайте домой!

„Мертваго можно одѣть-снарядить,
Въ сани ввалить, да веретьемъ покрыть;

Подлѣ села его выньте на свѣтъ:
Умеръ дорогою—вотъ и отвѣтъ!“

Думаетъ—шепчетъ проснувшійся людъ,
Ѣхать не радость, не радость и судъ.

Помочи, видно, тутъ нечего ждать...
Быть тому такъ, что покойника взять!

Бѣлѣть снѣгъ въ степи глухой,
Стоить на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и старъ, и сѣдъ,
Блестить на немъ мороза слѣдъ.
Просторъ и сонъ, могильный сонъ,
Туманъ, что дымъ, со всѣхъ сторонъ;
А глубь небесъ въ огняхъ горить,
Вкругъ мѣсяца кольцо лежить;
Звѣзда звѣздѣ привѣты шлетъ,
Холодный свѣтъ на землю льетъ;
Въ степи глухой обозъ скрипитъ.
Передній конь идетъ—храпить:
Продрогъ мужикъ, глядитъ на снѣгъ,

Съ ума нейдетъ въ селѣ ночлегъ;
Въ своемъ селѣ онъ сонъ найдетъ.
Теперь его все страхъ беретъ:
Мертвецъ за нимъ въ саняхъ лежитъ,
Живому степь бѣдой грозитъ.
Мелькнула тѣнь, зашла впередъ,
Растетъ сѣдой и рѣчь ведетъ:
„Мертвецъ въ саняхъ! мертвецъ въ саняхъ!..“
Вскочилъ мужикъ, на сердцѣ страхъ,
По тѣлу дрожь, тоска въ груди...
„Товарищи! сюда иди!
Эй, дядя Петръ! Мертвецъ встаетъ!
Мертвецъ встаетъ, ко мнѣ идетъ!“
Извошки на кличъ бѣгутъ,
О чудѣ рѣчь въ степи ведутъ.
Блеститъ ковыль, сквозь чуткій сонъ
Людскую рѣчь подслушалъ онъ...

Вотъ ужъ покойникъ въ родимомъ селѣ.
Убранъ, лежитъ на дубовомъ столѣ.
Мать къ мертвецу припадаетъ на грудь:
„Соколъ мой ясный, скажи что-нибудь!
Какъ безъ тебя мнѣ свой вѣкъ коротать,
Горькое горе встрѣчать, провожать!..“
— Полно, старуха! Ей мужъ говоритъ,
Полно, косатка!“—и плачетъ навзрыдь.
Чу! колокольчикъ звенить и поетъ...
Ближе и ближе—и смолкъ у воротъ.
Грозный чиновникъ въ избушку спѣшитъ,
Дверь отворилъ, на порогъ кричитъ:—
Эй, старина! понятыхъ собери!
Слышишь, каналья? да живо, смотри!
Все онъ провѣдалъ, про все разузналъ,
Доктора взялъ и на судъ прискакалъ.

Трупъ обнажили. И вотъ, въ торопяхъ,
Въ фартукѣ бѣломъ, въ зеленыхъ очкахъ,
По локоть докторъ рукавъ завернулъ.
Острою сталью надъ трупомъ сверкнулъ.
Вскрикнула мать: „не дадимъ, не дадимъ!
Сынъ это мой! не ругайся надъ нимъ!
Сжался, родной! отступись-отойди!
Мать свою вспомни... во грѣхъ не входи!“
— „Вывести бабу!“—чиновникъ сказалъ.
Докторъ на трупѣ пятно отыскалъ.
Бѣднымъ извозчикамъ сдѣланъ допросъ,
Обнялъ ихъ ужасъ—и кто что понесъ...
Жаль васъ, родимые! жаль, соколы!
„Эй, старшина! подавай кандалы! —

1859 г.

XXXV.

Старый слуга.

охнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спать на-пролеть:
Барскимъ добромъ поклепали,
Воромъ вся дворня зоветъ.

Не ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ...
Какъ его въ прежніе годы
Старый слуга мой любилъ!

Въ курточкѣ красной, бывало,
Весель, завить и румянь,
Прыгаетъ, бьетъ, какъ попало,
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ;

Бьетъ и кричить, и смѣется,
Дѣтскою саблею звенить;
Вдругъ къ старику повернется —
„Смирно!“ и ножкой стучить.

Ниткой его зануздаетъ,
* На спину сядетъ верхомъ,
Въ шутку кнутомъ погоняетъ,
Влетъ по залѣ кругомъ.

Радъ мой старикъ—и проворно
На четверенькахъ ползетъ.
„Стой!“—и онъ станетъ покорно,
Бровью сѣдой не моргнетъ.

Ручку-ль барчукъ шаловливый,
Ножку-ль убьетъ за игрой,—
Вздрогнетъ слуга боязливый:
„Баринъ ты мой золотой!“

Шопотомъ тужить, горюетъ:
„Не досмотрѣлъ я, злодѣй!“
Барскую ножку цѣлуетъ...
„Бей меня, батюшка, бей!“

Тошно подъ барской опалой!
Недруговъ страшенъ навѣтъ!
Пусть-бы ужъ много пропало,—
Ложки серебряной нѣтъ!

Смотрить старикъ за овцами,
На ноги лапти надѣлъ,
Плечи покрылъ лоскутами,—
Такъ ему баринъ велѣлъ.

Плакалъ бѣднякъ, убивался,
Вслухъ не винилъ никого:
Рабъ своей тѣни боялся,—
Такъ напугали его.

*

Господи! горе и голоды!..
Долго-ли чахнуть въ тоскѣ?..
Вырвался какъ-то онъ въ городъ
И—загулялъ въ кабакъ.

Пей, безталанная доля!
Пилъ онъ, и пѣлъ, и плясалъ...
Волюшка, милая воля,
Гдѣ-же твой свѣтъ запропалъ.

И потащился полями
Пьяный въ родное село.
Вьюга неслась облаками,
Вѣтромъ лицо его жгло.

Снѣгъ заметалъ одѣжонку,
Сонъ горемыку клонилъ...
Легъ онъ, надвинулъ шапченку,
И середь поля застылъ.

XXXVI.

* * *

Живая рѣчь, живые звуки,—
Зачѣмъ вамъ чужды плоть и кровь?
Я въ васъ облекъ-бы сердца муки—
Мою печаль, мою любовь.

Въ груди огонь, въ душѣ смятенье
И подавленной страсти стонъ,
А ваше мѣрное теченье
Наводитъ скуку или сонъ...

XXXVIII.

И дождь, и вѣтеръ. Ночь темна.
Въ уснувшемъ домѣ тишина:
Никто мнѣ думать не мѣшаетъ.
Сижу одинъ въ своемъ углѣ.
При свѣчкѣ весело играетъ
Полоска свѣта на окнѣ.

Я радъ осенней непогодѣ:
Мнѣ шумъ толпы невыносимъ.
Я, какъ дикарь, привыкъ къ свободѣ,
Привыкъ къ стѣнамъ моимъ роднымъ...
Здѣсь все мнѣ дорого и мило,
Хоть радости здѣсь мало было...

Святая ночь! Теперь я чуждъ
Дневныхъ тревогъ, засушенныхъ нуждъ.
Онѣ забыты. Жизни полны.
Видѣнья свѣтлыя встаютъ;
Изъ глубины души, какъ волны,
Слова послушныя текутъ.

И грустно мнѣ мой трудъ отрадный,
Когда въ окно разсвѣтъ блеснетъ,
Мѣнять на холодъ беспощадный,
На бремя мелочныхъ заботъ...
И снова жажду я досуга
И темной ночи жду, какъ друга.

XXXIX.

М о г и л а д и т я т и.

(Посвящается Н. И. Второву).

Надъ твоей могилой
Солнышко сіяетъ;
Въ зелени сирени
Птичка распѣваетъ.

Вьются—распѣвають
Пчелы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ темными листьями.

Спишь-ли ты, малютка,
Или такъ лежится?..
Встань и полюбуйся,
Чтѣ кругомъ творится.

Всталь-бы ты,—нѣтъ воли;
Тѣсный домъ твой проченъ,
Выходъ на свѣтъ Божій
Крѣпко заколоченъ.

Спи, дитя! Едва-ли
Стоить просыпаться,
На людское горе
Сердцемъ надрывать.

Наша жизнь земная,
Право, незавидна;
Спи дитя родное,
Суждено такъ, видно.

Сонъ твой—сонъ отраднѣй.
Крестъ и камень бѣлый
Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣло.

Перелетнымъ гостямъ
Благодать святая—
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая.

Пьетъ шалунья-птичка,
Брызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ.

XL.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
 Дни невеселые, сердцу тяжелые!
 Глянешь назадъ,—точно степь неоглядная,
 Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!

Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
 Все-то зачахло, да сгибло безъ времени,
 Спать точно мертвое, спать какъ убитое,
 Солнышкомъ Божьимъ на вѣки забытое.

Солнышко Божье на свѣтъ поскупилось,
 Счастье-веселье на зовъ не явилось;
 Горькое горе безъ зову нагрянуло,
 При горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
 Дни невеселые, сердцу тяжелые!
 Радъ-бы забыть васъ, да что-жь мнѣ останется,
 Чѣмъ моя жизнь при бездоли помянется?

XLI.

* * *

Я радъ молчать о горѣ старомъ,
Мнѣ къ чернымъ днямъ не привыкать;
Но вотъ вопросъ: неужто даромъ
Мнѣ нужно слезы проливать?

Утраты, нужды и печали,
Къ чему меня вы привели?
Какой мнѣ путь вы указали,
Какое благо принесли?

Дождусь ли я успокоенья
Отъ лукъ разумнаго плода?
Рѣши ты, жизнь, мои сомнѣнья,
Когда ты смысла не чужда!

Но если ты полна позора,
Обмана, мелочныхъ заботъ,—
Во что́-же вѣрить? Гдѣ опора?
Изъ темной пропасти исходъ?

Исходъ!... едва-ли онъ возможенъ:
Душа на скорбь осуждена,
Уснуло сердце, умъ встревоженъ;
А даль темна, какъ ночь темна.

Ужь не пора-ли лечь въ могилу:
Усопшихъ сонъ невозмутимъ...
О, Боже мой! пошли Ты силу
И миръ душевный всѣмъ живымъ!

XLII *).

Поэту-обличителю.

Обличитель чужаго разврата,
Проповѣдникъ святой чистоты,
Ты,—что камень на падшаго брата
Поднимаешь,—сойди съ высоты!

Ужь не первый въ величьи суровомъ,
Врагъ неправды и лѣни тупой,
Какъ гроза, своимъ огненнымъ словомъ
Ты паришь надъ послушной толпой.

Дышетъ рѣчь твоя жаркой любовью,
Безъ конца ты готовъ говорить,
И, подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему радъ ты купить.

Что-жь ты сдѣлалъ для края роднаго,
Безкорыстный мудрецъ-гражданинъ?
Укажи, гдѣ для дѣла благаго
Потерялъ ты хоть волосъ одинъ?

Твоя жизнь, какъ и наша, бесплодна,
Лицемерна, пуста и пошла...
Ты не понялъ печали народной,
Не оплакалъ ты горькаго зла.

Нишій духомъ и словомъ богатый,
По-наслышкѣ о всемъ ты поешь,

*) См. „Примѣчанія“, стр. 5, № 6-й.

И безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы,
За свою всенародную ложь.

Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лѣнь!
Покажись, съ своей жизнію новой,
Темноту прогоняющій день!

Передъ нами нѣмыя могилы,
Позади—одна горечь потерь...
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь.

Много поту тобою прольется,
И, быть можетъ, въ глуши, безъ слѣдовъ,
Очистительныхъ жертвъ принесется
Въ искупленіе отцовскихъ грѣховъ.

Не легка твоя будетъ дорога,
Но иди,—не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкіе въ бурю несутъ.

Безконечное мысли движеніе,
Царство разума, правды святой,—
Вотъ прямое твое назначеніе,
Добрый подвигъ на почвѣ родной!

XLIII.

Теперь мы вышли на дорогу,
Дорога,—просто благодать.
Ужъ не сказать-ли: слава-Богу,
Трудъ совершенъ! Чего желать?

Душѣ просторъ, уму свобода!..
Да, умъ нашъ многое постигъ:
О благѣ бѣднаго народа
Мы написали грудѣ книгъ.

Всѣ эти дымныя избенки,
Гдѣ въ полумракѣ, въ темнотѣ,
Полунагіе ребятенки
Ростутъ въ грязи и въ нищетѣ,

Гдѣ по ночамъ горитъ лучина,
И, рабъ нужды, при огонькѣ,
Сѣдой, какъ лунь, старикъ-кручина
Плететъ лаптишки въ уголкѣ;

Гдѣ жница-мать въ широкомъ полѣ,
На вѣтрѣ, въ нестерпимый зной,
Забывъ усталость по неволѣ,
Малютку кормитъ подъ копной.

Ея уста спеклися кровью,
Работой грудь надорвана...
Но, Боже мой, съ какой любовью
Малютку пѣстуетъ она!

Все это нынѣ мы узнали,
И, наконецъ,—о, мудрый вѣкъ!—
Какъ дважды-два мы доказали,
Что и мужикъ нашъ—человѣкъ.

Все суета!.. махнемъ рукою!..
Нашъ чернь не слушаетъ, молчить,
Упрямо ходитъ за сохою
И недовѣрчиво глядитъ.

Покамѣсть умъ нашъ созидаетъ
Дворцы да башни въ облакахъ,
Горячій потъ она роняетъ
На нивахъ, гумнахъ и дворахъ,

Въ глухой степи, въ лѣсной трущобѣ,
Средь улицъ селъ и городовъ,
И, утомясь, въ досчатомъ гробѣ
Опочиваетъ отъ трудовъ.

Чѣмъ это кончится?.. Едва-ли,
Ничтожной жизни горькій плодъ,
Не ждутъ насъ новыя печали,
На мѣсто прожитыхъ невзгодъ!

XLIV.

П о м и н к и.

Ни тучи, ни вѣтра, и поле молчить;
Горячее солнце и жжетъ, и палить.
И пылью покрытая, будто мертва,
Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава
И слышится только въ молчаніи дня
Веселыхъ кузнечиковъ звонъ—трескотня.

Средь чистаго поля конь-пахарь лежитъ;
На трупъ коня воронъ черный сидитъ,
Кровавый свой клювъ поднимаетъ порой
И каркаетъ, будто вѣщунъ роковой.
Эхъ, конь безотвѣтный, слуга мужика,
Была твоя служба вѣрна и крѣпка!
Побой и голодъ—ты все выносишь
И духъ свой на пашнѣ, въ сохѣ, испустилъ.

Мужикъ горемычный рукою махнулъ,
И снялъ съ него кожу и, молча, вздохнулъ,
Вздохнулъ и заплакалъ: „ничто, молъ, не въ прокъ“!
И кожу сырую въ кабакъ поволокъ.
И пѣлъ онъ тамъ пѣсни, свисталъ соловьемъ:
„Пускай пропадаетъ! гори все огнемъ!“
Со смѣха народъ головами качалъ:
„Смотри, молъ, ребята! онъ умъ потерялъ,
Со зла свое сердце гульбой веселить,
По мертвой скотинѣ поминки творить!“

XLV.

На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуетъ;
На камнѣ мужикъ одиноко горюетъ:
У ногъ его кучами пепель лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчитъ.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ дырявой,
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ не два онъ терялъ свою силу:
На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу,
Онъ клалъ ее дома, съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ на чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ доли,
Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
И трескалась кожа... да что за бѣда!
Ужъ видно не жить мужику безъ труда!

Упорной работы соха не сносила,
 Ломалась, и въ полѣ другая ходила;
 Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
 И только выдерживалъ пахарь-мужикъ.

Просиль, безотвѣтный, не счастья у неба,
 Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба...
 Подкралась бѣда,—все метлой подмела,—
 У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола.

Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
 Все вынесло сердце: и ужась пожара,
 И матери старой пронзительный стонъ
 Въ то время, какъ въ полмя кинулся онъ

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели,
 За нимъ по-слѣдамъ потолоки загремѣли...
 „Пускай догораютъ!..“ И нищій мужикъ
 Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

XLVI *).

П о р т н о й.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
 Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
 Радъ-бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
 Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
 Бѣдность голодная, грязью покрытая,
 Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,

*) См. „Примѣчанія“, стр. 5, № 7-й

Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за-полночь,
Гибнетъ она—и никто нейдетъ на помощь,
Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынь—эта пѣснь веселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещить, и воетъ выюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растутъ сугробъ.
И, молчаливый, будто гробъ,
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита,
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣтъ иней на стѣнахъ,
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ.

Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
Портной озябъ. Онъ нездоровъ
И головой поникъ въ истомѣ:
Печальна жизнь его была,
Печально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно:
Съ крыльца ребенокомъ онъ упалъ,
На камняхъ ногу изломалъ,

Его поѣкли безпощадно...
Не умеръ онъ. Полубольнымъ
Все росъ, да росъ. Но чѣмъ кормиться?
Что въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился, бѣдный,—все не радость:
Жена не долго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Ужъ кровью кашляетъ она.
И все прядеть, прядеть все пряжу,
Иль, молча, спицами звенить,
Перчатки вяжетъ на продажу,
И все грустить, и все грустить.
Робка, какъ птичка полевая,
Живетъ одна, живетъ въ глуши,
Въ глухую полночь, чуть живая,
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ.
Его глаза глядятъ безъ цѣли,
Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежить и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца...
„Что-жь ты не спишь?“ она сказала,
— Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло...
Ты не озябла?—„Мнѣ тепло...“

И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ.
Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?

Суму надѣтъ, иль воромъ быть?
О, будь ты проклятъ, страшный голодь!
Куда идти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожить...
Хотѣлъ заплакать,—слезъ не стало...
И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ,—на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать? Неловко было...
Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ; а сердце ныло...
И, наконецъ, онъ шапку снялъ,
„Послушай, сжался, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя-ли тутъ, вотъ въ сторонѣ,
Могилу приготовить мнѣ?“
— Ого? — могильщикъ улыбнулся,
Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь,—зароютъ, не грусти..
Грѣшно болтать-то безъ пути... —
„Зароютъ, другъ мой, я не спору.
Вѣдь, дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить поидетъ она
Кого!.. Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой, братъ!..“
— Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будетъ не легко.—

„Ты какъ... не очень глубоко,
Не очень... вся-таки могила!
Просить и совѣстно,—нужда!“
— Пожалуй, вырыть не бѣда!

III.

И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
Въ бреду онъ громко говорить,
Что Божій гнѣвъ ему грозить,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ,
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: „полно, ради Бога!
У насъ тепло, обита дверь,
И чай налить: онъ есть теперь,
И есть дрова, и хлѣба много,—
Все дали люди... Встань, родной!“
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— „Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется...“
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

XLVII.

* * *

За прялкою баба въ понявѣ сидитъ;
Ребенокъ больной въ колыбели лежитъ,
Лежитъ онъ и въ ротъ не беретъ молока,
Кричитъ онъ безъ умолку—слушать тоска!

Торопится баба: рубашка нужна;
Совсѣмъ-то, совсѣмъ обносилаь она:
Надѣтъ-то ей нечего,—просто напастъ!
Прядетъ она ночью, днемъ некогда прядетъ.

И за полночь ярко лучина горитъ,
И грудь отъ сидѣнья щемитъ и болитъ,
И взглядъ притупился, устала рука...
Дитя надывается, — слушать тоска!

Пришлось по-неволѣ работу бросать.
„Ну, чтò мое дитятко? молвила мать:
Усни себѣ съ Богомъ, усни въ тишинѣ!
Вѣдь, некогда, дитятко, некогда мнѣ!“

И баба садится, и снова прядетъ,
И снова покою ей крикъ не даетъ.
„Молчи, говорю! мнѣ самой до себя!
Ну, чѣмъ-же теперь исцѣлю я тебя?“

Поютъ пѣтухи; видно, скоро разсвѣтъ:
Дымится лучина, и гаснетъ—и нѣтъ;
Притихъ онъ и глазки сомкнулъ.
Уснулъ онъ, — да только ужъ на вѣкъ уснулъ.

XLVIII.

М а т ь и д о ч ь.

Худа, ветха избушка
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать-старушка,
Какъ полотно, блѣдна.

Бѣдняжка потеряла
Свои глаза и умъ
И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.

Все пѣсни распѣваетъ,
Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догораетъ,
Какъ въ лампѣ огонекъ.

А дочь, съ восходомъ солнца,
Иглу свою беретъ,
У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.

Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣнливо день идетъ,
Докучныхъ мухъ жужжанье
Покоя не даетъ.

Старушки тихій голосъ
Безъ-умолку звучить...
И гнется дочь, какъ колосъ,
Тоска въ груди кипить.

Народъ неустомимо
По улицѣ снуетъ,
Идетъ все мимо, мимо, —
Богъ-вѣсть куда, идетъ.

Ужъ ночь. Темно въ избушкѣ,
И некому мѣшать;
Осталось — къ подушкѣ
Припасть, — и зарыдать.

XLIX.

П о г о с т ь.

Глубина небесъ синѣеть,
Свѣтитъ яркая луна,
Церковь въ сумракѣ бѣлѣть,
На погостѣ тишина.

Тишина—не слышно звука,
Не горить огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спитъ въ кормилицѣ землѣ.

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
Проникають въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

1861 г.

L*).

Х о з я и н ъ.

пряженъ въ телѣгу конь косматый,
Откормленъ на диво овсомъ,
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
Купцу дай Господи пожить:
Широкоплечъ, какъ клюква красенъ,
Казной отъ бѣды обезопасенъ,
Здоровъ,—о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюетъ.
Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидитъ на мельницѣ, пируетъ.
Вода реветъ, вода шумитъ,
Отъ грома мельница дрожитъ,
Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами—
И стукотня, и пыль кругомъ...
Купецъ мой рюмку поднимаетъ

*) См. „Примѣчанія“, стр. 5, № 8-й.

Кулакомъ объ столъ стучить.
„И выпью!.. кто мнѣ помѣшаетъ?
„И пью... самъ чертъ не запретить!
„Пей, Марья!..“

— То-то, ненаглядный,
Ты мнѣ на платьѣ общалъ...—
„И кончено! Сказалъ—и ладно.
„Будетъ такъ, какъ я сказалъ.
„Мнѣ что жена? Сыта, одѣта—
„И все... вотъ выпрягу коня
„И прогуляю до разсвѣта,
„И баста! Обними меня!..“

Вода шумить—не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипить,
Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горить.
Но даль темна и молчалива,
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива,
Скользить по листьямъ лозняка.

Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
Войдемъ неслышною тропой.

Ужъ поздно. Свѣчка нагорѣла
Больной лежитъ и смерти ждетъ.
Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
И руки холодны, какъ ледъ;
На лобъ открытый кудри пали:
Остатокъ прежней красоты,

Печать раздумья и печали
Еще хранить его черты:
Такъ, освѣщенные зарею,
Въ замолкшемъ на-долго лѣсу,
Листы осеннею порою
Еще хранить свою красу.
Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
На сердцѣ запеклася кровь—
И радость на-вѣкъ позабыта...
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля! доля!
И если-бъ раньше ты пришла,—
Какой-бы здѣсь пріютъ нашла?
Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
Здѣсь горе гнѣзда вѣтъ свои
И вѣтъ холодъ отъ порога,
И стѣны дома смотреть строго...
Здѣсь нѣтъ пріюта для любви!
Лежить больной, лицо печально,
И будто тѣнью лобъ покрытъ;
Такъ, лѣтомъ только догорить
Румяной зорьки лучъ прощальный,—
Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
Стоитъ угрюмъ и темень лѣсъ.
Родная мать роняетъ слезы,
Облокотясь на столъ рукой.
Надежды, молодости грезы,
Миръ сердца—этотъ рай земной—
Все унесло, умчало горе,
Какъ бурный вѣтръ уносить пыль,
Когда въ степи шумить ковыль,
Шумить взволнованный, какъ море,
И догораетъ вся до-тла
Грозой зажженная ветла.

Плачь, бѣдное созданье!
И не слезами, — кровью плачь!
Безвыходно твое страданье
И безпощаденъ твой палачь.
Невесела, невыносима,
Горька, какъ ядъ, твоя судьба:
Ты жизнь убила, какъ раба,
И не была никѣмъ любима...
Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
Что пьянъ, и грубъ, и не уменъ?
Когда-бъ онъ могъ подумать строго,
Какъ зла надѣлано имъ много,
Какъ много ранъ нанесено, —
Себя онъ проклялъ-бы давно.
Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
Изнемогла и въ грязь упала,
И въ грязь затоптана толпой.
Увы! сгубилъ тебя запой!..
Твоя слеза на кровь походить...
Плачь больше!.. Въ воздухѣ чума!..
Любимый сынъ въ могилу сходить,
Другой давно сошелъ съ ума.

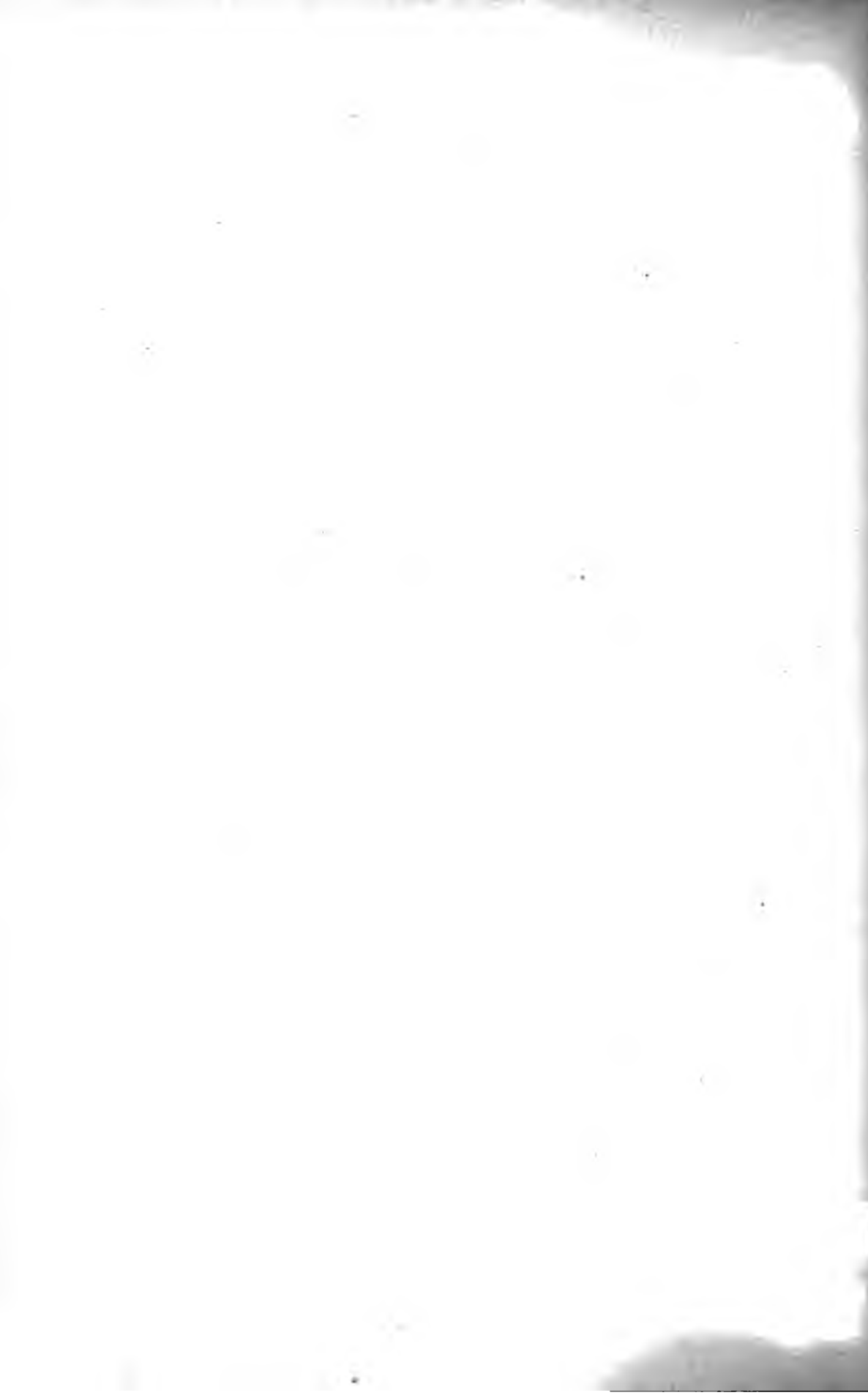
Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
Голо остриженъ, и бѣденъ, и хилъ;
Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ,
Бровью и глазомъ моргаетъ проворно,
Правой рукою и назадъ и впередъ
Водитъ по палкѣ и пѣсню поетъ:
„На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи,
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,

И каплями кровь изъ груди вытекаетъ.
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка!..⁴
Вдругъ палку кинуль онъ, закрыль лицо руками
И плачетъ горькими слезами:
„Больно мнѣ! больно мнѣ! мозгъ мой горить.
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка! полно рыдать!
Долго-ли намъ эту жизнь коротать?
Знаешь-ли? Спальню запри изнутри,
Сторожемъ стану я подлѣ двери.
Прочь! закричу я: здѣсь мать моя спитъ!
Больно мнѣ, больно мнѣ! мозгъ мой горить!..⁴

Больной все слушалъ эти звуки,
Горѣлъ на медленномъ огнѣ;
Сказать хотѣлъ онъ: дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы
Дождаться мира въ часъ кончины,
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,
Отравой зла меня поили?
Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ
Текла вода на изгловье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думалъ ночи безо сна—
Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?
И догарающій въ постели,
Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
Хотѣлъ онъ на своемъ пути
Хоть точку свѣтлую найти—
И не сыскалъ.

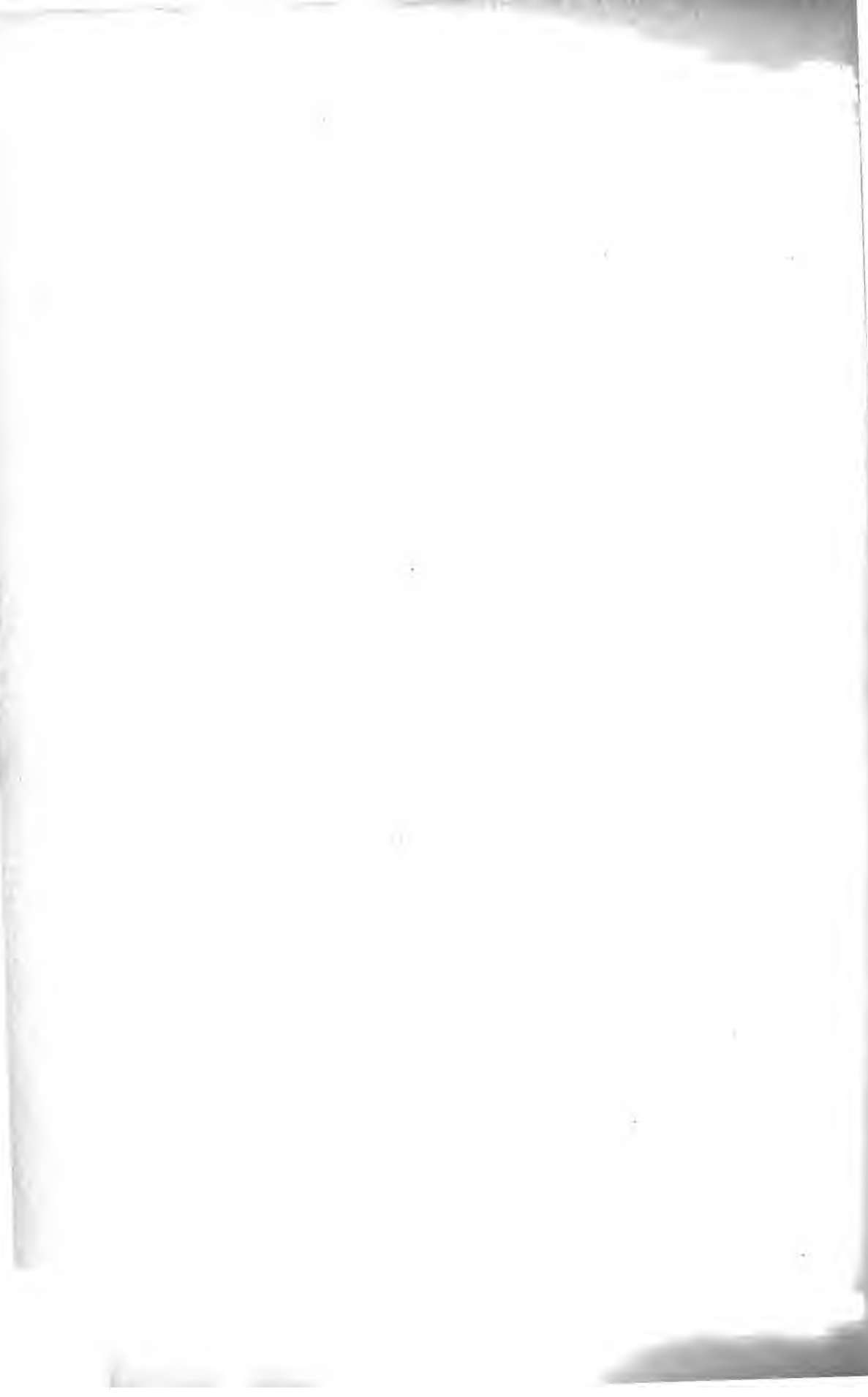
Такъ, въ полдень жгучій,
Спустившись съ каменистой кручи,
Томимый жаждой, пѣшеходъ
Искать ключа въ оврагъ идетъ.
И долго тамъ, усталый, бродить
И влаги капли не находить,
И падаетъ, едва живой,
На землю съ болью головной...
„Ну, отпирай! заснули скоро!..“
Ударивъ въ ставень кулакомъ,
Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ...
Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
Срывать покровъ, какъ уголь черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный
И плаха съ топоромъ лежитъ!
За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятъ,
За то, что гибнетъ человѣкъ,—
Я шлю тебѣ мои проклятья,
Чужой оплакивая вѣкъ!

КУЛАКЪ.

(ВЪ АВТОРСКОМЪ ИЗДАНИИ).

КУЛАКЪ*).

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленіи,
Добро вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, онъ станетъ—зломъ.
Такъ человекъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ.

Шекспиръ (Ромео и Юлія).

I.

Сень гаснетъ. Облаковъ громада
Покрыта краской золотой;
Отъ луга влажною струей
Плыветъ душистая прохлада;
Надъ самымъ озеромъ тростникъ
Сквозной оградой поникъ.
Порой куда-то пронесется

*) См. „Примѣчанія“, стр. 5, № 9-й.

Со свистомъ стая куликовъ
 И снова тишь. Въ тѣни кустовъ
 Рыбачій челнъ не покачнется.
 Вдоль тяги тянется обозъ;
 Скрипятъ колеса. За волами
 Шагаютъ чумаки съ кнутами;
 Кипитъ народомъ перевозъ:
 Паромъ отчалили лѣниво,
 Ушами лошади пугливо
 Прядутъ; рабочіе кричатъ,
 И плещетъ по водѣ канатъ...
 Шлагбаумъ, съ образомъ часовня,
 Избушки, бани, колокольня
 Съ крестомъ и галкой на крестѣ,
 И на прибрежной высотѣ
 Плетни, поникнувшія ивы—
 Все опрокинуто въ рѣкѣ.
 Бѣлѣютъ мойки въ далекѣ,
 Луками выгнулись заливы.
 А тамъ кусты, деревня, нивы,
 Да чуть примѣтный, сквозь туманъ
 Средь поля чистаго курганъ.

Тому давно, въ глуши суровой,
 Шумѣлъ тутъ грозно лѣсъ дубовой,
 Съ пустыннымъ вѣтромъ рѣчи вель,
 И плавалъ въ облакахъ орелъ;
 Синѣла степь безгранной далью,
 И, притаясь за валъ, съ пищалью,
 Зажечь готовый свой маякъ,
 Татаръ выглядывалъ казакъ.
 Но вдругъ все жизнью закипѣло,
 Въ лѣсу желѣзо зазвенѣло—
 И падалъ дубъ; онъ отжилъ вѣкъ...

И, вмѣсто звѣря, человѣкъ
Въ пустынь воцарился смѣло.

Проснулись воды, и росли,
Гроза Азова, корабли.
Тѣ дни прошли. Уединенно
Теперь подъ кровлей обновленной,
Стоить на островѣ нагомъ
Безмолвный прадѣдовскій домъ,
Цейхгаузъ старый. Тихи воды.
Гдѣ былъ Петра пріютъ простой,
Купецъ усердною рукою
Одинъ почтилъ былые годы—
Часовню выстроилъ, и въ ней
Затеplилъ набожно елей.
Но городъ выросъ. Въ изголовье,
Онъ положилъ степей приволье,
Плечами горы придавилъ,
Болота камнями покрылъ.
Одно пятно: въ семьѣ громадной
Высоко-поднятыхъ домовъ,
Какъ нищіе въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ;
Въ дырявыхъ шапкахъ, съ костылями,
Онѣ ползутъ по крутизнамъ
И смотрятъ тусклыми очами
На богачей по сторонамъ;
Того и жди,—гроза подуетъ,
И полетятъ онѣ въ оврагъ...
Таковъ домишко, гдѣ горюетъ
Съ женой и дочерью Кулакъ:
На крышѣ старыя заплаты,
Пріютъ крикливыхъ воробьевъ;
Карнизъ обрушиться готовъ;

Стѣна крива; заборъ досчатый
 Подперть осиновымъ коломъ;
 Дворъ тѣсный смотреть пустыремъ;
 Растетъ трава вокругъ крылечка;
 Но садъ... въ садъ послѣ завернемъ;
 Теперь мы въ горенку войдемъ.
 Она свѣтла. Икона, печка,
 Съ посудой шкафъ, сосновый столъ,
 Скамейка, стулъ безъ спинки,
 Комодъ пузатый подъ замкомъ —
 Все старина, за то соринки
 Тутъ не замѣтишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка, добрая, здорово!
 Ты вѣчно съ варежкой въ рукѣ,
 И въ этомъ бѣломъ колпакѣ,
 И все молчишь! Порою слово
 Промолвишь съ дочерью родной,
 И вновь разбитый голосъ твой
 Умолкнетъ. Бѣдная Арина!
 Повысушили до поры
 Нужда, да тяжкая кручина
 Тебя, какъ травушку въ жары;
 Поникла голова, чтѣ колось,
 И посѣдѣлъ твой русый волосъ;
 Одна незлобная душа,
 Осталась въ горѣ хороша.

И ты, красавица, съ работой
 Сидишь въ раздумьи подъ окномъ;
 Одной привычною заботой

Всю жизнь вы заняты вдвоемъ...
 Глядишь на улицу тоскливо,
 Румянецъ на лицѣ поблекъ,
 И спицы движутся лѣниво,
 Лѣниво вяжется чулокъ.
 О чемъ тоска? откуда скука?
 Коса, что черная смола,
 Какъ бѣлый воскъ рука бѣла...
 Душа болить? Неволья мука?..
 Что дѣлать! подожди, пока
 Прогонить вѣтеръ облака *)

„Охъ, Саша! полно сокрушаться!
 Вотъ ты закашляешь опять...
 Промолвила старушка мать:
 Ну, въ садъ пошла-бы прогуляться,
 Вишь, вечеръ чудо!“

— Все равно!

И тутъ не дурно: вотъ въ окно
 Свѣтъ Божій виденъ — и довольно!—

„Глядѣть-то на тебя мнѣ больно!
 Блѣдна, вотъ точно полотно...“
 И мать качала головою
 И съ Саши не сводила глазъ.
 „Поди-ты! сокрушаетъ насъ
 Старикъ! надъ дочерью родною
 Смѣется... Чѣмъ-бы не женихъ
 Столяръ-сосѣдъ? Умень и тихъ.
 Три раза сваха приходила,
 Ужъ какъ, вѣдь, старика просила!
 Одинъ отвѣтъ: на дняхъ приди...“

*) См. „Примѣчанія“, стр. 6, № 10-й.

Подумать надо... погоди...
 Ты вот что, Саша: попробайся,
 Съ отцомъ сама поговори,
 Чуть будетъ веселье^а.

— Дождидайся!

Я думаю, въ ногахъ умри, —
 Откажетъ... —

Мать не отвѣчала,
 Поникнувъ грустно головой.
 — Чуть будетъ веселье... Боже мой!
 За что-же я-то потеряла
 Веселье? Вѣдь, къ чужимъ прійдешь,
 Тамъ свѣтъ иной, тамъ отдохнешь;
 А при отцѣ языкъ и руки —
 Все связано! когда со скуки
 Въ окно глядишь, и тутъ запретъ!
 Ужъ и глазамъ-то воли нѣтъ!

„Все осуждать его не надо.
 Извѣстно — старъ, кругомъ нужда,
 На рынкѣ хлопоты всегда,
 Вотъ и беретъ его досада.
 Онъ ничего... вѣдь, онъ не золь:
 На часъ вспылить, и гнѣвъ прошелъ“.
 — Я такъ... я развѣ осуждаю?
 И день — печаль, и ночь — тоска,
 Тутъ по неволѣ съ языка
 Сорвется слово. —

„Знаю, знаю!

Какъ быть? живи, какъ Богъ велѣлъ...
 Знать, положенъ таковъ предѣлъ“.

Заря погасла. Мѣсяцъ всходитъ,
 На стекла блѣдный свѣтъ наводитъ;
 За лѣсъ свалились облака;
 Въ туманѣ городъ и рѣка;
 Не шевельнетъ листомъ осина;
 Лишь гдѣ-то колесо гремитъ,
 Да соловей въ саду свиститъ.
 Молчать и Саша, и Арина,
 Ихъ спицы бѣдныя однѣ
 Не умолкаютъ въ тишинѣ.

Какъ хорошо лицо больное
 Старушки сгорбленной! оно,
 Какъ изваяніе живое,
 Все мѣсяцемъ освѣщено.
 Въ рукахъ на мигъ уснули спицы,
 Глаза на дочь устремлены,
 И неподвижныя рѣсницы
 Слезой докучной смочены.
 Сверкаетъ небо огоньками,
 Не видно тучки въ синевѣ,
 А у старушки облачками
 Проходятъ думы въ головѣ:
 Безъ дѣтокъ грусть, съ дѣтьми не радость!
 Сынокъ въ землѣ давно лежитъ,
 Осталась дочь одна подъ старость—
 И эту горе изсушить.
 Ну, чтѣ ей дѣлать, если свахѣ
 Старикъ откажетъ? Какъ тутъ быть?
 Я чаю, легче-бы на плахѣ
 Бѣдняжкѣ голову сложить!
 И безъ того ужъ ей несладко:
 Работа, скука, нищета...
 Всю жизнь свою, моя касатка,

Чтò въ клѣткѣ птица, заперта.
 Когда и выйти доведется,
 Домой придетъ—печальный домъ...
 Глядишь, на грѣхъ старикъ напьется,
 О-охъ, бѣда мнѣ съ старикомъ!
 Ну, та-ль она была съ-измала?
 Бывало, пѣла и плясала,
 На мѣстѣ часу не сидить,
 Вотъ словно колокольчикъ звонкій,
 Веселый смѣхъ и голосъ тонкій
 Въ саду, иль въ горенкѣ звенить!
 Бывало, чуть съ постельки встанетъ,
 Посмотришь—куколки достанетъ,
 Толкуетъ съ ними: „Ты вотъ такъ
 Сиди, ты глупая дѣвченка...
 Вотъ и братишка твой дуракъ,
 Вамъ надо няню“. И рученкой
 Начнетъ ихъ эдакъ тормошить...
 Возьметъ подастъ имъ на бумажкахъ
 Водицы въ желудевыхъ чашкахъ.
 „Ну, вотъ, молъ, чай, извольте пить!“
 —Уймися, говорю, вострушка,—
 Отецъ прикрикнетъ:—посѣку!—
 Бѣдняжка сядетъ въ уголку,
 Наморщить лобикъ, какъ старушка,
 И, хмурится. Отецъ съ двора—
 Опять потѣшная игра.

И мать работу положила,
 Печной заслонъ въ потьмахъ открыла,
 Достала щепкой уголекъ
 И стала дуть. Вдругъ огонекъ
 Блеснулъ и снова замираетъ.
 Вотъ щепка вспыхнула едва,—

Изъ мрака смутно выступаетъ
Старушки блѣдной голова.

III.

Ужъ столъ накрытъ, и скудный ужинъ
Готовъ. Покой старушкѣ нуженъ,
Заснуть-бы время,—мужа ждетъ;
Скрипитъ крылечко,—онъ идетъ.
Сюртукъ до пятъ, въ плечахъ просторенъ,
Картузь въ пыли, ни рыжъ, ни черенъ,
Спокоенъ строгій, хитрый взглядъ.
Густыя брови внизъ висятъ,
Угрюмо супясь. Лобъ широкій
Изрытъ морщинами глубоко,
И темень волосъ, но сѣда
Подстриженная борода.

„Усталъ, Лукичъ? жена спросила:
Легко-ль, чуть свѣтъ ушелъ съ двора!
Садись-ко ужинать: пора!“
— Не каплетъ сверху... заспѣшила!
Отвѣтилъ мужъ: успѣешь, другъ!
И, снявъ поношенный сюртукъ,
На гвоздь повѣсилъ осторожно,
Рубашки воротъ распустилъ,
Лицо и руки освѣжилъ
Водою.—Ну, теперь вотъ можно
За щи приняться.—

„Вишь, родной!
Старушка молвила: не спится!“

Всю ноченьку повеселится,
Пооди, какъ свишетъ!

— Кто такой?

Отвѣтилъ мужъ скороговоркой,
Ломая хлѣбъ съ сухою коркой.
„Соловьюшекъ у насъ въ саду“.
— „Сытъ, стало. Коли-бы зналъ нужду,
Не пѣлъ-бы. Мнѣ вотъ не поется,
Какъ хлѣбъ-атъ по́томъ достается...
Ты, Саша, ужинала что-ль?“—
„Мы ждали васъ“.

— Подай мнѣ соль.—

Дочь подала.

— За ужинъ сѣла,

Такъ ѣшь. Ты что не весела? —

„Я ничего“.

— Гм... дурь нашла!

Такъ, такъ! —

Старушка поглядѣла

На Сашу. Саша поняла

И ложку не хотя взяла.

— Охъ, эта, дѣвичья кручина!

Отецъ, нахмурясь, продолжалъ

И мокрой ложкой постучалъ

Объ столъ: все блажь! Подбавь, Арина,

Мнѣ каши... да! все блажь одна!

Я знаю отъ чего она,

Смотри! —

„Опять не угодила!

За смѣхъ—упрекъ, за грусть—упрекъ...

Ну, грустно, — что-жъ тутъ за порокъ?
Чтó за бѣда?

— Заговорила!

Языкъ прикусишь! берегись!
Вишь ты!.. — И жилы напряглись
На лбу отца. Гроза собиралась.
Но Саша знала старика,
Словамъ дать волю удержалась, —
И пронеслися облака
Безъ грома.

Чашка опустѣла.

Лукичъ усы свои утеръ
И, помолившись, кинулъ взоръ
На Сашинъ хлѣбъ. „Ломтя не съѣла...
Сердита, значить... Прибирай!
Есть квасъ-то на ночь?“

— Есть немного. —

„Ну, принеси. Сейчасъ ступай!“
— Куда-жъ идти? Теперь порога
Не сыщешь въ погребѣ: не день... —
„Ну, ну! пошевелинуться лѣнь!“

Дочь вышла. На лицѣ Арины
Слегка разгладились морщины.
Старикъ, молъ, трезвъ... Иль онъ любви
Не знаетъ къ дѣтищу родному?
Скажу про Сашу... Не чужому...
Что-жъ! Господи благослови!
И подлѣ мужа робко сѣла.
„Лукичъ!“

— Ну, что тамъ?

„Я хотѣла...

Того... съ тобой поговорить...

Не станешь ты меня бранить?“

— За что? —

„Начать-то я не смѣю“.

— Ну, ладно, ладно! говори! —

„Вишь, мы вотъ стары, я болѣю,

Совсѣмъ свалюсь, того смотри,

Обрадуй ты меня подъ старость —

Отдай ты дочь за столяра!“

— Обрадуй... что-же тутъ за радость?

Вотъ ты, къ примѣру, и стара,

А дура!.. стало есть причина,

Зачѣмъ я медлю... Эхъ, Арина!

Пора-бы, кажется, умнѣть! —

„Какъ мнѣ на Сашу-то глядѣть?

Она часъ отъ часу худѣть.

Вѣдь, я ей мать!“

— Повеселѣть!

Ты знаешь, дѣвичья слеза,

Что утромъ на травѣ роса:

Пригрѣть солнце—и пропала. —

„Пусть я отрады не видала,

Хоть ей-то, дочери, добра

Ты пожелай!“

— Въ постель пора!

Оставь, пока не разсердился! —

Старушка въ спальню побрела.

Тамъ передъ образомъ свѣтился

Огонь. Въ углу кровать была,
 Безъ полога. Подушекъ тѣни
 Какъ будто спали на стѣнѣ.
 Арина стала на колѣни,
 И долго, въ чуткой тишинѣ,
 Передъ иконою святою
 Слеза катилась за слезою.

Межъ тѣмъ Лукичъ окно открылъ
 И трубку медленно курилъ;
 Сквозь дымъ, глаза его безъ цѣли
 На кудри яблоней глядѣли.
 „Ну, завтра ярмарка. Авось
 На хлѣбъ добуду. Плохо стало!
 Ходьбы и хлопотни не мало,
 А прибыли отъ нихъ—хоть брось!
 Другимъ, къ примѣру, удастся:
 Казна валится, точно кладъ;
 Ты, право, грошу былъ-бы радъ,
 Такъ нѣтъ! Гдѣ тонко, тутъ и рвется.
 Порой чтó въ домъ и попадетъ,
 Нужда метлою подмететъ.
 Вотъ, дочь невѣста... все забота!
 И сватаютъ, да нѣтъ разсчета:—
 Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
 Да голь большая, вотъ причина!
 Чтó честь-то, коли нѣтъ алтына?
 Далеко съ нею не уйдешь.
 Безъ денегъ честь—плохая доля!
 Согнешься не хотя кольцомъ
 Передъ зажиточнымъ плутомъ:
 Нужда—тяжелая неволя!
 Мнѣ дочь и жалъ! я человѣкъ,
 Отецъ, къ примѣру... да не вѣкъ

Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ.
 Лукичъ—кулакъ! кричитъ весь городъ.
 Кулакъ... Душа-то не сосѣдъ,
 Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
 Будь зять богатый, будь помога,
 Не выйди я изъ-за порога,
 На мѣстѣ дай мнѣ Богъ пропасть,
 Коли подумаю украсть!
 А есть женихъ, навѣрно знаю...
 Богатъ, не долженъ никому,
 И Саша нравится ему.
 Давно я сваху поджидаю^а.

Такъ думалъ онъ. А вѣтерокъ
 Его волосъ едва касался,
 И въ трубкѣ красный огонекъ
 Подъ сѣрымъ пепломъ раздувался.
 Порой катилася звѣзда,
 По небу искры разсыпала
 И гасла. Ночь благоухала,
 И бѣлыхъ облаковъ гряда
 Плыла на сѣверъ. Жадно пили
 Росу поникшіе листы,
 И звуки смутные ловили.
 При свѣтѣ мѣсяца кусты,
 Бросая трепетныя тѣни,
 Казалось, въ царство сновидѣній
 Перенеслись. Межъ ихъ вѣтвей
 Въ потемкахъ шелкалъ соловей.

Быть-можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
 Разумной матерью, отцомъ,
 Лукичъ избѣгъ-бы жалкой муки—
 Какъ нынѣ, не былъ Кулакомъ

Великъ, кто взросъ среди порока,
 Невѣжества и нищеты,
 И остается безъ упрека
 Жрецомъ добра и правоты;
 Кто видитъ горе, знаетъ голодъ,
 Усталый, чахнетъ за трудомъ,
 И крѣпкой волей вѣчно молодъ,
 Всегда идетъ прямымъ путемъ!
 Но пусть, какъ мученикъ сквозь пламень,
 Прощель ты, полной чистоты,
 Остановись, поднявши камень
 На жертву зла и нищеты!
 Корою грубою закрытый,
 Быть-можетъ, въ грязной нищетѣ
 Добра зародышъ неразвитый
 Горить, какъ свѣчка въ темнотѣ!
 Быть-можетъ, жертвѣ заблужденья
 Доступны рѣдкія мгновенья,
 Когда казнить она свой вѣкъ
 И плачетъ, сердце надрывая,
 Какъ плакалъ передъ дверью рая
 Впервые падшій человѣкъ!

IV.

Еще ребенкомъ, нестѣсенный
 Въ привычкахъ жизни обыденной,
 Лукичъ бездѣлье полюбилъ.
 Своимъ Карпушкой занять былъ
 Торгашъ, отецъ его, немного,
 Хоть и твердилъ сынишкѣ строго:
 „А вотъ, Господь дастъ, доживемъ,
 Мы поглядимъ, какимъ добромъ

Воздашь отцу за попеченье.
 Тутъ можно человѣкомъ быть:
 Съизмала началось ученье —
 Псалтырь и все: тутъ можно жить!
 Я и читать вотъ не учился,
 Да вышелъ въ люди: сытъ, обутъ...“
 И подъ хмѣлькомъ всегда бранился:
 „Ты, дескать, баловень! ты плутъ!..“
 И сына за вихоръ поймаешь,
 Такъ, ни за что... „Ну, вотъ, мошь, знай!“
 Дереть, дереть — до слезъ таскаетъ,
 И молвить: „Ну, ступай, играй!“
 А мать свое хозяйство знала,
 Въ печи дрова со счетомъ жгла,
 Горшки да чашки берегла,
 И ей заботы было мало,
 Когда зимой по цѣлымъ днямъ,
 Забросивъ книжку и указку,
 Сынокъ катался по горамъ.
 Раздолье!.. легкія салазки
 Со скрипомъ по снѣгу летятъ,
 На нихъ бубенчики звенятъ.
 „Какъ смѣлъ ты утромъ не являться?“
 Ему учитель говорилъ.
 — У насъ молебень въ домѣ былъ,
 Мнѣ батюшка велѣлъ остаться. —
 „Ты до обѣда гдѣ ходилъ?
 Кричалъ отецъ: часъ цѣлый ждали.“
 — Учитель не пускалъ домой:
 Зады сидѣли повторяли... —
 Бывало, лѣтнею порой,
 Тайкомъ залѣзетъ въ садъ чужой,
 Румяныхъ яблокъ наворуетъ,
 Тащить ихъ къ матери. „Гдѣ взялъ?“

— А это мнѣ Сеньютка далъ,
 Вотъ ѣшь!—И мать его цѣлуетъ:
 Поди, молъ, родила сына,
 Не съѣсть безъ матери куска!
 • Порой грачей въ гнѣздѣ поймаешь:
 „Эй, Сенька! у меня грачи!
 Давай мѣнять на калачи!“
 — Не надо!—Сенька отвѣчаетъ.
 „Ну и не надо... вотъ имъ! вотъ!“
 И головы грачамъ свернетъ,
 Парнишку больно оттаскаетъ
 И прибѣжить домой, реветъ.
 „О чемъ ты? мать въ испугѣ спросить.
 — Да вотъ, Сеньютка, сынъ голосить:
 Моихъ грачей закинулъ въ ровъ
 И надавалъ мнѣ тумачковъ. —

Карпушка на ноги поднялся
 И все безъ дѣла оставался,
 Покамѣстъ вздумалось отцу
 Въ науку мудрую къ купцу
 Его отдать. Тутъ всѣ расчеты —
 Торговыхъ плутней извороты
 Онъ изучилъ, и кошелекъ
 Казной хозяйскою, какъ могъ,
 Наполнилъ. Годы шли. Скончался
 Его отецъ; угасла мать.
 Невѣсту долго-ли сыскать?
 И сынъ женился. Распрощался
 Съ купцомъ; заторговалъ мукой;
 И какъ по маслу, годъ-другой,
 Все шло. Но вдругъ за пень задѣло:
 Тутъ неудача, тамъ сплошалъ...
 Спустилъ, какъ воду, капиталъ

И запилъ: горе одолѣло!
 Искать мѣстечка—стыдъ большой;
 Искать рѣшился - отказали.
 А ремеслу не обучали;
 Подумалъ и махнулъ рукой:
 — Тьфу, чортъ возьми! да что за горе!
 Пойду на рынокъ по утру,
 Такъ вотъ и деньги! Рынокъ—море!
 Тамъ рыба есть, умѣй ловить!
 Достанетъ какъ нибудь прожить!“
 И съ той поры, лѣтъ тридцать сряду,
 Онъ всякой дрянью промышлялъ,
 И Лукича весь городъ зналъ
 По разнымъ плутнямъ, по наряду,
 По вѣчной худобѣ сапогъ
 И по загару смуглыхъ щекъ.

V.

Флагъ поднять. Ярмарка открыта.
 Народомъ площадь вся покрыта.
 На море пестрое головъ
 Громада бѣлая домовъ
 Глядитъ стеклянными очами;
 Недвижная затоплена
 Вся солнца золотомъ она.
 Людь Божій движется волнами...
 И кички съ острыми углами,
 Подолы красные рубахъ,
 На черныхъ шляпахъ позументы,
 И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
 Едва колеблемая ленты—
 Вся деревенская краса

Вотъ такъ и мечется въ глаза!
 Изъ лавокъ, хитрая приманка,
 Высматриваютъ кушаки,
 И разноцвѣтные платки,
 И разноцвѣтная серпанка.
 Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
 Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
 Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
 Лотки, подойники, лопаты,
 Колеса... „Гдѣ? Какая дрянь?
 Ты вотъ на ступицу-то глянь!“
 Торгашъ плечистый повторяетъ
 И бойко колесомъ вертитъ.
 А парень крендель доѣдаетъ,
 — Сложи полтину, говоритъ:
 Возьму и дегтю, вотъ мазницы... —
 „Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
 Ты гаманокъ-то свой не прячь!“
 Кричитъ налѣво бородачъ.
 Здѣсь давка: спорять съ мужиками
 За клячу пѣгую купцы,
 И *Лазаря* поютъ слѣпцы,
 Сбирая мѣдными грошами
 Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
 Набить-биткомъ толпой гулякъ
 Пріютъ разгула и кручины,
 Подъ кровлею изъ парусины.
 „Охъ, православные, я пьяны!“
 Въ бумажномъ колпакѣ и блесткахъ,
 Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
 Народъ дурачить шарлатанъ
 И корчитъ рожу... „Какъ обманъ!“
 Повертывая головою,
 Цыганъ проносится съ божбою:

„Коню не двадцать лѣтъ, а пять.
 Жены, дѣтей мнѣ не видать!“
 Веселый говоръ, крикъ торговли,
 Пискъ дудокъ, пѣсни мужичковъ
 И ранній звонъ колоколовъ—
 Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
 Приподнялись поверхъ воевъ,
 Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Лукичъ на ярмаркѣ съ разсвѣта,
 Успѣлъ ужъ выпить, закусить,
 Купить два старыхъ пистоleta
 И съ барышемъ кому-то сбыть.
 Теперь онъ съ бабою хлопочетъ,
 Руками уперся въ бока,
 Лицо горить, чуть не соскочить
 Картузь съ затылка,—рѣчь бойка.
 „Ты вотъ что, умная молодка,
 По сторонамъ-то не смотри,
 Твой холстъ, къ примѣру, не находка...
 Почему аршинъ-то? говори“.
 — По гривнѣ я тебѣ сказала;
 Вонъ и другіе такъ берутъ.—
 „Не ври! куда ты указала!
 Тамъ по три гроша отдають!“
 — И, шо-ты! аль я одурѣла!
 Поди-ко цѣну объявилъ!
 Купецъ четыре мнѣ сулилъ,
 Да я отдать не захотѣла...—
 Вонъ онъ стоитъ...—

„Ха, ха! ну такъ!
 Отдай! и ты не догадалась!
 Эхъ, дура, съ кулакомъ связалась!

Вѣдь, онъ обмѣряетъ! кулакъ!
 А я на совѣсть покупаю...
 Ей, голова, почему пенька?"
 Остановивши мужика,
 Онъ закричалъ.

— Спасибо! знаю!...—

„Должно, нашъ братъ училъ тебя!“
 Лукичъ подумалъ про себя.
 И снова съ бабою заспорилъ,
 Голубушкою называлъ,
 Разъ десять къ чорту посылалъ,
 И на послѣдокъ урезонилъ.
 Изъ-подъ полы аршинъ досталъ,
 Разъ!.. разъ!.. и смѣрена холстина.
 „Гляди вотъ: двадцать три аршина“.
 — Охъ-ма! тутъ двадцать семь какъ-разъ!—
 „Что, у тебя иль нѣту глазъ,
 Аршинъ казенный, понимаешь!
 Вотъ на... не видишь, два клейма!“
 — Да какъ же-такъ?—

„Не довѣряешь?“

— Я дома мѣрила сама.—
 „Тьфу! провались ты! я съумѣю
 Безъ краденой холстины жить!
 Глаза что-ль ею мнѣ накрыть?
 Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю!“
 И кошелекъ онъ развязалъ,
 На гривну бабу обсчиталъ
 И торопливо отвернулся:
 Прощай, молъ, вѣрно!.. недосугъ!
 Пошелъ-было въ толпу—и вдругъ
 Съ помѣщикомъ въ очкахъ столкнулся.

„Мое почтенье, Климъ Кузьмичъ!
Не купите-ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!“

— Ба, ба! Лукичъ!
Ты не забылъ свою привычку—
Прислуживаешь, братецъ, всѣмъ?
„Что дѣлать, сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! купите!“
— Нѣтъ, я на бричку не купецъ.
Не попадется-ль жеребецъ?
Вотъ не найду никакъ, мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть—
Караковый.—

„Есть, сударь, есть!
Рысакъ! А бѣгъ—мое почтенье!“
И онъ пришелкнулъ языкомъ:
„Да-съ! одолжу, молъ, рысакомъ!“
— Ты плутъ естественный, я знаю;
Смотри, Лукичъ, не обмани!—
„Ну, вотъ-съ, помилуйте! ни-ни!
Я васъ съ другими не сравнию.
Тутъ... Вамъ Скобѣевъ незнакомъ?
— Нисколько.—

„Онъ, сударь, кругомъ
Въ долгахъ: весь въ карты проигрался,
Теперь рысакъ одинъ остался...
Ну, конь! Глазами, ваша честь,
Вотъ такъ, къ примѣру, хочетъ сѣсть'
Чортъ знаетъ! просто заглядѣнье!“
— Да правда-ль?—

„Не далеко домъ,
Коли угодно завернемъ,
Посмотримъ“.

— Сдѣлай одолженъе!
А помнишь-ли, купилъ ты мнѣ
Собаку какъ-то по веснѣ?—
„Плохенька развѣ?“

— Околѣла,
Не взялъ-бы чортъ знаетъ чего!—
„Охотиться не захотѣла...
Поможемъ, сударь, ничего...
Ахъ! тутъ вотъ есть у офицера
Собака... кличку-то забылъ,
Вчера деньщикъ и говорилъ...
Ну, и животное, къ примѣру:
Брось въ воду гривенникъ—найдетъ!
Вотъ вамъ купить-бы“.

Радъ душою!
Но для чего-жь онъ продаетъ?—
„Что дѣлать станете съ нуждою!
Наслѣдство дядя общалъ,
А при смерти не завѣщалъ,
Ѣсть нечего... семья большая...
— А! вотъ что! баринъ отвѣчалъ
И, гибкой тросточкой играя,
Поглядывалъ по сторонамъ
И напѣвалъ: „тири-та-рамъ...“

VI.

„Вотъ-съ двухъ-этажный, съ мезониномъ...“
 Лукичъ помѣщику сказалъ
 И домъ Скобѣева, аршиномъ
 Махнувъ на право, показалъ.
 „Эй, кучеръ! соня!“

Кучеръ плотный,
 Безмысленно разинувъ ротъ,
 Дремалъ на камнѣ у воротъ.
 „Иль ночь-то не спалъ, беззаботный?“
 Лукичъ у кучера спросилъ.
 Тотъ вздрогнулъ и глаза открылъ,
 Досталъ тавлинку изъ кармана
 И сильно въ ноздри потянулъ.
 „Гдѣ баринъ?“

— Ась? А... Чхи! Татьяна
 Мнѣ говорила... чхи!.. пьетъ чай.—
 „Потише ротъ-то разѣвай!
 Вишь, зачихалъ. Эхъ, ты, пріятель!
 На рысака вотъ покупатель...“
 — Ну, что-же? стало показать?—
 „Вѣдь, не заочно покупать!“
 — А баринъ?—

„Выводи, онъ знаетъ“.
 И кучеръ скрылся „Климъ Кузьмичъ!
 Сказалъ въ полголоса Лукичъ:
 Снаровка дѣлу не мѣшаетъ—
 Ему на водку надо дать...“
 — Ну, дураку-то!—

„Какъ узнать!

Бываетъ, и дуракъ годится.
 Онъ, рыжій чортъ, не постыдится
 И господину понавретъ,
 Что нашъ-де конь намъ не подходитъ
 И кормъ-де въ прокъ ему нейдетъ.
 Ей-Богу-съ! Этотъ хамскій родъ
 Господъ частенько за носъ водить!“
 Помѣщикъ смѣхомъ отвѣчалъ
 И два четвертака досталъ.
 Лукичъ въ конюшню торопливо
 Вошелъ и молвилъ: „живо! живо!“
 Въ карманъ свой деньги опустилъ
 И кнутъ у кучера спросилъ.
 — Вонъ на стѣнѣ... не тутъ... правѣе,
 Статья-то, слышь, не подойдетъ:
 Въдь, конь съ запаломъ—зареветь.—
 „Ты, не крути, держи умнѣе,
 А ну ка, дорогой рысакъ,
 Подставь бока... Вотъ такъ! Вотъ такъ!
 Прр! прр! На дворъ его скорѣе!“

И бѣдный конь черезъ порогъ
 Вдругъ сдѣлалъ бѣшенный скачокъ,
 Глазами дико покосился
 И началъ землю рыть ногой.
 Лукичъ, смѣясь, посторонился—
 Вишь, дескать, бойкій сталъ какой.
 Помѣщикъ подошелъ. Рукою
 Коня по шеѣ потрепалъ
 И съ лоскомъ гривую густою
 Полюбовался. Холку взялъ,
 Поправилъ на бокъ, осторожно
 Ощупалъ ноги, мышки, грудь,

И молвилъ: „надобно взглянуть
 На зубы“.—Оченно возможно,
 Кудрявый кучеръ отвѣчалъ
 И зубы рысаку разжалъ.
 „Э! конь-то молодой! три года...
 Лишь сталь окраины ронять...
 А ну, нельзя-ли пробѣжать?
 Стой! Стой! Да, недурна порода!“
 — А бѣгъ-то, бѣгъ-то, Климъ Кузьмичъ!
 А шея! говорилъ Лукичъ:
 Позвольте-съ, вотъ и самъ хозяинъ.—

Хозяинъ былъ румяный баринъ,
 Съ усами, съ трубкою въ рукѣ,
 Въ фуражкѣ, въ черномъ сюртукѣ,
 Со знакомъ службы безпорочной,
 Обрить отлично, сложенъ прочно,
 Взглядъ строгъ, на выкатѣ глаза
 И подъ гребенку волоса.

„Скобѣевъ, сударь. Честь имѣю...
 А вы-съ? коли спросить я смѣю...“
 Онъ покупателю сказалъ.

— Долбинъ, помѣщикъ. Я узналъ,
 Что рысака вы продаете...—
 „Такъ точно“.

— Дорого-ль возьмете?—
 „Позвольте въ домъ васъ попросить“.
 — Зачѣмъ-же? можно тутъ рѣшить.—
 „Четыреста. Коню три года...“
 — Я видѣлъ. А чьего завода?—
 „Орловой“.

— Дорогъ-съ. Не дамъ.
А вотъ за триста—по рукамъ.—

„Я не торгашъ, предупреждаю.
Три съ половиною даютъ,
Придти хотѣли—и придуть“.
Все вретъ, Лукичъ подумалъ: знаю...
И молвилъ: „я и приводилъ“.
— Ну! ну! Скобѣевъ перебилъ.
„Я не обидѣлъ васъ словами;
Чтѣ-жъ! наше дѣло сторона.
Не дорогая, молъ, цѣна,
Я вотъ что...“ и старикъ руками
Развелъ.

Хозяинъ былъ упрямъ,
И плохо подвигалась сдѣлка.
„Ударьте, сударь, по рукамъ!
Лукичъ, какъ бѣсъ, шепталъ украдкой
Помѣщику: вѣдь, дѣло гадко!
Скобѣевъ спятится вотъ-вотъ...
Кончайте! сотня не разсчесть!“

Долбинъ стоялъ въ недоумѣннѣ,
Поглядывалъ на рысака,
Картина-конь! на старика,—
Тотъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнья.
Усами шевелилъ, мигалъ,
Къ карману руку прикладывалъ...
Не прозѣвай, молъ! Чтѣ ты смотришь,
Покаешься, да не воротишь,
Мнѣ чтѣ! я не желаю зла...
И сдѣлка кончена была.

Кому не святъ обычай русской!
 И вотъ за водкой и закуской
 Скобѣевъ и Долбинъ сидятъ.
 Червонцы на столъ звенятъ;
 Лицо хозяина сіяетъ;
 Онъ залпомъ рюмку выпиваетъ,
 Остатки въ потолокъ — вотъ такъ!
 Дескать, попрыгивай, рысакъ.
 Долбинъ поморщился немного,
 Но тоже выпилъ. У порога
 Лукичъ почтительно стоялъ
 И очереди ожидалъ:
 Хватилъ и молвилъ: „захромаю
 Съ одной-съ...“

Скобѣевъ не слыхалъ;
 Бесѣду съ гостемъ продолжалъ:
 „Такъ, вотъ что, Климъ Кузьмичъ! я знаю
 Имѣнье ваше... проѣзжалъ...
 Земли довольно...“

— Рукъ немного!
 Душъ тридцать. Впрочемъ не бѣда:
 На мѣсячинѣ всѣ —

„Ахъ, да!
 Мысль не дурна“.

— Но надо строго
 Слѣдить. Внимательность нужна.—
 „Лѣнятся?“

— Ужасъ! Разоряютъ!
 Заставишь сѣять, сѣмена

За голенища засыпають,
Порою въ землю зарываютъ!—
„Неужто?“

— Просто, нѣтъ души!
Хоть колъ на головѣ теши,
Не убѣдишь!.. Я разъ гуляю...
Гляжу—нырнулъ мальчишка въ рожь...
Э! погоди, молъ! не уйдешь!
И чтб-же сударь открываю?—
„Ну-съ?“—

— Онъ колосья воровалъ!
Шапченку верхомъ ихъ набрасть!
На чтб, молъ? Хлопаетъ глазами
Да хнычетъ.—

„Этакой развратъ!

Ужасно! и отцы молчатъ?“
— Нашли тутъ! научаютъ сами...
Не наѣдятся, чортъ возьми!
Что хочешь, какъ ихъ не корми!—

„Вотъ саранча!“
— Да-съ! наказанье:
Вы какъ? на службѣ!—

„Да... служилъ...
Въ комисіи подъ лямкой былъ“.
— Такъ... Вышли?—

„Родилось желанье
Скончить, знаете, свой вѣкъ

Покойно: грѣшный человѣкъ,—
Усталъ трудиться“.

— Охъ, Создатель!
Лукичъ подумалъ: вотъ и вѣрь!
Не скажетъ, вѣдь, за что теперь
Онъ подъ судомъ... хорошъ пріятель!
Давно-ль деревню-то купилъ?
А говорить—подъ лямкой былъ.—

Помѣщикъ всталъ и распростился,
Онъ къ воротамъ,—Лукичъ во слѣдъ.
„За трудъ, сударь“, и побожился:
Коню-то, молъ, цѣны, вѣдь, нѣтъ.
— Вотъ два цѣлковыхъ.—

„Что вы съ! мало!
Какъ можно! это курамъ смѣхъ!
Гм, время, значить, такъ пропало...“
— Ну, сколько же?—

„Да пять не грѣхъ“.
Долбинъ заспорилъ.

„Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!
Мы, стало, служимъ изъ того...
А все къ примѣру, глупость наша:
Добра желаешь“.

— Эхъ, какой!
Одинъ прибавлю. Да! постой!
На счетъ собаки...—

„Что-жь, извольте!

Оно,—вы скупы, да пойдемте:

Я не сердить, служить готовъ“.

— Теперь я занятъ.—

„Мы съ двухъ словъ!“

— Нѣтъ, нѣтъ! до завтра. Срокъ не

дологъ.—

„Упустимъ: часъ въ торговлѣ дорогъ!“

— Пустое! Кучерь! Эй! за мной!

Веди коня!—

„Ну, Богъ съ тобой!

Лукичъ подумаль: заскупился.

Вотъ покупатель-то явился!

Вѣдь, съ виду смотреть молодцомъ:

Очками, тростью шеголяетъ

И на спинѣ колпакъ съ махромъ,

Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ:

А хорошенько разберешь—

Выходить такъ себѣ... какъ глина,

Что хочешь изъ нея сомнешь.

Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина!

Добру съумѣла-бъ научить,

Да не кому дубиной бить!

Ни то дуракъ... развѣсилъ уши!

Разинулъ ротъ, и вѣрить чуши,

Скобѣевъ будто задолжалъ,

Все, значить, въ карты проигралъ.

Какъ разъ! Ему и проигратъся!

Да онъ удавится за грошъ!“

— Эй, старый хрычъ! кого ты ждешь?

Пора въ-свояси убираться!

Съ крыльца Скобѣевъ забасилъ;
 Лукичъ за козырекъ схватился.
 Картузъ подъ мышку положилъ
 И молвилъ: „ну, сударь, трудился!
 Весь лобъ въ поту!“

„Платокъ возьми,
 Утрись“.

— Утремся. Я дѣтми
 За вашу клячу-то божился,
 Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять.—
 „Вишь, старый хрычъ, чѣмъ похвалился!
 Я-бъ безъ тебя умѣлъ продать.
 Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру...
 А много заплатилъ Долбинъ?“
 — Съ него возьмешь! хоть-бы алтынъ,
 Такая выжига, къ примѣру!—
 „Все лжешь!“

— Бываетъ, что и лгу,
 А передъ вами не могу:
 Не хватить духу.—

„Это видно!..
 Я-бъ далъ, нѣтъ мелочи въ дому ..“
 — Да не шутите, сударь, стыдно!—
 „Не забываться, ротъ зажму!“
 — Благодаримъ: не вы ли сами
 Просили вашу клячу сбыть?
 „Взялъ съ одного, ты съ барышами—
 И полно!..“

— Чтó и говорить!
 Вотъ щедрость! Гм... мое почтенье!

Останься съ рюмкою вина...
 Ну, дорогое угощенье!—
 „Вишневка. Какъ? вѣдь, не дурна?“
 — Хоть рубль-то дайте!—

„Чести много,
 Пожалуй, на вотъ четвертакъ“.
 — Себѣ возьмите, коли такъ!
 Эхъ, баринъ! не боишься Бога!—
 „Я говорилъ тебѣ—молчать!“
 — Потише! можно испугать!..
 Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ,
 Вишь умникъ, дурака нашель...—
 И свой картузь Лукичъ надвинулъ,
 Съ досады плюнулъ—и ушелъ.

Горятъ огни зори вечерней.
 Въ туманѣ прячутся деревни,
 И все темнѣй, темнѣй вдали.
 За пашнями, изъ-подъ земли,
 Выходитъ пламя полосами
 И начинается тутъ и тамъ
 Краснѣть по темнымъ облакамъ,
 По синевѣ надъ облаками,
 И смотришь—неба сторона
 Виситъ, въ огнѣ потоплена.
 Сквозь сумракъ поле зеленѣетъ;
 Угрюмо на краю небесъ
 Насупился кудрявый лѣсъ,
 Едва примѣтный онъ синѣетъ,
 Какъ будто туча приплыла
 И въ полѣ ночевать легла.
 Соха на пашнѣ опочила.
 Дорожка торная мертва,

Вдругъ началъ перепелъ: вва! вва!
И смолкъ.

Но пыль, какъ дымъ, покрыла
Весь городъ; такъ и вѣсть глаза!
Дворянской улицы краса,
Поникли тополи печально,
Наводитъ грусть ихъ жалкій видъ;
На стеклахъ кое-гдѣ горить
Зори румяной лучъ прощальный,
Напоминая цвѣтъ лица
Полуживаго мертвеца.
Угрюмо смотреть съ тротуара
Чугунныхъ пушекъ рядъ нѣмой,
Угрюмо ходить часовой
На каланчѣ, и вѣсть пожара—
И днемъ, и ночью черный флагъ
Готовъ онъ вздернуть. Чтѣ ни шагъ—
Все вывѣски. Вотъ подъѣзжаетъ
Телѣга, вдругъ, какъ изъ земли,
Рука и палка вырастаетъ,
Телѣга скрылася вдали,
Уже прохладенъ воздухъ сонный
И мѣсяцъ отраженъ рѣкой,
Но камень, солнцемъ раскаленный,
Доселѣ тепелъ подъ ногой.

Лукичъ въ свой домикъ возвращался.
Прищуривъ мутные глаза,
Онъ шелъ одинъ, безъ картуза,
И сильно въ стороны шатался,
И вслухъ несвязно бормоталъ:
„А вамъ-то чтѣ? Вы чтѣ такое?
Вишь умники! ну, погулялъ!

Вѣдь, на свое, не на чужое!
 Слышь, Климъ Кузьмичъ! каковъ рысакъ?
 Плохонекъ? ну, впередъ наука!
 На то, къ примѣру, въ морѣ щука,
 Чтобъ не дремалъ карась... да, такъ!
 Ты вѣрилъ на слово, и ладно;
 Выходить дѣло, ты и глупъ!
 А мнѣ-то чтѣ! мнѣ не накладно,
 Мнѣ благо, что купецъ не скупъ.
 Э! А собаку-ту, пріятель!
 Молчишь, сердить за рысака...
 Да, ты теперь не покупатель,
 И не нуждаюсь пока.
 Да гдѣ я? Что за чертовщина!
 Постой-ка, осмотрюсь кругомъ...
 Я помню отъ угла мой домъ
 Четвертый... экая причина!
 Дай сосчитаю: вотъ одинъ,
 Другой и третій... больше нѣту...
 Тутъ пустошь и какой-то тынь...
 Да какъ-же прежде пустошь эту
 Я здѣсь ни разу не видалъ?..
 Тьфу, пропасть! ничего не знаю!
 А! догадался! понимаю!
 Не въ эту улицу попалъ".

VII.

Аринѣ сердце предвѣщало,
 Что пьянъ и грозенъ мужъ придетъ:
 Чуть раздавался скрипъ воротъ,
 Въ ознобъ и жаръ ее кидало.
 Свѣча горѣла. За чулкомъ.

Грустила Саша подь окномъ.
 Заботамъ чуждъ, какъ уголь черный,
 Не унывалъ лишь котъ проворный:
 Клубкомъ старушки на полу
 Игралъ онъ весело въ углу.
 „Иду!.. раздался на крылечкѣ
 Знакомый крикъ: огня подать!“
 И Саша бросилась къ свѣчкѣ,
 Отца готовая встрѣчать.

Дверь распахнулась, онъ явился:
 Лобъ сморщенъ, дыбомъ волоса.
 Дырявый галстукъ на бокъ сбился
 И кровью налиты глаза.
 „Безъ картуза!“ всплеснувъ руками,
 Старушка молвила.

— Молчать!

Я дамъ вамъ дружбу съ столярами!
 Тсс!.. смирно!.. рта не разѣвать!..
 „Постойте! Саша говорила:
 Я васъ раздѣну“.

Раздѣвай!

Ну, да! и галстукъ... все снимай!...
 А ты о чемъ вчера грустила?—
 „Такъ, скучно было“.

— Врешь! не такъ!

Ты думаешь, отецъ дуракъ...
 Цѣлуй мнѣ руку!—

Дочь стояла
 Недвижно, только по лицу,

Сквозь блѣдность, краска выступала.
 — Не стою?.. А! поцѣловала!
 Противно, значить... да! отцу!
 Едва губами прислонилась!—
 „Ну, началось!“ сказала дочь
 И отошла съ досадой прочь.
 — Разуй меня! куда ты скрылась?
 Но Саша медлила.

— Идешь?..
 Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!
 Не надо!—
 „Полно издѣваться!
 Давайте!“

„Цыцъ!—
 „Вѣдь, брошу!“
 — Какъ?
 Ну, брось!... ну, брось!.. отецъ дуракъ.
 Ну, что-жь? не грѣхъ и посмѣяться...
 А я заплачу... не въ первой...
 Вотъ плачу... смѣйся! Богъ съ тобой!—
 „Да лягъ! промолвила старушка:
 Хоть тутъ—на лавкѣ. Вотъ подушка“.
 „Чего? учи-ко дочь свою!
 А вотъ я пѣсню запою:
 Лучина...—

„Полно, старичина!
 Грѣшно! какая тамъ лучина!“
 — Молчать! я хлѣба мало ѣлъ!
 Вотъ это кто добыть умѣлъ?—
 И серебро свое онъ вынулъ

И на полу его раскинулъ.

„На что-жь бросать-то?

— Стой, не тронь!

Не подбирай! туши огонь!—

„Да лягъ! потушимъ!“

— А! потушишь!

Украсть хотите? нѣтъ, постой!—

„Изъ-за чего ты насъ все крушишь?

Ну, пьянъ, и спаль-бы, Богъ съ тобой!“

— Кто пьянъ?—ты мужу такъ сказала!

Куда? не спрячешься! найду!—

„Оставьте, Саша умоляла:

Она ушла, ушла! въ саду“.

— Прочь отъ двери! Ты что пристала?

А кто тебѣ вотъ это сшилъ?—

И дочь онъ за рукавъ схватилъ.

— Ну! что-жь, къ примѣру, замолчала?—

У Саши загорѣлся взоръ,

И все лицо, чѣмъ коленкоръ,

Вдругъ побѣлѣло. „Не кричите!“

— Кто сшилъ?—

„Сама!“

— Вотъ разъ! вотъ два!—

И половина рукава

Упала на полъ.

„Рвите! рвите!—

За то, что для себя и васъ

За дѣломъ не смыкаю глазъ!

За то, что руки вамъ цѣлую

И добываю хлѣбъ иглой,

Или, какъ нынче, въ ночь глухую,
Вотъ такъ терплю!.. И вы родной!
И вы отецъ!“

Старикъ смутился,
Какъ ни былъ пьянъ; но спохватился
И плюнулъ дочери въ глаза.
И вѣрно-бъ грянула гроза;
Но Саша за отцомъ слѣдила;
Вмигъ отъ удара отскочила
Назадъ и бросилась вонъ.

Лукичъ въ сонъ крѣпкій погружень *).
Свѣча погасла. Все сидѣли
И мать и дочь въ саду густомъ,
И звѣзды радостнымъ огнемъ
Надъ головами ихъ горѣли.
Но грозно, въ сицей вышинѣ,
Стояла туча въ сторонѣ,
Сверкала молнія порою —
И садъ изъ мрака выступалъ,
И вновь во мракъ пропадалъ,
Старушка робкою рукою
Крестилась; вся освѣщена
На мигъ и пробудясь отъ сна,
На вѣткѣ вздрагивала птичка,
А по дворамъ шла перекличка
У пѣтуховъ.

„Не спишь, дитя?
Старушка молвила, крехтя:
Я что-то зябну... охъ! поди-ты,
Какъ грудь то больно!“

*) См. „Примѣчанія“, стр. 6, № п-й.

— Вотъ платокъ;
Покройтесь. —

„Что ты, мой дружокъ!
И будутъ у самой открыты
До свѣта плечи!“

— Мнѣ тепло. —
Нѣтъ, нѣтъ! не надо! все прошло!“

Но дочь старушку убѣдила,
И грудь и шею ей покрыла
Платкомъ. Сама, какъ часовой,
Бродила по травѣ сырой.
Прогулка грустная не грѣла
Ея продрогнувшего тѣла.
Тутъ горе... горе впереди,
Теперь и прежде... и въ груди
Досада на отца кипѣла.
Потрясена, раздражена,
Вдыхала съ жадностью она
Холодный воздухъ, хоть и знала,
Что безъ того больной лежала
Не такъ давно. Теперь опять
Хотѣла слезъ—и вновь не встать.

Въ саду зеленомъ блескъ и тѣни,—
На солнцѣ искрится роса;
Веселыхъ птичекъ голоса
Перекликаются въ сирени;
Прохлада свѣжая давно
Плыветъ въ открытое окно.
Старушка стекла вытираетъ.
Подъ потолокъ пуская паръ,

Кипить нагрѣтый самоваръ,
И Саша чайникъ наливаетъ,
Сидитъ съ поникшей головой,
Подпертой бѣлою рукой.

И вотъ Лукичъ отъ мухъ проснулся,
Зѣвнулъ, лѣниво потянулся,
Взглянулъ на столъ—тамъ серебро;
Повѣрилъ—цѣло, ну, добро!
Онъ вспоминалъ, хоть и неясно,
Что пошумѣлъ вчера напрасно;
Ну, молъ, бѣда не велика,
Не тронь, уважутъ старика.

„Охъ, голова болить, старуха!
А что вчера я смирно легъ?“
— Чуть не прибилъ насъ. Видитъ Богъ,
За чтò. Такая-то сокруха!
И понаслушались всего...—
Гм, жаль! не помню ничего!“
— Въ саду сидѣли до разсвѣта...
Грѣшно, Лукичъ! Въ мои-ли лѣта
Такъ жить!—

„Ну, ну! не поминай!
Ты пьянаго не раздражай.
Давай-ко поскорѣ чаю,
Быть-можетъ, голова... того...
А я жду сваху.“

— Отъ кого?—
„Про это я, выходитъ, знаю:
Чтò думалъ, сбудется авось“.
— Смотри, тужить-бы не пришлось...
И-ихъ, старикъ!—

„И-ихъ старуха!,
 Не забывается сосѣдъ!
 Вѣдь, я сказалъ, къ примѣру: нѣтъ.
 Ну, плеть не перебьетъ обуха!“
 — Мнѣ замужъ, батюшка, нейти,—
 Чуть слышно Саша отвѣчала,
 И съ чаемъ чашка задрожала
 Въ ея рукѣ.

„Ты безъ пути *)
 Того... не завирайся много!“
 — Я правду говорю. —

„Ну, врешь,
 Велю—за пастуха пойдешь“
 И, поглядѣвъ на Сашу строго,
 Отецъ прибавилъ: „да, велю,
 И баста! спорить не люблю“.
 — Конечно такъ. Я кукла, стало,
 Иль тряпка... и куда попало
 Меня ни бросить, все равно,
 Подъ лавку или за окно.—
 „Да что, къ примѣру, ты въ умѣ-ли?
 Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать?“
 — Вотъ если-бъ эту чашку взять
 Разбить, вы вѣрно-бъ пожалѣли!
 „Ну что-жъ изъ этого?“

— Да такъ,
 Вы сами знаете—пустякъ:
 Вамъ чашка дочери дороже.—
 „Смекаю. Ты-то за кого
 Меня сочла? за куклу тоже?
 Да ты отъ взгляда моего,

*) См. „Примѣчанія“, стр. 7, № 12-й.

Не то что словъ, должна дрожать!
 А ты... ты хлѣбомъ попрекать
 Отцу! Ты чтò вчера сказала?
 Для васъ дескать моя игла...
 — Я виновата, попрекала.
 Да если-бъ камнемъ я была,
 Тогда-бъ промолвила! Вѣдь, горько!
 Иной собакѣ лучше жить,
 Чѣмъ мнѣ: ее не стануть бить,
 Гнать изъ конуры...—

„Дальше“

— Только.

Что-жъ, мало этого?—

„Молчать!“

И слышишь ты, не поминать
 Сосѣда! моего порога
 Не смѣй онъ знать! Вишь, рѣчь нашла!
 Благодари, къ примѣру, Бога,
 Что у тебя коса цѣла!“

Старушка вышла изъ терпѣнья.
 Въ душѣ за дочь оскорблена,
 Всѣ слезы, годы униженья,
 Все горе старое она
 Припомнила и поблѣднѣла,
 И мужу высказать хотѣла,
 Какой, молъ, есть ты человѣкъ?
 Крушилъ жену свою весь вѣкъ
 И крушишь дочь. Побои, пьянство...
 Вѣдь, это мука, молъ, тиранство...
 Ты въ этомъ Богу дашь отчетъ!..

И не рѣшилась. Нѣтъ, неидеть:
 Вспылить. Немного помолчала
 И грустно дочери сказала;
 „Пей, Саша, чай-то: онъ простылъ.
 Что-жъ плакать?“

— Гм! ей чай не миль.
 Сгубилъ сосѣдь твою голубку,
 Заплачь и ты,— оно подь стать! —
 Промолвилъ мужъ и началъ трубку
 Объ уголь печки выбивать.

Межъ тѣмъ въ калиткѣ обветшало
 Кольцо желѣзное стучало.
 Лукичъ прислушался: „Стучать,
 Подь чай, къ примѣру, норовятъ...“
 Въ окно Арина поглядѣла:
 — Старуха чья-то. Охъ Лукичъ,
 Не сваха-ли! кому опричь? —
 „Что-жъ! примемъ“. Саша поблѣднѣла.
 Отецъ на кухню указаль
 И Сашѣ выйти приказаль.
 Она не трогалася съ мѣста.
 „Опять упрямство! слышь, невѣста,
 За косу выведу, гляди!“
 — Иди душа моя, иди!
 Сказала мать: охъ, мука, мука! —
 „Ну, ну! не мука, а наука...
 Васъ плетью-бъ нужно обучать“,
 И онъ сюртукъ сталъ надѣвать.

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась
 И гостя, кашляя, вошла,
 Святымъ иконамъ помолилась
 И чуть не въ поясъ отдала
 Поклонъ хозяину съ хозяйкой.
 На гостя былъ нарядъ простой:
 Покрытый синею китайкой
 Шушунъ, кокошникъ золотой
 И сарафанъ. Взглядъ ястребиный,
 Лукавый. На лицѣ морщины,
 И тонкій носъ загнуть крючкомъ:

„Челомъ вамъ, золотые, бьемы!
 Здоровы-ли, мои родные?
 Ну, жаръ! насилу доплелась!
 Да пыль отъ вѣтра поднялась, —
 Измучилась, золотые!“
 — Садись-ко, матушка, садись,
 Сказалъ Лукичъ: вотъ чашку чаю... —
 „Давай, родной. Уста спеклись.
 Шестой десятокъ доживаю,
 Насилу бродишь. Ну, и жаръ!“
 — Жена' долей-ко самоваръ.
 Привѣтимъ гостю дорогую,
 Чѣмъ Богъ послалъ.—

„И-и родной!
 Привѣтъ хоть лаской-то одной.
 Да потрудишь на рѣчь простую
 Мнѣ, старой бабѣ, отвѣчать“.

— Изволь. Послушаемъ, въ чемъ дѣло.—
 „Кажись, вамъ времячко приспѣло
 Живой товаръ свой съ рукъ сбывать;
 Есть у меня купецъ; не знаю,
 Хорошъ ли будетъ онъ для васъ“.
 — А! понимаю, понимаю!
 Товаръ, къ примѣру, есть у насъ;
 Да кто купецъ-то?

„Таракановъ,
 Тарасъ Петровичъ“.

— Это онъ!
 Лукичъ подумаль: въ руку сонъ!
 Его и ждалъ.—

„Пять балагановъ
 Своихъ на рынкѣ... голова!“
 — Прибавила. И всѣхъ-то два.—
 „И, нѣтъ!... Красавецъ! и бровями,
 И темнорусыми кудрями,—
 Всѣмъ взялъ! хоть въ рамку, золотой!“
 — Намъ красотой не любоваться!
 А былъ бы съ умной головой,
 Умѣлъ бы дѣломъ заниматься—
 Вотъ это лучше красоты!—
 „Охъ, батюшка, ума палата!
 А дома-ать—поглядѣлъ бы ты,
 Ужъ нечего!.. не наша хата!
 Пять комнатъ, сударь мой,—просторъ!
 На окнахъ бѣлыя гардины,
 Въ простѣнкахъ разныя картины,
 А дворъ-то, что это за дворъ!
 Кругомъ дубовые амбары,

И лѣсъ старинный, — прочный лѣсъ!
 Въ одномъ углу большой навѣсъ,
 Въ амбарахъ всякіе товары.
 Что, золотой, и говорить:
 Добра возами не свозить!“
 — Ну, тутъ прикрасы не у мѣста;
 Ты о приданомъ рѣчь води. —
 „Рѣчь о приданомъ впереди.
 Для жениха нужна невѣста.
 Ее онъ видѣлъ какъ-то разъ,
 Да на-вотъ! кругомъ закружился!
 И хлѣба, золотой, лишился
 И ночью не смыкаетъ глазъ —
 Все ею грезить. Да и мнѣ-то
 Совсѣмъ покою не даетъ.
 Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ,
 Все умоляетъ: какъ-бы это
 Сходила ты къ невѣстѣ въ домъ
 Поговорить съ ея отцомъ?“
 — Ну, да однако, что-же надо? —
 „Такъ что-нибудь, хоть для обряда:
 Четыре головныхъ платка,
 Ну-съ... три-четыре перстенька,
 Три нитки жемчугу на шею,
 (Ужъ много я просить не смѣю),
 Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
 Сукна на чуйку жениху,
 Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
 Кровать, комодъ и самоваръ,
 Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ
 И — денегъ, сударь, сто цѣлковыхъ...“
 — Выходить дѣло, не взыщи!
 Съ приданнымъ этакимъ, гдѣ знаешь,
 Иную дѣвушку ищи. —

„И, золотой, ты обижаешь!
 Ты покажи товаръ купцу;
 Нельзя: такое заведенье!
 Не съ разу торгъ, не вдругъ рѣшенье,
 Сказать: здорово и—къ вѣнцу“.
 — Ну да! вотъ эта рѣчь умнѣе!
 Смотрушки завтра. Попозднѣе
 Прошу покорно вечеркомъ
 Пожаловать къ намъ съ женнхомъ —
 „Всенепремѣнно. Ваши гости.
 Повѣришь-ли, чтб я скажу?
 Состарились мои всѣ кости,
 Лѣтъ тридцать свахою хожу,
 И счетъ-то свадьбамъ потеряла,
 А и доселѣ, мой родной,
 Всѣ, для кого я хлопотала,
 Остались довольны мной.
 Кому какой таланъ отъ Бога!
 За то, куда, вѣдь, ни придешь —
 И ласку, и хлѣбъ-соль найдешь...
 Однимъ нехорошо немного:
 Иные выжиги за трудъ
 По уговору не даютъ.
 Ну, имъ и достается горько:
 Начнешь по городу звонить,
 То тѣмъ, то семъ ихъ обносить —
 И свадьба врозь! да мнѣ-то только
 Отъ этихъ выжигъ барыша!“
 — Охъ, свашенька, моя душа,
 Хозяйка, сморщившись, сказала:
 Не грѣхъ-ли отъ такихъ затѣй?—
 „И, нѣтъ, родная! я слыхала
 (Старшой мой сынъ-то грамотѣй,
 Надъ Библіей и засыпаетъ):

За око—око! вотъ, вѣдь, что!
 Коли тебя обидѣлъ кто,
 Не кланяйся: не подобаетъ^{*)}.

Лукичъ любилъ потолковать.
 И у него вплоть до обѣда
 Со свахой длилася бесѣда.
 „Дочь надо замужъ выдавать
 Умно, дескать. Смотри тутъ въ оба!
 Тутъ думу думай не шутя:
 Не шашка—кровное дитя,
 Дашь промахъ разъ,—бѣда до гроба!“
 Но сваха не была плоха.
 — Да, да! рассказывай моль, сказки!—
 И не жалѣла яркой краски,
 Рисуя бойко жениха.

IX.

Покамѣстъ гостя толковала, *)
 Невольно Саша ей внимала,
 И, ѣдкой горечи полна,
 Рукою трепетной она
 Взялась за дверь; была готова
 Ее неожиданно отворить,
 Явиться предъ отцомъ, и снова
 Отказъ отъ брака повторить.
 Старикъ вспылить. Въ пылу досады
 Не будетъ отъ него пощады...
 Что-жъ! такъ и быть! Но Боже! мать
 Грозой семейной испугать,
 Заставить плакать... развѣ мало
 Она слезъ горькихъ пролила?

*) См. „Примѣчанія“, стр. 8, № 13-й.

У Саши силы не достало,
И глупымъ бредомъ назвала
Порывъ свой дѣвушка.

Какъ сладко
Въ саду малиновка поетъ!
И какъ не пѣть! въ глуши живетъ,
Въ кустѣ гнѣздо свила украдкой,
Въ гнѣздѣ малютки!.. любо ей!
Міръ Божій свѣтель. Надъ землею
Раздолье утренней порою
Купаться въ золотѣ лучей.

Весна! Весна! души отрада!
Блеститъ на солнцѣ зелень сада,
Въ избыткѣ жизни каждый листъ
Трепещетъ. Въ чащѣ пискъ и свистъ,
Въ травѣ жужжанье. Дятель цѣпкій,
По ивѣ ползая, стучитъ;
Вокругъ его сухія вѣтки
Торчатъ, какъ пальцы. Грачъ глядитъ
Лукаво съ вѣковой березы;
Тамъ крикъ галчатъ на пнѣ дупла,
Тутъ въ чашечку душистой розы
Вползаетъ желтая пчела
За медомъ. Вѣтерка дыханье
Едва касается травы,
Надъ головою дня сіянье
И ширь бездонной синевы.

Но вотъ и Саша. Торопливо
Къ плетню сосѣдскому идетъ,
Сама рукой нетерпѣливой
То сломитъ вѣтвь, то отведетъ.

Порою яркими лучами
 Ей солнце брызнетъ на плечо,
 Пригрѣтъ щеку горячо,
 Межъ тѣмъ неслышными шагами
 За нею тѣнь ея спѣшитъ.
 Плетень все ближе. Онъ увить
 Весь хмѣлемъ. Дѣвушка подходитъ,
 Кудрявый хмѣль рукой отводитъ
 И на сосѣдскій дворъ глядитъ.
 Онъ пустъ. Зеленая крапива
 На зноѣ нѣжится лѣниво,
 Да у крыльца кусокъ стекла
 Сверкаетъ. Даромъ ты пришла,
 Бѣдняжка! не видать сосѣда!
 И ждаты нѣльзя: пора обѣда,—
 Старушка дочь свою зоветъ:
 Скорѣй! скорѣй! отецъ, молъ, ждетъ.

Лукичъ былъ веселъ и за шами
 Шутилъ надъ Сашей и женой:
 „Вотъ, дескать, скоро пиръ честной...
 Готовьтесь! погуляемъ съ вами!“
 Дочь шутокъ вынести не могла
 И за водой съ двора ушла.

Полденный воздухъ жаромъ пышетъ;
 Съ открытой грудью спать, не дышетъ
 Въ постели свѣтлая рѣка.
 На желтой полосѣ песка
 Бѣлѣтъ камень. Одиноко
 За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ,
 Крыло повисло, клювъ раскрытъ,
 Покрытый влажною осокой,
 Къ крутому берегу приросъ

Недвижной лодки черный носъ.
 Вдали барахтаются смѣло
 Мальчишки. Весело волнѣ
 Ласкать ихъ молодое тѣло...
 И видны головы однѣ,
 Да руки крикуновъ. Толпою
 Идутъ коровы къ водопою;
 Усталый, щелкая кнутомъ,
 Пастухъ тащится босикомъ,
 Въ рубашкѣ.

Саша отдохнула

У камня... Тихо и жара...
 Воды прозрачной два ведра
 Съ краями вровень зачерпнула —
 И оглянулась „Гдѣ-жъ онъ былъ?“
 Столяръ на встрѣчу ей спѣшилъ.

Сосѣдь-столяръ высокъ и строенъ,
 Не очень смугль, не слишкомъ бѣль,
 Веселый взглядъ его спокоенъ
 И простодушно твердъ и смѣль;
 Въ обтяжку казакинъ изъ нанки,
 Рубашка красная чиста;
 Не въ тяготу ему рубанки
 И не въ кручину бѣднота.

„Вотъ, Саша, встрѣча-то! здорово!
 Эхъ, мѣсто дрянъ! народъ вонъ есть...
 Поцѣловаль-бы... право слово!
 Ну, жаль! глаза-бъ ему отвести,
 Да не умѣю“.

— Горя много,

— Не дотого...

„О чемъ грустить?
 Чтò горе? въ горѣ Богъ помога;
 Въѣкъ горевать, такъ что и жить!“
 — Куда ходилъ?—

„Да тутъ скончался
 Старикъ знакомый. Тамъ сиротъ!..
 Нѣтъ гроба... голосѣба идетъ...
 Я приготовить обѣщался,
 Теперь снялъ мѣрку. Жаль до слезъ!
 Спасибо, есть готовый тесъ...
 Ну, чтò отецъ?“

— Терпѣть устала!
 Не въ мочы!—и Саша рассказала
 О свахѣ.

„Эдакой старикъ!“
 И головой столяръ поникъ,
 Подумалъ и встряхнулъ кудрями.
 „Все вздоръ! не надо унывать!
 Повѣрь, все кончится словами...“
 — Да, хорошо! легко сказать!
 Защита гдѣ? Отецъ-то воленъ...
 Смотрушки завтра. Онъ сказалъ,
 Чтòбъ ты двора его не зналъ.—
 „Вотъ человѣкъ! упрямствомъ боленъ!
 Въѣдь, за тобою у него
 Не требую я ничего...
 Я бѣденъ! этого боится?
 Такъ мой топоръ не залежится;
 Отнимется одна рука,
 Вотъ есть другая... безъ куска
 Сидѣть не станемъ...“

— Это знаетъ

Онъ самъ.—

„Такъ что-жь и горевать!“

— Нѣтъ, Вася, сердце предвѣщаетъ,

Что намъ въ разлукѣ свѣковать!—

„Въ разлукѣ! Господи помилуй!

Да развѣ твой отецъ палачъ?

Хоть за-живо ложись въ могилу,—

Онъ не дрогнетъ? Ну, рвись и плачь,

Проси, покуда станеть силы,

Рѣчей и слезъ!“

— Все, такъ, мой милый!

Все это было, и не разъ...

Ты знаешь, онъ каковъ у насъ?

Жаль мать, не то хотъ утопиться:

Попрекъ, ругательство да споръ.—

„Ну, что-жь теперъ и согласиться?

Подставить шею подъ топоръ?..

Послушай: старику извѣстно,

Что я не плутъ и въ словѣ твердъ,

Ему навѣрно вотъ что лестно—

Женихъ богатъ... Лукичъ, вѣдь, гордъ!

Ну, и расчетъ: онъ, молъ, надежа

Въ нуждѣ, то-есть... такъ помогу,

Мой другъ, и я. Ей-ей не лгу!

Хлѣбъ надобенъ? Возьми. Одежа—

Дамъ и одежу! пусть лежитъ

Хоть на печи, все будетъ сытъ!

Скажи ему“.

— Онъ посмѣется...

А смѣхъ во зло меня введетъ...

Ты не повѣришь,—сердце рвется,
 Когда онъ подъ хмѣлькомъ придетъ,
 Да зашумить! Сама, вѣдь, знаю,
 Что грубость—грѣхъ: не утерплю,
 Забудусь. Послѣ проклиная
 Себя-же... Я его люблю,
 Да чтó... не достаетъ терпѣнья!—
 „Эхъ, руку-бъ далъ на отсѣченье,
 Да не поможешь!.. мой совѣтъ—
 Поудержись: грубить не слѣдъ.
 Чтó дѣлать? болѣе терпѣла,
 Дождемся счастья...“

Но грустна
 Стояла Саша. Думъ полна,
 На воду тихую глядѣла
 Глазами мутными она.
 Лазурь небесъ тамъ отражалась:
 Рѣка, свободна и свѣтла,
 Ее привѣтливо, казалось,
 Въ свои объятія звала.

Х.

Мерцаютъ звѣзды. Городъ сонный
 Какъ будто вымеръ,—такъ онъ тихъ!
 Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
 Бѣлѣютъ смутно. Мѣсяцъ полный
 Свободу далъ своимъ лучамъ:
 По крышамъ, лезятъ по стѣнамъ;
 Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ;
 Другой, какъ хитрый чародѣй,
 Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей

И цѣпь колодника освѣтитъ;
 Неслышно церковь навѣститъ,
 Окладъ иконъ посеребрить;
 Не зная страха и запрета,
 Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ,
 Скорбящій ликъ Владыки свѣта, —
 И дерзко ляжетъ на престолъ.
 Иль въ чашу сада проберется,
 По темной зелени блеснетъ,
 Росинку на листъ найдетъ,
 Росинка искрою зажжется.
 Порой на улицѣ пустой
 Безсонный сторожъ молча ходитъ
 И въ доску бьетъ, и эхо вторитъ;
 Тѣнь позади на мостовой
 Махаетъ, какъ и онъ, рукой.
 И снова тихо... Звѣздъ сіянье
 Такъ чудно. Вдругъ въ лицо пахнетъ...
 Что это? Вѣтерка дыханье,
 Иль духа горняго полетъ?

Спитъ Божій людъ. Столяръ доселѣ
 Не успокоился въ постели.
 Лежитъ онъ подлѣ верстака,
 Отдѣлкой гроба утомленный;
 Подушка — локоть обнаженный;
 Подъ локтемъ — жесткая доска.
 Печально смотреть мастерская;
 Смолистый запахъ изливая,
 Бѣлбють стружки на полу,
 Сосновый гробъ стоитъ въ углу,
 Топоръ въ березовый отрубокъ
 Воткнулся носомъ. На стѣнѣ
 Чернѣетъ старый полушубокъ,

Пила, при трепетномъ огнѣ,
 Блестить и меркнетъ. На скамейкѣ,
 Въ платкѣ и желтой душегрѣйкѣ,
 Семьи сварливая глава,
 Сидитъ дородная вдова
 И, молча, карты раскладаетъ:
 Про сынинъ бракъ она гадаетъ.
 Но сбивчивъ глупый ихъ отвѣтъ—
 То выйдетъ—*да*, то выйдетъ—*нѣтъ*.
 Вотъ, напримѣръ: *печаль, дорога,*
Постель, больная, интересъ...
 Да тутъ и навѣкъ не помога,
 Богъ знаетъ,—просто темный лѣсъ!
 Межъ тѣмъ, съ гремушкою въ рученкѣ,
 До вечера проспавшій днемъ,
 Въ штанишкахъ, въ синей рубашенкѣ,
 По стружкамъ скачетъ босикомъ
 Ея сынишка краснощекой,
 И православныхъ избъ жилецъ,
 Извѣстный на Руси пѣвецъ,
 Сверчокъ стрекочетъ одиноко
 Подъ печью.

„Вотъ, сказала мать:
 Вотъ пиковый король... постылый:
 Онъ твой злодѣй, мой Вася милый,—
 Посмотришь, свадьбѣ не бывать,
 Ни, ни! я прежде это знала:
 Намедни, помнится, во снѣ
 Все бисеръ да жемчугъ низала—
 И доведется плакать мнѣ“.

Сынъ улынулся беззаботно,
 Не слишкомъ довѣря снамъ,

Одной надеждѣ безотчетно
 Онъ предавался: „Пусть упрямъ
 Старикъ-сосѣдъ, все знаетъ Бога...
 Ну, будетъ, вѣдомо, тревога:
 Лукичъ браниться молодецъ,
 Да все-же дѣтищу отецъ,
 Не камень... сжалится... но диво,
 Что ноетъ сердце такъ тоскливо“...
 И тяжело столяръ вздыхалъ,
 Въ раздумьи кудри расправлялъ.

„Мнѣ тѣ досадно, мать сказала:
 Что Лукичу я уважала!
 Давно-ль жена его у насъ
 Брала утюгъ... дескать, на часъ,
 Два дня держала,—я ни слова,
 Я подѣлиться, молъ, готова
 Съ сосѣдомъ! Сальную свѣчу
 Взаемъ на красной горкѣ взяли
 И до сихъ поръ не отдавали...
 Ништо! покуда помолчу...
 А если онъ насъ одурачить,
 Я за себя не поручусь,
 Ни, ни! я такъ съ нимъ расплачусь,
 Что любо!“

— Это ссора, значить...

Отвѣтилъ сынъ: бѣды-то нѣтъ,
 Безъ шума дѣло обойдется.—
 „Какъ свистнешь, такъ и отзовется.
 Мнѣ эдакъ дорогъ твой сосѣдъ,
 Что вонъ немытая тряпица...
 Ну, Саша, точно, не въ него:

Скромна, работать мастерица...“

— И недурна? —

„Да, ничего“.

— А ну-ко, Ваня, плясовую! —

„Какую, братец? А? какую?“

Мальчишка весело спросилъ

И ножками засѣменилъ.

Столяръ запѣлъ:

Какъ у насъ во садочку,

Какъ у насъ во зеленомъ,

Люшеньки-люли!..

Вдова смѣялась

На пляску. Пѣсня продолжалась

Недолго. Сердце столяра

Опять заныло.—Спать пора,

Оставь-ко, Ваня! —

„Право слово,

Я ничего! я не усталъ!“

Но братъ не слушалъ и молчалъ.

И принялась за карты снова

Вдова. Кудрявый Ваня сѣлъ

На лавку и въ окно глядѣлъ.

— Эхъ, какъ звѣзда-то покатиалась!

Смотрите!—вдругъ онъ закричалъ.

Столяръ съ улыбкою сказалъ:

„Лови!“ Вдова перекрестилась.

— Знать, умеръ кто... Кто ни умереть.

Такъ, говорятъ, звѣзда спадетъ...

Э, Вася! я и не спросила!

За гробъ-то дорого-ль ты взялъ?—

„Да какъ сказать? Не въ этомъ сила.

Вѣдь, я покойника-то зналъ.
 Чудакъ! онъ жилъ въ своемъ домишкѣ,
 Такъ—въ старой мазанкѣ! Ходилъ
 Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ,
 Щегловъ, чижей, синицъ ловилъ.
 Бывало, раннею зарею,
 Въ лѣсъ проберется съ западнею,
 Да съ сѣтью—холодъ ни почемъ.
 Разставить сѣть, а съ птицей клѣтку
 На сукъ повѣсить, иль на вѣтку,
 И на-сторожѣ за кустомъ
 Дрожить въ снѣгу... Одну заботу,
 Покуда кончился, имѣлъ:
 Не во-время, молъ, заболѣлъ.
 Теперь—вотъ въ лѣсъ-бы на охоту...
 Сталъ умирать, какъ закричить:
 „— Жена! пусти на волю дѣтокъ!“
 „— Какихъ тамъ дѣтокъ? говорить.
 „— Моихъ-то вонъ, моихъ! изъ клѣтокъ!“
 — Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
 И твой отецъ чудилъ не мало,
 (Ты въ люлькѣ былъ тогда) бывало,
 Чуть свѣтъ—гоняетъ голубей.
 Бѣдняжки съ крыши встрепечутся.
 Куда! подъ облака взовьются!
 Ему-то радость! вверхъ глядитъ,
 А самъ свистить! а самъ свистить!—

Столяръ задумался печально.
 Давно-ли въ этой мастерской
 Лежалъ отецъ его больной?
 Онъ вспомнилъ взглядъ его прощальный.
 Взглядъ грустный, впалые глаза,
 Полусѣдые волоса

И эту рѣчь: нужда—нуждою,—
 Ты, Вася, честь свою храни,
 Честь пуще золота цѣни
 Ее нельзя добыть казною!
 А коли честно ты живешь,—
 Все хорошо! и свѣтъ хорошъ,
 И будетъ ласковъ людъ съ тобою;
 Обидить,—Богъ съ нимъ! не суди!
 Ты, знай, своимъ путемъ иди!
 — Охота не укоръ. Намъ стыдно
 И грѣхъ покойника корить!
 Такимъ и я желалъ-бы быть...
 Ну, Ваня, наплясался, видно,
 Глаза слипаются... вставай,
 Да Богородицу читай
 На сонъ грядущій.—

И ребенокъ
 Молитву началъ. Чистъ и звонокъ
 Былъ дѣтскій голосъ. Братъ стоялъ,
 Его ошибки поправлялъ.
 Локтями упершись въ колѣни,
 Вдова внимала въ тишинѣ;
 Огонь мигалъ,—и братьевъ тѣни
 Передвигались на стѣнѣ.

XI.

Въ рубашкѣ, съ трубкой закуреной
 И разгорѣвшимся лицомъ,
 Упрямствомъ дочери взбѣшенный,
 Лукичъ сидѣлъ передъ окномъ,

И высоко приподнималась
 Отъ гнѣва грудь его. Жена
 Вздохнуть и кашлянуть боялась;
 Прижавшись въ уголь, и блѣдна,
 Стояла Саша.

„Ну, мученье!

Отецъ раздумывалъ: дивлюсь!
 Я жениху не покажусь!...
 Вотъ дочка! вотъ повиновенье!
 За косы взяться,—визгъ поидеть...
 И жаль! рука не налегнетъ...
 Поговорю заблаго съ нею,
 Все лучше: можетъ-быть успѣю“.
 „Эхъ-ма! талантъ ты мой худой!
 Промолвилъ онъ, махнувъ рукой:
 И самъ отрады я не видѣлъ,
 И дочери, зная, въ горѣ жить...
 Ну, Саша! послѣ не тужить!
 Не говорить: старикъ обидѣлъ!
 Ты умница, ну—такъ и такъ!
 Выходить дѣло,—я дуракъ...
 Не стану спорить, Богъ съ тобою!
 А вспомнишь всѣ мои слова,
 Когда пойдешь ходить съ сумою,
 Разумная ты голова!“
 — Мнѣ бѣдность, батюшка, знакома!
 Къ работѣ я привыкла дома,
 А къ горю... мужнина казна
 Не дастъ мнѣ счастья.—

„Не нужна!

Столяръ дороже... ну, вѣстимо.
 Ты безъ кручины и заботъ

Съ нимъ проживешь; заботы—мимо,
Къ вамъ счастье съ неба упадетъ...
Эхъ, дура!“

— Сжальтесь надо мною!
За что я молодость свою
Съ немымъ сердцу загублю?
За что несчастной сиротою
Покину я порогъ родной?
Какъ мнѣ просить васъ? Боже мой!—
„Я говорю—добра желаю,
Оставь упрямство! слышишь ты?
Мнѣ что! тебя же избавляю
Отъ голода, отъ нищеты!
У столяра одна избенка,
Казны—ни гроша, мать—бабенка
Сварливая, всегда ворчить,
Ея и святой не угодить!
А Таракановъ—смѣтливъ, ловокъ,
Богатъ, торговый человѣкъ...
Онъ надаритъ тебѣ обновокъ
До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!“
— Нѣтъ, дорогими лоскутами
Меня ужъ поздно утѣшать!
Я не дитя!.. Не вы ли сами
Любили это повторять?—
„Лукичъ! жена ему сказала:
Столяръ ей по сердцу“.

— Ну, да!
А знаешь, какова нужда?
Ты на себѣ не испытала?
Въ утѣху-ли любовь, совѣтъ,
Когда къ обѣду хлѣба нѣтъ?—

„И-ихъ, старикъ! онъ силенъ, молодъ,
Не глупъ...“

— А если заболитъ,
Да годъ въ постели пролежить,
И дочь твоя узнаетъ голодъ,
Ты, значить, какъ? поможешь ей?
Смотри, тогда не пожалѣй!—
„Охъ, бѣдность! я-ль ея не знаю!
Какъ хочешь, Сашенька, гляди...
Я принуждать не принуждаю,
А про нужду по мнѣ суди:
И мать твоя была здорова,
И весела, и молода.
Теперь... теперь упасть готова
Отъ вѣтра... Охъ, тяжка нужда!“
— Чтѣ-жъ рада-ль я себѣ? моя-ли
Вина? Не вы-ли столяра
Въ свой домъ, какъ сына, принимали?
Не тутъ-ли, батюшка, подъ-часъ
Съ родными шла у васъ бесѣда,
Что хорошо бы за сосѣда
Отдать вамъ дочь? А я отъ васъ
Таилась развѣ? Вы, вѣдь, знали,
Что мы другъ къ другу привыкали!
Вы это видѣли!—

„Молчать!

Ну!..“

— Воля ваша принуждать,
А я не выйду за другаго.—
„Не слушаться? Отца роднаго?
Нѣтъ, подожди, къ примѣру, врешь!

Какъ! я невластенъ надъ тобою?
Невластенъ? Стало, ты не мною
Воспитана и рождена?
Ты мнѣ за это не должна
Повиноваться?«

— И не жалко,
Не грѣхъ вамъ дочь свою губить?—
„Ты... ты не смѣй меня учить!
Всѣ ребра изломаю палкой!“
— Что-жь! бейте! мнѣ одинъ конецъ!
Кто васъ осудить? Вы—отецъ!
Вы властны! стало-быть, я стою!...
О, Господи! да скоро-ль я
На вѣкъ глаза свои закрою?—
И покатились въ три ручья
У Саши слезы.

„Вонъ отсюда!
Ступай вѣнчайся съ столяромъ!
Ты мнѣ не дочь! и живѣ покуда,
Я не пушу тебя въ свой домъ!“
— Лукичъ,—старушка зарыдала:
Опомнись! кровь твоя!..—

„Молчать!
Умѣла твари потакать,
Теперь казнись! чего-жь ты стала?
Вонъ, говорятъ тебѣ!“

— Постой!
Куда-жь идти мнѣ? Боже мой!—
„Хоть къ чорту!“
— Батюшка!—

„Ни слова:
Скажи одно въ послѣдній разъ:
Готова слушаться?“

— Сейчасъ,
Сейчасъ скажу...—

„Ну, что-жь, готова?
Ты масломъ не зальешь огня,
Не хныкай! вотъ что!“

— Погодите...
Въ глазахъ мутится у меня...—
„Я жду!“

— О чемъ вы говорите? —
„Забудешь-ли сосѣда?—

— Нѣтъ!
Нѣтъ, не могу!—

„Одинъ отвѣтъ.
Такъ будь ты проклята отнынѣ!—
— Какъ! Сашу, Сашу проклинать?..
И вздрогнула старушка-мать,
Какъ листъ на трепетной осинѣ.
— Она моя! я буду ночь
Такъ—на колѣняхъ... Саша! дочь!
Дитя мое!.. скажи, согласна...
Не отнимай руки, не дамъ...
Я поцѣлую... я несчастна!..
И ты! и ты!.. о, горе намъ!..—
„Согласна“, Саша отвѣчала
И на полъ замертво упала.
— Охъ, ты мучитель нашъ!..—

„Ну·ну!

Лукичъ прикрикнулъ на жену:
Воды скорѣ!.. не хотѣла
Учить красавицу путемъ,
Вотъ довела ее до дѣла,—
До грубости передъ отцомъ!“

XII.

Едва блеснувшій лучъ разсвѣта
Засталъ Арину въ хлопотахъ;
Она была уже одѣта
И грѣла воду въ чугунахъ.
Старушка ставней не открыла
И въ горенкѣ, какъ тѣнь, бродила,
Тревожить шумомъ не хотя
Всю ночь неспавшее дитя.
Вотъ утро. Саша не гуляетъ,
Къ смотрушкамъ въ домѣ прибираетъ,
Все принимаетъ новый видъ,
Сіяетъ, лоснится, блеститъ...
Окно на солнышкѣ сверкаетъ,
Икона радостно глядитъ.
А за окномъ, на вѣткахъ ивы,
И крикъ, и споръ нетерпѣливый
У любопытныхъ воробьевъ:
Смотрите, молъ... мытье половъ,
Возня, тревога... дѣло худо!
И котъ вонъ тутъ! скорѣй отсюда!
И птицы дружно поднялись
И въ даль въ испугѣ понеслись.
Не весела одна невѣста,
Неспоръ и трудъ въ ея рукахъ,

Пойдетъ съ ведромъ и вдругъ—ни съ
мѣста...

Стоить, глядитъ—туманъ въ глазахъ...

Лукичъ былъ тоже озабоченъ:
Всталъ рано чуть не на зарѣ,
Замѣтилъ, что заборъ непроченъ,
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И отдалъ въ кухню на топливо.
Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
Онъ зналъ, что надо терпѣливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идетъ не пьянъ,
Что подъ ноги ему попало —
Подковка, гвоздикъ—все въ карманъ.
Прошелся по саду отъ скуки,
Червей на яблонѣ сыскалъ
И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
„Ахъ, вы, анаѣемскія штуки!
Не давитесь чужимъ добромъ!“
И наконецъ покинулъ домъ.
На перекресткѣ помолился
На церковь; нищей поклонился;
Откуда, чья она—спросилъ,
И грошъ ей въ чашку положилъ,—
Не по любви и состраданию
Къ подобному себѣ созданью,
Онъ просто вѣрилъ, что Господь
За подаваніе святое
Ему сторицею пошлетъ...
Желанье, кажется, благое
И основательный расчетъ.
Купилъ на площади торговой

Осенней шерсти два мѣшка
 У горемыки мужика,—
 О всходахъ проса, гречи новой
 Потолковалъ съ нимъ напередъ,
 И крѣпко побранилъ господъ:
 „Народъ, моля, да! работай втрое,
 Изъ жилъ тянись—имъ все не въ честь!“
 Мужикъ былъ тронуть за живое,
 Заговорилъ, забылъ про шерсть:
 — Вотъ то, дескать!.. и то, и въ празд-
 никъ. —
 „Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумаж-
 никъ!..“
 Лукичъ, нахмуясь, отвѣчалъ
 И, вѣся шерсть, на рубль укралъ.

Домъ Лукича горитъ огнями,
 Кругомъ ночь черная лежитъ,
 Отъ красныхъ оконъ полосами,
 Свѣтъ сонной въ улицѣ виситъ.
 Гости горенка набита.
 Женихъ высокъ, румянь, курчавъ,
 Веселый взглядъ его лукавъ;
 Невѣста блѣдная убита,
 Разносить чай, а гости пьютъ,
 Да рѣчи умныя ведутъ.
 Съ досадой женщины толкуютъ,
 Что оплошалъ гостиный рядъ,
 Товары завалью глядятъ,
 Купцы безсовѣстно плутуютъ,
 На шаляхъ мало пестроты,
 На ситцахъ блѣдные цвѣты;
 Старушки съ грустью вспоминаютъ

О сарафанахъ съ галуномъ,
 О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ,
 И прихоть моды обвиняють.
 Хозяинъ судить съ женихомъ
 О разныхъ выгодахъ торговли,
 О недостаткѣ рыбной ловли
 Въ ихъ городѣ и сознаеть,
 Что рѣчь разумно онъ ведетъ.
 Какъ мраморъ блѣдная, невѣста
 Уже не разъ вставала съ мѣста
 Гостей сластями обносить
 И свой нарядъ перемѣнить.
 Женихъ и мать его съ роднею
 Перемигнулись межъ собою:
 „Пора, молъ!“ и пошли на дворъ
 Надъ Сашей кончить приговоръ.
 „Каковъ женихъ? не молодчина?
 Шепталъ Лукичъ. Не плачь, Арина!
 Ты, Саша, удались пока;
 Начнется торгъ, такъ не рука
 Тутъ быть невѣстѣ...“ Сваха входитъ,
 Поклонъ — другой, и рѣчь заводитъ:
 „Ну, батюшка, товаръ хорошъ,
 Кушца похвалишь-ли, не знаемъ“.
 — Ты честь товару отдаешь,
 И мы кушца не охуждаемъ;
 Разсчетъ въ приданомъ.—

„И родной!
 Не просимъ лишняго“.

— Постой!
 Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ...
 Ты слушай вотъ что: жемчугу

И денегъ дать я не могу,
 А насчетъ платья—я согласенъ.—
 „Нѣтъ, нѣтъ! копѣчки одной
 Мы не уступимъ, золотой!“
 — А я и нитки не прибавлю!—
 И завязался жаркій споръ.

„Пустѣйшій, значить, разговоръ!
 Сказалъ женихъ: я все поправлю.
 Дочь ваша, смѣю доложить,
 Не то что... да-съ! Ей-ей, безъ лести!
 Извольте насъ благословить,
 Коли я нравлюсь ихней чести,
 Намъ деньги—пыль-съ“.

— Выходить рокъ!
 Жена! утирку и платокъ!—

Старушка, плача, суетилась.
 Невѣста снова появилась,
 Поднось у матери взяла
 И жениху, съ боязнью тайной,
 На немъ подарокъ обручальной,
 Глотая слезы, подала.
 Женихъ утерся имъ легонько,
 Невѣстъ, молча, возвратилъ;
 Утерлась и она.

„Ну, только!
 Теперь Господь васъ съединилъ“,
 Съ поклономъ сваха имъ сказала,
 И поцѣлуемъ приказала
 Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть
 И полюбовно рѣчи вести.

И гости весело шумѣли.
 Подруги Саши пѣсни пѣли;
 Простой напѣвъ ихъ грустенъ былъ,
 Тоску и думу наводилъ.
 Вино лилось. Съ улыбкой сладкой
 Женихъ невѣсту цѣловаль,
 Арина плакала украдкой,
 Лукичъ безъ усталы плясаль.
 Межъ тѣмъ невзгода бушевала:
 Выль вѣтеръ, молніи струя,
 Сквозь ливень крупнаго дождя,
 По темнымъ стекламъ пробѣгала,
 За нею вслѣдъ катился громъ,
 И вздрагиваль непрочный домъ.

Невѣста блѣдная сидѣла,
 Всему чужда, едва жива;
 Какъ въ полымѣ, у ней горѣла
 Потупленная голова.
 Не въ радость былъ ей пиръ веселый,
 Звонъ рюмокъ и напѣвъ подругъ.
 Нѣтъ! Сашу мучилъ бредъ тяжелый:
 Надъ садомъ звѣзды. Тишь вокругъ...
 Припавъ щекой къ плечу сосѣда,
 Она подъ ивой съ нимъ стоитъ,
 Чуть внятный шопоть—ихъ бесѣда,
 Да громко сердцу говорить...
 Какъ темны листья сонной ивы!
 Какъ ясенъ мѣсяцъ молчаливый!
 Вотъ полдень. Жарко. Вѣтеръ спитъ.
 Песокъ горячъ. Рѣка блестить.
 Сосѣдъ на берегу; онъ блѣденъ!
 „Что-жъ, говорить: я, Саша бѣденъ!
 Все вздоръ! отецъ твой не палачъ!
 Проси, мой другъ! и рвись, и плачь!

„Гуляй, бѣднякъ! богатымъ будешь!“
 Хозяинъ пьяный закричалъ
 И Сашѣ на ухо сказалъ:
 „Сосѣда что-ли не забудешь?
 Взгрустнулось!.. Жениха займи!
 Не то я... прахъ тебя возьми!
 Гм! понимаешь?..“ Дочь вздрогнула,
 Въ испугѣ на отца взглянула,
 Въ отвѣтъ полслова не нашла,
 Но тутъ подруга подошла,
 Вся въ бѣломъ, бойкая, живая,
 И, Сашѣ руку пожимая,
 Шепнула: „не круши себя!
 Я знаю!.. выручу тебя!..“
 Прищурила глаза лукаво
 И сѣла рядомъ съ женихомъ.
 „Какъ жарко!“

— Да-съ!—

„Досадно, право!..

Вы танцы любите?“

— Съ трудомъ,

Такъ-съ малость самую танцую. —

„Зачѣмъ-же!“

— Какъ бы вамъ сказать?..

Ногами вензеля писать

Мнѣ некогда-съ! вѣдь, я торгую.—

„Вы курите?“

— Ни, Боже мой!

И не къ чему-съ: расходъ пустой!—

„Зимой катаетесь?“

— Бываетъ,
 На сырной. Это ничего-съ!
 Вотъ жалко: вздорожалъ овесъ.
 Конь, знаете, не понимаетъ:
 Чтѣ жерновъ, мелеть Божій даръ.—
 „Скажите!“

— Да-съ! Вотъ самоваръ
 Въ семействѣ нуженъ. Не скрываю,
 Съ ребячества привыкъ я къ чаю,
 Сначала просто пью, потомъ
 Употребляю съ молокомъ:
 Не покупать-съ: своя корова.—
 „Конечно. Съ молокомъ здорово...
 У васъ цѣпочка не дурна.“
 — Четыре серебромъ дана,
 По случаю-съ.—

„А! вы счастливы!“
 — Цыганки то-же говорятъ,
 Таланъ все, знаете, сулятъ...
 Все чепуха-съ! на грушѣ сливы.—
 „Какъ? вы гадали?“

— Да-съ, гадалъ.
 Я сумасшедшаго знавалъ;
 Ахъ! тотъ угадывалъ отлично!
 Бывало, дичь несеть, несеть,
 Подъ часъ и слушать неприлично!
 Да вдругъ такой намекъ повернетъ,
 Что просто... да-съ! ей-ей чудесно!—
 Даръ, значить; все ему извѣстно!—
 „Нѣтъ, не люблю я ворожить!
 Иное дѣло—говорить,

Вотъ это такъ. Сама не знаю,
 Чуть на минуту умолкаю,
 Мнѣ скучно... даже зло беретъ...
 Поговоришь—и все пройдетъ.
 Я надоѣмъ и вамъ ужасно:
 Все говорю и говорю,
 Болтушка,—скажете...^а

— Напрасно!

Чувствительно благодарю!—

Усердной пляской утомленный,
 Забившись въ уголъ отдаленный,
 Лукичъ побрякивалъ сквозь сонъ:
 „Молчать!.. покой мнѣ дайте... вонъ!“^а
 — Прощайте, батенька, прощайте!—
 Женихъ съ улыбкой отвѣчалъ
 И руку Лукича пожалъ.
 „Ты что за птица?“^а

— Угадайте!—

„Пожалуй. Помоги мнѣ встать.
 Ты кто?“^а

— Вашъ нареченный зять.—

„Подай свѣчу... вотъ такъ... не знаю!..
 Столяръ что-ль? Нѣтъ, онъ не таковъ...“^а
 — Я, батенька, Тарасъ Петровъ.—
 „А! вспомнилъ, вспомнилъ! понимаю!
 Ну, поцѣлуй меня... Вотъ такъ!
 А я, ей-Богу, не дуракъ!
 И Саша вотъ... дитя родное...
 Мнѣ, значить, жаль... продумалъ ночь...
 И столяры... и все такое...“

А ты, вѣдь, можешь мнѣ помочь?
 На совѣсть, честно поторгую!
 И ты, выходить, чуть сплутую...⁴

Женихъ давно за дверью былъ,
 Но все свое Лукичъ твердилъ.

ХІІІ.

Востокъ краснѣть. Кровли зданій,
 Дождемъ омытыя, блестятъ.
 По небу синему летятъ
 Огнемъ охваченныя ткани
 Прозрачно блѣдныхъ облаковъ,
 И тихій звонъ колоколовъ
 Ихъ провожаетъ. Паръ волнами
 Плыветъ надъ сонными домами!
 Онъ влаженъ. Свѣжій воздухъ чистъ.
 Дышать легко. Румяный листъ
 Трепещетъ, каплями покрытый.
 По улицѣ ручей сердитый
 Журчитъ, доселѣ не затихъ.
 Межъ бѣлыхъ камней мостовыхъ
 Вода во впадинахъ алѣетъ.
 Порою вѣтерокъ повѣетъ,—
 И грудь невольно распахнешь,
 Цвѣтовъ и травъ дыханье пьешь.
 Проснися, Божій людъ! не рано!
 Несутся стаи голубей
 Въ поля. Лучъ солнца изъ тумана
 Уже сквозить,—и Божій людъ
 Проснулся весело на трудъ.

Столяръ сидить съ нѣмой тоскою.
 Поникъ кудрявой головою,
 И не поетъ его пила:
 Кручина руки отняла.
 Халатомъ старенькимъ покрытый,
 Его братишка, какъ убитый,
 Раскинувъ руки, сладко спить,
 И не разлучная игрушка,
 Его любимая гремушка,
 Безъ дѣла подъ бокомъ лежить.
 Дверь настезъ,—и вдова вбѣжала,
 Съ усильемъ духъ перевела,
 Руками бойко развела
 И вскрикнула: „Не угадала?
 Нѣтъ, карты, батюшка, не лгутъ!
 Вотъ твой Лукичъ-то! вотъ онъ, плутъ.
 О-охъ, родимые! устала!
 Дай, сяду... охъ... терпѣнья нѣтъ!..
 Отдѣлали! хорошъ сосѣдь!“
 — Нельзя-ли, матушка, безъ шуму?
 Невесело и безъ того!—
 „Ну, славно! славно! ничего!
 Сиди вотъ сиднемъ! думай думу!
 А Сашка-то изподтишка
 Вонъ подцѣпила женишка...
 Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась,
 Ужъ цѣловалась, цѣловалась!
 Ну-ну! безтыжіе глаза!
 Да что вѣдь—на меня взглянула—
 И головою не кивнула...
 А!.. каково? не чудеса?“
 — Да ладно! мнѣ-то что за дѣло!—
 „Благодарю! благодарю!
 Ну, извини, что надоѣла

И не у мѣста говорю...
 Нѣтъ дѣла! думаешь не штука?
 Съ тобою матери-то мука:
 Дѣвчонкой, душой проведенъ!
 Понравилась! околдовала!
 Вишь роза! гдѣ и разцвѣла?⁴
 И мать съ досады вышла вонъ.

Ей нужды было очень мало,
 Что сынъ невѣсту потерялъ,
 Да самолюбіе страдало:
 Сосѣдъ, бѣднякъ—и отказалъ.
 Обидно, главная причина!
 И оскорбленная вдова
 Сердилась на себя, на сына,
 На цѣлый свѣтъ... она едва
 Кота полѣномъ не убила,
 За то, что въ кухнѣ захватила
 Его надъ чашкою съ водой:
 Ты, молю, не пей, такой-сякой!

Услышавъ вечеромъ случайно
 У Лукича напѣвъ печальный,
 Столяръ промучился всю ночь.
 Кого винить: отца, иль дочь,
 Рѣшить хотѣлъ онъ и терялся.
 Ходилъ въ потьмахъ по мастерской,
 Въ постелю жесткую кидался
 И слушалъ бури свистъ и вой,
 И блескомъ молніи порой
 Его лобъ блѣдный освѣщался.
 Постелю снова покидалъ,
 Свѣчу безъ нужды зажигалъ.
 Теперь сомнѣнья не осталось:

Онъ Сашу видѣлъ изъ окна:
 Толпой гостей окружена,
 Средь смѣха пьянаго, казалось,
 Она подъ ножъ подведена.
 „Ахъ, Саша, Саша!“ и тоскливо
 Глядѣлъ онъ на широкій дворъ,
 Поросшій жгучею крапивой,
 На кровли, на чужой заборъ...
 И смутно передъ нимъ мелькали
 Его прожитыя лѣта—
 Перенесенныя печали,
 Безропотная нищета,
 О домѣ, о семьѣ забота,
 Работа днемъ и по ночамъ,
 Трудъ изъ-за хлѣба, трудъ до пота,
 Едва не съ кровью пополамъ;
 Вся горечь жизни обыденной,
 Все, что язвить и мучить насъ,
 Что отравляетъ жизнь подъ-часъ,
 Весь воздухъ, пишу, сонъ покойный,
 Все, что давно ужъ пронеслось,—
 Запопошилось, поднялось,
 Дыханье въ горлѣ захватило,
 И свѣтъ туманомъ позакрыло...
 „Эхъ! пропадай ты, голова...“
 — Куда ты? крикнула вдова,
 Глазами сына провожая
 Съ крыльца; но сынъ не отвѣчалъ,—
 Калиткой хлопнулъ—и пропалъ.

Пора обѣда наступила,
 И все нейдетъ столяръ домой.
 Кручина молодца сломила,
 Ввела въ кабакъ, виномъ поила,

Поила отъ роду въ-первой,
 И пѣлъ онъ пѣсни, — и смѣялась
 Толпа гулякъ средь кабака, —
 Пѣлъ громко, а змѣя тоска
 Кольцомъ холоднымъ обвилась
 Вкругъ сердца.

„Охъ, не утерплю!“

Сказаль дѣтина худошавый
 И, скинувъ съ плечъ хатать дырявый,
 Пошелъ плясать. „Вотъ такъ! люблю!“
 Зѣваки пьяные шумѣли.
 Дѣтина соловьемъ свисталь,
 Привскакивалъ и присѣдалъ,
 На полкахъ шкалики звенѣли,
 „Нѣтъ, пой, кто хочетъ! я усталъ! —
 Столяръ съ отчаяньемъ сказалъ,
 Ладонью въ лобъ себя ударилъ
 И грустный на скамейку сѣлъ
 И думаль думу... вдругъ расправилъ
 Густые кудри и запѣлъ...
 Пѣлъ про туманъ на синемъ морѣ,
 Да про худой таланъ и горе...
 И пѣснь лилась, пѣвецъ блѣднѣлъ.
 Казалось, все: тоску разлуки,
 И плачь любви, и грусти стонъ
 Изъ сердца съ кровью вырвалъ онъ
 И воплотилъ въ живые звуки...
 И каждый звукъ былъ полонъ слезъ;
 То съ поражающею силой
 Онъ неся въ высь, все росъ и росъ,
 Какъ будто съ свѣтомъ, съ жизнью милой
 Прощался, въ небѣ утопалъ;
 То падалъ, за сердце хваталь

И гасъ, какъ свѣточъ, постепенно...
 Пѣвецъ умолкъ и застоналъ:
 „Охъ, душно, братцы!..“ и мгновенно
 Рубашки воротъ разорвалъ.
 „Вина!“

Сидѣлецъ засмѣялся;
 — Клади, молъ, денежки-то намъ. —
 „А въ долгъ?“

— Проваливай! —

„Отдамъ!“
 — Спасибо! экъ онъ разгулялся!—
 „Проклятый! на, вотъ, казакинъ!“

Но вдругъ картина измѣнилась:
 Въ слезахъ и блѣдная, явилась
 Мать столяра... „И ты мнѣ сынъ?
 Спаситель! Николай-Угодникъ!
 Да гдѣ я? Охъ! полъ сердцемъ жжетъ!
 Шла мимо... съ рынка... сынъ поетъ...
 Все Сашка!... Такъ!.. сосѣдъ разбойникъ!
 И запилъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ!“
 Сынъ стиснулъ поднятый кулакъ...
 „Ха, ха! доходить до расправы!“
 Сказалъ дѣтина худошавый;
 „Къ чертямъ старуху! проучи!“
 Столяръ схватилъ его:—Молчи!
 И грянулъ объ полъ. „Стой, ребята!
 Связать его! позвать солдата.“
 Сидѣлецъ крикнулъ. „Вотъ, онъ, другъ!“
 И въ молодца впились шесть рукъ.
 Но молодецъ сверкнулъ глазами,

Тряхнулъ могучими плечами, —
 И всё разсыпались. Вдова
 Перепугалась. „Голова!
 Перекрестись! ну, что ты! Стыдно!
 Опомнись! съ улицы вонъ видно!
 Эхъ, соколъ, соколъ! какъ теперь
 Изъ этой пропасти за дверь
 Ты выйдешь? А? Побойся Бога!
 Ты пропадешь!..“

— Туда дорога!—

„Я знаю, знаю, отъ чего
 Ты выпилъ! Ну, и ничего...
 Я мать... Мнѣ, думаешь, отрада?
 Ну, брось! забудь! такъ, стало, надо!
 Знать не судьба твоя!..“

— Забудь!

Да ножъ-то, ножъ-то прямо въ грудь
 Засѣлъ... Оставь меня, родная!—
 „Пойдемъ, голубчикъ мой, пойдемъ!
 Братишко плачетъ, отпертъ домъ...
 Все пусто... да! и мастерская...
 Топоръ тамъ... все... ну, пошалилъ...
 Ты вспомни, какъ отецъ-то жилъ!
 Что завѣщалъ-то!... Власть не наша!
 Перенеси!“

— Ахъ, Саша, Саша!

На вѣкъ пропали мы шутя!—
 Столяръ заплакалъ, какъ дитя.

XIV.

Со дня помолвки измѣнился
 Невѣсты скромный уголокъ;
 Въ немъ съ утра до ночи тѣснился
 Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ.
 Ихъ занимало на досугѣ
 Шитье приданаго подругѣ,
 Мелькнувшій мимо пѣшеходъ,
 Подъ вечеръ пѣсни у воротъ,
 Порою сновъ истолкованье,
 Въ саду горѣлки и гулянье;
 Но вечеринокъ блескъ и шумъ
 Сильнѣе занималъ ихъ умъ.
 Двѣ скрипки, въ домѣ освѣщенье,
 Отъ стука крѣпкихъ каблуковъ
 Дрожанье стульевъ и столовъ,
 Смѣхъ *молодцовъ*, ихъ объясненье:
 Насчетъ того-съ... мое почтенье...
 Горячихъ поцѣлуевъ звукъ,
 Украдкою пожатье рукъ—
 Вотъ вечеринка; остальное
 Не новость: сборище ночное,—
 Подъ окнами толпа зѣвакъ,
 Въ окрестномъ мракѣ лай собакъ.

Отцу суровому послушна,
 Всегда задумчива, тиха,
 Свою печаль отъ жениха
 Таила Саша. Равнодушна
 Въ толпѣ подругъ она была;
 Порой казалась весела,
 Шутить, смѣяться начинала,

Но вдругъ, средь смѣха, умолкала
И уходила въ садъ,—и тамъ,
Въ зеленой чащѣ, одиноко
Садилась на скамьѣ широкой
И накопившимся слезамъ
Давала волю...

„Слава Богу!“

Отецъ невѣсты разсуждалъ:
„Теперь на ровную дорогу
Я выйду: зятя отыскалъ...
Не столярю чета! онъ, вѣрно,
Поможетъ тестю... Вотъ что скверно—
Никакъ приданымъ не собьюсь!
Бѣда, къ примѣру! смерть боюсь!
Что если свадьба разойдется?
Чортъ знаетъ, просто сбился съ ногъ!
Навязываю домъ въ залогъ,—
И тутъ заемъ не удастся!
Не скажутъ прямо: деньги есть
Не про твою, къ примѣру, честь;
Помучать болтовней, распросомъ,
На что, молъ,—и отправятъ съ носомъ:
Свои-де нужды, извини...
Вотъ богачи-то! вотъ они!
Вотъ правда!.. Или попытаться
Пойти къ Скобѣеву? Вѣдь, жидъ!
Просить не стоитъ... и сердить...
Да Богъ съ нимъ! Мнѣ равно шататься!
Ужъ занимать не миновать,
Глядишь, уважить,—какъ узнать?“

И черезъ часъ, проситель скромный,
Онъ у Скобѣева въ приѣмной

Ждалъ милости. Лакея нѣтъ,
Налѣво двери въ кабинетъ,
Тамъ разговоръ.

„Такъ все готово?“

Звучалъ густой хозяйскій басъ
(Лукичъ узналъ его за-разъ).
— Да, мнѣ дано честное слово,
Разбитый голосъ отвѣчалъ:
Вчера и нынѣ хлопоталъ
Въ комиссіи. —

„А! вы оттуда...“

Прекрасно! стало, нашъ подрядъ...“
— Все подвигается покуда;
Подмазать надо, говорить.
Вы какъ? не прочь? —

„Весьма пріятно!“

На вещи цѣну-то того...
Вы понимаете?“

— Понятно.

Да не опасно-ль? —

„Ничего!“

А по бумагамъ безусловно
Въ подрядѣ вы: я подъ судомъ“. —
— Какъ ваше дѣло въ уголовной? —
„Пустякъ! конечно, подъ сукномъ...“
Жаль, нѣтъ войны! подряды мелки,
Отъ мира мало намъ добра!“
— Ну, грѣхъ сказать! —

„Все вздоръ! бездѣлки!
 Нѣтъ, батюшка, не та пора!
 Тамъ видишь груды серебра!
 Бывало, сердце разгорится...
 Эхъ, молъ, равно! Господь простить,
 Ихватишь смѣло,—ну, и сытъ:
 Сундукъ трещить, какъ говорится!“

Лукичъ затылокъ почесалъ
 И долго головой качалъ:
 — Ну, хороши, молъ! —

„Вы къ обѣду
 Ко мнѣ?“ Скобѣевъ забасилъ
 И гостю двери отворилъ.
 — Не знаю... можетъ быть, пріѣду,—
 Въ раздумьи бородачъ сказалъ.
 Скобѣевъ громко засвисталъ.
 Едва свистъ барина раздался,
 Худой и блѣдный казачокъ
 Вбѣжалъ, въ испугъ заметался
 И гостю лысому помогъ
 Надѣть шинель.

„Зачѣмъ явился?“
 Скобѣевъ Лукича спросилъ,
 Въ карманы руки заложилъ
 И въ мягкомъ креслѣ развалился.
 „Эй! Васька! трубку! Ну, зачѣмъ?“
 — Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ!
 Просваталъ дочь, нужна помога,
 Цѣлковыхъ этакъ сто взаемъ,
 Я заложилъ бы вамъ свой домъ...
 Не откажите, ради Бога! —

„Просваталь дочь... а что она
 Молоденькая? не дурна?“
 Румяный баринъ улыбнулся,
 Прищурился и потянулся.
 — Вы все изволите шутить...
 Тутъ горе! смѣю доложить. —
 „Все врешь! когда вашъ братъ горюетъ?
 Привыкъ къ бездѣлю, пьетъ вино,
 Да ѣсть и спитъ, или плутуетъ,
 И только. Знаю васъ давно!“
 — Всѣ люди грѣшныя, конечно...
 Я заплачу вамъ черезъ годъ;
 Проценты вычтите впередъ,
 Ей-ей, васъ не забуду вѣчно! —
 „Пожалуй, почему не такъ.
 Ты мнѣ заслужишь, я надѣюсь...“
 — Последнихъ силъ не пожалѣю-сь!
 Вотъ благодѣтель! —

„Вотъ дуракъ!
 Ха-ха! шучу! Я съ кулаками
 Не связываюсь никогда!“
 Лукичъ остолбенѣлъ...

— Да, да!
 Мы, значить, черви передъ вами,
 И насъ, какъ плюнуть, раздавить...
 Эхъ-ма! —

„Поменьше говорить!“
 Старикъ взбѣсился.

— Ваша воля!
 Прикажете, мы замолчимъ.

Мы что за люди! Наша доля
Терпѣть. На этомъ и стоимъ.—

„Не притворяйся сиротою:
Меня не скоро проведешь“.

— Куда мнѣ съ глупой головою
Васъ проводить? Тутъ не найдешь,
Къ примѣру, слова... Вы богаты,
Вы баринъ, честная душа,
Я плуть, на сюртукъ заплаты
И въ кошелекъ-то ни гроша,
Куда мнѣ!.. Стало не дадите?—
„Не разживешься, признаюсь“.

— Я и за это поклонюсь.
Благодарю васъ! извините,
Что беспокоилъ.—

„Краснобай!

Ну, ну! не кланяйся! ступай!
А ты мошенникъ, старичина,
Тварь хитрая!“

— Благодарю!

За рысака-то вамъ дарю
Раздайте нищимъ.—

„Вонъ, скотина!“

— Испортишь кровь. Ну, что кричать!
Вѣдь, лѣкаря придется звать...—
Скобѣевъ бранью разразился:
„Эй, люди! въ кнутъя подлеца!“
Старикъ съ широкаго крыльца
Сходилъ себѣ, не торопился;
Не скоро дворя собралась,
И перебитой разошлась.

Дуль сильный вѣтеръ. Дождикъ лился.
 Согнувшись, въ обуви худой,
 Старикъ печально шелъ домой.
 На перекресткѣ онъ столкнулся
 Съ торговкой, что-то проворчалъ,
 Посторонился, поскользнулся,
 И чуть средь лужи не упалъ.
 Старуха, шамкая, сказала:
 „Хрѣнку, родимый, не возьмешь?“ —
 — Ну, ну! проваливай! приста! —
 Безъ хрѣну горько не втерпѣжъ!.. —
 Межъ тѣмъ по улицѣ широкой,
 Подъ ливнемъ, гнали въ край далекой
 Толпу преступниковъ въ цѣпяхъ,
 Съ остриженными головами,
 Съ зловѣщимъ знакомъ на спинахъ.
 Конвой съ примкнутыми штыками
 Ее угрюмо окружалъ,
 И барабанъ не умолкалъ.
 „Пошелъ народецъ на работку!
 Лукичъ подумалъ: да! ступай!
 Поройся тамъ, руды въ охотку
 И не въ охотку покопай...
 Подать хоть гривну... сердце ноетъ...
 Поди, Скобѣевы живутъ,
 Ихъ въ кандалы не закуютъ:
 Казна не шутка! Все прикроетъ!
 Ну, вотъ тебѣ, и взялъ въ заемъ!
 Постой! постой!.. вѣдь, этотъ домъ
 Купца Пучкова... Э, почтенный!
 Я про тебя и позабылъ!
 Пучковъ, да! я ему служилъ:
 Святоша, человѣкъ смиренный...
 Гм... мастеръ, нечего сказать,

Горячій уголь загребать
Чужой рукой.“

XV.

Угрюмъ и прочень
Пучкова домъ. На кровлѣ тесь
Зеленой плѣсенью порось.
Желѣзомъ на-крестъ заколочень
Закрытый ставень кладовой.
Косматый сторожъ, песь цѣпной
Лежить въ конурѣ у забора,
Амбары въ сторонѣ стоятъ;
Ихъ двери крѣпкія отъ вора
Замки тяжелые хранятъ.
Безлюдно въ комнатахъ просторныхъ
(Хозяинъ не имѣлъ дѣтей
И рѣдко принималъ гостей),
Висятъ картинки въ рамкахъ черныхъ,
Пыль на полахъ и по столамъ,
И паутина по угламъ.
Но спальня, съ желтыми стѣнами,
Свѣтла, опрятно убрана,
Весь уголь занятъ образами,
Лампадка вѣчно зажжена;
Кровать покрыта простынею,
И полонъ шкафъ церковныхъ книгъ;
Иныхъ терпѣть не могъ старикъ
И называлъ ихъ чепухой,
Потѣхой праздныхъ болтуновъ,
Соблазномъ молодыхъ головъ.

Въ суровой школѣ горькой нужды
Пучковъ съ ребячества окрѣпъ;

Его отецъ былъ старъ и слѣпъ,
 И сынъ, изнѣженности чуждый,
 Переносилъ морозъ и зной,
 Шатаясь по міру съ сумой.
 Порой калѣкой притворялся,
 За крендель колесомъ катался,
 И на крестѣ всегда берегъ
 Съ казной холстинный кошелекъ.
 Одинъ купецъ, старикъ бездѣтный,
 Полубольной и безотвѣтный,
 Его за бойкость полюбилъ,
 Одѣлъ и въ лавку посадилъ.
 Приемышъ росъ, добру учился,
 Поклонень, расторопень, тихъ,
 За дѣломъ въ лавкѣ не лѣнился,
 А ночью *Житія Святыхъ*
 Читалъ хозяину отъ скуки.
 Святыхъ мужей слова и муки—
 Все помнилъ, но изъ чудныхъ строкъ.
 Увы! урока не извлекъ!
 Читалъ, читалъ,—и за услугу
 Купца ограбилъ наконецъ.
 Не вынесъ бѣдный мой купецъ:
 И пилъ, и плакалъ, спился съ кругу,
 И ночью, пьяный и больной,
 Застылъ средь улицы зимой.
 Чужаго золота наслѣдникъ,
 Пучковъ себя не уронилъ:
 Глядѣлъ смиренникомъ и былъ
 О чести строгой проповѣдникъ;
 Не кушалъ рыбы по постамъ,
 Молился долго по ночамъ,
 На церковь подавалъ грошами,
 Передъ нетлѣнными мощами

Большая свѣчи зажигаль,
 Но плутовства не покидалъ.
 И странно! плутъ не лицемѣрилъ.
 Онъ искренно въ святыню вѣрилъ.
 Да! совѣсть надо очищать!
 Чтò дѣлать! страшно умирать!
 Пучковъ обѣ адѣ начитался...
 И какъ же онъ чертей боялся!
 На полчаса вздремнуть не могъ,
 Три раза „Да воскреснетъ Богъ“
 Не повторивъ. Теперь угрюмый,
 Въ очкахъ, Псалтирь читалъ онъ вслухъ,
 Но врагъ добра, лукавый духъ,
 Мutilъ его святыя думы,
 И вдругъ—съ духовной высоты
 На рынокъ, полной суеты,
 Ихъ низводилъ.

Лукичъ явился.

Передъ Пучковымъ извинился:
 „Я, молъ, читать вамъ помѣшалъ
 И полъ вотъ грязью замаралъ“...
 Хозяинъ поглядѣлъ пытливо
 На гостя, поднялся лѣнливо,
 Бумажкой книгу заложилъ,
 Зѣвнуль, молитву сотворилъ
 И отвѣчалъ: „Да, дождь сегодня.
 Все хорошо: все власть Господня.
 Ты здѣшній?“

— Здѣшній мѣщанинъ.

Не угадали?... Карпъ Лукинъ.—
 И рѣчь повелъ онъ стороною:
 Я, молъ, извѣстенъ вамъ давно,

И позабыть меня грѣшно:
 Служилъ, какъ надобно. Нуждою
 Теперь убить. Имѣю дочь...
 И рассказалъ Лукичъ, въ чемъ дѣло.
 „Гм... жаль, что не могу помочь!
 Мое богатство улетѣло,
 Какъ дымъ въ трубу. Все разошлось
 По добрымъ людямъ. Да авось
 Промаясь... Старъ... гляжу въ могилу...
 И время! Господи помилуй!“
 — Нельзя-ли, сударь, пожалѣть!
 Вы сомнѣваетесь, извѣстно...
 Вотъ образъ—заплачу вамъ честно!
 Безъ покаянья умереть,
 Коли солгу!—

„Зачѣмъ божиться?“

— Да тошно! Кажется, готовъ
 Сквозь землю лучше провалиться,
 Чѣмъ эдакъ вотъ изъ пустяковъ
 Просить и мучиться напрасно! —
 „Охъ, милый, вѣрить-то опасно!“
 И тонко намекнулъ купецъ:
 Обманъ, молъ, всюду; всякъ—хитрецъ:
 Наскажетъ много, правды мало...
 Да! время тяжкое настало!
 Не мудрено въ заемъ-то дать,
 Но каково-то получать!

Напрасно тѣломъ и душою
 Лукичъ божился, умолялъ,
 Въ закладъ домишко предлагалъ...
 Кремень-купецъ махнулъ рукою:
 „Эхъ, ну, тебя! закладъ не тотъ!“

Твой домъ не каменный! неидеть! "⁴
 — Несытая твоя утроба!
 Ну, стало, голову мнѣ снять
 И подъ залогъ тебѣ отдать?
 Вѣдь, ты глядишь подъ крышу гроба!..
 Кому казну-то ты копишь! —
 „Опомнись, съ кѣмъ ты говоришь?“
 — Съ тобою, старый песъ, съ тобою!
 Ты вмѣстѣ воровалъ со мною!
 Клади мнѣ денежки на столъ!
 Дѣлись! я вотъ зачѣмъ пришелъ! —
 „И ты мнѣ могъ? и ты мнѣ смѣешь?“
 — Кто? я-то?... Ты не подходи!
 И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,
 Убью! вотъ тутъ и околѣешь! —

Пучковъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой,
 Стоялъ онъ съ поднятой рукой;
 Огнемъ глаза его сверкали,
 И губы синія дрожали.
 Лукичъ захохоталъ. — Ну, что-жь!
 Ударь, попробуй? — что-жь не бьешь! —
 „Вонъ, извергъ!“

— Не бранись со мною.
 Я выйду честью! не шуми!
 Не то я... прахъ тебя возьми!...
 Не стоишь, правда.... Богъ съ тобою. —

Пучковъ стоналъ. Онъ гадокъ былъ:
 Безсильный гнѣвъ его душилъ.
 — Прощай! садись опять за книги,
 Копи казну, надѣнь вериги,
 Все, значить, о душѣ печаль...
 А жаль тебя! ей-Богу жаль! —

„Нѣтъ, не дожидаться мнѣ помощи!“
 Грустиль дорогою бѣднякъ:
 „Не вѣрятъ мнѣ. — Я голь! кулакъ!
 Вотъ и ходи, считай пороги,
 И гнись, и гибни ни за что.
 На то, молю, голь! кулакъ на то!
 Гм... да! Упрекъ-то, вѣдь, забавный!
 Эхъ, ты—народецъ православный!
 Не честь тебѣ лежачихъ бить,
 Безъ шапки сильныхъ обходить!
 Кулакъ... да мало-ль ихъ на свѣтѣ?
 Кулакъ катается въ каретѣ,
 Изъ грязи да въ князя ползетъ
 И кровь изъ бѣднаго сосетъ...
 Кулакъ во фракѣ, въ полушубкѣ,
 И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ, —
 Гдѣ и не думаешь,— онъ тутъ!
 Не мелочь, не грошовый плутъ,
 Не намъ чета,—подниметъ плечи,
 Прикрикнетъ,—не найдешь и рѣчи,
 Рубашку сниметъ,—все молчи,
 Господь суди васъ, палачи!
 А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
 На грошъ обманешь по-неволѣ,—
 Тебя согнуть въ бараній рогъ:
 Бранять, и быють-то, и смѣются...
 Набей карманы,—видитъ Богъ,
 Въ пріятели всѣ назовутся!
 Будь воромъ,—скажутъ: не пороки!
 Вотъ гадость! тьфу!“

И шагъ широкой
 Старикъ съ досады ускорилъ,
 Но вдругъ его остановилъ

Стукъ рамы. Смотрить—домъ высокой,
 Съ кудрявымъ вензелемъ балконъ
 Густой сиреню окружень.
 Заклятый врагъ ученыхъ споровъ,
 Его жилецъ, профессоръ Зоровъ,
 Съ сигарой подъ окномъ стоялъ
 И старика рукою звалъ.

XVI.

Ученой бурсы отпечатокъ
 Невольно Зоровъ сохранилъ:
 Зналъ букву, глубже не ходилъ.
 Былъ въ разговорахъ простъ и кратокъ
 И словомъ *вотъ* ихъ украшалъ;
 Безъ нужды кашлялъ. Богъ создалъ
 Его не злымъ, но... впрочемъ—мимо:
 Подъ-часъ молчать необходимо...
 Деньжонки славно наживалъ.

Лукичъ былъ встрѣченъ благосклонно,
 Обласканъ,—и не мудрено:
 У старика. тому давно,
 Мальчишка, труженикъ безсонный,
 Путь тяжкій Зоровъ начиналъ,—
 Латинью умъ свой притуплялъ.
 Плоды науки не пропали,
 Бѣднякъ Лукичъ дивился имъ.
 Мальчишка выросъ. Передъ нимъ
 Теперь просители стояли;
 Священникъ старичекъ больной,
 И дьяконъ, тучный и рябой.

Священникъ кланялся. Съ досадой
 Ученый мужъ рукою махалъ:

— Вашъ сынъ дуракъ! Вотъ и пропаль!..
И выгнали... хм... такъ и надо:
Зазнался.

С в я щ е н н и к ъ.

Въ чемъ же? ради Бога,
Скажите. Онъ изъ лучшихъ былъ.

П р о ф е с с о р ъ.

А вотъ: воротнички носилъ,
Да возражений дѣлалъ много
Наставникамъ: я, молъ, уменъ,
Въ журналы, въ чтенье погруженъ,
Исчерпалъ мудрость всю!..

(Священникъ хочетъ возразить).

Молчите!

Замѣтили, — онъ ничего:
Все то-жъ! Понизили его!..

(Священникъ снова хочетъ возразить).

Хм... погодите! погодите! .
Понизили по спискамъ, — онъ того..
Ученьемъ занялся небрежно...
Ну, вотъ, за то и исключень!..

С в я щ е н н и к ъ.

Онъ молодъ. Онъ былъ оскорбленъ...
Сперва учился онъ прилежно.

П р о ф е с с о р ъ.

По насъ хоть звѣзды онъ хватай!
Будь скромень! носъ не поднимай!

Онъ кто? Воспитанникъ духовный —
 Вотъ помни! Бойкость ненужна!
 А свѣткость вздоръ, она вредна!
 Сказаль наставникъ, — безусловно
 И вѣрь! вы думаете какъ?
 На это власть!

С в я щ е н н и к ъ.

Извѣстно такъ.
 Прошу васъ, сжальтесь! Два-три слова
 Сказать вамъ стоитъ — примуть снова...
 Позвольте мнѣ, наединѣ,
 Вамъ объяснить...

П р о ф е с с о р ъ.

Не время мнѣ!
 А, впрочемъ, если вы хотите,
 Пожалуй... вотъ сюда подите.

И за ученымъ мужемъ вслѣдъ
 Вошелъ проситель въ кабинетъ.
 О чемъ они тамъ толковали,
 Однѣ нѣмыя стѣны знали.
 Дверь отворилась наконецъ;
 Священникъ просто былъ мертвецъ,
 Такъ блѣдень! „Вы побойтесь Бога...
 Я-бъ больше... бѣдность... негдѣ взять“.
 — Хм... Полно, полно толковать! —
 Ученый мужъ замѣтилъ строго.
 Несчастный попъ махнулъ рукой
 И дверь захлопнулъ за собой
 Съ проклятьемъ. Зоровъ улыбнулся.

„Хорошь! А попъ!... Чтѣ нужно вамъ?“

И къ дьякону онъ обернулся.

— Да вотъ-съ по разнымъ клеветамъ,
Мой сынъ... замѣтило начальство,
Что яко-бы онъ любить пьянство... —

„Дубковъ?

— Да-съ. —

„Знаю я его!

Исключать. Больше ничего“.

— За чтѣ же? можетъ быть? ошибкой

Не то что выпилъ, пошалилъ... —

И рѣчь проситель измѣнилъ

Такъ странно, что Лукичъ съ улыбкой

Подумалъ: круто своротилъ!

Хитерь!

— Я слышалъ стороною,

Что вы нуждаетесь въ конѣ...

Такъ все равно-съ. Позвольте мнѣ...

Продамъ охотно. — И съ божбою

Плечистый дьяконъ увѣрялъ:

— Конь добрый! я на немъ пахалъ! —

„Взглянуть, пожалуй, не мѣшаетъ.

Вы приведите-ка его...

Не норовистъ онъ?“

— Ничего.

Узду, случается, скидаетъ:

Извѣстно, наши батраки

Лѣнтяи или дураки.

Какой присмотръ! —

„Хм .. Знаю, знаю!

Пусть поисправится вашъ сынъ.
Вы вотъ-что, я предупреждаю,
Вѣдь, я зависимъ... не одинъ,
Тутъ нужно...“

— Какъ-же-съ! понимаю! —

И тучный дьяконъ вышелъ вонъ,
Отдавъ почтительный поклонъ.

П р о ф е с с о р ъ.

Ну, что, Лукичъ, не надоѣло
Стоять, да слушать? Извини...

Л у к и ч ъ.

Помилуйте!

П р о ф е с с о р ъ.

Вотъ мы одни...

Садись.

Л у к и ч ъ (*Садится*).

Вы звали. Вѣрно, дѣло...

П р о ф е с с о р ъ.

Хм... я коня хотѣлъ купить, —
Раздумалъ. Надо погодить.

Л у к и ч ъ (*лукаво улыбается*).

Такъ-съ.

П р о ф е с с о р ъ.

Хорошо-ли поживаешь?

Лукичъ.

По старому-съ! и такъ и сякъ.

Профессоръ.

Ну, а бываетъ, выпиваешь?

Лукичъ.

Ни капли! чтó я за дуракъ!
Да какъ живете вы отлично!
Полы подъ лакомъ, хоть глядись,
Диваны, кресла...

Профессоръ (*смыется*).

Хм... Прилично...
Нельзя, деньжонки завелись!

Лукичъ (*вздыхая*).

Да-съ! Вы попали на дорогу.
И правда, что ученье свѣтъ.
Поить и кормить... Я вотъ сѣдъ,
И все дуракъ! Бѣда, ей-Богу!
Тутъ бѣдность...

Профессоръ.

Ты бы мнѣ сказалъ.
Ты знаешь, я не скупъ; я-бъ далъ.

Лукичъ.

Сказалъ бы, сударь... какъ-то стыдно!

Соч. И. С. Никитина. Т. II.

ПРОФЕССОРЪ.

Хм... вотъ пустякъ! забылъ ты, видно,
Какъ у тебя я въ домѣ жилъ,
Уроки-то въ саду училъ!

Л у к и ч ъ (*смотритъ на дипломъ
профессора*).

Я все гляжу, спросить не смѣю,
На этотъ листъ... вотъ-съ на стѣнѣ...

ПРОФЕССОРЪ (*самодовольно
улыбается*).

Прочти.

Л у к и ч ъ.

Нѣтъ, сударь, не съумѣю.
Написано-то не при мнѣ.

ПРОФЕССОРЪ.
Вотъ слушай:

(*встаетъ и читаетъ*)

Ecclesiasticae Academiae conventus
pro potestate sibi concessa
Dominum Zorow:

.....
Magistrum sanciorum humaniorumque litterarum
solenni hoc diplomate declarat honoremque ei ac
privilegia concessa, decrevisse ac contulisse publice
testatur.

Понялъ?

Лукичъ (*съ улыбкою почесывая затылокъ*).

Хоть-бы слово!
Кого Господь-то умудрить!
Гм... диво! Вижу въ рамкѣ новой,
Съ большой печатью листъ висить—
И только. Правда, что наука!

Профессоръ (*смѣется*).

Вотъ то-то! Въ немъ-то вся и штука!

Лукичъ (*переминяясь*).

А что бы васъ я попросилъ...—
И тутъ старикъ заговорилъ
О свадьбѣ Саши, о заемѣ,
О закладной на домъ, о домѣ,—
И на лицѣ своемъ потомъ
Горячій потъ отеръ платкомъ,
Вздыхнулъ и низко поклонился.
Ученый мужъ не отвѣчалъ,
Въ раздумьи медленно шагаль
И кашлялъ,— вдругъ остановился.
„Ты вотъ-что, ты отдашь мнѣ въ срокъ?“
— Не выйди я за вашъ порогъ!..—
„Изволь! сегодня я разстроенъ:
Дѣлъ пропасть...“

— Значить, до утра?
Такъ я въ надеждѣ.

„Будь покоенъ!
Я дамъ“.

А! сынъ пономаря!..
 Изъ грязи вышелъ,—не забылся!
 Лукичъ подумаль—и простился.

XVII.

Все рѣшено. Осталась ночь.
 Заря надъ лѣсомъ догорала,
 По желтымъ жнивьямъ тѣнь бѣжала.
 Увы, измученная дочь
 День свадьбы грустно ожидала,
 Въ послѣдній разъ теперь рыдала
 Въ объятяхъ матери,—и мать
 Ее не смѣла утѣшать.
 Онѣ другъ друга понимали,
 Чтѣо впереди, о томъ молчали,
 А горе прожитыхъ годовъ
 Такъ живо было, что безъ словъ
 Душа рвалась и въ мукахъ ныла.
 Но эти муки дочь таила,
 Нѣма съ отцомъ своимъ была,
 Межъ ними пропасть вдругъ легла
 И Сашу на-вѣкъ отдѣлила
 Отъ старика... и тѣмъ больнѣй
 Была тоска послѣднихъ дней,
 Тяжелѣ рядъ ночей безсонныхъ,
 Невѣстой въ пыткахъ проведенныхъ!.. *)

И вотъ пиръ свадебный умолкъ.
 Утихъ о немъ сосѣдей толкъ,
 Угомонились пересуды,
 Средь улицъ гости не поютъ,
 Не пляшутъ, и въ домахъ посуды
 Подъ пѣсни пьяныя не бьютъ.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 8, № 14-й.

Арина вдругъ осиротѣла.
 Грустить за дѣломъ и безъ дѣла,
 Чуть скрипнетъ дверь, — она вздрогнетъ,
 И слушаетъ, и Сашу ждетъ.
 Безъ Саши горенка скучнѣе,
 И время кажется длиннѣе,
 И котъ не веселъ: спитъ въ углу,
 Не поиграетъ на полу
 Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ,
 Она калитку запираетъ,
 И съ робостью обходить дворъ —
 Не притаился-ли гдѣ воръ,
 И мужа ждетъ, и спицамъ снова
 Въ ея рукахъ покоя нѣтъ...
 Едва покажется разсвѣтъ,
 Работа прежняя готова;
 Старушкѣ не съ кѣмъ говорить,
 Тоски и грусти раздѣлить:
 Рѣчь мужа, какъ всегда, сурова...
 Но Саша блѣдная придетъ,
 Арина такъ и обовѣетъ
 Ее руками: „Ахъ, родная,
 Здорова-ль? Присядь, присядь!
 Здорова-ли?“ повторяетъ мать,
 Съ улыбкой слезы утирая;
 „Легко-ль! недѣлю не была!
 Ужь я тебя ждала, ждала!
 Ну, какъ живешь?“ И осторожно
 О всякой мелочи ничтожной
 Ее разспросить. „Ты смотри,
 Ты не таись, молъ, говори...
 Все хорошо? Ну, слава Богу!“
 И въ лавочку черезъ дорогу
 Съ копѣйкой трудовой спѣшить

И Сашу чаемъ угостить.
 Свой садъ старушка позабыла:
 Мать столяра ей досадила
 Упрекомъ, бранью каждый день
 Черезъ изломанный плетень:
 — Здорово, другъ! въ саду гуляешь?
 Хозяйка! яблоки считаешь?
 Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
 Поймаю, — прямо подъ топоръ! —
 Арина головой качала
 И ничего не отвѣчала.
 Она не зла, молъ... это такъ:
 Всему причина — Сашинъ бракъ.

Лукичъ на рынкѣ ежедневно
 Встрѣчался съ зятемъ. Всякій вздоръ
 Входилъ въ ихъ длинный разговоръ,
 Оканчиваясь непременно
 Разумнымъ толкомъ о дѣлахъ:
 О добротѣ хлѣбовъ въ поляхъ,
 О томъ, что мужики умнѣютъ,
 Не такъ легко въ обманъ идутъ,
 Что краснорядцы богатѣютъ:
 За рубль по гривнѣ отдають...
 Лукичъ смѣялся: „просто — чудо!
 Глупа ты, матушка Москва!
 Всѣмъ вѣришь!“ — Этимъ и жива.
 Не ошибется... А не худо
 Того-съ... — зять добрый замѣчалъ
 И тестя къ чаю приглашалъ.

Онъ, видно, мнѣ не довѣряетъ,
 Тестъ думалъ: право не поймешь...
 И чаемъ вдоволь угощаетъ,

И льстить,—а толку ни на грошъ.
 Я говорю, къ примѣру, буду
 Тебѣ въ торговлѣ помогать,
 Чужихъ равно, молъ, нанимать...
 — Извольте-съ! я васъ не забуду.
 У насъ торговый оборотъ
 Зимою-съ... вотъ зима придетъ.
 Посмотримъ, какъ зима настанетъ...
 Ну, если онъ меня обманетъ,
 И я останусь въ дуракахъ,
 Безъ дома, съ сумкой на плечахъ?
 За чтѣ же такъ? Дитя родное
 Принудилъ. Самъ теперь въ долгу...
 Нѣтъ, это черезчуръ! пустое!
 Нельзя! и думать не могу!

XVIII.

Настала осень. Скученъ городъ.
 Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
 Ночь черная и сѣрый день,—
 И по нуждѣ покинуть лѣнь
 Свой теплый уголь. Вечерами
 Вороны, галки надъ садами
 Кричатъ, собираясь на ночлегъ.
 Порой неожиданный, мокрый, снѣгъ
 Кружится, кровли покрываетъ,
 Къ лицу и платью пристааетъ,
 И снова мелкій дождь поидетъ,
 И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ.
 Куда ни глянешь,—ручейки,
 Да грязь и лужи. Окна плачутъ,
 И морщась, пѣшеходы прячутъ
 Свои носы въ воротники.

Лукичъ съ досадою молчаливой
 Поглядывалъ нетерпѣливо
 На небо, снѣга поджидалъ
 И непогоду проклиналъ.
 На рынкѣ нечѣмъ поживиться:
 Дороги плохи, нѣтъ крестьянъ;
 Ходи, глотай сырой туманъ,
 Пришлось хоть воздухомъ кормиться!
 На зло кулакъ-молокосось
 Надъ нимъ трунить: „Повѣсилъ носъ!
 Неволя по грязи шататься!
 Не молодъ, время отдохнуть
 И честнымъ промысломъ заняться!
 Сидѣлъ-бы съ чашкой гдѣ-нибудь...“
 Сюртукъ въ дырахъ, сквозь крышу льется,
 Въ окошки дуетъ, печь худа,
 На что ни взглянешь,—сердце рвется,
 Хоть умереть, такъ не бѣда.

Дождь каплетъ. Темными клоками,
 Рѣдѣя, облака летять.
 Вороны на плетнѣ сидятъ,
 Такъ мокры, жалки! Подъ ногами
 Листы поблеклые шумятъ.
 Садъ тихъ. Деревья почернѣли,
 Стыдась невольной наготы;
 Въ туманѣ прячутся кусты;
 Грачей пустыя колыбели
 Качаетъ вѣтеръ, и мертва
 Къ землѣ припавшая трава.

Лукичъ стоитъ подъ старой ивой,
 Въ рукѣ топоръ, въ глазахъ печаль.
 Пришлось бѣднягѣ на топливо

Рубить деревья,—крѣпко жаль,
 Да надо: все дровамъ замѣна,
 Ихъ въ цѣломъ домѣ ни полѣна...
 И засучилъ онъ рукава.
 Чтѣ-жъ выбрать? Эти дерева
 Своей рукой отецъ покойный
 Ему на память посадилъ;
 Подъ этой ивой онъ любилъ
 Вздремнуть на травкѣ въ полдень знойный...
 „Эхъ-ма! нужда!“ Топоръ стучить —
 Съ плетня вороны улетають,
 А щепки воздухъ разсѣкають,
 И ива, падая, скрипитъ.

Старушка печку затопила,
 Лукичъ на коникѣ прилегъ.
 „О чемъ грустишь?“ жена спросила.
 — Такъ, что-то мочи нѣтъ, продрогъ.—
 „Что зять-то? какъ?“

— Смотри за шами,
 Въ мужское дѣло не входи! —
 „О-охъ, не ошибись, гляди!
 Домъ заложилъ... чтѣ будетъ съ нами,
 Когда не выкупимъ?“

— Опять!
 Нельзя, къ примѣру, помолчать?—

Дверь отворилась, и горбатый,
 Въ халатѣ, съ палкой суковатой,
 Длиннобородый мужичекъ
 Сказалъ съ поклономъ: „Встань дружокъ!
 Хозяинъ умный, тороватый!“

Явился гость, — и ты не радъ,
И я, соколь, невиноватъ.
— Мы погода побалагуримъ.
Ты кто? Зачѣмъ?—

„Да встань-ко, встань!
Не погоняй! кнута не любимъ...
Теперь подушное достань“.
— Ты, знать, отъ старосты? Разсылный?—
„Узналъ, сударикъ мой, узналъ!“
— Присядь: ты, кажется, усталъ...
Ну, что сегодня? Вѣтеръ сильный?..
Я, знаешь, все въ избѣ сижу,
На дворъ, къ примѣру не хожу,
Нога болить.—

„Хэ-хэ! проказникъ!
Испилъ воды на свѣтлый праздникъ!
Болить съ похмѣлья голова...
Хитеръ на красныя слова!“
— Чего! ей-ей, болить! безъ шутокъ!—
Вотъ видишь!.. Охъ! не наступлю!—
„Хэ-хэ, сударикъ мой, люблю!
Нужда горька безъ прибаутокъ...
Достань-ко деньги-то, родной,
Инь—къ старостѣ пойдемъ со мной“.
— Да я бы радъ! недугъ проклятый!
Какъ быть?—

„Подушное платить!
Я вотъ старикъ, и самъ девятый
Живу—плачу!.. не стать-тужить.
Шесть душъ дѣтей, жена седьмая,
Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ!

Какая тамъ нога больная!“
 — Скажи, что дома не засталъ,
 Изъ города, молъ, отлучился...—
 И въ кошелькѣ Лукичъ порылся,
 Послѣдній гривенникъ досталъ.
 Хэ-хэ, сударикъ, маловато!“
 — Ей-Богу, больше гроша нѣтъ!—
 „Ну, за тобою, дѣло свято...
 Прощай покудова, мой свѣтъ!“
 „Теперь на хлѣбъ добудь, гдѣ знаешь!“
 Лукичъ подумалъ—и вздохнулъ,
 И кошелекъ на столъ швырнулъ.
 „Не радъ хромать, да захромаешь!
 Попробуй-ка пожить вотъ-такъ...
 А, вѣдь, кричатъ: кулакъ! кулакъ!“

XIX.

Вотъ и зима. Трещать морозы.
 На солнцѣ искрится снѣжокъ.
 Пошли съ товарами обозы
 По Руси вдоль и поперекъ.
 Ползеть, скрипитъ дубовый полозъ,
 Рѣка-ли степь-ли,—нѣтъ нужды:
 Вездѣ проложатся слѣды!
 На мужичкѣ бѣлѣтъ волосъ,
 Но весель онъ; идетъ-кряхтитъ,
 Казну на холодѣ копить.

Кому путекъ, кому дорога —
 Аринѣ дома дѣла много!
 Вставая съ раннею зарей,
 Она ходила за водой;

Порой бѣлье чужое мыла,
 Дескать, работа не порокъ,
 Все будетъ хлѣбушка кусокъ;
 Порою и дрова рубила,
 Когда Лукичъ на печкѣ спалъ,
 Похмѣлье храпомъ выгонялъ;
 Отъ стужи кашляла, терпѣла
 И напоследокъ заболѣла.
 Лежить недѣлю — легче нѣтъ;
 Уста спеклись, все тѣло ноетъ;
 Едва глаза она закроетъ,
 Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ
 Встаютъ забытыя видѣнья...
 Вотъ вспомнилась съ грозою ночь:
 Въ густомъ саду шумятъ деревья,
 Изъ теплой колыбели дочь
 Головку въ страхъ поднимаетъ,
 И громко плачетъ, и дрожить,
 А мужъ неистово кричитъ
 И стулъ, шатаясь, разбиваетъ...
 Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ,
 Малютка, убранный цвѣтами,
 Покоится подъ образами;
 Блеститъ въ лампадѣ огонекъ,
 Въ углу кадила дымится;
 Столъ бѣлой скатертью накрытъ,
 Подъ кисеей младенецъ спитъ,
 Она отъ вѣтра шевелится,
 А солнце въ горенку глядитъ,
 На трупѣ весело играя...
 И мечется въ жару больная;
 Въ ушахъ звенить, въ глазахъ темно,
 Изъ глазъ ручьями слезы льются,
 Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно

Къ ней звуки музыки несутся,—
 Тамъ свадьбу празднуя, идетъ
 Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ...
 Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ,
 Смотря безмысленно кругомъ,
 Старушка встанетъ и потомъ,
 Вся потрясенная испугомъ,
 Со стономъ снова упадетъ
 И дочь въ безпамятствѣ зоветъ.

Лукичъ измучился съ больною:
 Самъ кой-какъ печку затоплялъ
 И непривычною рукою
 Себѣ обѣдъ приготавливалъ.
 Спѣшилъ на рынокъ, съ рынка снова
 Жену провѣдать приходилъ,
 Малиной теплою поилъ:
 Вспотѣешь, будешь, молъ, здорова,—
 И снова домъ свой покидалъ,
 Куска насущнаго искалъ.

Вотъ входитъ Саша. Мать больная,
 Кряхтя, ей дѣлаетъ упрекъ:
 „Ты рѣдко ходишь, мой дружокъ;
 Я умираю, дорогая...
 Охъ, тошно! такъ и давить грудь!
 Хотъ бы на солнышко взглянуть,
 Все снѣгъ, да снѣгъ...“

— Я къ вамъ хотѣла
 Вчера придти, да то дѣла,
 То гости... — Саша солгала;
 Свекровь ей просто не велѣла,
 Не приказалъ и мужъ: авось

Еще, молю, свидишься, небось!
 Старушка ложь подозрѣвала,
 По голосу ее узнала,
 А голосъ Саши грустенъ былъ!
 „Дитя мое, я... Богъ судилъ...
 Дай руку!... дай, моя родная!
 Такъ... крѣпче жми! ну, вотъ теперь
 Легко...“ И плакала больная,
 Рыдала дочь. Безъ шума въ дверь
 Входила смерть.

Былъ темный вечеръ.
 Порывистый, холодный вѣтеръ
 Въ трубѣ печально завывалъ.
 Лукичъ встревоженный стоялъ
 У ногъ Арины. Дочь глядѣла
 На умирающую мать,
 И все сильнѣй, сильнѣй блѣднѣла.
 Старушка стала умолкать
 И постепенно холодѣла,
 И содроганья ногъ и рукъ,
 Послѣдній знакъ тяжелыхъ мукъ,
 Ослабѣвали. Вдругъ, рыдая,
 Упала на колѣни дочь:
 „Благослови меня, родная!“
 — Отецъ твой... нищій... ты помочи
 Ему... нашъ домъ... и рѣчь осталась
 Неконченной, — и тихій стонъ
 Смѣнилъ слова. Но вотъ и онъ
 Умолкъ. Развязка приближалась:
 Въ тоскѣ подъятая рука,
 Какъ плетъ упала. Грудь слегка
 Приподнялась и опустилась,
 Дыханье рѣже становилось,

Взоръ неподвижный угасаль,
 По тѣлу трепеть пробѣжалъ, —
 И стихло все... Не умолкаль
 Лишь бури вой.

„Одинъ остался!

Одинъ, какъ персть!“ Лукичъ сказалъ,
 Закрывъ лицо — и зарыдалъ...

Уснуло доброе созданье!
 Жизнь кончена. И какъ она
 Была печальна и бѣдна!
 Стряпня и вѣчное вязанье,
 Забота въ домѣ приглядѣть,
 Да съ голоду не умереть!
 На пьянство мужа тайный ропоть,
 Порой побои отъ него,
 Про быть чужой несмѣлый шопоть,
 Да слезы... больше ничего!
 И эта мелочь мозгъ душила
 И человѣка въ гробъ свела!
 Страшна ты, роковая сила
 Нужды и мелочнаго зла!
 Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно,
 Войдешь ты, — полъ не заскрипитъ,
 А душишь, душишь постепенно,
 Покуда жертва захрипитъ!

Съ разсвѣтомъ буря замолчала.
 Арина на столѣ лежала.
 Въ лампадкѣ огонекъ сіялъ;
 Онъ какъ-то странно освѣщаль
 Лицо покойницы-старушки,
 И неподвижной и нѣмой,

И бѣлые углы подушки,
 Прижатой мертвой головой.
 Убитый горемъ и тоскою,
 Передъ иконою святою
 Лукичъ всю ночь Псалтирь читаль.
 Уныль и тихъ его былъ голосъ;
 Отъ страха жесткій, черный волосъ
 На головѣ не разъ вставаль.
 Казалось, строго, и сурово
 Глядѣла блѣдная жена;
 Раба доселѣ, съ жизнью новой
 Вдругъ измѣнилася она, —
 Свою печаль припоминала
 И мужу казнь угрожала...
 Старикъ внимательнѣй читаль
 И ничего не понималь.
 Всѣ буквы, мнилось, оживали,
 Плясали, разбѣгались вдругъ...
 При оборотѣ издавали
 Листы какой-то чудный звукъ...

Межъ тѣмъ сосѣдки понемногу
 Набились въ горенку. Однѣ
 Вздыхали и молились Богу,
 Другія въ грустной тишинѣ
 Съ тяжелой думою стояли,
 Иль объ усопшей толковали,
 Что, вотъ-де, каковы дѣла —
 Жила, жила, — да умерла!
 Мать столяра въ углу стояла,
 Съ кумой любимой шептала:
 „Вѣдь, на покойницѣ платокъ,
 Чтѣ тряпка... ай-да муженекъ!
 Убралъ жену, кулакъ проклятый!

О платѣ и не говорю —
 Я вчужѣ отъ стыда горю:
 Съ заплатой, кажется, съ заплатой!..
 А дочь слезинки не прольетъ...
 Вотъ срамъ-то! инда зло беретъ!
 Ахъ, я тебѣ и не сказала!
 Она за сына моего
 Хотѣла выйти... каково?
 Да я-то шишь ей показала!
 И мать-то, помянуть не тѣмъ,
 Глупа была, глупа совсѣмъ!“

Сосѣдки вышли. Сталъ совѣта
 Отецъ у дочери просить:
 „Ну, Саша! мать вотъ неотпѣта,
 Гдѣ деньги? чѣмъ мнѣ хоронить?“
 — Мой мужъ поможетъ. Попросите
 Здѣсь посидѣть кого-нибудь
 И вслѣдъ за мною приходите. —
 „Да! надо, надо шею гнуть!
 И по дѣломъ мнѣ! охъ, какъ стою!“
 И крѣпко жилистой рукою,
 Остановя на трупѣ взоръ,
 Свой блѣдный лобъ старикъ потеръ.

XX.

Румянь, плечистъ, причесанъ гладко,
 Тарась Петровичъ за тетрадкой
 Въ рубашкѣ розовой сидѣлъ,
 На цифры барышей глядѣлъ
 И улыбался. Подъ рукою
 Сіяли проволоки счетъ;

Зеленый плющъ надъ головою
 Висѣлъ съ окна. Полна заботъ,
 За чаемъ Саша хлопотала.
 Пѣлъ пѣсни свѣтлый самоваръ;
 Въ лежанкѣ загребенный жаръ
 Краснѣлъ; струей перебѣгало
 По углямъ полымя. И вдругъ
 Часы издали странный звукъ,
 Шипѣли долго и лѣниво,
 И, съ пятнышками вмѣсто глазъ,
 Кукушка сѣрая тоскливо
 Прокуковала восемь разъ.

Лукичъ вошелъ, — и сердце сжалось
 У Саши. Жалокъ былъ отецъ!
 Оборванъ, блѣдень... грусть, казалось,
 Его убила наконецъ.
 Едва старикъ перекрестился,
 Румяный зять его вскочилъ
 И сожалѣнье изъясвилъ,
 Что доброй тещи онъ лишился,
 „Мнѣ, молъ, жена передала,
 Святая женщина была!..“
 — Вотъ надо справить погребенье...
 Нѣтъ гроба... сдѣлай одолженье...
 Дай пѣмочь! —

„Отъ добра не прочь,
 Зачѣмъ родному не помочь!...
 Гм... жаль! я думаю — простуда!“
 — Богъ знаетъ чтѣ, да умерла. —
 „Я полагаю-сь, смерть пришла...
 Вотъ выпейте чайку покуда“.
 — Благодарю! не до того. —

„Напрасно-съ, это не мѣшаетъ:
 Онъ эдакъ грудь разогрѣваетъ...“
 — Да я не зябну. Ничего...
 Не позабудь, къ примѣру, въ горѣ! —
 „Вотъ ключъ позвольте отыскать...
 Я много не могу вамъ дать,
 Не то что... да-съ! Нѣтъ денегъ въ сборѣ“.
 — Не добивай! я такъ убить! —
 „О томъ никто не говоритъ!
 На счетъ того-съ... оно, конечно,
 Родню позабывать грѣшно,
 Да, вѣдь, грѣшно и жить безпечно,
 Да-съ! поскользнется неравно!
 На васъ вотъ тулупишко рваный,
 Изъ сапогъ носки глядятъ,
 А вы намереди были пьяны...
 Выходить, кто же виновать?“
 — Охъ, знаю, другъ мой! Все я знаю!
 Вѣдь, пьетъ неволя иногда!
 Ты думаешь, мнѣ нѣтъ стыда,
 Что плутовствомъ я промышляю,
 Хитрю, ѣмъ хлѣбъ чужой, какъ воръ? —
 „Разсчетъ въ торговлѣ не укорь...
 Все это пустяки — и только,
 На печкѣ хочется лежать!
 На рынкѣ горько промышлять,
 Ну-съ, а просить теперъ не горько?“
 — Вѣстимо... если-бы ты зналъ!
 Осмѣянъ всѣми, обнищаль,
 Тутъ совѣсть не даетъ покою...
 Зять! не пусти меня съ сумою!
 Дай мнѣ подъ старость отдохнуть!
 Поставь меня на честный путь!
 Дай дѣло мнѣ! Господь порука, —

Не буду пить и плутовать! —
 „Привыкли-съ. Трудно перестать!
 Вотъ, значить, вамъ впередъ наука...
 На похороны помогу,
 Насчетъ другаго-съ, — не могу“.
 — И съ бороною посѣдѣлой
 Опять мнѣ грабить мужиковъ?
 Пойми ты, доброе-ли дѣло!
 Неужто воръ я изъ воровъ?
 Зять! Богомъ, значить, умоляю,
 Подумай! Выручи! —

„Опять!
 Охота вамъ слова терять!
 Нельзя-съ! По чести завѣряю...
 Рубль серебра, извольте, дамъ“.
 — Такъ я, выходить, по домамъ
 На тѣло мертвое собираю...
 Ну, есть-ли стыдъ въ тебѣ и честь?
 Вѣдь, я не нищій! я твой тесть!
 Вѣдь, я прошу не подаянья, —
 Взаемъ. Ты слышишь, или нѣтъ? —
 „А я даю изъ состраданья,
 Не то что... да-съ! и мой совѣтъ:
 Не надо брезгать“.

Саша встала.

Негодования полна,
 Казалось, выросла она
 И мужу съ твердостью сказала:
 „Я свой салопъ отдамъ въ закладъ —
 И мать похороню!“

— Чудесно-съ!

Гм... дочка нѣжная... извѣстно-съ...

Хе-хе! Бываетъ — не велятъ! —
 „Ну, если такъ, найду другое...
 Вотъ обручальное кольцо...“
 И Саши блѣдное лицо
 Покрылось краскою.

— Пустое!

Не смѣешь, значить! —

„Саша, Саша!

Оставь! схоронимъ какъ-нибудь!“
 Отецъ сказалъ.

— Нѣтъ, воля ваша!

Ужъ у меня изныла грудь
 Отъ этой жизни... я молчала...
 Онъ мягко стелеть, жестко спать...
 Пусть бьетъ! я не хочу скрывать!
 Больною мать моя лежала,
 Я мать провѣдать не могла!
 Боится — столяра увижу... —
 „Столяръ мнѣ что? молва была...
 Онъ плутъ! плутовъ я ненавижу.
 Мужъ хоть и лыкомъ сшить, — люби,
 Да знай стряпню, да не груби,
 На то жена!“

— О, будь увѣренъ!

Я буду стряпать и молчать!
 Но подъ замкомъ себя держать
 Я не позволю!.. —

„Не намѣренъ...“

Нельзя-съ, законная жена...

А мужа ты любить должна —
Вотъ только!“

Саша улыбнулась.
Мужъ отъ улыбки поблѣднѣлъ,
Но вмигъ собою овладѣлъ.
„Все вздоръ! изъ пустяковъ надулась!
Объ этомъ мы поговоримъ
Наединѣ-съ... А вотъ роднымъ
Поможемъ. Нужно — и дадимъ.
Держите, батенька, Богъ съ вами!“

Тестъ, молча, подаянье взялъ, —
И точно память потерялъ:
Пошевелилъ слегка губами,
На зятя кинулъ мутный взоръ
И крупный потъ на лбу отеръ.
„А вамъ пора за умъ приняться!
Прибавилъ зять: вы нашъ родной,
Не съ поля вихорь, не чужой.
А съ пьянымъ нечего мнѣ знаться!“

Старикъ съ поклономъ вышелъ вонъ.
О чемъ-то, бѣдный, думалъ онъ?
Но вѣрно думою печальной
Былъ возмущенъ: на рынокъ шель —
И, Богъ вѣсть почему, забрелъ
Въ какой-то переулокъ дальней;
Опомнившись, взглянулъ кругомъ, —
И зятя назвалъ подлецомъ.

Добычи рыночной остатокъ
Давно Лукичъ рублей десятокъ
Въ жилетѣ плисовомъ берегъ.

Теперь вотъ зять ему помогъ,
 На все достало, слава Богу!
 Купилъ онъ ладону, свѣчей,
 Изюму, меду, калачей,
 Вина, — конечно, по-немногу;
 Поденьщиковъ приговорилъ
 Могилу рыть и гробъ купилъ.
 Принесъ его въ свою избушку,
 Перекрестился, крышку снялъ,
 На днѣ колстину разостлалъ,
 Съ молитвой положилъ старушку,
 Съ молитвою свѣчу зажегъ, —
 И сѣлъ въ раздумьи въ уголокъ.
 Курился ладонъ. Все молчало.
 Играло солнце на стѣнѣ.
 Бѣлѣлись свѣчи на окнѣ,
 Стекло алмазами сверкало,
 Старушка, мнилось, спала, —
 Такъ въ гробѣ хороша была!
 „Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша!
 Не даромъ сказано, что цвѣтъ,
 Ногою смялъ его и нѣтъ.
 Умру и я, умереть и Саша,
 И ни одна душа потомъ
 Меня не вспомнить... Боже, Боже!
 А, вѣдь, и я трудился тоже,
 Весь вѣкъ и худомъ и добромъ
 Сбивалъ копѣйку. Зной и холодъ,
 Насмѣшки, брань, укору, голодъ,
 Побои, все переносилъ!
 Изъ-за чего? Ну, что скопилъ?
 Тулупъ остался, да рубаха,
 А кралъ безъ совѣсти и страха!
 Охъ, горе, горе! Вѣдь, метла

Годится въ дѣло! что-же я-то?
 Что я-то сдѣлалъ, кромѣ зла?
 Вотъ свѣчи... гробъ... гдѣ это взято?
 Крестьянинъ, мужичекъ-бѣднякъ
 На пашнѣ потомъ обливался
 И продалъ рожь... а я, кулакъ,
 Я пьяница, не побоялся,
 Не постыдился никого,
 Какъ воръ безсовѣстный, обмѣрилъ,
 Ограбилъ, осмѣялъ его —
 И смертной клятвою увѣрилъ,
 Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ!..
 Вотъ зять, какъ нищему, помогъ...
 Въ глазахъ мутилось, сердце ныло, —
 Я въ поясъ кланялся, просилъ!..
 А, вѣдь, и я добро любилъ,
 Оно, вѣдь, дорого мнѣ было!
 И смѣлъ, и молодъ, помню, разъ
 Въ грозу и непогодъ весною
 Я утопающаго спасъ.
 Когда онъ съ мокрой головою,
 Нагой, на берегу лежалъ,
 Открылъ глаза, пошевелился
 И крѣпко руку мнѣ пожалъ...
 Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
 И радостно перекрестился!
 И все пропало! Все забылъ!..“

И голову онъ опустилъ;
 И, задушить его готова,
 Вся мерзость, прожитая снова,
 Съ укоромъ грознымъ передъ нимъ
 Стояла призракомъ нѣмымъ.

Бѣднякъ! бѣднякъ! печальной доли
 Тебя урокъ не вразумилъ!
 Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
 Послушный рабъ безсильной воли!
 Ты понималъ, что честный трудъ
 И путь иной тебѣ Возможенъ,
 Что ты, добра живой сосудъ,
 Не совершенно уничтоженъ;
 Ты плакалъ и на помощь звалъ...
 Подхваченный нужды волнами,
 Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками
 И... въ грязномъ омутѣ пропалъ!..

XXI.

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
 Чредѣ обычной нѣтъ конца!
 Кричитъ младенецъ въ колыбели,
 Несутъ въ могилу мертвеца.
 Живи, трудись, людское племя,
 Вопросы мудрые рѣшай,
 Сырую землю удобряй
 Своею плотью!.. Время, время!
 Когда твоя устанетъ мочь?
 Какъ страшный жерновъ день и ночь,
 Вращаясь силою незримой,
 Работаетъ неустойчиво
 Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ
 Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ!
 Ихъ доля—вѣчное забвенье!
 Ты дашь широкій оборотъ,—
 И ляжетъ прахомъ поколѣнье,
 Другое очереди ждетъ!

Прошло два года. Дымъ столбами
 Идетъ изъ трубъ. Снѣгъ порошить.
 Чуть солнце сквозь туманъ глядитъ,
 Не грѣя блѣдными лучами.
 Старушка добрая, зима
 Покрыла шапками дома.
 Заутро Рождество святое.
 Санями рынокъ запружонъ,
 Торговлей шумной оживленъ.
 Желудка рабъ, какъ все живое,
 Народъ кишить вокругъ цыплятъ,
 Гусей, свиней и поросятъ.

„Пошелъ налѣво!“ торопливо
 Скобѣевъ кучеру кричить
 И палкой нищему грозить:
 „Ты что присталь?“ Но вдругъ учтиво
 Кивнулъ кому-то головой:
 „Деревня Долбина за мной!
 Съ торговъ... поздравьте...“—Ой, пропала!
 Ахъ, чтобъ вамъ не было добра!
 Вотъ мужичье!..—Мать столяра
 Едва подъ лошадь не попала,
 Къ горшкамъ съ кумою отошла,
 Бесѣду снова повела:
 — И говорю я это сыну:
 „Оставь, молъ, ты свою кручину!“
 Нѣтъ! долго Сашу вспоминалъ!
 И вотъ что было—запивалъ!
 Теперь ни-ни! Взялся за дѣло...
 Поди, ты' не женю никакъ,
 Прошу, прошу,—такой дуракъ!
 Вишь, рано... время не приспѣло...
 Да вретъ онъ! Это ничего!
 Ужъ уломаю я его!—

Вотъ и столяръ. Его походка
 Размашиста. Тулупъ косматъ.
 Пробилась русая борода,
 И весель соколиный взглядъ;
 Лицо отъ холода краснѣетъ,
 На кудряхъ иней. Впереди
 Толпа звѣакъ. Она густѣетъ.
 Бѣднякъ-Лукичъ посерединѣ.
 Мужикъ съ курчавой бороною,
 Взбѣшенный, жилистой рукою
 Его за шиворотъ держалъ,
 И больно билъ, и повторялъ:
 „Вотъ эдакъ съ вами! эдакъ съ вами!“
 Старикъ постукивалъ зубами,
 Халатъ съ разорванной полонъ
 Отъ вѣтра въ воздухѣ мотался,
 И кровь на бородѣ сѣдой
 Застыла каплями...

„Попался!

Кричалъ народъ: тряхни его!
 Тряхни получше! ничего!“
 — Не бей по шапкѣ! Одурѣеть!—
 „Не смѣетъ бить! На это судъ,
 Расправа, значитъ... бить не смѣетъ!“
 — Валяй! Тамъ послѣ разберутъ!—
 Но вдругъ столяръ рукою смѣлой
 Толпу раздвинулъ: „Стой! за что?“
 — А не обвѣшивай! за то...
 Мужикъ отвѣтилъ: наше дѣло!
 Я продалъ шерсть, а онъ того...
 Обвѣсилъ—вонъ-щѣ!—

„Брось его!

Ты кто? Разбойникъ? Смѣешь драться?

Не знаешь,—отдеруть кнутомъ!
 Чего ты, Карпъ Лукичъ? Пойдемъ!“
 — Проваливай! Не станемъ гнаться!
 Вотъ незамай онъ покряхтитъ:
 Въ бокахъ-то у него лежитъ!—

„Эхъ, съ этимъ не дошло до драки!
 Жалѣли, расходясь, зѣваки:
 А молодецъ куда горячъ!
 И статень! то-то, чай, силачъ!“

„Сосѣдъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно!
 Столяръ дорогой говорилъ:
 Весь помертвѣлъ... лица не видно...
 Чтѣ завтра? Вспомни!“

— Согрешилъ...
 Обвѣсилъ... не во чтѣ одѣться...
 Озябъ... и нечѣмъ разговѣться.—
 „А зять?..“

— Мошенникъ! Охъ, продрогъ!
 „Ну, Саша?“

— Саша помогаетъ...
 Въ постели... кровью все перхаешь...
 Охъ, больно!.. заложило бокъ...—
 „Эхъ, Карпъ Лукичъ!“

— Молчи! я знаю!
 Сгубилъ я дочь свою, сгубилъ!—
 „Нѣтъ, я не то... не попрекаю.
 Мнѣ жаль тебя: сосѣдомъ былъ...
 Бѣдняга! Выгнали изъ дома...“

Да ты идешь едва-едва...
Квартира гдѣ?

— У Покрова.

Нетоплена. Постель—солома.
Привыкъ, къ примѣру... Охъ, продрогъ!—
„Слышь, Карпъ Лукичъ! Ты не сердися...
Вотъ деньги есть... Не откажися,
Возьми на праздникъ. Видитъ Богъ,
Даю изъ дружества. Вѣдь, хуже
Обманывать, дрожать на стужѣ...
Возьми, пожалуйста, сосѣдъ!
Ну, хоть заемъ... какъ знаешь!“

— Нѣтъ!

Я виноватъ передъ тобою:
Ты съ Сашей росъ...—

„Оставь! пустякъ!

Угодно было Богу такъ.
Возьми! Ты слышь, не спорь со мною:
Въ карманъ насильно положу,
Вотъ на!.. и руки подержу“.
— Покинь! Мнѣ стыдно!—

„Знаю, знаю!

А ты не вынимай назадъ:
Я, чтѣ родному, помогаю,
Не то что, значить... чѣмъ богатъ!
Утри-ко лучше кровь полою,
Неловко... Стой! Господь съ тобою!
Ты плачешь?“

— Ничего, пройдетъ.

Я такъ. Озябъ... Вода течетъ...

Сегодня въ воровствѣ поймали,
 Прибили... милостыню дали...
 А дочь... Проклятый зять! Прощай!—
 „Да брось его! не поминай!
 Вотъ завтра праздникъ, дѣль-то мало,
 Ты завернешь въ мой уголокъ,
 Мы потолкуемъ, какъ бывало,
 Ну, да! присядемъ за пирогъ...
 Ты просто приходи къ обѣду:
 Равно!“ И старому сосѣду
 Онъ руку дружески пожалъ
 И на прощанье шапку снялъ.

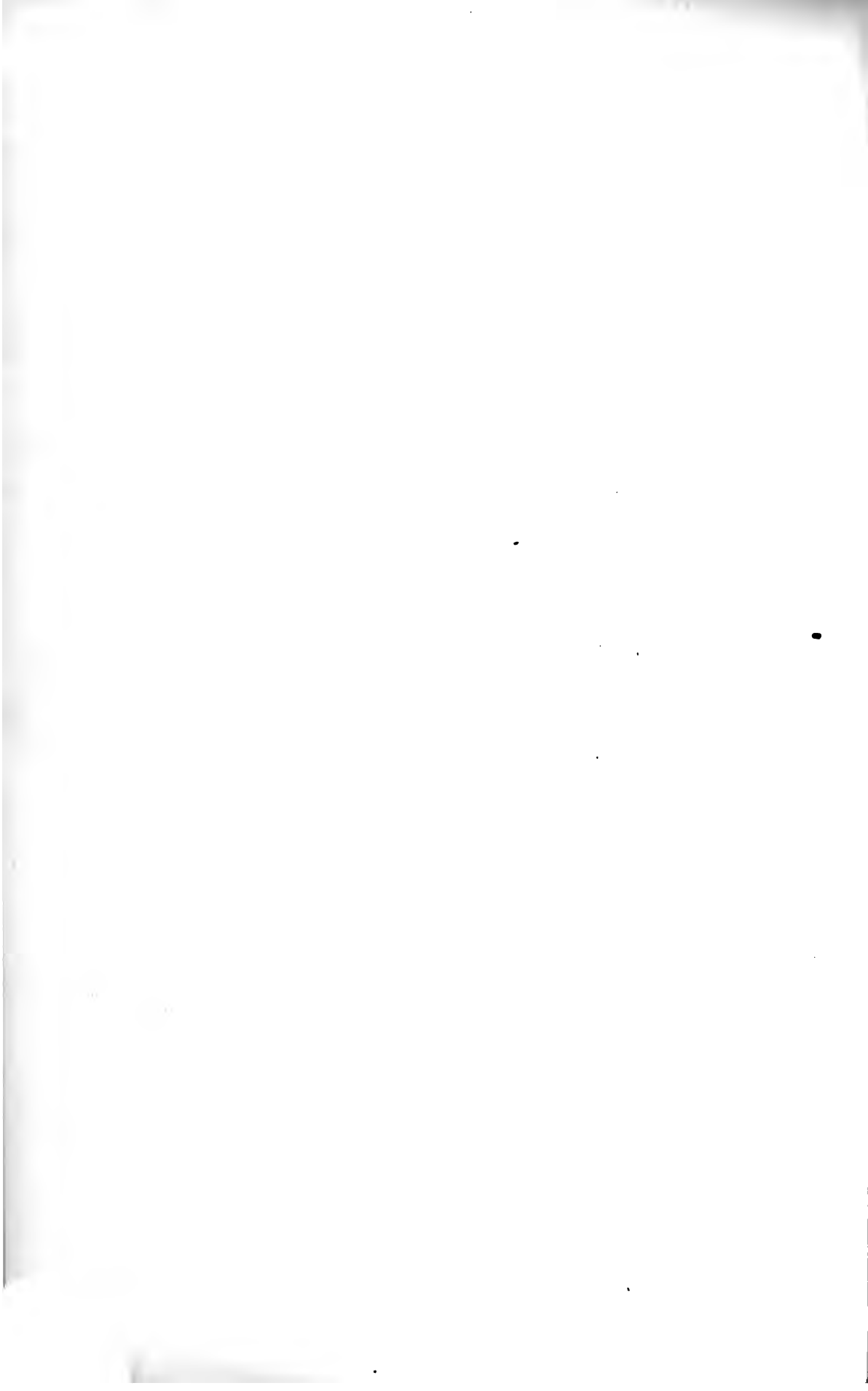
Лукичъ съ разорванной полою
 Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ,—
 Знакомыхъ нѣтъ; махнулъ рукою,—
 И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
 Когда мой домъ объять былъ сномъ,
 Сидѣлъ, я грустный, за столомъ,
 Подъ гнетомъ думъ, ночной порою!
 И мнѣ по твоему пути
 Пришлось-бы, можетъ быть, идти,
 Но я избралъ иную долю...
 Какъ узникъ я, рвался на волю...
 Упрямо цѣпи разбивалъ!
 Я свѣта, воздуха желалъ!
 Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
 Ни силъ, ни жизни молодой
 Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!

Во благо-ль? Небесамъ извѣстно...
 Но блага я просилъ у нихъ!
 Не ради шутки, не отъ скуки,
 Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ,—
 Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
 Моей душѣ была близка
 Вся грязь и бѣдность Кулака!
 Мой братъ! никто не содрогнется,
 Теперь взглянувши на тебя!
 Пройдетъ, быть-можетъ, посмѣется,
 Потѣху пошлую любя...
 Ты сгибъ, но велика-ль утрата?
 Васъ много! Тысячи кругомъ,
 Какъ, ты, погибли подъ ярмомъ
 Нужды, невѣжества, разврата!
 Придетъ-ли, наконецъ, пора,
 Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
 Когда зародыши добра
 На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
 Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
 И принесутъ сторичный плодъ;
 Когда минетъ проказа вѣка
 И воцарится честный трудъ,
 Когда увидимъ человѣка,—
 Добра божественный сосудъ?...

ПОЋЗДКА НА ХУТОРЪ.

ПОЊЗДКА НА ХУТОРЪ.

(Отрывокъ изъ поэмы „Городской Голова“).

Жъ кони у крыльца стояли;
Отъ нетерпѣнья коренной
Сухую землю рылъ ногой;
Порой бубенчики звучали.
Семень сидѣлъ на облучкѣ,
Въ рубашкѣ красной, кнутъ въ рукѣ;
На упряжь гордо любовался,
Глядѣлъ, глядѣлъ—и засмѣялся,
Вслухъ кореннаго похвалилъ
И шляпу на бокъ заломилъ.
Ворота настежь отворили,
Семень присвистнулъ,—туча пыли
Вслѣдъ за конями понеслась,
Не догнала—и улеглась.

По всей степи—ковылъ, по краямъ—все туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ,
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день,
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь.
А цвѣты-то, цвѣты! какъ живые стоятъ,

Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,
 Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
 Коротка да безъ слезъ, отъ заботъ далека.
 Вотъ и рѣчка... не вѣрь! то подъ жгучимъ лучемъ
 Отливается тонкій ковыль серебромъ.
 Высоко, высоко въ небѣ точка дрожить,
 Колокольчикъ веселый надъ степью звенить.
 Въ ковыль гудовень—и поють, и жужжать,
 Раздаются свистки, молоточки стучать;
 Средь дорожки глухой пыль столбомъ поднялась...
 Закружилась, въ широкую степь понеслась...
 На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ,
 Необъятная гладь! неоглядный просторъ!

Мчится тройка, изъ упряжи рвется,
 Не смолкаетъ бубенчиковъ звонъ,
 Облачко за телѣгою вьется,
 Ходить кругомъ земля съ двухъ сторонъ;
 Путь-дорожка назадъ убѣгаетъ,
 А курганы заходятъ впередъ;
 Лучъ горячій на бляхахъ играетъ,
 То подкова, то шина блеснетъ,
 Кучеръ къ мѣсту какъ-будто прикованъ,
 Руки вытянулъ, возжи въ рукахъ,
 Синей степью сѣдокъ очарованъ:—
 Любо сердцу, душа вся въ очахъ!

„Не погоняй, Семень! устали!“
 Хозяинъ весело сказалъ,—
 Но кони съ версту пробѣжали,
 Пока ихъ кучеръ удержалъ.
 Лѣниво катится телѣга,
 Хруститъ подъ шинами песокъ;
 Вздохнеть и стихнеть вѣтерокъ;

Надъ головою блескъ и нѣга.
 Воздушный продолжая бѣгъ,
 Сверкають облака, какъ снѣгъ.
 Жара. Вотъ оводъ закружился,
 Гудеть, на коренную сѣль;
 Съ просонокъ кучерь изловчился, —
 Хватъ кнутовищемъ, — улетѣлъ!
 Ну, погоди! — Передъ глазами
 Мелькають пестрые цвѣты.
 Умъ занять прежними годами,
 Иль праздно погружень въ мечты,
 Евграфъ вздохнулъ. Воображенье
 На память дѣтство привело:
 Въ просторной комнатѣ свѣтло;
 Складовъ томительное чтенье
 Тоску наводитъ на него.
 За дверью шумъ: отецъ его
 Торгуешь что-то... Слышны споры,
 О дегтѣ, лыкахъ разговоры,
 И серебра и рюмокъ звонъ...
 А садъ сияньемъ затопленъ...
 Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
 Тамъ лепеть, пѣнье и жужжанье —
 И голоса ему звучать:
 Иди-же въ садъ! иди-же въ садъ! —
 Вотъ онъ въ гимназію отправленъ,
 Подрось — и умный ученикъ;
 Но какъ-то нелюдимъ и дикъ,
 Кружкомъ товарищей оставленъ.
 День сѣрый. Въ классѣ тишина.
 Вопросъ учитель предлагаетъ:
 Евграфъ удачно отвѣчаетъ,
 Восторга грудь его полна.
 Наставникъ строго замѣчаетъ:

„Мѣщанскій выговоръ у васъ!“
 И весело хохочетъ классъ,
 Евграфъ блѣднѣетъ.—Вотъ онъ дома:
 Ему торговля ужъ знакома.
 Но, Боже! эти торгаши!..
 Но это смрадное болото,
 Гдѣ ихъ умомъ, душой, работой
 До гроба двигаютъ гроши!
 Гдѣ все бессмысленно и грязно,
 Гдѣ все коснѣетъ и гнѣтъ!..
 Тамъ ужасъ сердце обдаетъ!
 Тамъ вѣетъ смертью безобразной!..

Но вотъ, знакомый изволокъ.
 Ужъ видѣнъ хуторъ одинокой,
 Затерянный въ степи широкой,
 Какъ въ синемъ морѣ островокъ.
 Гумно заставлено скирдами.
 Передъ избою на шесть
 Бадья заснула въ высотѣ;
 Полусклоненными столбами
 Подперта рига. Тамъ—вдали
 Воны у стога прилегли:
 Вокругъ безлюдье. Жизни полны,
 Безъ отдыха и безъ слѣда,
 Бѣгутъ, бѣгутъ, Богъ вѣсть—куда,
 Цвѣтовъ и травъ, и свѣта волны...

Семень къ крылечку подкатилъ
 И тройку ловко осадилъ.
 Собака съ лаемъ подбѣжала,
 Но дорогихъ гостей узнала,
 Хвостомъ махая, отошла
 И на заваленкѣ легла.

Евграфъ прикащика Федота
 Засталъ въ расплохъ. За творогомъ
 Сидѣлъ онъ съ заспаннымъ лицомъ.
 Его печаль, его забота,
 Жена смазливая—въ углу
 Цыпляютъ кормила на полу,
 Лѣнтяемъ мужа называла,
 Но вдругъ Евграфа увидала,
 Смутясь, вскочила въ торопяхъ
 Съ густымъ румянцемъ на щекахъ.

Прикащикъ бормоталъ невнятно:
 „Здоровы-ль? Оченно пріятно!“
 Кафтанъ поспѣшно вадѣвалъ
 И въ рукава не попадалъ.
 „Эй, Марья! Ты-бы хотъ покуда...
 Слѣпа! творогъ-то прибери!
 Да пыль-то съ лавки, пыль сотри!..
 Эхъ, баба!.. Кши!.. пошли отсюда!
 А я того-съ... велѣлъ пахать...
 Вотъ гречу будемъ засѣвать“.
 Евграфъ сказалъ: „давно-бы время!“
 Въ амбаръ прикащика повелъ
 И гречу указалъ на сѣмя,
 Всѣ закрома съ нимъ обошелъ;
 Въ овесь, и въ просо, и въ пшеницу
 Глубоко руку погружалъ,—
 Все было сухо. Приказалъ
 Смѣнить худую половицу
 И, выходя, на хлѣвъ взглянулъ,
 Федота строго упрекнулъ:
 „Эхъ, братъ! навозу по колѣни...
 За чѣмъ ты смотришь?“

— Все дѣла!

Запущенъ, знамо, не отъ лѣни...

Кобыла, жаль, занемогла!—

„Какая шерстью?“

— Вороная.—

Евграфъ конюшню отворилъ,

Прикашикъ лошадей выводилъ.

Съ боками впалыми, больная,

Ташилась, чуть переступая.

„Хорошъ присмотри! опоена!“

Ему, знать, черти рассказали,

Прикашикъ думалъ.—Нѣтъ-съ едва-ли!

Мы смотримъ. Оттого больна—

Не любить домовой. Бываетъ,

На ней всю ночь онъ разѣзжаетъ

По стойлу; поутру придешь,—

Такъ у бѣдняжки потъ и дрожь.—

Евграфъ вспылить. „Вѣдь, вотъ мученье!

Найдетъ хоть сказку въ извиненье.“

Но, проходя межами въ полѣ,

Казалось, онъ вздохнулъ на волѣ,

Свою досаду позабылъ

И всходы зелени хвалилъ.

Прикашикъ разводилъ руками.

„Распашка много-съ помогла...

Вотъ точно пухъ земля была,—

Такъ размягчили бородами!“

— Гдѣ овцы? Я ихъ не видалъ.—

„Вонъ тамъ... гдѣ кустъ-то на курганѣ“.

Но взоръ Евграфа замѣчалъ

Лишь пятна сѣрыя въ туманѣ;

Что-жъ! ночью можно отдохнуть—

И онъ къ гурту направилъ путь.

Заснула степь, прохладой дышетъ,
 Въ огнѣ зари полъ-неба пышетъ,
 Полъ-неба въ сумракѣ виситъ,
 По тучамъ молнія блеситъ;
 Проворно крыльями махая,
 Съ тревожнымъ крикомъ въ вышинѣ
 Степныхъ гостей несется стая.
 Маячитъ всадникъ въ сторонѣ,
 Промчался конь,—хвостомъ и гривой
 Играетъ вѣтеръ шаловливой,
 При зорькѣ пыль изъ-подъ копытъ
 Румянымъ облакомъ летитъ.
 Неслышнымъ шагомъ ночь подходитъ,
 Не мнетъ травы,—и вотъ она,
 Легка, недвижна и темна,
 Молчаньемъ чуткимъ страхъ наводитъ.
 Вотъ снова блескъ,—и грянулъ громъ,
 И степь откликнулась кругомъ.

Евграфъ къ избушкѣ торопился,
 Прикашикъ слѣдомъ поспѣшалъ;
 Барбось ихъ издали узналъ,
 На встрѣчу весело пустился,
 Но вдругъ на вѣтеръ поднялъ носъ,
 Вдали слышавъ скрипъ колесъ,—
 И въ степь шарахнулся...

За щами,
 Румянъ и потомъ окропленъ,
 Межъ тѣмъ посиживалъ Семень,
 Его веселыми рѣчами
 Была прикашика жена
 Чуть не до слезъ разсмѣшена.
 „Эхъ, Марья Львовна! Ты на волю

Сама недавно отошла;
 Ты, значить, въ милости была
 У барина: и чаю въ волю
 Пила, и все... А я, какъ песъ,
 Я, какъ шенокъ, средь дворни росъ;
 Ыль, что попало. Съ тумаками
 Всей барской челяди знакомъ.
 Отецъ мой, знаешь, былъ псаремъ,
 Да умеръ. Баринъ жилъ на-славу:
 Давалъ пиры, держалъ собакъ;
 Чужой-ли, свой-ли,—чуть не такъ,
 Своей рукой чинилъ расправу.
 Жилъ я, не думалъ, не гадалъ,
 Да въ музыканты и попалъ.
 Ну, воля барская, извѣстно...
 Ужъ и пришло тогда мнѣ тѣсно!
 Одѣли, выдали фаготъ,—
 Играй! Бывало—потъ пробьетъ,
 Что силы дую,—все нескладно!
 Растянуть, выдерутъ изрядно,—
 Опять играй! Да цѣлый годъ
 Такимъ порядкомъ дулъ въ фаготъ!
 И вдругъ въ отставку: не годился!
 Я радъ—молебень отслужилъ,
 Да, видно, много согрѣшилъ:
 У насъ ахтеръ вина опился—
 Меня въ ахтеры... Стало,—рокъ!
 Пошла мнѣ грамота не въ прокъ!
 Бывало, что: рога приставятъ,
 Твердить на память рѣчь заставятъ,
 Ошибся—въ зубы! Въ гробъ-бы легъ,—
 Евграфъ Антипычъ мнѣ помогъ.
 Я, значить, зналъ его довольно,
 Ну, вижу—добрь; давай просить:

„Нельзя-ль на волю откупить?“
 Вѣдь, откупилъ! А было больно!—
 И пятерней Семень хватилъ
 Объ столъ.—Эхъ-ма! собакой 'жилъ!“

Евграфъ за ужинъ не сажился:
 И не хотѣлъ, и утомился,
 И свѣчу сальную зажегъ,
 На лавку въ горенкѣ прилегъ,
 Разъ десять Марья появлялась,
 Скользитъ платокъ съ открытыхъ плечъ,
 Лукавы были взглядъ и рѣчь,
 Тревожно грудь приподнималась...
 Евграфъ лежалъ къ стѣнѣ лицомъ
 И думалъ вовсе о другомъ.
 Носилась мысль его безъ цѣли;
 Едва глаза онъ закрывалъ,
 Въ степи ковыль припоминалъ,
 Надъ степью облака летѣли;
 То снова вздоръ о домовомъ
 Въ ушахъ, казалось, раздавался,
 Прикащикъ глупо улыбался...
 „Гм... Знахарь нуженъ-съ... Мы найдемъ...
 Взялся читать,—въ глазахъ пестрѣло,
 Вниманіе скоро холодѣло.
 Но, постепенно увлеченъ,
 Забылъ онъ все, забылъ и сонъ.“

Ужъ пѣтухи давно пропѣли,
 Надъ свѣчкой вьется мотылекъ;
 Кругъ свѣта палъ на потолокъ,
 И тишь, и сумракъ вкругъ постели;
 По стекламъ красной полосой
 Мелькаетъ молнія порой,

И вѣтеръ ставнемъ ударяетъ...
 Евграфъ страницу пробѣгаетъ,
 Его душа потрясена,
 И что за пѣснь ему слышна!

„Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву...“
 Стоитъ Дездемона, снимаетъ уборъ,
 Чело наклонила, потупила взоръ,
 „Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву...“
 Блѣдна и прекрасна, въ тоскѣ зами-
 раетъ,

Печальная пѣсня изъ устъ вылетаетъ:

„Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!
 Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ...“

И падаютъ слезы съ послѣднимъ сти-
 хомъ.

Уходитъ ночь, разсвѣтъ блеснулъ.
 И наконецъ Евграфъ уснулъ.

ТАРАСЪ.

ТАРАСЪ.

I.

ужда, нужда! Все старья избенки,
Въ избенкахъ сырость, темнота;
Изъ-за куска и грязной одеженки
Всѣ бьются... прямо нищета!

Не весела ты, глушь моя родная!
Поникли ивы надъ рѣкой,
Молчить дорожка, травкой заростая,
И бродить людъ, какъ испитой.

Вотъ ужъ вечеръ идетъ,
Росой травку кропить;
Въ синихъ тучахъ зоря
Разыгралась-горить.

Золотыя дворцы
По-надъ лѣсомъ плывутъ,
Золотые сады
За дворцами растутъ.

Черезъ синюю глубь
Мостъ янтарный висить...
Изъ-за темныхъ дубовъ
Ночь-царица глядитъ.

Вздохи — чары и лѣнь
 Разлеглись на цвѣтахъ,
 Огоньки по травѣ
 Зажигаютъ въ потьмахъ.

Вотъ за горкой крутой
 Колокольчикъ запѣлъ,
 На горѣ призатихъ,
 Подъ горой зазвенѣлъ.

Зазвенѣлъ по селу,
 Въ чистомъ полѣ поетъ,
 На широкой просторъ
 Думу-сердце зоветъ...

Житье, житье! закованъ точно въ цѣпи,
 Молчи, да чахни отъ тоски...
 Эхъ, если-бы махнуть мнѣ на Донъ въ степи,
 Или на Волгу въ бурлаки!

Такъ изнывалъ Тарасъ отъ думъ-заботы
 И, грезя про чужую даль,
 Онъ шелъ межами съ полевой работы
 Домой, на горе и печаль.

II.

Тарасу съ дѣтства приходилось жутко:
 Отецъ его былъ строгъ и крутъ,
 Женѣ побои называлъ онъ шуткой,
 И называлъ наукой кнутъ.

Бывало, котъ подъ ноги подвернется,—
 Кота полѣномъ... „будь уменъ!“
 Храни господь, когда вина напьется,
 Бѣги семья изъ дома вонъ!

Пристанеть къ гостю, крѣпко обнимаетъ,
Цѣлуетъ; „другъ мой дорогой!
Я вотъ тебѣ...“ И въ ноги упадаетъ.
Гость скажетъ: вотъ чудакъ какой!“

— „Кто, я чудакъ? А, ты мужикъ богатый!
Не любишь знаться съ бѣднякомъ!
Такъ на-вотъ! помни, лапотникъ проклятый“.
И друга хватить кулакомъ.

Испуганный, сынишко встрепенется
И матери тайкомъ шепнетъ:
„Охъ, матушка! опять отецъ дерется...
„Уйдемъ! онъ и тебя прибьетъ...“

— „Ступай-ка за грибами, вотъ лукошко“,
Отвѣтитъ мать: „тутъ хлѣбъ лежитъ...“—
И въ темный лѣсъ знакомою дорожкой
Мальчишка бѣгомъ побѣжитъ.

И тамъ онъ ляжетъ на травѣ росистой.
Прохлада, сумракъ. Вотъ запѣлъ
Зеленый чижъ подъ липою душистой;
Вотъ дятель на березу сѣлъ

И застучалъ. Вотъ заяцъ по тропинкѣ
Пронесся, — и ужъ слѣду нѣтъ.
Тутъ стрекоза вертится на былинкѣ;
По листьямъ жукъ ползетъ на свѣтъ.

Тревожно шепчетъ робкая осина.
Сквозь зелень, видны вдаль
Уснувшихъ водъ зеркальная равнина,
Рыбакъ съ сѣтями въ челнокъ,

Стада овецъ, луга, пески, заливы,
Въ водѣ и надъ водой лѣса,
За берегами золотыя нивы,
Вокругъ—въ сіяньи небеса.

И очарованъ звуками лѣсными,
Цвѣтовъ дыханьемъ упоенъ,
Ребенокъ грезить снами золотыми,
Весь въ слухъ и зрѣнье превращенъ.

Когда корой прозрачною и тонкой
Синѣла, въ осень, гладь озеръ,
Иной приютъ манилъ къ себѣ ребенка, —
Сосѣда постоянный дворъ.

Тамъ бурлаки порой ночлегъ держали,
Или гуляли косари,
Про степь и Волгу пѣсни распѣвали
Всю ночь до утренней зари.

И за сердце хваталъ напѣвъ унылый.
Вдругъ свистъ... и вскакивалъ бурлакъ —
„Пой веселѣй!“ И пѣсня съ новой силой
Неслась, какъ вихрь... „Дружнѣй! вотъ такъ,

И свистомъ покрывался звукъ жилейки,
И полъ отъ топота гудѣлъ,
И прыгалъ столъ, и прыгали скамейки...
Ребенокъ слушалъ и смотрѣлъ.

И брань отца была ему больнѣе,
Когда домой онъ приходилъ,
И уголокъ родной глядѣлъ скучнѣе,
И онъ, Богъ вѣсть, о чемъ грустилъ.

III.

Прошли гола. И на дворѣ, и въ полѣ
Тарась работникъ хотъ куда,
И головы не клонитъ въ темной долѣ
Ни передъ кѣмъ и никогда.

Чуть міроѣдъ на бѣдняка наляжетъ, —
Тарась ужъ тутъ. Глаза блестятъ,
Лицо блѣднѣетъ... „Ты не трогай!“ скажетъ,
„Не бей лежачихъ!.. не велятъ!...

Ты кто такой!..“ И мѣряетъ глазами
Нахала съ головы до ногъ.
Отецъ махнетъ съ досадою руками:
„Не слобровать тебѣ, сынокъ!

„Подрѣжутъ крылья!.. Такъ оно бываетъ...“
Надвинетъ шапку и поидетъ;
И въ кабацѣ до ночи пропадаетъ;
Домой насилу добредетъ.

„Ну, кто тутъ! Эй, жена! зажги лучину!
Я шапку пропилъ... да! смотри.
Весь вѣкъ работалъ... ну, пора и сыну
Работать... чертъ васъ побери!

„Весь вѣкъ пахаль... все нищій... что-жъ ра-
бота?

Вѣстимо такъ. И хлѣбъ и квасъ —
Мы все добудемъ! Важная забота!
Ну, пьянь. Никто мнѣ не указъ! —

И въ уголокъ свои деньжонки спрячетъ,
 Забудетъ,—и давай искать;
 Кричить: „разбой!“ и охаетъ, и плачетъ:
 Ты воръ, Тарасъ! не смѣй! молчать!“

„Ты воръ! будь проклятъ! сохни, какъ лучина!“
 Стоить, ни слова сынъ въ отвѣтъ;
 Въ его глазахъ угрюмая кручина,
 Въ его лицѣ кровинки нѣтъ.

Сидитъ на лавкѣ бѣдная старушка,
 Лицо слезами облито.
 И такъ печальна бѣдная избушка,
 Что не глядѣлъ бы ни на что.

Ужъ разсвѣтаетъ. Тучки краской алой
 Покрыты. Закраснѣлся прудъ,
 И весело подъ кровлей обветшалай
 Пѣвуньи-ласточки снуютъ.

Въ дали туманъ рѣдѣетъ надъ лугами.
 Вотъ слышны: рѣзкій скрипъ воротъ
 И голосъ бабы: „поѣзжай межами,
 Тамъ перелѣскомъ путь поидеть...

— „Эхъ-ма, ужъ день!“ Тарасъ потрянетъ куд-
 рями,

„Ну, видно, послѣ, молъ, поспишь...“
 И вотъ съ сохою ѣдетъ онъ полями;
 Дорога—скатерть, въ полѣ—тишь;

Надъ лѣсомъ солнце золотомъ сверкаетъ,
 И птичка въ вышинѣ поетъ,
 Звенить, поетъ и устали не знаетъ...
 И парень пѣсню заведетъ.

И грустно, грустно эта пѣсня льется.
 Онъ ѣдетъ лугомъ,—будить лугъ,
 Онъ ѣдетъ лѣсомъ,—темный лѣсъ проснется
 И съ нимъ поетъ, какъ старый другъ.

Зоря погасла. Кончена работа.
 Уснуть-бы, кажется, пора,
 Да спать-то парню не даетъ забота, —
 Коней ведетъ онъ со двора

Поить... И шляпу на-бекрень надѣнетъ;
 Ворота настежь распахнетъ,
 По улицѣ, посвистывая, ѣдетъ,
 А за угломъ—подруга жлетъ.

Кругомъ безлюдно. Тепелъ лѣтній вечеръ.
 Рѣка при мѣсяцѣ блеститъ.
 И знаетъ только перелетный вѣтеръ,
 Что парень съ милой говоритъ.

Печальна жизнь, печальна съ милой встрѣча:
 Она поникла головой,
 Въ отвѣтъ на ласки не находитъ рѣчи,
 Стоитъ и парень самъ не свой.

„Я самъ не радъ, голубка дорогая!
 „Какъ мнѣ жениться на тебѣ?
 „Свяжу тебя, свяжу себя, родная...
 „Гнѣзда не вить ужъ мнѣ себѣ.

„Мнѣ тѣсно тутъ. Не связывай мнѣ воли.
 „Авось придутъ иные дни...
 „А сгину гдѣ, безъ счастья и безъ доли, —
 „Меня хоть ты-то не кляни!“

— „На муку, вѣрно“, отвѣчаетъ голосъ:
 „Да на печаль я рождена,
 „И пропаду, чтѣ одинокій колось,
 „И все молчать, молчать должна!

„Отецъ и мать мнѣ попрекнуть тобою!
 „Тамъ замужъ... чахни отъ тоски!
 „И всѣмъ-то будетъ воля надо мною
 „До гробовой моей доски!..“

— „Не быть тому! добыюсь до красной доли!
 „Не стать мнѣ силы занимать,
 „И будешь ты и въ радости, и въ холѣ,
 „И въ нѣгѣ вѣкъ свой вѣковать“.

IV.

Блестятъ, мерцаютъ звѣзды надъ полями.
 Сосѣда грязная изба
 Чуть не биткомъ набита косарями,
 Въ избѣ веселая гульба.

Дымъ тютюна, жара... Весь въ сажѣ черной,
 Ночникъ мигаетъ надъ столомъ,
 Трещить. И ходить по рукамъ проворно
 Стаканъ, наполненный виномъ.

Поютъ и пляшутъ косари степные,
 Кафтаны сброшены съ ихъ плечъ,
 Растрепаны ихъ кудри молодые,
 Смѣла размашистая рѣчь.

Тарась сидитъ угрюмый и печальный.
 Онъ друга по-сердцу съискалъ,

И про свою любовь къ сторонкѣ дальней,
И про тоску поразсказалъ.

„Эхъ курица!“ товарищъ крикнулъ громко:
„Тебѣ-ль летѣть въ далекій путь!
„Связался тутъ съ какою-то дѣвченкой,
„Боишься крыльями махнуть!

„Гулялъ-бы ты, какъ я, соколъ, гуляю:
„Три года на Дону прожилъ,
„Теперь на Волгу лыжи направляю,
„Про домъ и думать позабылъ“.

И долго говорилъ косарь кудрявый,
И все хвалилъ степей просторъ,
Красу казачекъ, косарей забавы, —
И пѣсней кончилъ разговоръ.

Тарасъ вскочилъ. Лицо его горѣло!
„Такъ здравствуй ты, чужая даль!
„Ну,—въ степь, такъ въ степь! Все сердце из-
болѣло!..
„Вина! Запьемъ свою печаль!...“

И взялъ онъ паспортъ, помолился Богу
И отдалъ старикамъ поклонъ:
„Благословите, молю, родные, на дорогу,
„Такъ, значитъ, надобно: законъ“.

Старикъ кричалъ, — ничто не помогало,
И плюнулъ, наконецъ, со зла.
Старушка къ сыну на плечо припала
И оторваться не могла.

„Касатикъ мой, мой голубь сизокрылый!
 „Господь тебя да сбережетъ!..
 „Заѣлъ тебя, заѣлъ отецъ постылый,
 „Да и меня-то въ гробъ кладеть“.

— „Возьми-ка съ горя объ-стѣну убейся“,
 Сказаль ей мужъ: „вишь обнялись!
 „Ступай, сынокъ! ступай, какъ вихорь вейся,
 „Какъ вихорь по-свѣту кружись!..—

V.

И, распростясь съ родимыми полями,
 Взявъ только косу со двора,
 Пошелъ Тарась, съ котомкой за плечами,
 Искать и счастья и добра.

Одна зоря смѣнялася другою,
 За темной ночью день вставаль.
 Все шелъ косарь, все дальше за собою
 Поля родныя оставлялъ.

Порой, усталый, на траву приляжетъ,
 Горячій потъ съ лица отретъ,
 Ремни котомки кожаной развяжетъ,
 И скудный завтракъ свой начнетъ.

На немъ отъ пыли платье почернѣло,
 Въ клочкахъ подошвы сапоговъ,
 Лицо его отъ солнца загорѣло,
 Но какъ онъ веселъ и здоровъ!

Идетъ мой парень, а надъ нимъ порою
Иль журавлей кружится цѣпь,
Иль пролетаютъ облака толпою,
И вотъ онъ углубился въ степь.

„О, Господи! что-жъ это за раздолье!
„А глушь-то... степь да небеса!
„Трава, цвѣты—ужъ, правда, тутъ приволье,
„Краса, чтѣ рай земной, краса!“

Межъ тѣмъ трава клонилась, поднималась,
Ей вѣтеръ кудри завивалъ,
По этимъ кудрямъ тѣнь переливалась
И яркій лучъ перебѣгалъ.

Средь изумрудной зелени, какъ глазки,
Цвѣты глядѣли тутъ-и-тамъ,
По нимъ играли радужныя краски,
И кланялись цвѣты цвѣтамъ.

И голоса безъ умолку звучали:
Жужжанье, пѣсни, трескотня
Со всѣхъ сторонъ неслись и утопали
Въ сіяньи солнечнаго дня.

Смеркается — и говоръ затихаетъ,
Край неба въ полыми горить,
Ночь темная украдкой подступаетъ,
Степной травы не пробудить.

Зажглась звѣзда, зажглось ихъ много, много,
И мѣсяцъ въ сумракѣ блестить,
И снопъ лучей воздушною дорогой
Идетъ — и въ глубь рѣки глядитъ

Все стихло, спить. Но степь какъ будто дышетъ,
 Въ дремотѣ звуки издаетъ:
 Вотъ, гдѣ-то свистъ далекій ухо слышитъ,
 И кажется, чумаки поетъ.

Рѣдѣютъ тѣни. Звѣзды пропадаютъ,
 Въ огнѣ несутся облака
 И медленно, рѣдѣя, померкаютъ.
 Трава задвигалась слегка.

Свѣтло. Вспорхнула птичка. Солнце встало,
 Степь тонетъ въ золотомъ огнѣ,
 И снова все заплѣло, зазвучало
 И на землѣ, и въ вышинѣ...

Вотъ въ сторонѣ станица показалась,
 Стекломъ воды отражена,
 Сидитъ на берегу; вся увѣнчалась
 Садами темными она.

По зелени некошенной равнины
 Разсыпался табунъ коней.
 Безлюдье, тишь. Холмовъ однѣ вершины
 Оглядываютъ ширь степей.

Вошелъ Тарасъ въ станицу и дивится:
 Казачка, въ пестромъ колпачкѣ,
 На скакунѣ, ему на встрѣчу мчится
 Съ баклагой круглою въ рукѣ.

Желтѣютъ гумна. Домики нарядно
 Глядятъ изъ зелени садовъ.
 Вотъ спитъ казакъ подъ тѣнью виноградной,
 И какъ румянъ онъ и здоровъ!

Ни грязныхъ бабъ въ понявахъ подоткнутыхъ,
 Ни лицъ не видно испитыхъ,
 И нѣтъ тутъ нищихъ блѣдныхъ, необутыхъ,
 Калѣкъ и съ чашками слѣпыхъ...

Какъ-разъ мой парень подоспѣлъ къ покосу,
 Нанялся скоро въ косари.
 „Ну, въ добрый часъ!“ И наточилъ онъ косу
 При свѣтѣ утренней зари.

Киши, работа! Въ шляпѣ да въ рубахѣ
 Идетъ, махаетъ онъ косою:
 Коса сверкаетъ, и, при каждомъ взмахѣ,
 Трава ложится полосой.

Тамъ—въ вышинѣ орелъ иль кречетъ вьется,
 Иль туча крылья развернетъ,
 И темной вихорь мимо пронесется,—
 Тарасъ и косить, и поетъ...

Стога растутъ. Покосъ къ концу подходитъ:
 Степь засыпаетъ въ тишинѣ
 И на сердце, нагая, грусть наводитъ...
 Косарь не радъ своей казнѣ.

Такъ много нужды! Онъ пролилъ сколько пота,
 Казны такъ мало накопилъ...
 Куда-жъ идти? Опять нужна работа;
 Опять нужна растрата силъ!

И будешь сытъ... такъ до сырой могилы
 Трудись, трудись... но жить когда?
 Къ чему казна, когда растратишь силы
 И надорвешься отъ труда?

Въ степи стемнѣло. Около дороги
Горятъ на травкѣ огоньки:
Въ густомъ лѣсу чернѣются треноги,
Висятъ на крючьяхъ котелки.

Въ водѣ пшено съ бараниной варится.
Усѣлись косари въ кружокъ,
И слышенъ говоръ: никому не спится,
И слышенъ изрѣдка рожокъ.

Вокругъ молчанье. Мѣсяцъ обливаетъ
Стоговъ верхушки серебромъ,
И при огнѣ изъ мрака выступаетъ
Шалашъ, покрытый камышомъ.

„Ну, не къ добру“, сказалъ косарь плечистый,
Умолкъ нашъ соловей степной!..
„А ну, Тарась... привстанъ съ травы росистой,
„Уважь, *лучинушку* пропой!

— „Ну, нѣтъ, дружище, что-то не поется.
„Гроза-бы, что-ли ужъ, нашла...
„Такая тишь, трава не пошатнется!
„Нѣтъ, лѣтомъ лучше жизнь была.“

— „Домой, пріятель, видно захотѣлось.
„Ты говорилъ: тутъ рай въ степяхъ!..“—
„И былъ тутъ рай, да все ужъ приглядѣлось;
„Работы нѣтъ, трава въ стогахъ ..“

И думалъ онъ: вотъ я и домъ покинулъ...
Была-бы только жизнь по мнѣ,
Вѣдь, кажется, я-бъ гору съ мѣста сдвинулъ,
Да что... заботы все однѣ!..

Живется-жъ людямъ въ нуждѣ безъ печали!
 Такъ наши дѣды жизнь вели,
 Росли въ грязи, пахали, да пахали,
 Съ нуждою бились, въ гробъ легли.

И съ ними... Точно смерть утѣха!
 Ищи добра, броди въ потьмахъ,
 Покуда, свѣту Божьему помѣха,
 Лежить повязка на глазахъ...

Эхъ, ну, васъ къ чорту, горькія заботы!
 О чемъ тутъ плакать горячо?
 Пойду туда, гдѣ болѣе работы,
 Гдѣ нужно крѣпкое плечо.

VI.

Горитъ зоря. Румяный вечеръ жарокъ.
 Румянецъ по рѣкѣ разлить.
 Пестрѣютъ флаги плоскодонныхъ барокъ,
 И людъ на пристани кишить.

Въ высокихъ шапкахъ чумаки съ кнутами,
 Татаринъ съ бритой головой;
 Въ бешметѣ съ откидными рукавами
 Курчавый грекъ; цыганъ сѣдой;

Купецъ дородный съ важною походкой,
 И съ самоваромъ сбитенщикъ,
 И плутъ еврей съ козлиною бородкой,
 Вѣстей торговыхъ проводникъ,—

Кого тутъ нѣтъ! Докучный пискъ шарманокъ,
Смѣхъ бурлаковъ и скрипъ колесъ,
И брань, и пѣсни буйныя цыганокъ,—
Все въ шумъ надъ берегомъ слилось.

Куда ни глянь—подъ хлѣбомъ берегъ гнется:
Хлѣбъ въ балаганахъ, хлѣбъ въ бунтахъ...
Не даромъ Русь кормилицей зовется
И почиваетъ на поляхъ.

Вкругъ вольницы веселый свистъ и топотъ;
Народу,—пушкой не пробьешь!
И всюду шумъ, какъ будто моря ропотъ;
Шумъ этотъ слушать устаешь.

„Вотъ гдѣ разгуль! Вотъ милая сторонка!“
Тарасъ кричить на берегу:
„Гуляй, ребята! вотъ моя мошонка!
„Да грянемъ пѣсню... помогу!

„Ну, *внизъ по матушкѣ по Волгѣ...* дружно!“
И пѣсня громко понеслась;
Откликнулся на пѣсню лугъ окружной,
И даль рѣки отозвалась...

А небо все темнѣло, померкало,
Шла туча синяя съ дождемъ,
И молнія гладь Дона освѣщала,
И перекачивался громъ.

Вдругъ хлынулъ дождь. Гроза забушевала,
Народъ подъ кровли побѣжалъ.
„Шабашъ, ребята! Пѣсни значить, мало!“
Тарасъ товарищамъ сказалъ.

Пустился къ Дону. Жилистой рукою
Челнокъ отъ барки отвязалъ,
Схватилъ весло, — и тѣшилъ грозою,
По гребнямъ волнъ перелеталъ.

И бурлаки качали головами:
„Неугомонный человѣкъ!
„Вишь, понесло помѣряться съ волнами!
„Ни за копѣйку сгубить вѣкъ“.

VII.

Одѣты сѣрые луга туманомъ;
То дождь польетъ, то снѣгъ летить.
И глушь, и дичь. На берегу песчаномъ
Угрюмо темный лѣсъ стоять.

Дождю на встрѣчу мѣрными шагами
Подъ лямкой бурлаки идутъ,
И тянуть барку крѣпкими плечами, —
Слабѣть канату не даютъ.

Ихъ ноги грязью до колѣнъ покрыты,
Шапчонки лѣзутъ на глаза.
Потерлось платье, лапти поизбиты,
Отъ поту взмокли волоса.

„Бери причаль! живѣе—что-ль заснули!“
Продрогшій кормчій закричалъ.
И бурлаки веревки натянули, —
И барка стала на приваль.

Огонь зажжешь; дымъ въ клочьяхъ улетаетъ;
 Несутся быстро облака;
 И вѣтромъ барку на волнахъ качаетъ,
 И плещетъ на берегъ рѣка.

Тарась потеръ мозолистыя руки
 И сѣлъ, задумавшись, на пень.
 „Ну, ну! перенесли мы нынче муки!“
 Промолвилъ кто-то: „скверный день!

„Убѣгъ бы, да притянуть къ становому
 „И отдеруть...“ — „Доволокемъ!“
 Сказаль другой: „гуляй, пока до дому,
 «Тамъ будь, что будетъ!.. ужъ попьемъ!..»

Вотъ мы вчера къ Тарасу приставали,
 „Куда, — не пьеть! Такой чудакъ!“
 — „А что, Тарась, ты право крѣпче сталъ“,
 Сказаль оборванный бурлакъ:

„Тутъ тянешь, тянешь, — смерть, а не работа,
 „А ты и ухомъ не ведешь!..“
 Тарась кудрями мокрыми отъ пота
 Тряхнулъ и молвилъ: „не умрешь!“

„Умрешь, — зароемъ“. — „У тебя все шутки.
 „О дѣлѣ, видишь, рѣчь идетъ.
 «Вѣдь, у тебя — то пѣсни-прибаутки,
 „То скука... шутъ тебя пойметъ...“

— „Разсказывай! Перебивать не буду...“
 Онъ думаль вовсе о другомъ,
 Хотя и глядѣль, какъ желтыхъ листьевъ груду
 Огонь обхватываль кругомъ.

Припомнилъ онъ сторонушку родную
И свой печальный, бѣдный домъ;
Отецъ клянеть его на-пропалую,
А мать рыдаетъ за столомъ.

Примомнилъ онъ, какъ разставался съ милой,
Зачѣмъ? Чтѣ ждало впереди?
Гдѣ-жь доля-счастье?.. Какъ она любила!..
И сердце дрогнуло въ груди.

„Сюда, ребята! Плотникъ утопаетъ!“
На баркѣ голосъ раздался:
И по доскамъ толпа перебѣгаетъ
На барку. „Экъ онъ, сорвался!“

— „Да гдѣ?—“ „Вонъ тутъ. Ну, долго-ль осту-
питься?“

— „Вотъ горе: вѣтеръ-то великъ!“—
„Плыви скорѣй!“ — „Не-што, плыви топиться!“ —

„Спасите!“ разносился крикъ,

И голова мелькала надъ волнами.
Тарасъ ужъ бросился въ рѣку
И во всю мочь размахивалъ руками.
„Держись!“ кричалъ онъ бѣдняку.

„Ко мнѣ держись!“ Но громкаго призыва
Товарищъ слышать ужъ не могъ —
И погрузился въ волны молчаливо...
Тарасъ нырнулъ. Ужъ онъ продрогъ

И былъ далеко. Глухо раздавался
И шумъ воды, и вѣтра вой;

Соч. Н. С. Никитина. Т. II.

Пловецъ изъ синей глуби показался
И вновь исчезъ. Нѣмой толпой

Стоялъ народъ съ надеждою несмѣлой.
И вынырнулъ Тарасъ изъ волнъ...
Глядятъ,—за нимъ еще всплываетъ тѣло...
И разомъ грянуло: „спасень!“

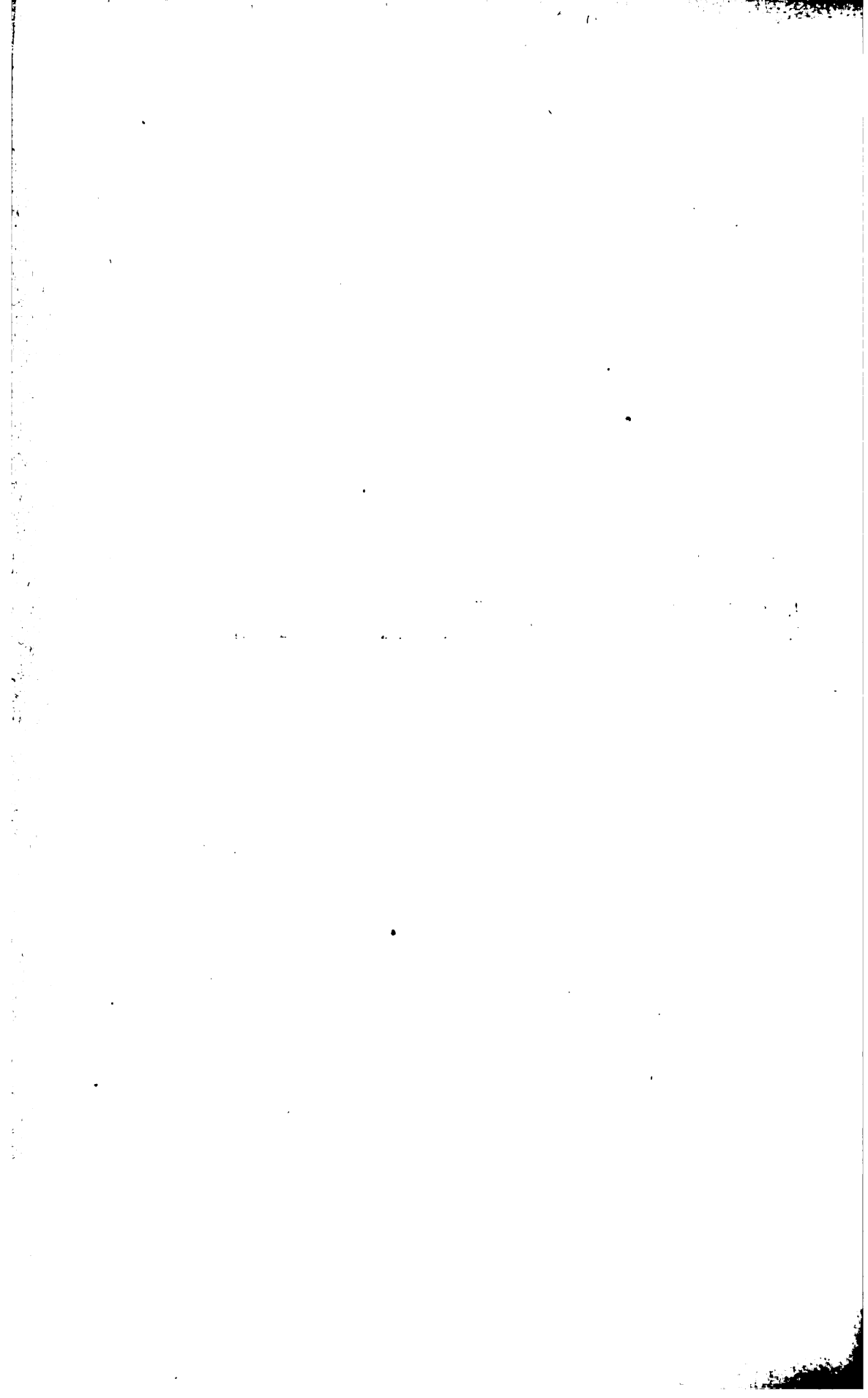
И шапками въ восторгѣ замахала
Толпа, забывшая свой страхъ.
А буря выла. Чайки пропадали,
Какъ точки, въ темныхъ облакахъ.

Усталъ пловецъ. Измученный волнами,
Едва плыветъ. Онѣ бѣгутъ.
Всѣ въ бѣлой пѣнѣ, дружными рядами,
И все растутъ, и все растутъ.

Хотѣлъ онъ крикнуть,—замерло дыханье...
И въ воздухъ рукой потрясъ,
Какъ будто жизни посылалъ прощанье,
И крикнулъ—и пропалъ изъ глазъ!

ДНЕВНИКЪ СЕМИНАРИСТА.

Дневникъ семинариста *)

184... 18 июля.

Глава Тебѣ, Господи! Вотъ и каникулы! Вотъ, наконецъ, я и дома... Да! Нужно, подобно мнѣ, позубрить круглый годъ уроки ежедневно, да еще два раза въ день,—за исключеніемъ, разумѣется, праздниковъ, промѣрить отъ квартиры до семинаріи версты четыре или болѣе; потомъ, въ душной комнатѣ, въ кружкѣ шести человѣкъ товарищей, подъ-часть въ дыму тютюна, погнуться до полночи надъ запачканной тетрадкой или истрепанною книгой, подтвердить греческій и латинскій языки, геометрію, герменевтику, философію и прочее и прочее, и послѣ броситься съ досадою на жесткую постель и заснуть съ тощимъ желудкомъ, оттого, что какія-нибудь тамъ жишенькія, сваренныя съ свинымъ саломъ щи, пролиты на полъ пьяною хозяйкой дома,—нужно, говорю я, все это пережить и перечувствовать, чтобъ оцѣнить всю прелесть теплаго, гостепріимнаго, родного угла... ух! Дай потянусь на этомъ кожаномъ стулѣ, въ этой горенкѣ съ окнами, выходящими въ зеленый, обрызганный росой, садъ, въ этомъ раю, гдѣ я самъ большой, самъ старшой, гдѣ имѣеть право прикрикнуть на меня только одинъ мой добрый батюшка... А,

*) По всей вѣроятности „Записки Семинариста“, о которыхъ говорилъ Никитинъ въ письмѣ къ Второву (см. Біографію, стр. 58), впоследствии были имъ уничтожены, за исключеніемъ развѣ начальныхъ страницъ, вошедшихъ въ этотъ Дневникъ, написанный для „В. Бесѣды“.

право здѣсь настоящій рай: тихо, свѣтло. Изъ сада пахнетъ травою и цвѣтами; на яблоняхъ чирикаютъ воробьи; у ногъ моихъ мурлычатъ мой старый знакомецъ, сѣрый котъ. Яркое солнце смотритъ сквозь стекло и золотымъ снопомъ упирается въ чисто-вымытую и выскребенную ножомъ, сосновую дверь. Батюшка мой такой тихій, такой незлопамятный! Если и случается мнѣ что нибудь набѣдокурить, онъ покачаетъ головою, сдѣлаетъ легкій упрекъ и—только. Между тѣмъ, странное дѣло! я такъ боюсь его оскорбить!... А вотъ помню, я, былъ у насъ учитель во 2-мъ классѣ училища, Алексѣй Степанычъ, коренастый, съ черными нахмуренными бровями, и такой рябой и корявый, что смотрѣть скверно. Вызоветъ онъ, бывало, тебя на средину класса и крикнетъ: «читай!» А изъ глазъ его такъ и сверкаютъ молніи. Взглянешь на него украдкой и начнешь измѣняться въ лицѣ, въ головѣ пойдетъ путаница, и все вокругъ тебя заходитъ: и ученики, и учитель, и стѣны—просто диво! И понесешь такую дичь, что послѣ самому станетъ стыдно. «Не знаешь, мерзавецъ!» зарычитъ учитель: «къ порогу!»... И начнется, бывало, жаркая баня... Что-жъ вы думаете? Попадались такіе ученики, которые, не жалѣя своей кожи, находили непонятное удовольствіе бѣсить своего наставника. Бывало, иной ляжетъ подъ розги, закуситъ до крови свой палецъ и — молчитъ. Его сѣкутъ, а онъ молчитъ. Его сѣкутъ еще болѣе, а онъ все молчитъ. Алексѣй Степанычъ смотритъ и со злостью не рветъ на себѣ волосы... Да мало ли что случалось! Однажды ученикъ дѣлалъ дѣленіе и до того спутался, что никакъ не могъ рѣшить задачи. Стоитъ бѣдняжка у доски, лицо разгорѣлось, по щекамъ текутъ слезы, носъ выпачканъ мѣломъ, руки и правая пола сюртука тоже въ мѣлу—Алексѣй Степанычъ злится, не приведи Господи. «Ну, говорить: что-жъ ты?... рѣшай!» И вдругъ повернулся направо. «Богородицкій! какъ ты объ этомъ думаешь?» Богородицкій вскочилъ со скамьи, вытянулъ руки по швамъ и, вспомнивъ, что въ катихизисѣ есть подобный вопросъ съ надлежащимъ къ нему отвѣтомъ, громогласно и нараспѣвъ отвѣчалъ: «я думаю и разсуждаю объ этомъ такъ, какъ повелѣваетъ мать, наша Церковь». Мы все переглянулись, однакожъ засмѣяться никто не смѣлъ. Алексѣй Степанычъ шю-

нуль ему въ глаза и крикнулъ: «на колѣни!» Ну, въ семинаріи у насъ совсѣмъ не то: розги почти совсѣмъ устранены, а если и употребляются въ дѣло, такъ это ужъ за что нибудь особенное. Наставники обращаются на *вы*, въ чему я долго не могъ привыкнуть. Оно въ самомъ дѣлѣ странно: профессоръ, магистръ духовной академіи, человѣкъ, который, Богъ знаетъ, чего ни прочелъ и ни изучилъ, обращается, напримѣръ, ко мнѣ или къ моему товарищу, сыну какого-нибудь пономаря или дьячка, и говорить: «прочтите лекцію». Долго я не могъ къ этому привыкнуть. Теперь ничего. И мнѣ становится уже непріятно, иногда и вовсе обидно, если кто-либо говорить мнѣ *ты*; въ этомъ *ты* я вижу къ себѣ нѣкоторое пренебреженіе. Замѣчу встати: мнѣ необходимо привыкать къ вѣжливости, или, какъ говорить мой пріятель Яблочкинъ, къ порядочности (Яблочкинъ необыкновенно даровитъ, жаль только, что онъ помѣшался на чтеніи какого-то Бѣлинскаго и вообще на чтеніи разныхъ свѣтскихъ книгъ). Батюшка сказалъ, что съ первыхъ чиселъ сентября я буду жить въ квартирѣ одного изъ нашихъ профессоровъ съ тою цѣлю, чтобъ онъ имѣлъ непосредственное наблюденіе за моимъ поведеніемъ, слѣдилъ за моими занятіями и, гдѣ нужно, помогать мнѣ своими совѣтами. Этотъ надзоръ, мнѣ кажется, рѣшительно во всемъ меня свяжетъ. Либо ступишь не такъ, либо что скажешь не такъ, вотъ сейчасъ и сдѣлаютъ тебѣ замѣчаніе сначала одно, а тамъ другое, третье, и такъ далѣе. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь: батюшка навѣрно желаетъ мнѣ добра. Стой! вотъ еще новая мысль: что если этотъ дневникъ, который я намѣренъ продолжать, по какому нибудь несчастному, непредвидѣнному случаю, попадетъ въ руки профессора? Вотъ выйдетъ штука... воображаю!... Да нѣтъ! быть не можетъ! Во-первыхъ, у меня, какъ и прежде, будетъ въ распоряженіи свой сундучокъ съ замкомъ, въ который я могу прятать все, что мнѣ заблагоразсудится; во-вторыхъ я стану читать его или въ отсутствіе профессора, или во время его сна; стало быть, опасенія мои на этотъ счетъ не имѣютъ никакого основанія. Жаль мнѣ бросить эту работу! Записывая все, что вокругъ меня дѣлается, быть можетъ, я со временемъ привыкну свободнѣе излагать свои мысли

на бумагѣ. Притомъ самая окружающая меня жизнь здѣсь въ деревнѣ, и тамъ, въ городѣ, въ семинаріи, какъ она ни бѣдна содержаніемъ, все-таки не вовсе лишена интереса. Вчера, напримѣръ, мнѣ случилось быть у нашего дьячка Кондратьича. Чудакъ онъ, ей-Богу! Лѣтами еще не старъ, лѣтъ этакъ тридцати съ чѣмъ нибудь, выпить любить, а когда выпьетъ, ему никто нипочемъ. и прихожанинъ-мужикъ, и дьяконъ, и даже мой батюшка. Придирки свои онъ обыкновенно начинаетъ жалобою на свое незавидное положеніе: «что, дескать, я? дьячокъ—вотъ и все! тварь—и больше ничего! Червякъ—и только»!.. И зальется горькими слезами, и—вдругъ отъ слезъ сдѣлаетъ неожиданный переходъ къ такой рѣчи: «да-съ, я червякъ, воистину червякъ! Ну, а ты, смѣю тебя спросить, ты что за птица»?.. Тутъ голосъ его начнетъ возвышаться все болѣе и болѣе. Кондратьичъ засучиваетъ рукава, лѣвую ногу выставляетъ впередъ, правую руку съ сжатымъ кулакомъ бойко замахиваетъ назадъ, словомъ: принимаетъ грозное, наступательное положеніе, и въ эту минуту къ нему не подходитъ никто, иначе расшибетъ въ дребезги; если кулаковъ его окажется недостаточно, пустить въ ходъ свои зубы, ужъ чѣмъ-нибудь да насолить своему, какъ онъ выражается, врагусупостату. Жена Кондратьича робкая, загнанная, забитая женщина, въ добавокъ худенькая, маленькая и подслѣповатая, вѣчно плачется на своего мужа, жизнь свою называетъ мукою, себя мученицею; мужъ называетъ ее слѣпою Евлампіею. Итакъ, говорю я, вчера вечеромъ случилось мнѣ быть у Кондратьича. Когда я вошелъ въ его избу, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за веревочку, которою былъ опоясанъ, и распѣвалъ: «Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ»... Посреди избы стояла большая, опрокинутая вверхъ дномъ, кадushка. «А, мое вамъ почтеніе, Василій Ивановичъ!» сказалъ Кондратьичъ, замѣтивъ меня на порогѣ: «мое вамъ всенижайшее почтеніе, господинъ философъ, будущій пастырь словесныхъ овецъ... сдѣлайте одолженіе, садитесь... А это что у васъ за мѣшочекъ въ рукѣ»?.. Я совершенно потерялся. Дѣло въ томъ, что батюшка приказалъ мнѣ отнести дьячихѣ немного пшена, но такъ, чтобы мужъ ея этого не замѣтилъ,

потому что Кондратьичъ, при всей своей нищетѣ, при всемъ своемъ безобразномъ пьянствѣ, гордъ невыносимо. «Это такъ», отвѣчалъ я, краснѣя. — «А коли такъ, стало быть и пышки въ маѣ». Мы сѣли. Минуты три прошло въ молчаніи. Вдругъ подъ кадушкою послышалось всхлипываніе. Я взглянулъ на дьячка. Онъ преспокойно поправилъ свою тоненькую, завязанную грязнымъ шнуромъ, косу и отвѣтилъ: «мышы скребуть». Всхлипываніе усилилось. Я вскочилъ, приподнявъ край кадушки и, къ величайшему моему удивленію, откуда вышло или, правильнѣе сказать, выползло живое существо, — это была жена Кондратьича, блѣдная, безъ платка на головѣ, съ растрепанными волосами. «Что это значить?» спросилъ я дьячка. «Гм... что это значить... да-съ!» И, не спѣша, вынулъ онъ свою табличку, щелкнулъ по ней указательнымъ перстомъ, потянулъ въ одну ноздрю табакъ и съ глубокомысленнымъ видомъ произнесъ: «жена моя увидала васъ въ окно и, не желая показать молодому юношѣ свою красоту, скрылась въ эту подвижную хранину. Смѣю вамъ доложить, она у меня прецѣломудренная женщина!»... Разумѣется, Кондратьичъ говорилъ вздоръ. По справкѣ оказалось, что онъ уже не въ первый разъ издѣвается такимъ образомъ надъ безотвѣтною бабою. Въ минуту гнѣва и ужъ, конечно, порядочно выпивши, Кондратьичъ опрокидываетъ кадушку тамъ, гдѣ ее находитъ, т. е. на дворѣ или въ избѣ, и обыкновенно кричитъ женѣ: «слѣпая Евлампія, гряди сѣмо!» Бѣдная женщина, не смѣя ему прекословить, подползаетъ подъ, такъ называемую, подвижную хранину, а дьячекъ ходитъ вокругъ и распѣваетъ: «Взбранной воеводѣ побѣдительная...» Батюшка мой отчасти прощаетъ ему эти мерзости изъ состраданія въ его женѣ, которая безъ мужа должна будетъ пойти съ сумою, потому что Кондратьичъ, какъ онъ ни плохъ, все же, ее кормитъ, отчасти просто по добротѣ своего сердца. Дьячокъ, съ своей стороны, умѣетъ заискать кого ему нужно. На дняхъ, когда благочинный входилъ въ нашу церковь, Кондратьичъ забѣжалъ ему впередъ: «Позвольте, позвольте!» — «Что ты, братъ?» — «А вотъ-съ...» и, вынувъ изъ своего кармана носовой платокъ, услужливый дьячокъ смахнулъ имъ пыль съ сапогъ благочиннаго, прежде нежели

тотъ успѣлъ ему что-либо возразить. «Каковъ онъ у васъ?» спросилъ послѣ благочинный у моего батюшки. «Пьетъ иногда и характера не совсѣмъ покойнаго. — «Ну, что-жъ дѣлать! Увѣщавай его словомъ Божиимъ. Поглядишь, исправится. Одинъ Богъ безъ грѣха»... Однако, пора обѣдать. Послѣ обѣда завалюсь спать и просплю до вечера, просто—наслажденіе!

Вечеромъ.

Ужъ смерклося. Съ пастбища возвращается стадо коровъ, покрытое облакомъ пыли. Пастухъ пощолкиваетъ кнутомъ. Гдѣ-то вдаль, вѣроятно, какой-нибудь молодой парень наигрываетъ въ желейку. На улицѣ слышенъ скрипъ отворяемыхъ и затворяемыхъ воротъ. Бабы, въ пестрыхъ поневахъ и въ бѣлыхъ рогатыхъ кичкахъ, расходятся въ разныя стороны отъ колодца. Коромысла мѣрно качаются на ихъ плечахъ, въ желѣзныхъ ведрахъ свѣтится холодная ключевая вода. Солнце медленно прячется въ синихъ тучахъ за темнымъ лѣсомъ, и его пурпуровый румянецъ горитъ на листьяхъ деревъ, на соломенныхъ кровляхъ бревенчатыхъ избушекъ, на стеклахъ узенькихъ оконъ и на поверхности свѣтлаго озера, окаймленнаго зеленымъ камышомъ. Славная, право, картина! А ужъ какъ я спалъ послѣ обѣда!.. мнѣ кажется, ударъ грома не могъ бы меня разбудить... Да какъ и не спать? Пирогъ, щи съ говядиной, подбитыя сметаной, жареная, налитая яйцами, курица, творогъ, каша молочная—вотъ что было у насъ за обѣдомъ. Маменька подчивала меня, какъ гостя, и я принужденъ былъ съѣсть нѣсколько лишнихъ кусковъ единственно для того, чтобы доставить ей удовольствіе. Добрая она, право! Говорить, что я похудѣлъ въ продолженіе года отъ усиленныхъ занятій науками и совѣтуетъ мнѣ беречь свое здоровье; въ особенности не читать книгъ по ночамъ, чтобы не испортить зрѣнія. Разумѣется, все это было сказано въ отсутствіе батюшки, который не любитъ потакать лѣни, а главное не терпитъ, чтобы женщины мѣшались въ дѣло науки. Прямое назначеніе женщины,—говорить онъ, —заботы о семейномъ домашнемъ быту, внѣ котораго онъ нигуда негодны. Взглядъ батюшки еще не такъ строгъ; другіе смогрять на женщину, какъ на аспида и василиска. Правда,

я мало читалъ, но изъ всего мною прочитаннаго выходитъ заключеніе такого именно рода, что женщина — аспидъ и василискъ... Кто пробѣжитъ начало моихъ записокъ, безъ сомнѣнія, скажетъ: «что за наивность! Въ какія странныя разсужденія вдается писавшій эти строки!» — Такъ-то такъ, м. г., сказалъ бы я ему, только вы забываете, что я связанъ по рукамъ и по ногамъ. Если бы я спросить о чемъ-либо, не прямо относящемся къ моему дѣлу — къ лекціи, кого-либо изъ моихъ товарищей, — болѣе скромный изъ нихъ посмѣялся бы надо мною, болѣе дерзкій послалъ бы меня къ чорту. На всякій, возникающій во мнѣ, вопросъ, на всякое, рождающееся во мнѣ сомнѣніе я долженъ искать отвѣта только въ самомъ себѣ. За что же лишать меня моей единственной отрады — свободы мысли? Если всюду и передъ всѣми мнѣ приходится скромно потуплять глаза и покорно наклонять свою голову, по крайней мѣрѣ въ тѣ минуты, когда работаетъ моя голова, когда перо мое не успѣваетъ слѣдить за быстротою мысли, пусть я буду независимъ, пусть я буду чело-вѣкомъ, свободно проявляющимъ даръ своего живого слова. Въ Воронежѣ, говорятъ, проявился недавно прасоль-поэтъ. Жаръ и холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, когда въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я прочиталъ эти животрепещущія строки:

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?..

Впрочемъ, изъ нашихъ наставниковъ никто не упомянулъ о немъ, какъ о чело-вѣкѣ, подающемъ какія-либо надежды. Говорятъ, былъ знаменитый поэтъ Пушкинъ, но я совсѣмъ его не читалъ. Въ словесности, какъ образецъ высокаго слога въ поэзіи, я помню слѣдующіе, выученные мною наизусть, стихи Державина:

Се ты вѣковъ явленіе чудно,—
Сбылось пророчество, сбылось!
Мечъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,
Герой мой вновь свой лавръ вознесъ...

Послѣдняго стиха я никогда не могъ произнести свободно, потому что, при чтеніи его, у меня перехватывало въ горлѣ дыханіе. Вотъ Яблочкинъ, такъ ужъ молодецъ по этой части! сколько онъ знаетъ наизусть стиховъ! Предъ моимъ отъѣздомъ сюда онъ читалъ мнѣ поэму «Демонъ». Стихи необыкновенно музыкальны. Передъ глазами одна за другою рисуются картины, когда ихъ слушаешь; но впечатлѣніе, производимое цѣлою поэмою, наводитъ на странныя, невыразимыя мысли... Что если бы, по окончаніи курса въ семинаріи, удалось мнѣ попасть въ университетъ... да нѣтъ! не съ моими способностями. Яблочкинъ — другое дѣло: онъ хоть сейчасъ выдержитъ университетскій экзаменъ. — «Пѣшкомъ, говорить, на Христово имя пойду, а ужъ буду въ университетѣ». — Я ему вѣрю: съ его настойчивымъ характеромъ онъ все сдѣлаетъ. А какъ онъ смѣлъ! Однажды въ классѣ, когда профессоръ говорилъ о мѣстопребываніи души въ человѣческомъ тѣлѣ и рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что душа обитаетъ во всемъ нашемъ тѣлѣ, Яблочкинъ неожиданно поднялся со скамьи. «Позвольте предложить вамъ возраженіе», — сказалъ онъ профессору.

— Хорошо.

«Такъ какъ въ сумасшедшемъ человѣкѣ душа не можетъ проявлять разумно своего существованія, а по существу своему недѣятельною она быть не можетъ, то чѣмъ душа эта бываетъ занята въ продолженіе иногда многихъ лѣтъ, до самой смерти сумасшедшаго?»

Профессоръ сталъ въ тупикъ и, послѣ долгаго молчанія, сурово отвѣтилъ: «садитесь на мѣсто и впередъ прошу поменьше разсуждать, а слушать внимательно то, что вамъ скажутъ». Яблочкинъ сѣлъ читать какой-то журналъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на лекцію профессора, который говорилъ о Сенекѣ, о Сократѣ, о Пифагорѣ и, ужъ Богъ знаетъ, о комъ, всѣхъ трудно припомнить... Однако, засѣла мнѣ въ голову эта семинарія! О чемъ бы я ни поведъ рѣчь, непременно коснусь семинаріи... Полно! Мнѣ еще нужно подумать о планѣ заданнаго намъ на каникулярное время разсужденія на тему: *«какимъ образомъ умъ, какъ источникъ идей, можетъ служить средствомъ къ приобрѣтенію познаній?»* По поводу этой

темы Яблочкинъ сказалъ мнѣ: «подивись, братъ, нашимъ способностямъ. На эту мудреную фразу у насъ напишутъ нѣкоторые по три или по четыре листа самымъ мелкимъ почеркомъ, а простой записки къ знакомому никто изъ насъ не напишетъ толково; мало этого: десяти словъ не свяжутъ въ разговорѣ, какъ слѣдуетъ. Замѣть, братъ, это и намотай себѣ на усь». — Однако и ты напишешь, когда прикажутъ, — отвѣчалъ я. «Само собою такъ. Воздадите Кесарево Кесареви».

32.

Цѣлую недѣлю я не брался за перо: не до того было. Наступила рабочая пора,—уборка хлѣба. Жары стоятъ нестерпимые. На небѣ нѣтъ ни облачка. Вѣтеръ горячій. Жницы работаютъ съ разсвѣта до поздней ночи. На подошвахъ ихъ необутыхъ ногъ, которыми онѣ смѣло ступаютъ по срѣзаннымъ стеблямъ ржаного колоса, трескается кожа; на ладоняхъ появляются мозоли, нѣкоторыя величиною въ орѣхъ; лица у всѣхъ покрыты загаромъ и потомъ; на свѣжіе слѣды горячаго пота ложится сухая пыль, образуетъ черные полосы, которыя, въ свою очередь, покрываются новою пылью, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Всѣхъ мучитъ невыносимая жажда, а въ полѣ нѣтъ ни одной капли холодной воды, потому что она на разсвѣтѣ привозится изъ села въ жбанахъ или въ бочонкахъ и, по прошествіи 3—4-хъ часовъ, дѣлается теплою, совершенно негодною для питья. Нѣтъ и отрадной тѣни, куда бы можно было преклонить усталую голову и вдохнуть въ себя струю прохладнаго воздуха. Грудныя малютки, которыхъ матери берутъ съ собою въ поле, лежатъ подъ снопами на разостланныхъ бѣлыхъ зипунахъ, время отъ времени плачутъ, замолкаютъ и опять плачутъ. Матери торопливо кормятъ ихъ грудью и снова берутся за серпъ. При дорогѣ сидятъ грачи съ распушенными крыльями и раскрытымъ клювомъ: даже имъ тяжело отъ нестерпимаго жара. Батюшка, не смотря на свой санъ, собственно вручную накладываетъ на возъ полновѣсные снопы, подмазываетъ дегтемъ колеса, впрягаетъ лошадь и сохраняетъ при всемъ этомъ невозмутимое спокойствіе: такъ онъ радъ хорошему урожаю! Примѣръ его и на меня дѣйствуетъ благотѣльно. Только отъ непривычки

къ работѣ къ вечеру у меня страшно ломятъ плечи и руки. Ночью сплю, какъ убитый, даже и во снѣ ничего не грезится. Сегодня, часовъ этакъ въ 5-ть, когда жаръ нѣсколько убавился и работа закипѣла дружиѣ, изъ села прискакалъ верхомъ мальчишка безъ шапки, босоногій, въ оборванной рубашонкѣ, и своимъ дѣтскимъ языкомъ насилу могъ растолковать батюшкѣ, что умираетъ его больная мать, что нужно ея исповѣдать и приобщить Святыхъ Таинъ. Батюшка поморщился. Сердце мое сжалось и, грѣшный человекъ, я осудилъ его въ душѣ. Очевидно, ему жаль было терять золотое, рабочее время. Впрочемъ, нерѣшимость его была минутная: съ моею помощію онъ побросалъ съ телеги снопы и крупною рысью отправился въ село. Больная умерла въ сумерки. Вечеромъ, когда мы готовились сѣсть за ужинъ, вошелъ кузнецъ Ѳома, старикъ, бѣлый, какъ лунь.

«Здравствуй, отецъ Иванъ! Вотъ я сына хочу женить»...

— Знаю, знаю. Часъ добрый! сказалъ батюшка.

«Покорнѣйше благодаримъ. Прими-ка, вотъ, чѣмъ богатъ».

Ѳома поклонился и поставилъ на столъ штофъ водки.

— Спасибо, другъ, спасибо! Только напередъ тебѣ самому ее надобно отвѣдать.

«Почему не такъ, коли будетъ на то твоя милость». Батюшка налилъ стаканъ.

— Выпей-ка на здоровье.

«Начинай, отецъ Иванъ. За мною дѣло не станеть».

— Я бы не отказался; ты знаешь, я не пью.

«Ну, и просить не стану. Благослови».

— Богъ тебя благословить.

Ѳома выпилъ, крикнулъ и вытеръ усы рукавомъ своего сѣраго халата.

«За вѣнчанье-то, отецъ Иванъ, дорого-ль съ меня положишь?»

— Сойдемся, другъ, сойдемся.

«Вѣстимо дѣло. Все-таки мнѣ надо рассчитать, что и какъ»...

Батюшка скоро съ нимъ условился.

«Ну, вотъ, сказалъ Ѳома: спасибо, что не прижимаешь; добрый

ты, значить, человекъ, не то, что нашъ дьячокъ, такая дрянь, и не глядѣлъ бы на него».

— Богъ дастъ, исправится. Ну, каково убираетесь съ хлѣбомъ?

«Убираемся помаленьку. Такъ спѣшимъ, что на—поди!» И, послѣ непродолжительнаго разговора объ уборкѣ хлѣба, Ѳома поклонился и вышелъ.

«Зачѣмъ вы взяли это вино?» спросилъ я у батюшки.

— Затѣмъ, чтобы не обидѣть старика. Таковъ обычай.

«Ну, а зачѣмъ вы его подчивали?»

— Опять таковъ обычай. Вотъ погоди, когда будешь попомъ да придется тебѣ самому плестъ плетни, чинить соху, чистить хлѣвъ, да ходить со двора на дворъ съ просьбою, нельзя-ли, молъ, вотъ, въ томъ мнѣ помочь, да въ этомъ пособить, тогда ко всему привыкнешь. — И батюшка грустно сѣлъ за столъ, какъ будто вопросы мои пробудили въ немъ тяжелыя мысли.

30.

Полевая работа идетъ горячо попрежнему, и я почти къ нимъ привыкъ: руки и плечи болятъ у меня уже меньше. Въ прошлое воскресенье мы всѣ порядочно поотдохнули. Время, проведенное мною въ церкви, при слушаніи Божественной литургіи, показались мнѣ особенно пріятнымъ. Мужички стояли такъ тихо, такъ благоговѣйно! Ни одинъ человекъ не улыбнулся, не смотря на то, что дьячокъ нашъ пѣлъ преотвратительно. При взглядѣ на толпу народа, въ головѣ моей мелькнула нехлѣбая мысль: что, если бы я былъ ученикомъ богословія? Я могъ бы надѣть стихарь, въ виду всѣхъ стать передъ наложникомъ и сказать краснорѣчивое, поучительное слово... По выходѣ изъ церкви, на паперти, меня встрѣтили двѣ чернички, одна старая, другая молодая и прехорошенькая. Онѣ занимаются печеніемъ просфоръ, посѣщаютъ богатыхъ купцовъ въ городѣ, которые надѣляютъ ихъ разными съѣстными припасами, иногда отправляются странствовать по Святымъ мѣстамъ, на счетъ какихъ доходовъ? — положительно сказать не могу. Старую черничку нѣкоторые мужички, въ особенности пожилыя бабы, почитаютъ за святую. Она носитъ на груди засаленную тетрадку «Сонъ Пресвятыя Богородицы», чи-

таетъ ее по складамъ набожнымъ бабамъ; тѣ слушаютъ, подпирая руками голову, вздыхаютъ, нерѣдко плачутъ и награждаютъ читальщицу кусками холстины. Батюшка смотритъ на нихъ подозрительно, но онѣ живутъ, повидимому, такъ безукоризненно и такъ хорошо сумѣли себя поставить во мнѣніи всѣхъ прихожанъ, что бояться имъ рѣшительно нечего. Эти чернички съ такою настойчивостію и вѣжливостію просили меня къ нимъ зайти, удостоить ихъ, какъ выражались онѣ, моимъ посѣщеніемъ, что мнѣ совѣстно было отказать. Въ горенкѣ у нихъ необыкновенная чистота. Окна вымыты и вытерты до того чисто, что при свѣтѣ солнца кажутся зеркальными. Гладкій сосновый полъ тоже вымытъ, выскобленъ ножомъ, и на немъ не видно ни соринки. По угламъ нѣтъ ни одного клочка паутины. Стѣны недавно обѣлены. Столъ накрытъ бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью. Передъ иконою, убранною искусственными розовыми цвѣтами и оправленною блестящею фольгою, ярко теплится лампадка. Рогачи поставлены у порога въ уголкѣ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы не всякому бросались въ глаза. Ихъ деревянныя рукоятки такъ вычищены, что подумаешь, онѣ вышли изъ-подъ рукъ искуснаго столяра. Изъ простыхъ вопросовъ молодой чернички о томъ, что новаго въ городѣ, каково мнѣ тамъ живетъ, не скучаю-ли я въ деревнѣ, я замѣтилъ, что она очень неглупа. Старуха достала, между тѣмъ, изъ маленькаго сундука графинъ краснаго вина и поставила его на столъ, на кругломъ зеленомъ подносѣ, вмѣстѣ съ рюмкою. Не смотря на всѣ мои увѣренія, что я никогда не пилъ и не пью вина, я не могъ не исполнить желанія гостепріимныхъ хозяекъ, когда онѣ сказали, наконецъ, что я ихъ обижаю, что, слѣдовательно, я ими гнушаюсь, если не хочу выпить того, что предлагается мнѣ отъ души. Молодая черничка сидѣла напротивъ меня и такъ близко, что ея горячее дыханіе касалось моего лица. Черное платье, застегнутое на груди бѣлою перламутровою пуговкой, расстегнулось и я горѣлъ отъ стыда и еще отъ другого, доселѣ незнакомаго мнѣ чувства. Совѣсть моя говорила мнѣ, что я поступаю не хорошо, что мнѣ не слѣдовало долго оставаться въ этой уютной горенкѣ, между тѣмъ непонятная сила удерживала меня на мѣстѣ,

случайно занятъ мною противъ молодой чернички. Приблизилась пора обѣда. Я опомнися, схватилъ фуражку поблагодарилъ хозяекъ за ихъ радушный пріемъ. Онѣ пригласили меня передъ вечеромъ пить чай. Скажу чистосердечно, я былъ радъ этому приглашенію, хотя и отказывался отъ него изъ приличія.

31 утромъ.

Нѣтъ, я не былъ вчера у черничекъ. Вся эта ночь проведена мною безъ сна, въ страшной, мучительной тоскѣ. Полураздѣтый, я ворочался съ боку на бокъ въ своей постели, творилъ молитвы,—и все напрасно: сонъ убѣгалъ отъ моихъ глазъ. Голова моя горѣла, какъ въ огнѣ. Подушка жгла мои щеки, простыня обдавала меня жаромъ. Около полуночи я вышелъ изъ терпѣнія и сѣлъ къ открытому окну, думая, что ночная прохлада освѣжитъ мое пылающее лицо и приведетъ въ порядокъ мои мысли. Все было напрасно... Тускло сіяли звѣзды на синемъ небѣ. Въ саду лежалъ непроницаемый мракъ. Порою слышался шопотъ сонныхъ листьевъ, тревожимыхъ перелетнымъ вѣтромъ. Въ этомъ шопотѣ мнѣ чудились звуки ласковой женской рѣчи. Въ темнотѣ ночи передъ моими глазами носился образъ красивой, молодой женщины. Она глядѣла на меня такъ привѣтливо, съ такою любовію манила меня къ себѣ своею бѣлою рукою. Я боялся, что сойду съ ума, вышелъ на крыльцо и началъ лить себѣ на голову воду изъ висѣвшаго тамъ на веревочкѣ глинянаго ручкомойника. Эти строки я пишу при блѣдномъ свѣтѣ только-что занимающагося утра. На востокѣ загорается красная полоса. Ключки алыхъ, прозрачныхъ облаковъ быстро пролетаютъ въ голубой высотѣ. Въ росистомъ саду изрѣдка слышится шорохъ пробуждающейся птички. Батюшка теперь скоро проснется, и мы всѣ отправимся на работу. Скорѣе-бы нужно въ широкое поле: въ этой тѣсной комнатѣ душно, какъ въ раскаленной печи...

1 августа.

Перевозка сноповъ окончилась вчера рано. Я былъ дома еще засвѣтло. При наступленіи сумерокъ, умылся, почистилъ свое платье

и пошелъ побродить по селу. Ужъ не знаю, какъ это случилось, только мнѣ скоро пришлось проходить передъ знакомымъ окномъ, у котораго сидѣла молодая черничка и вязала чулокъ (зовутъ ее, какъ я послѣ узналъ, Натальею Ѳедоровной). «Зайдите къ намъ на минутку», сказала она, съ улыбкой, кивая мнѣ головой. Сердце мое забилося. Я остановился въ нерѣшительности—и зашелъ.

«А я цѣлый день сижу все одна: старуха моя ушла къ знакомой, больной бабѣ, вѣрно и ночевать тамъ останется. Садитесь, пожалуйста».

Разговоръ нашъ шелъ сначала довольно вяло. Но Наталья Ѳедорвна была такъ находчива, что я невольно оживился.

«Ахъ, какая жара!» сказала она, сбросивъ съ своей груди темный платокъ, и сѣла со мною рядомъ. Плечо ея касалось моего плеча.

«Я думаю, руки ваши отъ работы теперь сдѣлались грубѣе, чѣмъ были прежде. Вы были сегодня въ полѣ?»

Она взяла меня за руку и крѣпко ее сжала.

— «Да, былъ», отвѣчалъ я взволнованнымъ голосомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Огонь надо зажечь, сказала она и опустила занавѣску.

Въ комнатѣ стало темно.

«Помогите мнѣ сыскать свѣчу... Никакъ ее не найду», говорила она со смѣхомъ. «Не тутъ ли она стоитъ за вами?...»

И лица моего опять коснулось горячее дыханіе, моего плеча коснулось полуобнаженное горячее плечо. По всему моему тѣлу пробѣжалъ сладостный трепеть. Дыханіе мое прервалось. Я крѣпко обвилъ обѣими руками ея тонкій станъ и на губахъ моихъ, первый разъ въ моей жизни, загорѣлся огненный поцѣлуй...

Нѣсколько дней я не брался за перо. Теперь горячка моя поутихла, и я могу спокойнѣе и глубже заглянуть въ свою душу. Отчего я не обратилъ вниманія на это тревожное чувство боязни, которое отталивало меня въ минувшее, памятное мнѣ теперь, воскресенье отъ

порога черничекъ? Зачѣмъ я скрылъ отъ своего отца мое первое съ ними знакомство? Ясно, что я умышленно закрывалъ свои глаза, чтобы не видѣть того, что я долженъ былъ видѣть заранѣе. Ясно, что я съ намѣреніемъ не давалъ воли своему разуму... Ну, любезный Василій Ивановичъ, помни этотъ урокъ! Нѣтъ, братъ, шалишь!.. Теперь каждый свой шагъ ты долженъ строго обдумывать. Пзъ каждого твоего намѣренія, готового перейти въ дѣло, ты напередъ обязанъ выводить вѣроятныя послѣдствія. Мнѣ кажется, въ эти дни я постарѣлъ нѣсколькими годами. Я горю со стыда, когда батюшка останавливаетъ на мнѣ свой умный, проникательный взоръ, будто хочетъ сказать: «Ахъ, Вася, нехорошее ты дѣло сдѣлалъ!..»

Какая здѣсь, однако, скука, Боже милостивый! Ни одной книжонки нѣтъ подъ рукою, не только порядочной, и дрянной нѣтъ. Живутъ же тутъ добрые люди, да мало этого, и на жизнь свою не жалуются. На дняхъ я зашелъ къ нашему сосѣду. Сердце мое сжалось, какъ посмотрѣлъ я на его горемычное житіе. Стѣны избышки покрыты копотью; темнота, сырость... Печь растрескалась. Разбитое окно заложено клочкомъ старой рогожи. Полъ земляной. На мокрой соломѣ хрюкаетъ свинья; хозяинъ говоритъ, что она заболѣла, такъ вотъ и взялъ онъ ее въ избу. Подлѣ животнаго ползаетъ маленькая дѣвочка, босоногая, въ изорванной рубашонкѣ. Другое, грудное дитя, лежитъ въ засаленной люлькѣ, повѣшанной на веревкахъ подлѣ печи; во рту у него грязная соска, наполненная жидкою пшениною кашею. Жена сосѣда, желтая и покрытая морщинами, ходитъ точно потерянная. Ротъ постоянно полуоткрытъ; глаза смотрять безмысленно. Не то чтобы она была глуха отъ природы, да нужда-то слишкомъ ее заѣла. Еще одинъ мальчуганъ, лѣтъ 10-ти, неумытый и оборванный, раскинулся на печи, безъ подушки и подстилки, и наигрываетъ въ желейку, утѣшая себя произвольными звуками. Всю эту картину освѣщала дымная лучина. «Вотъ, сказалъ я между прочимъ сосѣду: сынъ-то у тебя болтается безъ дѣла. Не хочешь ли, буду учить его грамотѣ, покаместъ здѣсь проживу. Я скоро его выучу».

— Э-эхъ, касатикъ! Онъ свиней пасеть, за это добрые люди хлѣбомъ его кормятъ, а грамота ваша насъ не кормитъ. На что намъ нужна ваша грамота? Богъ съ нею!..

Противъ этого я не нашелъ возраженій и замолчалъ.

10.

Сегодня съ нашимъ батракомъ Ѳедуломъ, на трехъ телѣгахъ, я ѣздилъ въ лугъ за сѣномъ. Воза такъ были накручены, что лошади едва тащили ихъ по песку. Ѳедулъ шелъ со мною рядомъ, покуривая коротенькую трубку. Я никогда не видалъ такихъ крѣпко-сложенныхъ людей, какъ нашъ батракъ. Росту онъ небольшого, но въ плечахъ необыкновенно широкъ. Черные курчавые волосы, черная курчавая борода и густыя нахмуренныя надъ сѣрыми глазами, брови придаютъ лицу его угрюмое выраженіе. Говорить онъ вообще мало и никогда не смотритъ на того, съ кѣмъ говорить.

«А что, Василій Ивановичъ», неожиданно спросилъ онъ меня: «скажи ты мнѣ на милость, чему васъ въ городѣ учать?»

Вопросъ этотъ меня удивилъ.

— Какъ же я тебѣ растолкую, чему насъ учать? Вѣдь, ты не поймешь.

«Отчего-жъ не понять? Пойму».

— Ну, слушай. У насъ изучаютъ риторикъ, философію, богословіе, физикъ, геометрію, разные языки...

«И будто вы знаете все это?»

— Кто знаетъ, а кто и не знаетъ.

«Такъ. Ну, а прибыль-то какая-же отъ вашего ученья?»

— Та прибыль, что ученый умнѣе неученаго.

«Вотъ-что! Однако, отецъ Иванъ косить и пашеть не лучше моего. Опять ты вотъ говоришь, что у васъ разнымъ языкамъ учать. Отецъ Иванъ, какъ и ты, имъ учился. Отчего-жъ онъ не говорить на разныхъ языкахъ? Я у васъ 10 лѣтъ живу, пора бы услышать».

— Да съ кѣмъ же онъ станетъ тутъ говорить?

«Вѣстимо не съ кѣмъ... Прибыли-то, значить, отъ вашего ученья немного. Вотъ если бы вашъ братъ ученый пріѣхалъ къ намъ, да разсказалъ толкомъ; это вотъ-такъ надо сдѣлать, это вотъ-такъ, и стало бы нашему брату мужику отъ этого полегче, тогда вышло бы хорошо, а то... Ну карій! чего-жъ ты сталъ?»...

Лошади подымались на гору. Карій рѣшительно отказывался идти. Оедуль забѣжалъ ему впередъ. «Ты коли везти, такъ вези, не то я дамъ тебѣ такого тумака по лбу, что пскры изъ глазъ посыпятся». Тумака ему однакъжь онъ не далъ, а, упершись своимъ широкимъ плечомъ въ задъ телѣги, крикнулъ: «ну!...», и карій свободно потянулъ свой тяжелый возъ.

Попадавшіяся мнѣ навстрѣчу молодыя бабы и дѣвки смотрѣли на меня съ какою-то странною улыбкой, и мнѣ не разъ приходилось слышать такого рода привѣтъ: «гляди, молодка, гляди! Поповичъ идетъ... Экой верзила!...» Правду сказать, наши лихачи парни тоже отзываются обо мнѣ не слишкомъ вѣжливо и безъ особенной застѣнчивости находятъ во мнѣ кровное родство съ извѣстною породой молодыхъ, домашнихъ животныхъ, которыя обыкновенно бываютъ и красивы и бойки, покуда еще незнакомы съ упряжью. Мнѣ кажется, я никому и ничѣмъ не подавалъ здѣсь повода къ этимъ насмѣшкамъ и никому не сдѣлалъ зла; откуда же взялось это обидное пренебреженіе къ моей личности? Вѣроятно, оно является, благодаря существованію какого-нибудь Кондратыча и ему подобныхъ. Жаль, что нашему брату отъ этого не легче... Нѣтъ, скверно тутъ жить!..

Скука моя растеть день отъ дня. Поутру сверху до-низу я пере-ыль все въ своемъ сундучкѣ, думая найти въ немъ какую-нибудь забытую книженку, или исписанную тетрадь. Ничего не отыскалъ! Развернешь одно—учебная книга; развернешь другое—знакомыя лекціи: логика, психологія, объясненіе разныхъ текстовъ... все это извѣстно и неизвѣстно... Быть по сему. Буду отъ нечего дѣлать опять продолжать свой дневникъ. Но, если бы пришлось мнѣ пожить здѣсь долгое время, полагаю навѣрное, я ограничился бы тѣмъ, что вносилъ

бы въ него слѣдующія, краткія замѣтки: сегодня мы были въ полѣ или сегодня было то же, что вчера, или сегодня ничего особеннаго не случилось, и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ... Что прикажете дѣлать? Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ... Итакъ—продолжаю.

Въ домѣ нашемъ идетъ страшная возня: приготовленіе къ храмовому празднику, т. е., ко дню Успенія Пресвятыя Богородицы. Могутъ окна, двери, полы и прочее. Одеуль хлопочетъ на дворѣ: зарѣзалъ нѣсколько куръ, зарѣзалъ трехъ гусей, зарѣзалъ барана, теперь готовится снимать кожу съ теленка, и по поводу этой рѣзни приходится въ отличномъ настроеніи духа, сыплеть шутками и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ вонзаетъ свой острый ножъ въ теплое мясо животнаго, умирающаго въ судорогахъ передъ его глазами. Матушка безпрестанно сердится на кухарку, кричитъ, что она лѣнива и ничего не понимаетъ. «Ну, чтожъ, лѣнива, такъ лѣнива!»! отвѣтитъ кухарка и съ такимъ ожесточеніемъ начнетъ скрестя ножомъ сосновую дверь, что скрипъ желѣзныхъ петель становится слышенъ на весь домъ, или скажетъ: «ну, чтожъ, глупа, такъ глупа!»!—и сунетъ съ необыкновенною скоростію въ устье печи горшокъ или чугунокъ, станетъ къ ней задомъ и время отъ времени тяжело вздыхаетъ: «охъ, хо, хо, житье, житье»!... Батюшка не мѣшается ни во что. Молвитъ иногда матушкѣ: «потихе, попадья, потихе»! и пойдетъ къ своему дѣлу. Матушка тотчасъ же притихнетъ. Вообще она ему во всемъ безусловно покоряется. Теперь вопросъ: гдѣ взять вилокъ? окончательно ее добиваетъ. У насъ вилокъ одна только пара, а гостей будетъ много. Для благочиннаго приглашеннаго совершать литургію, рѣшено приготовить его любимое блюдо: жаренаго поросенка, начиненнаго гречневою кашею, съ гусинымъ жиромъ, съ прецемъ, съ лукомъ и еще съ чѣмъ-то, ужъ, право, не знаю. Для гостей втораго разряда, за непмѣніемъ особой спальни, очищена баня, въ которой на полу и на полку постлано свѣжее, душистое сѣно. Что касается меня, никакъ не придумаю, на что-бы употребить мнѣ свободное время. По крайней мѣрѣ хотя-бы спалось побольше, все было лучше,—такъ нѣтъ: лежишь до полночи съ открытыми глазами и, радъ-не-радъ, слушаешь лай или вой голодныхъ собакъ.

17 ночью.

Нашъ хромовой праздниѣ окончился. Слава Тебѣ Господи! Гости разъѣхались. Ворота затворены. Въ домѣ глубокая тишина. Ну, и было же съ ними хлопотъ! Первый обѣдъ, за которымъ присутствовали благочинный и человекъ 15 нашей родни, прибывшей съ разныхъ сторонъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, прошелъ безъ особенныхъ исторій и шума.. За обѣдомъ батюшка выбиралъ для благочиннаго самые лучшіе, самые жирные куски мяса, повторяя: «покорнѣйше прошу отвѣдать. Сдѣлайте одолженіе, коли что дурно, не осудите, все, знаете, свое домашнее»... и усердно потчивалъ его виномъ. «Отвѣдаю, отвѣдаю», говорилъ благочинный: «пожалуйста, меня не торопи. Тише ѣдешь, дальше будешь»... И въ самомъ дѣлѣ онъ не торопился: рассказывалъ разные анекдоты, отиралъ крупный потъ на своемъ лицѣ и медленно опоражнивалъ новое блюдо. Матушка измучилась, упрашивая и кланяясь за каждою рюмкою. Гости пили, повидимому, единственно изъ приличія, съ большою неохотою. Но въ половинѣ стола сами начали просить вина разными намеками: гусь-то, молъ, по сухой землѣ рѣдко ходить, или утка-то безъ воды не любить жить... и тому подобное. Всѣ эти свахи, двоюродныя и троюродныя сестры, и сватовы жены вели неумолкаемый, безтолко-вый разговоръ, и, по окончаніи обѣда, нѣкоторые изъ нихъ запѣли пѣсни съ припѣвомъ:

А, люли! Ай, люли!

Ай, люшеньки! Ай, люли!

Тогда какъ въ другомъ углу раздавалось хлопанье ладоней подъ веселую пѣсню:

У воротъ гусли вдарили!

Ой, вдарили, вдарили!

Ой вдарили, вдарили!

Батюшка чувствовалъ сильную усталость, и между тѣмъ не смѣлъ свободно сѣсть или облокотиться на столъ въ присутствіи своего начальника, внимательно слушалъ его рассказы и почтительно соглашался съ его приговорами: «это совершенная истина! или—какъ вамъ этого не знать! Вамъ лучше нашего это извѣстно»... Одинъ только мѣщанинъ, дальній родственникъ матушки, держалъ себя независимо и крѣпко ударялъ объ столъ кулакомъ, приговаривая: «мы знаемъ, у кого гуляемъ! Ну, вотъ и все... и мое почтеніе...! Такъ что ли отецъ Иванъ? Вѣрно»!... По выходѣ изъ-за стола, благочинный осматривалъ наше гумно, ригу, огородъ, на которомъ спѣютъ дыни, и прочія домашнія постройки. Батюшка сопровождалъ его съ открытою головою. Что прикажете дѣлать! Благочинный, говорятъ, самолюбивъ и не задумывается чернить того, кто ему не нравится. Лошади его были накормлены овсомъ до послѣдней возможности. Кучерь едва ворочалъ языкомъ. Лицо его походило на красное сукно. Съ отъѣздомъ начальника, батюшка повеселѣлъ и сдѣлался разговорчивѣе. Въ сумерки независимый мѣщанинъ такъ насытился, что упалъ среди двора и бормоталъ околесную: «какой безменъ? на безменѣ не обвѣсишь... а вотъ пенька твоя гнилая. Оттого и не доплачено... вѣрно! ступай къ чорту»!... Батюшка терпѣть не можетъ, когда упоминается дьявольское имя. Онъ подошелъ къ полусонному гостю и сказалъ: «Эй, любезный! любезный! перекрестись»!

— Проваливай къ чорту! отвѣтилъ мѣщанинъ и перевернулся на другой бокъ. Оедулъ еще съ утра былъ на веселѣ и все приставалъ къ батюшкѣ, чтобы онъ далъ ему денегъ.

«Пожалуйста, выйди вонъ», отвѣчалъ ему батюшка: «ты видишь, у меня чужіе люди».

— Это ужъ твое дѣло, говорилъ Оедулъ, растопыривъ руки, какъ крылья. Я сказалъ, что хочу выпить, ну—и кончено!..

Батюшка далъ ему четвертакъ, Оедулъ положилъ его на свою широкую ладонь, подбросилъ вверхъ и такъ крѣпко ударилъ по ней другою ладонью, что одна старушка гостя плюнула и сказала: «вишь, какъ его, окаяннаго, разбираетъ»!.. Вечеромъ я вышелъ на крыльцо,

но, увы!... сойти съ него не могъ. Өедуль сдвинуль съ мѣста большой, самородный камень, служившій ступенью, и каталь его по двору. «Дуракъ! что ты дѣлаешь?» крикнуль я на Өедула.

— Камень катаю. Человѣка ломать—грѣхъ: не вытерпнть, а камень вытерпнть, вотъ я его и ворочаю, да! Руки чешутся, оттого и ворочаю.

«Положи его на мѣсто. Съ ума ты сошелъ!»

— Не слѣши. Покатаю и положу.—Онъ такъ и сдѣлалъ.

На слѣдующіе дни повторилась та же исторія ѣды и питья съ небольшими измѣненіями. Очищенная для гостей баня оказалась не-нужною: они провели ночь, какъ понало и гдѣ пришлось, т. е., на мѣстахъ, гдѣ кого убилъ на-поваль могучій хмѣль. Повторяю опять: слава Тебѣ, Господи! Всѣ разъѣхались!

26.

Время, однако, идетъ да идетъ своимъ чередомъ. Миѣ уже недолго остается жить въ деревнѣ, бить, какъ говорится, баклуши. Да и пора отсюда. Вѣчно слышишь разговоры о пашнѣ, о посѣвахъ, заботы о томъ: упадетъ ли во время дождь, сколько мѣръ даетъ изъ копны рожь, сколько греча, и проч. и проч. У того-то заболѣла овца. Сосѣда Кузьму видѣли въ новыхъ сапогахъ. Объ этомъ тоже разговариваютъ, и нѣкоторые смотрять на Кузьму съ завистью. Тетка Матрена сушила на печи ленъ и чуть не сожгла избы,—все это переходить изъ устъ въ уста и возбуждаетъ разные толки. Матушка опечалена предстоящей со мною разлукою, приготовляетъ миѣ жирныя пышки, сдобные сухари и разные крендели. Отъѣздъ назначенъ завтра. Не смотря на скуку, которая на меня напала здѣсь въ послѣдніе дни, я съ грустью обошелъ знакомыя поля, побывалъ и въ лугу, и въ лѣсу и,—стыдно сказать,—проходя мимо окна черничекъ, остановился въ раздумѣ... Окно было занавѣшено. Калитка была заперта. А что, если бы Наталья Өедоровна сидѣла подь окномъ и позвала меня въ свою свѣтлую горенку, ужели бы я отказался съ нею проститься? Признаюсь, во миѣ все-таки таптся задняя мысль, что эти страницы могутъ попасть въ чьи-либо руки. Я не смѣю выска-

затѣ того, что творится теперь и что творилось прежде въ моей душѣ... Дорого мнѣ стоило сдержать свое честное слово, много я вынесъ тоски и борьбы, но—я его сдержалъ: я ужъ не видалъ болѣе милой Наташи... Только уѣхать отсюда нужно скорѣе, непременно скорѣе, иначе силы мои упадутъ. Птакъ—въ городъ. И потянется снова однообразная семинарская жизнь. И пойдутъ безконечные уроки, замѣчанія, выговоры и... полно заранѣе горевать! До свиданія, родной мой уголокъ! Спасибо тебѣ за пріютъ, за тотъ покой, которымъ ты меня окружалъ! Быть можетъ, по прошествіи года, снова приведетъ меня Богъ сидѣть у этого, отвореннаго въ садъ, окна, смотрѣть на эту темную зелень и вдыхать запахъ росистой травы и, быть можетъ, снова войдетъ въ мою комнату, какъ входитъ она теперь, наша молчаливая кухарка и молвить, почесывая по привычкѣ спину: «Василій Павлычъ! самоваръ подали. Иди!»...

1 сентября.

Ну, вотъ, мы и въ городѣ. Стоимъ, покамѣсть на прежней квартирѣ, въ старомъ домишкѣ сварливой, неопрятной мѣщанки, которая, узнавъ, что я не буду болѣе ея жильцомъ, насчитываетъ на батюшку лишніе два рубля. «Давай», говоритъ, «давай. Небось, не обѣдняете! Вы сами дерете съ живого и съ мертваго»... Батюшка уже былъ у профессора и условился съ нимъ въ цѣнѣ, но что-то хмурить брови; вѣрно, моя новая квартира обойдется ему не дешево. Яблочкинъ ушелъ отъ меня недавно. Не знаю, потому-ли, что я его нѣсколько времени не видалъ, лицо его показалось мнѣ страшно худо и блѣдно. Но какъ онъ бываетъ хорошъ, когда начинаетъ съ увлеченіемъ о чемъ-нибудь говорить! Голубые глаза горятъ, щеки покрываются яркою краскою, бѣлокурые, выщипанные отъ природы, волосы закидываются назадъ и открываютъ бѣлый широкій лобъ. Сообразно настроенію души, черты лица мѣняются ежеминутно. Во время разговора, всѣ члены его приходятъ въ движеніе.

«А, Бѣлозерскій!» воскликнулъ онъ, отворяя дверь въ мою комнату: «пріѣхалъ? ну, молодецъ! Давай руку. Эхъ, дружище! какъ тебя въ деревнѣ-то откормили; вотъ что значитъ батюшкинъ да ма-

тушкинъ сынокъ, не то что нашъ братъ, сынъ пономаря и круглый спрота. Какъ поживаешь?»

— Попрежнему, отвѣчалъ я.

«Съ одинаковымъ душевнымъ спокойствіемъ? Ну, и прекрасно. Это въ тебѣ наслѣдственная добродѣтель. Отецъ твой, какъ ты самъ не разъ говорилъ, тоже ничѣмъ не возмущается. Главное, ты умный и добрый малый, за что я отъ души тебя люблю. А знаешь-ли, что? На дняхъ я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ; онъ служить здѣсь чиновникомъ. У него прекрасная библіотека. Хочешь, душа моя, читать? какъ сыръ въ маслѣ будешь кататься».

— Еще бы не хотѣть! Давай только книгъ получше!

«Охъ, ты! получше... вкусъ-то у тебя немножко испорченъ. Ну, да исправится современемъ, ничего».

— Гдѣ ты провелъ каникулы?

«Въ деревнѣ одного помѣщика. Училъ его ротозѣя-сынишку первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Ну, душа моя, помѣщикъ! Представь себѣ откормленнаго на убой быка, съ черными щетинистыми усами, съ угреватымъ расплывшимся лицомъ, — вотъ его портретъ. Чѣмъ, ты думаешь, онъ занимается? Лежитъ на мягкомъ диванѣ въ вязаной, красной ермолкѣ, въ шелковомъ халатѣ, въ пестрыхъ туфляхъ и насвистываетъ разные марши. «Гришка! Подай трубку!»... Замѣть: столъ стоитъ у его изголовья, на столѣ табакъ и трубка; чего-бы, кажется, кричать? Этотъ Гришка до того загнанъ и запуганъ, что совсѣмъ почти потерялъ даръ слова и движется съ потупленною головою и унылымъ лицомъ, какъ живая кукла. Такой проклятый быкъ, ни одного журнала не выписываетъ! Дочка у него тоже замѣчательное въ своемъ родѣ созданіе: раздавить кто-нибудь при ней муху, она чуть не падаетъ въ обморокъ, увидить на своемъ платьѣ козявку, поднимаетъ крикъ. Однажды вечеромъ влетѣлъ въ комнату жукъ. Барышня взвизгнула. Сѣнныя дѣвки, съ вѣниками и съ полотенцами въ рукахъ, начали метаться изъ угла въ уголъ за бѣднымъ насѣкомымъ. Наконецъ, побѣда была одержана: жукъ вылетѣлъ въ окно. Барышня приняла лавровишневыхъ капель и легла

въ постель. Въ домѣ все притаило дыханіе; даже быкъ на нѣкоторое время пересталъ насвистывать свои марши»...

— Ну, что-жъ ты не поссорился съ ними?

«Нѣтъ, выдержалъ. А солоно было! На первыхъ порахъ барину угодно было посылать меня за водой. «Молодой человѣкъ, принесите-ка мнѣ воды!» Я ограничивался тѣмъ, что передавалъ его приказанія въ переднюю: Григорій! баринъ требуетъ воды. Или: «молодой человѣкъ, набейте мнѣ трубку!» Я опять отправлялся въ переднюю: Григорій! баринъ требуетъ трубку. И тому подобное. Съ этого времени барская спѣсь перестала разсчитывать на мою холопскую услужливость. Однажды я читалъ стихотворенія Шенье. Одно изъ нихъ произвело на меня такое впечатлѣніе, что я позабылся и сказалъ вслухъ: «что это за прелесть!» «Чѣмъ вы восхищаетесь?» спросила меня слабонервная барышня. Я показалъ ей прочитанныя мною строки. «Въ самомъ дѣлѣ, очень мило» — «Переведи, Наташа, по-русски, промычалъ быкъ: я послушаю». Наташа попробовала перевести и не смогла. «А ну-ка вы, г. учитель». Я перевелъ. Быкъ взбѣсился. «Какъ, чортъ возьми! Какой-нибудь кут... (онъ хотѣлъ сказать: кутейникъ, но поправился), какой-нибудь молодой человѣкъ, учившійся на мѣдныхъ деньги, свободно владѣетъ французскимъ языкомъ, а у насъ 5 лѣтъ жила француженка, и ты не можешь перевести стихотворенія, — а?... Послѣ этого пусть дьяволъ возьметъ всѣхъ вашихъ гувернантокъ! Вотъ-что!»... Барышня долго на меня дулась за то, что я будто бы хотѣлъ порисоваться передъ ея папашею... «Нѣтъ-ли у тебя что-нибудь покурить?».

— Ничего нѣтъ. Ты знаешь, я почти не курю.

«Скуписься, душа моя,—это скверно!»

— Что-жъ дѣлать! Батюшка и безъ того жалуется на большіе расходы. Поздравь меня, Яблочкинъ: я буду жить у нашего профессора К.

«Будто? Ты не шутишь?»

— Нисколько. Такъ угодно моему батюшкѣ.

«Жаль. Вѣрно старикъ твой еще не утратилъ раболѣпнаго уваженія къ бурѣ и думаетъ, что всякій профессоръ есть своего рода свѣтило—*vir doctissimus*».

— Что-жъ ты находишь тутъ дурного?

«А то, что въ квартирѣ своего наставника ты займешь должность камердинера, разумѣется, если ему понравишься, а не понравишься, займешь должность лакея».

— Ну, далеко хватить! Увидимъ.

«Увидишь, душа моя, увидишь! Во всемъ этомъ я вижу только одну хорошую сторону: квартира твоя какъ разъ противъ моей, стало быть, ты можешь навѣщать меня, когда тебѣ вздумается. У меня теперь пропасть дѣла. Старушка чиновница, у которой я живу, и съ сыномъ которой приготавлиюсь вмѣстѣ поступить въ университетъ, ежедневно мнѣ повторяетъ: «трудитесь молодой человѣкъ, трудитесь! Поѣдете, Богъ дастъ, съ моимъ Сашенькою въ Москву, и тамъ васъ не забуду. Такая добрая!

— Итакъ, ты навѣрное ѣдешь въ университетъ?

«Навѣрное. Совѣтую и тебѣ то же сдѣлать».

— Я бы не прочь. Батюшка не позволить. Онъ не хочетъ, чтобы я выходилъ изъ духовнаго званія.

«Врешь! Доброй воли у тебя недостаетъ — вотъ и все! Проси, моли, плачь... что-жъ дѣлать! Не позволить!... Я круглый сирота, а видишь, не вѣшаю головы! Горько иногда мнѣ приходится, но когда подумаю, что я пробиваю себѣ дорогу безъ чужой помощи, одинъ, собственными своими силами, что кусокъ хлѣба, который я ѣмъ, добытъ моимъ трудомъ, что перо, которымъ я пишу, куплено на мою трудовую копѣйку, что я никому не обязанъ и ни отъ кого независимъ, — и на глазахъ моихъ выступаютъ радостныя слезы... Развѣ это не отрадно?... Однако прощай! Мнѣ некогда».

Послѣ этого разговора я долго сидѣлъ въ раздумьи и ничего не могъ придумать. Я знаю, что батюшка меня не послушаетъ. А такой непреклонной воли, такой энергіи, какъ у Яблочкина, у меня нѣтъ. Вѣрно мнѣ придется идти безпрекословно по той дорогѣ, которую идутъ другіе, подобные мнѣ, труженики.

2.

Утромъ, вмѣстѣ съ батюшкою, я былъ у профессора Феодора Феодоровича К. Признаюсь, сердце сильно забилося въ моей груди отъ

какой-то глубокой робости, когда въ первый разъ я переступилъ порогъ его передней. О насъ доложилъ мальчуганъ, одѣтый въ нанговый, съ разодранными локтями, бешметъ. «Пусть войдутъ», послышалось за дверью. Мы вошли. Это былъ кабинетъ профессора. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и курилъ папироску. На козьяхъ его мурлыкалъ сѣрый котенокъ. Съ жаднымъ любопытствомъ осматривалъ я эту комнату, это недоступное мнѣ доселѣ святилище. Надъ диваномъ висѣли, въ деревянныхъ рамкахъ, за стеклами, зашпигенными мухами, портреты неизвѣстныхъ мнѣ духовныхъ лицъ. Въ маленькомъ шкафѣ на одной только полкѣ стояло нѣсколько учебныхъ книгъ; двѣ остальные полки были пусты. На столѣ лежали разбросанныя тетрадки и засохшія перья. Занавѣски на окнахъ потемнѣли отъ пыли. Вообще комната не отличалась особенною чистотою. «Садитесь, отецъ Иванъ, безъ церемоніи», сказалъ профессоръ, не трогаясь съ мѣста, не перемѣняя своего положенія, вѣроятно изъ опасенія потревожить дремавшаго котенка. Батюшка, прежде нежели сѣлъ, указалъ на меня и поклонился въ поясъ профессору. «Отдаю его вамъ подъ ваше покровительство. Учите его добру и наблюдайте за его занятіями. Покорнѣйше васъ прошу!» и опять послѣдовалъ низкій поклонъ. — Хорошо! Хорошо! Потакать не станемъ. Впрочемъ, онъ изъ лучшихъ учениковъ; слѣдовательно, при моемъ надзорѣ, вы можете быть спокойны насчетъ его дальнѣйшихъ успѣховъ. «Покорнѣйше васъ благодарю!» отвѣчалъ батюшка и опять поклонился. Профессоръ всталъ и отворилъ дверь налѣво. «Вотъ комната, которую будетъ занимать вашъ сынъ». Комната оказалась не болѣе 4-хъ квадратныхъ аршинъ, съ тусклымъ окномъ, выходившимъ на задній дворъ. Подлѣ стѣны стояла узенькая кровать, когда-то окрашенная зеленою краскою. Своею отдѣлкою она напоминала мнѣ кровати нашей семинарской больницы. Подъ задними ножками были подложены кирпичи, потому что онѣ были ниже переднихъ. Въ углѣ висѣлъ мѣдный рукомойникъ, подъ которымъ на черной табуреткѣ стоялъ глиняный тазъ, до половины наполтый грязною водою. Стѣны были оклеены бумажками, которыя во многихъ мѣстахъ отклеились и висѣли клоками. «Приберется, хоро-

шая будетъ комната», сказалъ профессоръ: «пусть только занимается дѣломъ. Мѣшать ему здѣсь никто не станетъ...»—Это главное, это главное! повторилъ батюшка: объ удобствахъ не беспокойтесь. Мы люди привычные ко всему.—«И прекрасно! пусть съ Богомъ переѣзжаетъ».—Когда прикажете?—«Хоть сейчасъ, мнѣ все равно. Скажите вашему сыну, чтобы онъ иопрлежниѣ занимался, а голодать за моимъ столомъ онъ не будетъ: я люблю хорошо поѣсть. Что вы дѣлали во время каникулъ?» Последнія слова относились ко мнѣ. Я покраснѣлъ. Сказать прямо, что я возилъ снопы, казалось мнѣ какъ-то неловко. «Почти ничего», отвѣчалъ я. — Это дурно! Надо трудиться: безъ труда далеко не уѣдешь.—«И я ему то-же внушаю», сказалъ батюшка.—«Такъ и слѣдуетъ. Вы думаете, мнѣ вотъ легко досталось, что я вышелъ въ люди? Нѣтъ, нелегко! 16 лѣтъ я не разгибалъ спины, сидя за книгами, и никакой твари не обидѣлъ, ни словомъ, ни дѣломъ. У насъ заносчивостію не возьмешь. Это, молодой человѣкъ, вы примите къ свѣдѣнію. Иначе цѣлый вѣкъ будете перезванивать въ колокола и распѣвать на клиросѣ». Во время этой рѣчи профессоръ сидѣлъ и поглаживалъ рукою котенка. Мы почти-тельно стояли у порога. Батюшка тяжело вздыхалъ. «Прошу васъ не оставить его своимъ вниманіемъ».—Хорошо, хорошо! — Затѣмъ мы поклонились и вышли.

На обратномъ пути батюшка внимательно разсматривалъ огромныя вывѣски на каменныхъ домахъ, читалъ ихъ и торопливо давалъ дорогу всякому порядочно-одѣтому человѣку. Мнѣ кажется, онъ немножко какъ-бы одичалъ, живя безвыѣздно въ своей деревнѣ. Отдохнувъ нѣсколько въ горенкѣ нашей старой квартиры, гдѣ, кромѣ насъ, не было ни одной души, онъ сказалъ мнѣ: «Ну, Вася, тебѣ уже 19 лѣтъ; стало быть, ты можешь понимать, что хорошо и что дурно. Учись прилежно. Старшихъ слушай и береги деньги. Я ихъ не жалѣю и помѣщаю тебя къ профессору, желая тебѣ добра. Смотри же, не обмани моихъ надеждъ!» Мнѣ было что-то очень грустно. «Батюшка», сказалъ я: «Яблочкинъ ѣдетъ въ университетъ. Позвольте и мнѣ съ нимъ туда же приготовиться». — Пусть онъ ѣдетъ. Часъ ему добрый. А ты пребывай въ томъ званіи, для котораго ты при-

званъ, и мечты свои оставь, если не хочешь меня обидѣть. — Я утеръ украдкою слезу и началъ собираться къ переѣзду на новую квартиру.

3.

Вотъ я и на новосельи. Батюшка отправился домой ночью, потому что спѣшилъ къ посѣву ржи. Сегодня въ первый разъ мнѣ пришлось обѣдать за однимъ столомъ съ профессоромъ. У меня недостаетъ словъ выразить, въ какое затрудненіе поставилъ меня этотъ обѣдъ! На столѣ стояли два прибора, и каждый былъ накрытъ особою салфеткою. Я рѣшительно не зналъ, что мнѣ съ нею дѣлать и куда мнѣ ее положить. Спасибо, что профессоръ вывелъ меня изъ замѣшательства своимъ примѣромъ. Далѣе дошло дѣло до серебряной ложки, похожей на лодочку, тогда какъ я привыкъ обходиться съ деревянною, круглою. Неловко безъ привычки, да и только. Того и смотри, что оболую щами или скатерть, или свой атласный черный жилетъ. Когда мнѣ пришлось взять на свою тарелку кусокъ жаренаго мяса и разрѣзывать его, я сдѣлалъ таки глупость: брызнулъ на бѣлую скатерть подливкою и окончательно потерялся. Мои длинные ноги, казалось, стали еще длиннѣе. Я не зналъ, куда ихъ дѣвать. Попробовалъ протянуть ихъ свободно подъ столомъ,—но увы! толкнулъ ножку стола и коснулся ноги профессора. Подумалъ, подумалъ — и съ величайшею осторожностію помѣстилъ ихъ подъ свой стулъ. Къ счастью, въ продолженіе обѣда профессоръ почти ничего не говорилъ; иначе какъ бы я могъ сообразить отвѣтъ и въ то же время управляться съ ножомъ и вилкою?... Прислуживала намъ старая кухарка, одѣтая опрятно и, какъ видно, хорошо знающая свое дѣло. Изъ-за стола я вышелъ голоднымъ, потому что не смѣлъ дать воли своему аппетиту, не желая показаться человѣкомъ, никогда не видавшимъ порядочнаго куска. Проклятая застѣнчивость!..

«Ну Бѣлозерскій, дай-ка мнѣ панироску; онѣ вотъ на окнѣ лежать», сказалъ мнѣ Федоръ Федоровичъ, выходя изъ-за стола: «да, пожалуйста, будь поразвязнѣе и ужъ извини, братъ, что я начинаю съ тобою обращаться на *ты*. Смѣшно же намъ церемониться: ты проживешь у меня не одинъ день...»

Такъ, подумаль я, вотъ и первое сближеніе ученика съ профессоромъ. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

«Позвольте узнать, что вы посовѣтуете мнѣ прочитать по части философіи?»

Онъ рекомендовалъ мнѣ слѣдующее:

Опытъ науки философіи, Надеждина.

Опытъ системы нравственной философіи, Дроздова.

Опытъ философіи природы, Кедрова;

и нѣсколько разныхъ руководствъ по логикѣ и психологіи. Все это, сказалъ онъ, вы можете спросить въ семинарской библіотекѣ. Ну, подумаль я: эта пѣсня потянется надолго. Библіотекаръ, занимающій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность профессора, когда попросишь у него какую-нибудь книгу, или отзывается недосугомъ, или тѣмъ, что влючь отъ библіотеки забыть имъ дома, или, когда бываетъ не въ духѣ, просто откажетъ такъ: вы просите книги, а навѣрное урожа не знаете... Читатели!.. Трепать берете, а не читать... ступайте, откуда пришли!..

Въ продолженіе этого дня у Федора Федоровича не мало перебивало лицъ нашего духовнаго сословія. Онъ принималъ ихъ не одичаково. Однихъ приглашалъ въ гостиную и указывалъ на стулъ, говоря: «садитесь безъ церемоніи. Ну, что у васъ новаго? Каково уродился хлѣбъ?» (Послѣдній вопросъ онъ предлагалъ почти всѣмъ. Желалъ бы я знать, что ему за дѣло до урожая?). Другіе останавливались на порогѣ гостиной и объясняли ему свои нужды въ такихъ робкихъ выраженіяхъ, сопровождаая ихъ такими глубокими поклонами, принимали на себя такой уничиженный, раболопный видъ, что мнѣ вчужѣ становилось досадно и горько. Федоръ Федоровичъ ходилъ по комнатѣ, играя махрами своего шелковаго пояса (вѣроятно, онъ никогда не снимаетъ въ комнатѣ своего халата), нѣкоторымъ общалъ свое покровительство; нѣкоторымъ говорилъ: «не могу, не могу! Тутъ не поможетъ мое ходатайство». Остальныхъ выслушивалъ въ передней и, бросивъ быстрый взглядъ на какое-нибудь замасленное, потертое полукафтанье, отрывисто восклицалъ: «некогда! приходи въ другое время!» Наконецъ за однимъ дьячкомъ просто за-

хлопнул дверь, сердито сказавъ: «надоѣли! всякая дрянь лѣзетъ»!.. Заглянувъ случайно въ кабинетъ, я увидѣлъ подъ письменнымъ столомъ нѣсколько бутылокъ рому, голову сахару, а на столѣ два фунта чаю. Кстати о чаѣ. Послѣ вечерни, когда былъ поданъ самоваръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ послалъ меня за табакомъ. Вотъ, говорить, 30 к. сер., возьми четверку 2 сорта турецкаго, только смотри — средняго, а не крѣпкаго. Табаку я купилъ, но возвратился промокшимъ до костей, потому что дождь поливалъ, какъ изъ ведра.

«Ну, что, сказалъ онъ: промокъ?»

— Ничего, отвѣчалъ я.

«Выпей вотъ чашку чаю».

Чай былъ еще холоденъ и такъ жидокъ, что походилъ на мятную воду; однакожъ я не смѣлъ отказаться, выпилъ и опрокинулъ чашку. «Не хочешь ли еще?» Я поблагодарилъ и отказался. Ѳедоръ Ѳедоровичъ положилъ въ жестяную сахарницу возвращенный ему мною кусочекъ сахару, замкнулъ ее и приказалъ мальчику прибрать самоваръ.

Послѣ ужина, за которымъ я сидѣлъ уже нѣсколько смѣлѣе, Ѳедоръ Ѳедоровичъ вышелъ въ переднюю, остановилъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, чтобы онъ не беспокоилъ его ночью своимъ стукомъ, и далъ мнѣ мѣдный подсвѣчникъ и сальную свѣчу. «Если нужно, можешь зажечь». Тутъ онъ замѣтилъ дремавшаго на стулѣ мальчугана, котораго зоветъ Гришкой, и дернулъ его за вихорь. «Пошелъ, чертенокъ, въ кухню. Видишь, нашелъ мѣсто, гдѣ спать!» Комната моя, при мѣсячномъ свѣтѣ сквозь тусклые стекла, показалась мнѣ пустымъ, заброшеннымъ чуланомъ. Я попробовалъ открыть окно: съ задняго двора пахнуло навозомъ, и я съ досадою его закрылъ. Легъ на свою жесткую кровать, но заснуть не могъ: воображеніе мое работало неутомимо. Мнѣ вспомнились наши знакомыя поля, покрытая желтою рожью, моя свѣтлая, уютная горенка и темный, кудрявый садъ. И вотъ яснѣе и яснѣе возникъ передо мною образъ улыбающейся женщины, забывалось ея открытое плечо, и я почувствовалъ крѣпкое пожатіе нѣжной руки. Что со мною, подумалъ я и приложилъ руку ко лбу; лобъ горѣлъ, какъ въ огнѣ. Неужели я про-

студился? Нечего сказать, не весело мое новоселье. И медленно и тихо поднялся я съ кровати, чтобы не разбудить спавшаго профессора, зажегъ свѣчку и написалъ эти строки.

5.

Теперь снова за трудъ. Все начинаетъ входить въ свою обыкновенную колею. Сегодня поутру въ нашей семинарской церкви былъ торжественный молебенъ, на которомъ присутствовали профессора и почти всѣ ученики. Послѣ того, какъ дьяконъ провозгласилъ многолѣтiе всѣмъ учащимъ и учащимся, хоръ пѣвчихъ привелъ въ восторгъ большую часть слушателей своимъ чуть не сверхъ-естественнымъ крикомъ, въ особенности отличались басы. Изъ церкви ученики разошлись по классамъ. Вслѣдъ за толпою моихъ товарищей, вошелъ и я въ нашъ философскій классъ, дверь котораго отперъ намъ съдой сторожъ, отставной солдатъ съ лицомъ, изрытымъ оспою. Эти каменные громадной толщины стѣны, покрытыя зеленою краскою, эти бѣлые, мѣстами растрескавшіеся, своды потолка, эта высокая печь, никогда не затопляемая въ зимнее время и существующая неизвѣстно для какой цѣли, эти окна съ желѣзными рѣшетками, эти черные, изрѣзанные перочинными ножами, столы съ обтертыми скамьями и широкая, черная доска, утвержденная отлого на трехъ ножкахъ,—все это показалось мнѣ такъ знакомо, будто я былъ здѣсь назадъ тому не болѣе двухъ дней. Воздухъ сырой, какъ въ подвалѣ, и все вокругъ покрыто слоями густой пыли. На доскѣ кому-то вздумалось вывести пальцемъ: *третье великая добродѣтель*, и слова эти вышли чрезвычайно отчетливо. Въ классѣ начались, по обыкновенію, толкотня, пересаживанье съ мѣста на мѣсто, прыганье черезъ столы, ходьба по нимъ и смутный, безтолковый шумъ. Въ одномъ концѣ какая-то забубенная голова напѣвала вполголоса: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить»; въ другомъ кто-то выводилъ густымъ басомъ: «Многая лѣта! мно-га-я лѣ-ѣ-та!» Куда ты къ черту лѣзешь? раздается громкій крикъ: ногу отдалить! «А ты не разставляй ихъ», отвѣчалъ сиплый голосъ. Я зналъ свое четвертое мѣсто на скамьѣ перваго стола. «Слышишь, Краснопольскій!» сказалъ ученикъ, перегнувшись черезъ мою спину. «Ты, братъ, зачѣмъ же увезъ въ де-

ревню моего Поль-де-Кока?» — Забылъ отдать, ей-Богу, забылъ! отвѣчалъ Краснопольскій, торопливо добѣдая мучную булку. — «Дай-ка, братъ, мнѣ булки-то немножко. Есть что-ли?» — На, вотъ. — «А стоишь на прежней квартирѣ?» — Нѣтъ, хозяйка отказала. — «Отчего отказала?» — У меня, говоритъ, теперь дочь на возрастѣ. — Ученики захотѣли. Краснопольскій обратился ко мнѣ: «Ты куда пойдешь послѣ класса?» — На квартиру, сказалъ я. — «Пойдемъ-ка лучше въ трактиръ чай пить, вотъ что за нашу семинарію, тамъ мало бываетъ народу. — Нѣтъ, не пойду», отвѣчалъ я. — «Ну, какъ хочешь. Ты гдѣ стоишь?» — У нашего профессора. — Краснопольскій вытаращилъ на меня глаза. «У Федора Федоровича?» — Да. — Товарищъ мой почесалъ за ухомъ и молчаливо отвернулся въ сторону. Странно! вотъ что значить покровительство наставника... Этакъ, пожалуй, и всѣ станутъ посматривать на меня недоувѣрчиво... «Тсссе... по мѣстамъ!»! сказалъ кто-то. И вдругъ все пришло въ порядокъ. Дверь отворилась, и Федоръ Федоровичъ вошелъ. Одинъ изъ учениковъ, среди глубокаго молчанія, прочиталъ «Царю Небесный», послѣ чего нашъ наставникъ кивнулъ слегка на всѣ стороны головою: «садитесь!»! Смотря на выраженіе его лица, на его манеры и поступь, я никакъ не могъ понять, откуда явилась въ немъ эта перемѣна. Федоръ Федоровичъ дома — и здѣсь — это двѣ совершенно противоположныя личности. Тамъ онъ и говорить просто, и ходить, какъ мы всѣ ходимъ, и на лицѣ его нѣтъ чувства собственнаго достоинства, а въ классѣ и лицо у него другое, и манеры другія, и поступь другая, и даже голосъ рѣшительно не его голосъ. Сію минуту видишь, что это профессоръ, а не простой человѣкъ, Федоръ Федоровичъ. И вотъ, поднявъ голову и помахивая правою рукою, въ которой держалъ шляпу, онъ прошелся взадъ и впередъ по классу, взъерошилъ свои волосы; всѣ тотчасъ смѣтили, что будетъ сказана рѣчь, и встали. Онъ началъ: «Господа! я не буду говорить вамъ объ отеческой заботливости и неусыпномъ попеченіи вашего начальства, благодаря которому вы такъ долго отдыхали послѣ учебныхъ занятій. Равнымъ образомъ я не буду говорить о той важной обязанности, которая ожидаетъ васъ впереди и къ которой можетъ привести васъ одно

только безукоризненное поведение, неразрывно соединенное съ постояннымъ трудомъ. Все это вамъ самимъ должно быть извѣстно. Скажу одно: силы ваши теперь освѣжились. Итакъ — вамъ предстоитъ съ новымъ рвеніемъ взяться за трудъ, ожидающій васъ на широкомъ полѣ науки. Что касается меня, я употреблю всѣ, зависящія отъ меня средства, чтобы не пропало даромъ время, которое вы проведете со мною въ этихъ стѣнахъ... И онъ торжественно указалъ лѣвою рукою на стѣны. «Садитесь!» Мы сѣли. Сѣлъ и Федоръ Федоровичъ къ своему четырехугольному столу и вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука небольшую тетрадку. Это были его собственныя или, лучше сказать, академическія записки о психологіи, по которымъ когда-то учился онъ самъ и которыя передѣлываетъ и сокращаетъ теперь для насъ. Послѣдовало медленное чтеніе. Федоръ Федоровичъ взвѣшивалъ каждое слово, какъ иной купецъ взвѣшиваетъ на рукѣ червонецъ, пробуя, не попался-ли ему фальшивый. «Самонаблюденіе, какого требуетъ психологія, повидимому, не представляетъ собою занятія труднаго, потому что предметъ самонаблюденія для каждого человѣка есть онъ самъ. Но, то самое обстоятельство, отъ котораго зависитъ, повидимому, легкость психологическихъ изслѣдованій, что каждый человѣкъ есть самъ для себя и предметъ и содержаніе психологическихъ наблюденій, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ трудностей въ дѣлѣ самонаблюденій; потому что меньше всего знаетъ то, что онъ есть. Чтобы наша душа могла наблюдать самое себя, для этого ея мысль, ея сознаніе должны быть обращены на нее же саму; между тѣмъ: А) познаніе, пріобрѣтаемое нами такимъ образомъ о нашей душѣ, совсѣмъ не такъ ясно, какъ познаніе о внѣшнемъ мірѣ и другихъ предметахъ. Познаніе объ этихъ предметахъ можетъ быть намъ яснымъ оттого, что они противопоставляются нашей душѣ, какъ отличное отъ нея; но наше я не можетъ противопоставить самого себя себѣ, какъ новѣйшій предметъ. Правда, что при самонаблюденіи возможно раздвоеніе нѣкоторымъ образомъ и самопротивопоставленіе нашего сознанія, потому что, кромѣ акта наблюденія, должны также продолжаться дѣйствія наблюдаемыя; но, при такомъ раздѣленіи сознанія обыкновенно ослабляется сила и живость наблю-

даемых имъ психологическихъ явленій. Тогда какъ во внѣшнемъ мірѣ предметы представляются намъ въ раздѣльности, міръ внутренній является предъ внутреннимъ окомъ въ совершенномъ смѣшеніи»...

Я привожу здѣсь этотъ отрывокъ изъ лекціи, съ тою цѣлю, чтобы онъ поглубже, такъ сказать, засѣлъ въ мою голову. Объясненіе раздвоенія нашего сознанія и самопротивопоставленія нашего я, къ сожалѣнію, прервалось громкимъ смѣхомъ одного ученика, который не сумѣлъ удержаться, слушая какой-то уморительный анекдотъ потѣшавшаго его товарища. Федоръ Федоровичъ всталъ, изслѣдовалъ сущность дѣла до мельчайшихъ подробностей, виновныхъ поставилъ къ порогу на колѣни и, казалось, все кончено. Напротивъ. Началось безконечное разсужденіе объ обязанностяхъ воспитанниковъ вообще, воспитанниковъ духовнаго сословія въ особенности. Половина слушателей зѣвала, другая слушала своего наставника по привычкѣ его слушать. Стоявшіе на колѣняхъ ученики, едва онъ оборачивалъ къ нимъ свою спину, или показывали ему кулакъ, или дразнили его языкомъ. Раздался звонокъ,—и у всѣхъ просіяли лица. Федоръ Федоровичъ указалъ въ тетради на мѣсто, до котораго нужно было выучить къ слѣдующему дню урокъ, и классъ окончился. Это свободное и ненужное ни на что время, отъ 10 до 11 часовъ, покуда явится новый профессоръ,—у насъ въ нѣкоторомъ родѣ антрактъ. Ученики выходятъ въ корридоръ, толкаются въ классъ, словомъ, происходитъ обычная неурядица. О профессорѣ исторіи, классъ котораго начался въ 11 часовъ, я скажу послѣ. Нельзя же вдругъ: хорошенькаго понемножку. Въ корридорѣ я встрѣтилъ Яблочкина. Онъ сердится, что я давно къ нему не захожу.

6.

Квартира Яблочкина не велика, но такая уютная и чистенькая, что прелесть! Стулья обиты новымъ ситцемъ. Столики полированный. Въ простѣнкѣ зеркало. На окнахъ разставлены цвѣты, которые, по словамъ Яблочкина, старушка-хозяйка любить до страсти. Когда я вошелъ въ переднюю, крѣпостной человекъ этой старушки снялъ съ меня шинель. Предупредительность его такъ меня смутила,

что я покраснѣлъ до ушей. Мнѣ никогда не случалось пользоваться чужими услугами. Яблочкинъ что-то переводилъ изъ Горация. «Здравствуй, Вася!» сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку: «насилу обо мнѣ вспомнилъ». И бросилъ въ сторону книгу. Лицо его, что случается рѣдко, было такое свѣтлое и веселое, что я не могъ удержаться и спросилъ, что это значитъ. «Да, такъ душа моя, ничего нѣтъ особеннаго. День ясный. Кругомъ тихо. Въ комнатѣ пахнетъ цвѣтами. На ногахъ у меня, видишь?» Онъ поднялъ со смѣхомъ одну ногу: «новые сапоги. Задачку я написалъ въ одинъ присѣсть. Сталъ переводить Горация, переводится безъ труда,—вотъ я и радъ. Тагъ-то, пріятель!» Яблочкинъ обнялъ меня и ударилъ ладонью по плечу. «Ну, каково поживаешь на новой квартирѣ?»

— Такъ себѣ, сказалъ я: ни хорошо, ни дурно. Дурно то, что нѣкоторые товарищи, благодаря моей новой квартирѣ, посматриваютъ на меня косо.

«А ты этого не предвидѣлъ? Разумѣется, съ этого времени тебя будутъ бояться, какъ пересказчика, доносчика и тому подобное. Впрочемъ, это вздоръ!... Что-жъ ты просился у своего отца въ университетъ?»

— Просился. Я впередъ тебѣ говорилъ, что онъ откажетъ.

«Вотъ, ей-Богу, народъ! Видитъ пробитую дорогу и думаетъ, что лучше этой дороги и нѣтъ, и не должно быть... А все-таки у тебя нѣтъ воли; ну, отчего бы не сдѣлать по своему?»

— Это дѣло рѣшенное, отвѣчалъ я... Поговоримъ о другомъ.

«Т. е., о семинаріи? Изволь. Вчера въ началѣ класса, было обращено къ намъ вступительное слово такого рода: «Теперь мы снова приступаемъ къ занятіямъ. На экзаменѣ передъ каникулами отцу-ректору угодно было замѣтить, что нѣкоторые изъ васъ отвѣчали ему вяло. На будущее время я требую, чтобы каждый, кого я ни спрошу, читалъ мнѣ лекцію безъ запинки. А кто во время чтенія будетъ посматривать на потолокъ, да выдѣлывать эти: гмъ, гмъ... того, хотя бы онъ стоялъ въ первомъ десяткѣ, я спихну въ 3-й разрядъ. Вотъ вамъ и все!»... Что ты на это скажешь?»

— Ужъ мы не разъ это слышали. Приказано,—стало быть, нужно исполнять.

«Ну, нѣтъ, душа моя! Зубрить я не стану. И, если бы въ самомъ дѣлѣ пришлось мнѣ во время отвѣта взглянуть на потолокъ или въ сторону — преступленіе было бы не важное. Экая бурса! Попала на одну ступень и окаменѣла: ни молодѣть, ни старѣться»...

Въ эту минуту, съ журналомъ въ рукѣ, вошелъ въ комнату гимназистъ, сынъ старушки. Яблочкинъ отрекомендовалъ ему меня, какъ своего лучшаго товарища. При постороннемъ человѣкѣ мнѣ тотчасъ сдѣлалось неловко, и я ломалъ свою голову изъ-за пустѣйшаго вздора: опять-ли сѣсть мнѣ на прежнее мѣсто, или приличнѣе будетъ постоять. Гимназистъ обратился къ Яблочкину. «Алексѣй Сергѣичъ! я прочиталъ вотъ въ этомъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» одну изъ статей: разборъ сочиненій Пушкина. Что за языкъ! Что за энергія! Только, знаете-ли, я не довѣряю похваламъ, которыя разсыпаются здѣсь его антологическимъ стихотвореніямъ. Они мнѣ не нравятся. Я люблю болѣе всего то, что берется прямо изъ окружающей насъ жизни».

— Въ васъ мало поэтическаго чутія. Что-жъ такое! Вамъ не нравится и «Каменный гость» Пушкина.

Тутъ у нихъ начался споръ о художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности въ поэзіи, объ образности, о пластикѣ. Изъ словъ ихъ я понималъ немного, не хочу таиться; самолюбіе мое сильно страдало. Наконецъ, старушка зачѣмъ-то кликнула своего сына и онъ ушелъ.

«Этотъ господинъ, вѣрно, хорошо развитъ», замѣтилъ я Яблочкину.

— Ничего. Онъ отличный малый. Трудится много, читаетъ съ толкомъ. Развѣтѣемъ своимъ обязанъ, конечно, не гимназіи, отъ которой пахнетъ мертвечиною, а самому себѣ.

«Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь почитать? Дай, пожалуйста», сказалъ я.

— Насилу ты надумался. Бери, душа моя, — книгъ достанетъ. Вотъ «Мертвыя Души» Гоголя, не читалъ?

«Нѣтъ».

— Ну, возьми.

Скоро будетъ полночь. На дворѣ шумитъ дождь. За стѣною храпитъ Федоръ Федоровичъ, и гдѣ-то изрѣдка чирикаетъ сверчокъ. Я только-что дочиталъ «Мертвыя души» и спѣшу сказать о нихъ нѣсколько словъ подѣ влияніемъ свѣжаго впечатлѣнія. Я взялся за книгу еще съ утра. Нечего говорить, что я читалъ ее съ увлеченіемъ. Время, проведенное мною за обѣдомъ, казалось мнѣ безконечно-длиннымъ, и я вертѣлся на стулѣ, придумывая подѣ какимъ бы предлогомъ выйти изъ-за-стола, чтобы снова приняться за чтеніе. «Или ты нездоровъ?» мнѣ сказалъ Федоръ Федоровичъ. — Нѣтъ, ничего, — «Что-жъ ты вертишься?» — Такъ. Бѣсть что-то не хочется. — «Ну, выходи. Кто жъ мѣшаетъ». И я вышелъ. Такъ вотъ кто этотъ Гоголь!... И объ этомъ-то Гоголѣ одному изъ нашихъ наставниковъ угодно было выразиться, что произведенія его пахнутъ кухнею и конюшнею, что имъ выведены на сцену какіе-то обжоры и разная сволочь, что все это уродливо и безобразно. Ну, нѣтъ, почтеннѣйшій наставникъ! Ужъ на этотъ разъ позвольте съ вами не согласиться. Чичиковъ, Плюшкинъ, Собакевичъ, Поздრѣвъ... это такія личности, которыя никогда не выйдутъ изъ моей памяти. Читая книгу, мало того, что я ихъ вижу, — мнѣ кажется, я ихъ осязаю, мнѣ кажется, я чувствую ихъ дыханіе. Жизнь включемъ бьетъ изъ каждой строки! Господи, да какой же я дуракъ! Прожить 19 лѣтъ и не прочитать ни одной порядочной книги!... Все живое до того мнѣ чуждо, какъ будто я существую на другой планетѣ, и нѣтъ у меня ни костей, ни плоти. Но, слава, Богу! этотъ день не пропалъ у меня даромъ.

Дблочкинъ далъ мнѣ еще нѣсколько книгъ. Но читать почти никогда: такъ много времени отнимаютъ классы и затверживанье наизусть разныхъ уроковъ, — право, досадно! Иногда сидишь, сидишь въ классѣ и задашь себѣ, ради скуки, вопросъ: «Изъ-за чего я тутъ сижу?» И никакъ не рѣшишь этого простого вопроса. Сегодня, напримѣръ, въ 11 часовъ утра, явилась въ классъ высокая, тощая и блѣдная фигура, одѣтая, по своему обыкновенію, въ длиннохвостый фракъ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ наставникъ, читающій намъ геометрію. Послѣ молитвы «Царю небесный», черный фракъ

двигался нѣсколько минутъ изъ угла въ уголъ по классу, затѣмъ послѣдовали старческій кашель, щелчокъ по табакеркѣ, нюханье табаку и вытираніе носа платкомъ. Мы ко всему этому привыкли и ждали, что будетъ далѣе. «Дайте мнѣ мѣлу!» Ученикъ подалъ ему кусокъ мѣлу и вытеръ грязною тряпкою черную доску. Такъ какъ тряпка была въ мѣлу и выпачкала ему руки, онъ ударилъ ладонью объ ладонь и при этомъ, разумѣется, счелъ нужнымъ, на потѣху товарищей, скорчить рожу. И вотъ на доскѣ появились углы и треугольники. Геометрія не считается у насъ въ числѣ главныхъ предметовъ преподаванія, и потому на черченіе наставника никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ останавливалъ время отъ времени свою работу, нюхалъ табакъ, поглядывалъ наискось на изображенные имъ круги и треугольники и снова продолжалъ: $AB + AC = AD + AC = S$ и при томъ уголъ BAC и такъ далѣе, позади меня два ученика преспокойно играли въ три листка, искусно пряча подъ столомъ избитыя, засаленныя карты. Вдругъ одинъ изъ нихъ, вѣроятно въ порывѣ восторга, крикнулъ: «флюсть!» Наставникъ вздрогнулъ и обернулся. «Какой флюсть? Кто это сказалъ?» И, подойдя къ нашему столу, ни съ того ни съ сего, напалъ на сидѣвшаго подлѣ меня товарища. «А, въ карты играть?.. хорошо!.. Пойдемъ къ инспектору». [Бѣднякъ струсилъ и указалъ на виновнаго. «Это вотъ онъ что-то сказалъ». — А, это ты! крикнулъ наставникъ: хорошо!... пойдемъ къ инспектору. — «Помилуйте, отвѣчалъ съ улыбкой ученикъ: я сказалъ: плюсь, а не флюсть». — Пошелъ на средину класса!.. ну, стой тутъ. Гдѣ карты! — «У меня никакихъ нѣтъ картъ». — А, нѣтъ... выворачивай карманъ. Такъ... Выворачивай другой... Гм... нѣтъ... растегни жилетъ. — Бартъ нигдѣ не нашлось: онъ уже давно были переданы въдесятыя руки. «Ну, чортъ васъ разберетъ! Зачѣмъ ты нарушаешь порядокъ! — виновать! Я увлекся вашею задачею; вы, кажется, хотѣли поставить минусъ, а мнѣ показалось, что нужно плюсь, я и крикнулъ: плюсь! — «То-то увлекся... Пошелъ на мѣсто!» Динь, динь, динь! Пробило 12 часовъ. «Уже?» спросилъ наставникъ. Обратился къ журналисту и подписалъ въ журналѣ свою фамилію. «Дайте-на мнѣ геометрію»...

Книга была подана. «Отъ сихъ до этихъ», сказалъ онъ и провелъ своимъ острымъ ногтемъ на поляхъ страницы двѣ черты.

Я такъ спѣшилъ на квартиру, что рубашка моя взмокла отъ пота: мнѣ страшно хотѣлось ѣсть. Послѣ обѣда опять пришлось тащиться въ семинарію, чтобы перевести полстранички изъ Лактанція. И какой переводъ!.. Тянулъ слово за слово; иного хоть убей, не знаетъ, въ какомъ времени стоитъ глаголъ и не различить подлежащаго отъ сказуемаго. Только время пропадаетъ даромъ.

15.

Однако мнѣ невозможно вести дневникъ свой, какъ бы хотѣлось, т. е., заносить въ него впечатлѣнія свои ежедневно: и времени свободнаго у меня мало, и боюсь, что Федоръ Федоровичъ нечаянно отворить дверь въ мою комнату и поймаетъ меня на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ въ рукахъ. Жаль! Знаю, что лица, которыя я здѣсь вывожу, очерчены блѣдно, что языкъ припахиваетъ бурсою; но все-таки эта работа доставляетъ мнѣ удовольствіе. Она нисколько меня не стѣсняетъ, она не походитъ на извѣстное разсужденіе изъ заданной темы, гдѣ необходимы приступъ, дѣленіе, доказательства, сравненія, примѣры и заключеніе. Пишу то, что проходитъ у меня въ головѣ, что вижу, что затрогиваетъ меня за сердце. Матеріаловъ у меня не слишкомъ много, потому что среда, въ которой я вращаюсь, ужъ чересчуръ тѣсна. Не спорю, что она имѣетъ свою фizioномію, что на ней лежитъ своя оригинальная печать, но для меня то нѣтъ въ ней новаго ни на волосъ. Какъ бы то ни было, буду писать, когда случится, безъ особенной послѣдовательности и строгой связи. Быть можетъ, кто-нибудь прочтетъ эти строки черезъ 20 или 30 лѣтъ и скажетъ: такъ вотъ при какой обстановкѣ шло воспитаніе нашихъ отцовъ!.. Прочтетъ, — и не броситъ въ насъ камня. Нынѣшній день была у насъ лекція французскаго языка, который, за неимѣніемъ профессора, читается ученикомъ Богословія такъ называемымъ *лекторомъ*. Этотъ богословъ, въ пестрыхъ клѣтчатыхъ штанахъ и въ яркомъ, разноцвѣтномъ жилетѣ, держитъ себя важнѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ нашихъ наставниковъ. «Ну-съ», говоритъ онъ подслѣповатому ученику, голова котораго покрыта золо-

тушными струпами, «переводите»... И стоять, покачивая своимъ вытянутымъ до невозможности корпусомъ. Лѣвая нога его картинно отставлена впередъ, одна рука занята книгою, другая играетъ бронзовою цѣпочкою. Ученикъ моргаетъ и посматриваетъ изъ-подлюбы налѣво и направо: «подскажите, молъ, анаемы?...» И вотъ слышится шопотъ: человѣкъ, любящій добродѣтель... «Не подсказывать, господи!» замѣчаетъ лекторъ. «Вы, я думаю, и склонять-то не умѣете. а? Ученикъ молчитъ. «Склоняйте l'homme.

— «Именительный l'homme»

Родительный...

«Довольно, довольно! Какой тутъ ломъ? Экое произношеніе! Оно и видно, что вамъ приличнѣе держать ломъ въ рукахъ, а не книгу». Въ классѣ раздается сдержанный хохотъ. Лекторъ радъ, что сказалъ острое словцо. «Слѣдующій!» — «Я нездоровъ», пробасилъ плечистый верзило, лѣниво поднимаясь со скамьи съ заспаннымъ лицомъ и закрывая широкою ладонью зѣвающій ротъ. «Желудокъ, вѣрно, обременили!» Въ классѣ опять раздается хохотъ. И такимъ образомъ проходитъ время съ пользою для учащихся, съ пріятностію для наставника.

20.

Вчера Федоръ Федоровичъ праздновалъ день своего рожденія. Къ этому событію онъ приготовлялся за недѣлю впередъ. Вотъ, молъ, и тотъ-то меня посѣтитъ, и такой-то у меня будетъ, и записывалъ для памяти, что ему нужно купить. Подъ-часъ, сидитъ съ латинскимъ лексикономъ въ рукахъ, приготовляя изъ христоматіи переводъ странички къ слѣдующему классу, и вдругъ положить его въ сторону и скажетъ: «Ахъ, паюсной икры еще надобно, чуть не забылъ!» И замѣтитъ на бумагѣ: 1 фунтъ паюсной икры. Икры, повторитъ онъ и задумается, потупивъ голову, посмотреть на цифры, сдѣлаетъ сложеніе и плюнетъ: «Вотъ оно что! Десять руб. сер. не хватитъ, не смотря на то, что чай, сахаръ и ромъ у меня не купленные». Даже со мною онъ заводитъ объ этомъ рѣчь: «Вотъ, молъ, какво теперь содержаніе! на все такая дороговизна, что смерть!» Ужъ не намекаетъ ли онъ, что дешево взялъ съ меня за квартиру?...

Григорій, иначе называемый Гришкою, сбился съ ногъ, бѣгая на рынокъ и съ рынка. Покупка разныхъ разностей, по извѣстной причинѣ, не сдѣлалась разомъ. Потребовалось луку — и Григорій бѣжить; понадобилось горчицы — и Григорій опять бѣжить. Только-что возвратится, облитый горячимъ потомъ, — «Гришка!» раздается изъ кабинета: «пошелъ сюда!» Ступай, возьми уксусу на 10 коп. И Григорій опять бѣжить, повторяя дорогою: «Уксусу на 10 коп., уксусу на 10 коп.» Вечеромъ подъ этотъ, въ нѣкоторомъ родѣ, торжественный день, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ былъ у всенощной и возвратился оттуда съ двумя большими просфорами и тотчасъ же вывелъ крупными буквами на одной *за здравіе*, на другой: *за упокой*. Усталый мальчуганъ дремалъ въ передней. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ вошелъ въ нее и потянулъ въ себя воздухъ. «Вишь, какъ онъ тутъ навонялъ потомъ. Пошелъ, чертенокъ въ кухню!» и дернулъ его за вихоръ. Не прошло двухъ минутъ, онъ уже стоялъ въ своемъ кабинетѣ на молитвѣ съ кievскими святцами въ рукахъ. Передъ иконою теплилась лампадка. Наступающее утро ознаменовалось тѣмъ, что Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ надѣлъ на себя новый сюртукъ. Постороннихъ лицъ съ поздравленіями не было никого. Приходили только три ученика изъ нашего класса, которые принесли ему въ подарокъ серебряную солонку, конечно, купленную ими на складчину. Знаю я этихъ ословъ, извѣстныхъ своимъ тупоуміемъ и проказами на квартирѣ, въ домѣ подозрительнаго поведенія хозяйки... впрочемъ, это не мое дѣло. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ ихъ обласкалъ и поблагодарилъ. Едва затворилась за ними дверь, онъ началъ вертѣть въ рукахъ подаренную ему вещь, рассматривалъ ее сверху, снизу, съ боковъ и, наконецъ, сказалъ вслухъ «84-й пробы». Въ передней кто-то кашлянулъ. Кто тамъ? — Я-съ, отвѣчалъ знакомый Ѳеодору Ѳеодоровичу сапожникъ: — честь имѣю поздравить васъ со днемъ рожденія. Вотъ не угодно ли-съ принять кренделекъ!.. Брендель былъ испеченъ въ видѣ какого-то мудренаго вензеля и кругомъ осыпанъ миндалемъ. «Спасибо, братецъ, спасибо! Ну, что-жъ, выпьешь рюмку водки? — Грѣшный человѣкъ! пью-съ. — И рюмка была выпита. — А вы, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, ужъ того-съ... замолвите за меня слово въ вашей семинаріи, вы ужъ

тамъ знаете кому. Насчетъ лаковыхъ сапоговъ не извольте сомнѣваться: я сказалъ, что ихъ сошью—и сошью-съ. Такіе удеру,—мое почтеніе! — «Хорошо, хорошо—я постараюсь».

Вечеромъ собралось нѣсколько профессоровъ. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза та самая черта, которую я замѣтилъ недавно въ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ: всѣ они вели себя здѣсь совершенно не такъ, какъ ведутъ себя въ семинаріи. Величія не было ни тѣни. Смѣхъ, шутки, пересыпанье изъ пустого въ порожнее—все это сильно меня изумляло. Отчего-жъ, думалъ я, эти люди на насъ, учащихся, смотреть съ какой-то недоступной высоты? Отчего ни къ одному изъ нихъ я не смѣю подойти съ просьбою: будьте такъ добры, потрудитесь мнѣ вотъ это растолковать?.. Поневоля вспомнишь слова Яблочкина, который сказалъ мнѣ однажды, что молодости нужно дыханіе любви, что она не можетъ развиваться подъ холодомъ и грозой, или развивается медленно и уродливо, что она замираетъ отъ ледяного прикосновенія непрощенныхъ обѣтъ.

Мнѣ приказано было разносить чай. Мое новое положеніе въ качествѣ прислуги немножко меня смущало. На подносѣ всѣ чашки приходили въ движеніе, когда я проходилъ съ нимъ по комнатѣ. Послѣ раздачи чашекъ я молчаливо остановился у притолки; порою, по приказанію кого-нибудь изъ гостей, набивалъ трубку, причежь не одинъ разъ говорили мнѣ съ какою-то двумысленною улыбкою: «А ваша милость вкушаетъ отъ этого запрещеннаго плода?»—Нѣтъ, отвѣчалъ я. И въ груди моей пробуждалось чувство непонятной досады. Разговоръ оживлялся все болѣе и болѣе. Громче всѣхъ говорилъ профессоръ словесности, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, украшенный сѣдинами и лысиною.

«Что вы не женитесь, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а? Ну, что вы не женитесь?» (У него, видите ли, дочь-невѣста, такъ нельзя же о ней не позаботиться: родительское сердце!).

Ѳедоръ Ѳедоровичъ пріятно улыбался. «Найдите хорошее мѣсто, порядочный приходъ, словомъ: вѣрное обезпеченіе въ будущемъ,—вотъ и женюсь».

«Отчего-жъ бы вамъ не остаться въ свѣтскихъ?»

— Это опять зависит от простой причины: найду выгоднымъ — и свѣтскимъ останусь, мнѣ все равно.

«И семинарію, пожалуй, покинете?»

— Почему не такъ. Завиднаго тутъ немного. Чтѣ успѣли выиграть, преподавая 18 лѣтъ свою риторикѣ?

«Ничего съ. Былъ сынъ дьякона, теперь надворный совѣтникъ, — это, я вамъ скажу, не маковое зернышко. Потянемъ еще лямку, — пансіонъ дадутъ, вотъ и выиграешь. Ну-съ, а это бездѣлица! Вѣдь, здѣсь сто глазъ на васъ смотритъ, сто ушей васъ слушаетъ. Вы имѣете вліяніе на молодые умы, даете имъ направленіе... вотъ вамъ еще выиграешь. Да что вы думаете о семинаріи, а? Позвольте васъ спросить? Развѣ не изъ семинаріи выходятъ люди съ крѣпкою грудью, объ которую разбиваются всѣ житейскія невзгоды? Развѣ не семинаріи вырабатываютъ эти желѣзные натуры, которыя терпѣливо выносятъ всякій долголѣтній, усидчивый трудъ? Развѣ не въ семинаріи слагаются характеры, которые впоследствии дѣлаются предметомъ удивленія на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни? Кто былъ митрополитъ Платонъ, украшеніе трехъ царствованій? А митрополитъ Евгеній? А графъ Сперанскій — этотъ великій, государственный мужъ, это свѣтило умственного міра? То-то и есть! Вотъ вы и замолчали... Правду ли я говорю, Иванъ Ермолаичъ?»

Иванъ Ермолаичъ сидѣлъ за столомъ въ числѣ 4-хъ своихъ товарищей по службѣ, игравшихъ по $\frac{1}{4}$ коп. въ карты. Онъ выкуривалъ трубку за трубкою и запивалъ табачный дымъ крѣпкимъ пуншемъ. Лицо его носило на себѣ отпечатокъ какой-то внутренней боли, глаза смотрѣли задумчиво и тоскливо. Этому человѣку у насъ не очень посчастливилось. Вступивъ прямо изъ академіи въ должность профессора, онъ хотѣлъ было ввести въ своемъ классѣ новый методъ преподаванія, совѣтовалъ ученикамъ знакомиться съ русскою литературою и выписывать общими силами журналы. Ученики его полюбили. Начальство поставило ему на видъ, что онъ читаетъ не въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи, и приказало ему впередъ не умничать. Иванъ Ермолаичъ покорился не вдругъ. Ему снова сдѣлали

замѣчаніе. Онъ рѣшился оставить семинарію и занять мѣсто гражданскаго чиновника; къ сожалѣнію, мѣста не нашлось, и бѣднаго притихъ, сталъ запивать и заниматься дѣломъ, спустя рукава. Но бываютъ часы, когда онъ пробуждается отъ сна. И льется свободно его одушевленное, увлекательное слово; въ классѣ наступаетъ такая тишина, что ухо слышитъ жужжанье бьющейся о стекло мухи; но вдругъ онъ приложить руку ко лбу, будто напоминаетъ что-то забытое, вздохнетъ и замолчитъ, какъ порванная струна.

«Такъ, такъ! Вы говорите правду», отвѣчалъ Иванъ Ермолаичъ: «въ особенности меня утѣшаютъ ваши слова: мы даемъ направленіе молодымъ умамъ, что нисколько не мѣшаетъ мнѣ спрягать глаголъ сплю: я сплю, ты спишь...»

— «Ну, ужъ это извините! При нашемъ отцѣ-ректорѣ не заснешь», замѣтилъ сидѣвшій противъ него гость. «Онъ еженедѣльно посѣщаетъ всѣ классы; примѣрный, можно сказать, начальникъ: на волосъ не позволить отступить отъ положеннаго имъ однажды навсегда правила. Вчера сижу я спокойно за своимъ столикомъ, глядь — онъ идетъ. Я вскочилъ, застегнулъ второпяхъ на всѣ пуговицы фракъ и подошелъ въ нему подъ благословеніе. «Продолжайте, сказалъ онъ, продолжайте...» — Не угодно ли вамъ когонибудь спросить? говорю я. — «Ну, что-жъ, пожалуй. Ну, ты... читай!» Онъ указалъ на одного ученика. Ученикъ-то попался бойкій, какъ бишь онъ прозывается?.. Яблочкинъ. Всталъ онъ и началъ объяснять лекцію своими словами, и ничего, такъ знаете, свободно. Объяснилъ и стоитъ — улыбается. «Кончилъ?» спросилъ его отецъ-ректоръ. — Кончилъ. — «Ну что-жъ, вотъ и дуракъ... И забудешь все черезъ полгода». Яблочкинъ поблѣднѣлъ, я тоже немножко потерялся. Отецъ-ректоръ обратился ко мнѣ. У васъ въ классѣ 80 человѣкъ. Этакъ нельзя, нельзя! Если каждый изъ нихъ будетъ сочинять отвѣты изъ своей головы, вавилонское столпотвореніе выйдетъ, непременно выйдетъ». Я хотѣлъ оправдываться. «Нѣтъ, говорить, этакъ нельзя. Пусть основательно знаютъ то, что для нихъ напечатано или написано; въ ихъ возрастѣ и этого достаточно, очень

достаточно...» Повернулся, — и ушелъ. Я и остался, какъ оплеванный, и съ досады такъ пробралъ Яблочкина, что у него брызнули слезы. (Бѣдный Яблочкинъ! подумалъ я: чего ему стоили эти слезы!) Вотъ вамъ и сонъ. Нѣтъ, у насъ, кого хочешь, разбудятъ».

«Такъ, такъ, отвѣчалъ Иванъ Ермолаичъ: вамъ бы слѣдовало наказать этого вольнодумца Яблочкина. Ъшь, молъ, вареное, слушай говореное».

— Знаемъ мы эти остроты! знаемъ!... Вотъ вы хотѣли сдѣлать по-своему, а что?... сдѣлали!...

«Обо мнѣ нечего говорить. Все молодость: увлекся — и образумился и пою теперь: *Приидите и поклонимся*».

— «Эхъ, ну, васъ!» раздалось нѣсколько голосовъ: «изъ-за чего вы бились? Чего вы хотѣли?»

Иванъ Ермолаичъ молчалъ и, облокотясь одною рукою объ столъ, задумчиво смотрѣлъ на свои карты. Болѣзненное выраженіе его лица ясно говорило, что думаетъ онъ вовсе о другомъ.

Сидѣвшій въ углу экономъ не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ и вообще держался въ тѣни. Онъ у насъ ничего не читаетъ, и, слѣдовательно, не имѣетъ никакого значенія, но личность его такъ оригинальна, что приобрѣла себѣ популярность во всей семинаріи. Онъ положительно убѣжденъ, что всѣ мы такъ ужъ созданы, что не можемъ чего-нибудь не украсть у своего ближняго, не можемъ не надуть его такъ или иначе, а потому и говоритъ онъ объ этомъ—съ дровосѣкомъ, съ водовозомъ, съ поставщикомъ коноплянаго масла, словомъ, съ людьми всѣхъ сословій, лишь бы пришлось ему вступить съ ними въ какія-либо сношенія по его экономической части. Голова его постоянно занята работою: кому и какъ сподручно украсть. Благодаря этой работѣ, онъ сдѣлался рѣдкимъ учителемъ воровства. Увидить, что водовозъ ѣдетъ на дворъ калачъ,—поди, говорить, сюда. Тотъ подойдетъ. «Ну, что, калачъ ѣшь? — Калачъ. — А гдѣ взял?» — Купилъ. — «Побожись». Тотъ побожится. «Не вѣрю, братъ, — укралъ». — Да какъ же я его укралъ?—«Извѣстно, какъ воруютъ. За водою рано ѣздить?» — На разсвѣтъ. — «Ну, вотъ, такъ и есть. Вотъ, значитъ, ты про-

дать кому-нибудь бочки двѣ воды, а потомъ ужъ привезъ ее и сюда. Вотъ и ѣшь теперь калачъ... А дровъ не воровалъ? — Какія тамъ черти дрова! скажетъ разсерженный водовозъ. У воротъ-то день и ночь стоитъ сторожъ; какъ же я ихъ украду? — «Да, да! Ты не придумашь, какъ украсть!... Накладешь въ бочку полѣньевъ и поѣдешь со двора, и обмѣняешь ихъ на калачи, или на что другое. Вотъ и вся хитрость. Ужъ я тебя знаю!» Водовозъ почешетъ у себя затылокъ и пойдетъ прочь: ну, молъ, ладно! И послѣ въ самомъ дѣлѣ ѣстъ краденые калачи. Подобная исторія повторяется и съ другими.

«Господа! Кто получаетъ вѣдомости? Нѣтъ ли чего новаго? спросилъ кто-то изъ гостей. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Я просмотрѣлъ у отца-ректора одинъ номеръ, — отвѣчалъ, экономъ: ничего нѣтъ особеннаго. Пишутъ, что умеръ стихотворецъ Лермонтовъ. — «А, умеръ? ну, царство ему небесное. Мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ стихи Лермонтова, а гдѣ, — не припомню».

Между тѣмъ началось приготовленіе къ закускѣ. На столѣ появились бутылки. Кухарка хлопотала въ другой комнатѣ: разрѣзывала холодный говяжій языкъ, холоднаго поросенка, жаренаго гуся и прочее. Въ это время Иванъ Ермолаичъ, никѣмъ незамѣченный, вышелъ въ переднюю и сталъ отыскивать свои калоши. Я подаль ему его шинель. «Вы семинаристъ?» спросилъ онъ меня. — Да, семинаристъ. — «А къ лакейской должности не чувствуете особеннаго призванія? — Нѣтъ, отвѣчалъ я съ улыбкою. — «Ну, слава Богу. Что жъ вы третесь въ передней? Шли бы лучше въ свою комнату и на досугѣ читали бы тамъ порядочную книгу... до свиданія». Онъ надвинулъ на глаза свой картузъ и ушелъ. Я не оставался безъ дѣла: помогалъ кухаркѣ перетирать тарелки, сбѣгалъ однажды за квасомъ, котораго оказалось мало и за которымъ кухарка отказалась идти въ погребъ, сказавъ, что по ночамъ она ходитъ всюду боится и не привыкла, и ломать своей шеи по скверной лѣстницѣ не намѣрена. Потомъ опять взялся перетирать тарелки и, по неумѣнію съ ними обходиться, одну разбилъ. Кухарка назвала меня разиней, а Федоръ Федоровичъ крикнулъ «нельзя-ли поосторожнѣе?» Наконецъ, каждому гостю поочередно я розыскалъ и подаль калоши, навинулъ

на плечи верхнее платье и, усталый, вошелъ въ свою комнату. Сальная свѣча нагорѣла шапкою и едва освѣщала ея непривѣтныя стѣны. Федоръ Федоровичъ заглянулъ ко мнѣ въ дверь. «Вотъ, видишь, мы тамъ сидѣли, а тутъ цѣлая свѣча сгорѣла даромъ. Ты, пожалуйста, за этимъ смотри»...

Эхъ-ма! Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

Именно: omnia vanitas! На квартирѣ не весело, въ классѣ скучно, скучно не потому, что я невнимателенъ къ своему дѣлу, а потому, что товарищи мои слишкомъ со мною необщительны, слишкомъ холодны. Вотъ, ей-Богу, чудакъ? Неужели они думаютъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь пересказывать Федору Федоровичу все, что я вокругъ себя вижу и слышу? Но тогда я презиралъ бы самого себя болѣе, нежели кто-нибудь другой. Желалъ бы я, однако, знать, въ чемъ заключается наблюденіе Федора Федоровича за моими занятіями и что разумѣть онъ подъ словами: слѣдить за ходомъ моихъ успѣховъ? Ужъ не то ли, что иногда отворить мою дверь и спросить: «чѣмъ занимаешься?» Вотъ тѣмъ-то, отвѣчу я. «Ну, и прекрасно. Пожалуйста, не болтайся безъ дѣла». И начнетъ разгуливать по своей комнатѣ, поигрывая махрами шелковаго пояса и напѣвая вполголоса свой любимый романсъ:

«Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда».

Или присядетъ на корточки средь пола и тѣшится съ сѣрымъ котенкомъ. «Кисинька, кисинька!... Эхъ-ты!...» И подниметъ его за уши. Котенокъ замыучить. «Не любишь, шельма, а? не любишь?» Положитъ его къ себѣ на колѣни или прижметъ къ груди и ласково поглаживаетъ ему спину и дастъ ему разныя лѣжныя названія. Котенокъ мурлычетъ, жмуритъ глаза и вдругъ запускаетъ въ ласкающія его руки свои острые когти. «А чтобъ тебя чортъ побралъ!» крикнетъ Федоръ Федоровичъ и такъ хватитъ объ полъ своего любимца, что бѣдное животное опалѣетъ, проберется въ какой-нибудь уголокъ и, растанувшись на полу, долго испускаетъ жалобное мяу! мяу!

Я замѣтилъ, что Федоръ Федоровичъ бываетъ въ наилучшемъ расположеніи духа въ праздничные дни, послѣ сытнаго обѣда, который оканчивается у него объемистой мискою молочной каши, немедленно запиваемой кружкой густого, красного квасу. Въ прошлое воскресенье, едва кухарка успѣла убрать со стола посуду и подмести комнату, Федоръ Федоровичъ легъ на диванъ, подложилъ себѣ подъ локоть пуховую подушку, приказалъ мнѣ подать огня для папиросы и крикнулъ: «Гришка!» — Ась! отвѣчалъ Григорій изъ передней. — «А ну-ка, поди сюда». Мальчуганъ вошелъ и остановился у притоки. Посмотрѣлъ я на него, — смѣхъ да и только: волосы всклоочены, лицо неумыто, рубашка въ сальныхъ пятнахъ, концы старыхъ сапогъ, подаренныхъ ему Федоромъ Федоровичемъ, загнулись на его маленькихъ ногахъ въ родѣ бараньихъ роговъ. Но молодецъ онъ, право: какъ ни деруть его за вихоръ, всегда веселъ! «Ну, что-жъ, ты былъ сегодня у обѣдни!» спрашиваетъ его Федоръ Федоровичъ. — А то будто нѣтъ. — «И Богу молился?» Григорій почесался о притолку и ухмыльнулся. — Какъ же не молиться, на то церковь. — «Ну, гдѣ-жъ ты стоялъ?» Григорій смѣется. «Чему ты смѣешься, stultus?» Звукъ незнакомаго слова такъ удивилъ мальчугана, что онъ фыркнулъ и убѣжалъ въ переднюю. «Ты не бѣгай, рыжая обезьяна! Пошелъ, сними съ меня сапоги!» Григорій повиновался. Между тѣмъ Федоръ Федоровичъ лѣниво зѣвалъ и осѣнялъ крестомъ свои уста. «Ну, рыжій! хочешь взять пятакъ!» — Хочу, отвѣчалъ рыжій и протянулъ за пятакомъ руку. «Э, ты думаешь — даромъ? Представь, какъ продають черепеники, тогда и дамъ». Мальчуганъ остановился средь комнаты, прищурилъ глаза и, медленно размахивая правою рукою, затынулъ тонкимъ голосомъ:

«Эхъ, лей, кубышка,
Поливай, кубышка,
Не жалѣй, кубышка,
Хозяйскаго добришка,
За хозяйской головою
Поливаемъ, какъ водою».

Кто мои черепенники беретъ,
Тотъ здоровъ живетъ.
Подходи!..

При послѣднемъ словѣ онъ бойко повернулся на каблукъ и топнулъ ногою объ полъ. Вслѣдъ затѣмъ я получилъ приказаніе остановить маятникъ часовъ, и Ѳеодоръ Ѳеодоувиѣч погрузился въ безмятежный сонъ.

октября 6.

Заходилъ я, ради скуки къ Яблочкину и засталъ его, какъ и всегда, за книгою. Онъ сидѣлъ передъ окномъ, подперевъ руками свою голову, и такъ былъ углубленъ въ свое занятіе, что не слышалъ, какъ я вошелъ. «Ты, братъ, все за книгами», сказалъ я, положивъ руку на его плечо. Онъ вздрогнулъ и быстро поднялся со стула. — Тьфу! какъ ты меня испугалъ! Отчего ты такъ рѣдко у меня бываешь? Или боишься своего наставника? — «Что за вздоръ!» отвѣчалъ я: «нашлось свободное время, вотъ я и пришелъ. Нѣтъ ли чего почитать?» — Я тебѣ сказалъ: только бери, книги найдутся. — Яблочкинъ вздохнулъ и прилегъ на кровать. «Грудь, душа моя, болитъ», сказалъ онъ, смотря на меня задумчиво и грустно: вотъ что скверно! Ахъ, если бы у меня было твое здоровье, чего бы я не сдѣлалъ! чего бы я не перечиталъ! Лѣнтяй ты, Вася! — «Нѣтъ, Яблочкинъ, ты меня не знаешь», отвѣчалъ я нѣсколько горячо: «я такъ зубрю уроки, что другой на моемъ мѣстѣ давно бы слегъ отъ этого въ могилу, или сдѣлался идіотомъ». Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Откуда же въ тебѣ эта любовь къ мертвой буквѣ? — «Тутъ нѣтъ никакой любви. Я смотрю на свои занятія, какъ на обязанность, какъ на долгъ. Я знаю, что этотъ трудъ со временемъ дастъ мнѣ возможность принести пользу тѣмъ, въ средѣ которыхъ я буду поставленъ. Знаешь ли, другъ мой, продолжалъ я, воодушевляясь: санъ священника — великое дѣло. Эта мысль приходила мнѣ въ голову въ бессонныя ночи, когда, спрятавъ учебныя книги, усталый, я бросался на свою жесткую постель. Вотъ, думалъ я, наконецъ, послѣ долгаго труда я удостоиваюсь сана священно-служителя. Падаетъ ли какой-нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю

его силы словомъ Евангельской истины. Унываетъ ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный,—я указываю ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца, Который, прибитый гвоздями на крестѣ, прощалъ своимъ врагамъ. Вырываетъ ли ранняя смерть любимаго человѣка изъ объятій друга,—я говорю послѣднему, что есть другая жизнь, что другъ его теперь болѣе счастливъ, покинувъ землю, гдѣ царствуетъ зло и льются слезы... И, послѣ этого, быть можетъ, я приобретаю любовь и уваженіе окружающихъ меня мужичковъ. Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей ихъ обоего пола, учу ихъ грамотѣ; читаю и объясняю имъ Святое Евангеліе, Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми матерями... И я, покрытый сѣдинами, съ чистою совѣстью ложусь на кладбищѣ, куда, какъ духовный отецъ, проводилъ уже не одного человѣка, напутствуя каждаго изъ нихъ живымъ словомъ утѣшенія»...

Яблочкинъ пожалъ мнѣ руку. «У тебя прекрасное сердце! Но, Вася, нужно имѣть желѣзную волю; мало этого, нужно имѣть свѣтлую, многосторонне развитую голову, чтобы устоять одиноко на той высотѣ, на которую ты думаешь себя поставить, и гдѣ же? Въ глуши, въ какой-нибудь деревушкѣ, среди грязи, бѣдности и горя, въ совершенномъ разъединеніи со всякимъ умственнымъ движеніемъ. Вспомни, что тебѣ еще придется зарабатывать себѣ насущный кусокъ хлѣба своими руками»...

— На все воля Божія, отвѣчалъ я и молчаливо опустил свою голову.

«Отчего это жизнь идетъ не такъ, какъ бы хотѣлось?» сказалъ Яблочкинъ съ досадою и горечью.

Послѣ долгаго, взаимнаго молчанія, у насъ снова зашелъ разговоръ о семинаріи.

«Я слышалъ, сказалъ я, что тебѣ досталось за объясненіе лекціи. Помнишь?»..

— Еще бы не помнить!—Яблочкинъ вскочилъ съ кровати.—Это не бѣда, это въ порядкѣ вещей, что я былъ оскорбленъ и уничтоженъ своимъ наставникомъ. Ему все прощательно. Его уже поздно передѣ-

лывалъ, Но эта улыбка, которую я замѣтилъ на лицахъ моихъ товарищей въ то время, когда у меня брызнули неумѣстныя, проклятыя слезы,—эта глупая улыбка довела меня до послѣдней степени стыда и негодованія. Дѣло не въ томъ, что здѣсь пострадало мое самолюбіе, а въ томъ, что эта молодежь, которая, казалось бы, должна быть воспріимчивою и впечатлительною, успѣла уже теперь, въ стѣнахъ учебнаго заведенія, сдѣлаться тупою и безчувственною. Вотъ что мнѣ больно! Что же выйдетъ изъ нея послѣ, въ жизни?— «Охота тебѣ волноваться», сказалъ я: «а говоришь, что грудь у тебя болитъ». Какъ, Вася, не волноваться? Я опять попалъ было недавно въ бѣду: на дняхъ, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, я имѣлъ неосторожность высказать свое мнѣніе на счетъ одной, извѣстной тебѣ іезуитской личности, поставившей себѣ главною задачею въ жизни пресмыкаться предъ всѣмъ, что имѣетъ нѣкоторую силу и нѣкоторый голосъ, и давить все безсильное и безответное.—«Инспектора?» прервалъ я его въ испугѣ.—Ну, да! Черезъ два часа слова мои были ему переданы, и онъ позвалъ меня къ себѣ...—«Ты говорилъ вотъ то и то?» спросилъ онъ меня. Представь себѣ мое положеніе: отвѣтить *да*, — значило обречь себя на погибель,—я подумалъ, подумалъ и сказалъ рѣшительно: *нѣтъ*! «А если, продолжалъ онъ, я призову двухъ сторожей и заставлю тебя еказать правду подъ розгами?» Я молчалъ. Сторожа явились. «Признавайся», говорилъ онъ, «прошу»... Замѣть; какая невинная хитрость: простить!... «Не въ чемъ!» отвѣчалъ я, смотря ему прямо въ глаза и давъ себѣ слово скорѣе умереть на мѣстѣ, чѣмъ лечь подъ розги. «Позовите тѣхъ, при комъ я говорилъ. Я чувствовалъ въ себѣ какую-то неестественную силу. Глаза мои, навѣрное, метали искры. Инспекторъ отвернулся и крикнулъ: «вытолкните его, мерзавца, вонъ и отведите въ карцеръ»... И я просидѣлъ до вечера въ карцерѣ безъ хлѣба, везъ воды, едва дыша отъ нестерпимой вони... ну, ты знаешь нашъ карцеръ». Яблочкинъ снова прилегъ на свою кровать. Грудь его высоко поднималась. Лицо горѣло. Я понялъ, что мнѣ неловко было упрекать его за неосторожныя слова. Мало ли что мы болтаемъ! и кто, спрашивается, отъ этого терпитъ?

Ровно никто. Жаль, что онъ такъ впечатлительнъ; еще больше жаль, что у него такое слабое здоровье.

6

Вотъ и рѣшай, кто тутъ правъ и кто виноватъ, и суди, какъ знаешь. Яблочкинъ сказалъ необдуманное слово и чуть не погибъ, а другіе доходятъ до безобразія, и все остается шито и крыто. Пешель я сегодня, послѣ вечерни, пошататься по городу; иду по одной улицѣ, вдругъ слышу—стучать въ окно: «Зайди на минуту; дѣло есть», раздался голосъ знакомаго мнѣ философа Мельхиседекова, который учится вмѣстѣ со мною и принадлежитъ къ самымъ лучшимъ ученикамъ по своему поведенію и прилежанію. Я зашелъ. Гляжу—кутежъ! Мельхиседековъ стоитъ среди комнаты, молодцовато подпершись руками въ бока. Трое его товарищей безъ галстуковъ, въ толстыхъ холстинныхъ рубашкахъ и въ нанковыхъ панталонахъ, сидятъ за столомъ. На столѣ—полштофъ водки, рюмка, груши въ тарелкѣ и какая-то старая, въ кожаномъ переплетѣ, книжка. Четвертый, уже упитанный, спитъ на лежанкѣ, лицомъ къ печкѣ. Подъ головою его, вмѣсто подушки, лежатъ творенія Лактанція и латинскій лексиконъ Кронеберга. «Пей!» сказалъ мнѣ Мельхиседековъ, прежде нежели я успѣлъ осмотрѣться, куда попалъ. «Что у тебя за радость?» спросилъ я.—Деньги отъ отца получилъ и встати имѣнинникъ. Посмотри въ святцы и увидишь мученика Протасія.—«Я не пью».—Стало быть ты ханжа а не товарищъ. Ну, ступай—донеси, кому слѣдуетъ о всемъ, что здѣсь видѣлъ... Табъ поступаютъ подлецы, а не добрые товарищи. Знаемъ мы, у кого ты живешь!... Извини, братъ, что я тебя позвалъ. Я думалъ о тебѣ лучше»... У меня мелькнула мысль, что отказъ мой непременно дастъ поводъ заподозрить меня въ наушничествѣ и поведетъ къ глупымъ расказнямъ; я послушался и выпилъ. Мельхиседековъ меня поцѣловалъ. «Вотъ спасибо! Теперь садитъ въ рядъ и будетъ говорить въ ладъ».—«Такъ-то такъ, сказалъ я: а если, сохрани Боже, заѣдетъ сюда субъ-инспекторъ»... Мельхиседековъ засмѣялся и свистнулъ. «Видали мы эти виды!»—«Видали, братъ, видали!» подхватили со смѣхомъ ученики, сидѣвшие за столомъ: «пусть явится. Въ секунду

все будетъ въ порядкѣ: возьмемся за тетрадки, за книги и встрѣтимъ его особу глубокими поклонами. Въ этой комедіи намъ не при-
выкать».

«Слышишь, Мельхиседековъ», сказалъ рябой ученикъ, взъерошивая на головѣ рыжіе волосы: «я, братъ, еще выпью. Нельзя не выпить. Послушай, что вотъ напечатано въ поэмѣ: *Емсей*.

— Ступай ты съ нею къ чорту! Ты 20 разъ принимался ее читать, отвѣчалъ Мельхиседековъ: и надоѣлъ, какъ горькая рѣдка.

«Нѣтъ, не могу. Сердись, какъ угодно, а я прочту: мы обязаны читать все поучительное»... И онъ уткнулъ носъ въ книгу.

«Когда печальный мужъ чарченку выпиваетъ,
Съ чарченкой всю свою печаль позабываетъ.
И воинъ, водочку имѣючи съ собой,
Хлебнувши чарочку, смѣлѣе идетъ въ бой.
Но что я говорю о малостяхъ такихъ?
Спросите вы о томъ духовныхъ и мірскихъ,
Спросите у дьяковъ, спросите у подъячихъ,
Спросите у слѣпыхъ, спросите вы у зрачихъ,
Я думаю, что вамъ отвѣтствуютъ одно:
Что лучшій въ свѣтѣ даръ для смертныхъ есть вино.

«Вотъ что, братъ! Слышишь!»

— Такъ, сказалъ Мельхиседековъ: а если дадутъ тебѣ тему: пьянство пагубно, я думаю, ты не станешь тогда приводить цитаты изъ поэмы: *Емсей*.

«Бто, я-то? homo sum ergo... напишу такъ, что иная благочестивая душа прольетъ слезы умиленія. Приступъ: взгляды на пороки вообще, на пьянство въ частности. Дѣленіе: 1-е) пьянство низводитъ человѣка на степень безсловесныхъ животныхъ; 2-е) пьяница есть мучитель и стыдъ своей семьи; 3-е) вредный членъ общества, и, наконецъ, 4-е) пьяница есть самоубійство... Что, братъ, ты думаешь, мы сробѣемъ?»

— Молодецъ! а что ты напишешь на тему, которая дана намъ теперь: *можно ли что нибудь представить внѣ формъ про-*

странства и времени, какъ, напримеръ — ничто или вездѣсущество? Ну-ка, скажи!

«Вдругъ не напишу, а подумавши, можно. Я, братъ, что хочешь напишу, ей-Богу. напишу! вотъ ты и знай!» И рыжій махнулъ рукою и плюнулъ.

Остальные два ученика не обращали ни малѣйшаго вниманія на этотъ разговоръ и продолжали горячій споръ:

«Ты погоди! Ты не тутъ придаешь силу своему голосу... Да! Слушай!

«Грянулъ внезапно
Громъ надъ Москвою»...

Вотъ ты и сосредоточивай всю силу голоса на словѣ: *грянулъ*, а у тебя выходитъ громче слово: *внезапно*, — значить, ты не понимаешь дѣла. Далѣе:

Выступилъ съ шумомъ
Донъ изъ береговъ...
Ай донцы!
Молодцы!

Последнія два слова такъ пой, чтобъ окна дрожали. У тебя все это не такъ».

— И не нужно. Я больше не буду пѣть. Все это глупости. Ты, братъ, смотри на пѣсню съ нравственной точки зрѣнія. Но такъ какъ тебѣ эта точка недоступна, слѣдовательно, ты поешь чепуху и празднословишь.

«Я тебѣ говорю: пой!»

— Не буду я пѣть!

«Ну, твоя воля! Стало быть, ты глупъ»...

«Эй, чижики!» крикнулъ Мельхиседекъ. Изъ темнаго угла вышелъ блѣдный, остриженный подъ гребенку мальчуганъ и несмѣло остановился среди комнаты. На плечахъ его былъ полосатый, засаленный халатишко. Руки носили на себѣ признаки, извѣстной между нами, болѣзни, появляющейся вслѣдствіе неопрятности и нечистоплотности. Это былъ ученикъ духовнаго училища. «Вотъ тебѣ посуда; вотъ тебѣ четвертакъ; ступай туда... знаешь... и возьми ко-

сушку». Мальчуганъ повернулся и пошелъ. «Стой, стой!» сказалъ Мельхиседековъ: «знаешь свой урокъ?» — Знаю. — «Посмотримъ. Какъ сыскать общій дѣлитель!» Мальчуганъ поднялъ къ потолку свои глазенки и началъ однозвучно читать: «Должно раздѣлить знаменателя данной дроби на числителя, когда не будетъ остатка, то сей дѣлитель будетъ общій дѣлитель»... — «Довольно... Ты скажи, чтобы не обмѣривали: меня, молъ, приказный послалъ.. Этотъ чижижъ отданъ мнѣ подъ надзоръ, вотъ я его и пробираю», сказалъ мнѣ Мельхиседековъ. Едва за мальчуганомъ затворилась дверь, въ комнату вошла хозяйка дома, дородная, краснощекая женщина, и закричала, размахивая руками: «перестаньте, безстыдники, горло драть! Чтѣ вы покою не даете добрымъ людямъ!» — «Не сердитесь, почтеннѣйшая женщина!» отвѣчалъ Мельхиседековъ: «вамъ это вредно при вашемъ полнокровіи ...» — Гуляемъ, Акулина Ивановна! Гуляемъ! сказалъ рыжій, и положилъ на столъ свои ноги. «Вотъ изволите ли видѣть? Свобода царствуетъ!...» — «Ну, ты-то что еще безобразничаешь? Ахъ, ты, молокососъ, молокососъ! Погоди, — дай только твоему отцу сюда пріѣхать, ужъ я тебя распишу!...» Я воспользовался тѣмъ, что вниманіе всѣхъ обратилось на хозяйку, и незамѣтно ускользнулъ за дверь. Экіе кутилы!

Декабря 10

Давно я не брался за перо. И слава Богу! Небольшая потеря... Итакъ, слова Яблочкина, что у насъ найдутся средства познакомиться со всѣми произведеніями нашихъ лучшихъ писателей, сбылись. Въ продолженіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ я перечиталъ столько книгъ, что мнѣ самому кажется теперь непонятнымъ, какимъ образомъ достало у меня на этотъ трудъ и силы, и времени. Я читалъ въ классѣ украдкою отъ наставниковъ. Читалъ въ моей комнатѣ украдкою отъ Федора Федоровича, который удивлялся, зачѣмъ я пожигаю такую пропасть свѣчъ, но свѣчи, тоже украдкою, я сталъ покупать на свои деньги, и покажѣсть все обстоитъ благополучно... Ну, мой милый, безцѣнный Яблочкинъ! Какъ бы ни легли далеко другъ отъ друга наши дороги, куда бы ни забросила насъ судьба, я никогда не забуду, что ты первый пробудилъ мой спавшій умъ, вывелъ меня на

Божій свѣтъ, на чистый воздухъ, познакомилъ меня съ новымъ прекраснымъ, доселѣ мнѣ чуждымъ, міромъ... Какая теплая, какая чудная душа у этого человѣка! Мало того, что онъ давалъ мнѣ всѣ лучшія книги, онъ дѣлился со мною многими рукописями, которыя доставалъ съ величайшимъ трудомъ у своихъ знакомыхъ. И освѣтились передо мною разные темные закоулки нашего грѣшнаго міра, и развѣнчались и пали нѣкоторыя личности, и загорѣлись передо мною самоцвѣтными камнями доселѣ мнѣ невѣдомыя сокровища нашей народной поэзіи. Вотъ, напримѣръ, начало одной пѣсни. Не знаю была ли она напечатана:

«Ахъ, ты, степь моя, степь широкая,
Поросла ты степь, ковылемъ-травой,
По тебѣ ли, степь, вихри мечутся,
У тебя ль орды на пескахъ живутъ,
А вокругъ тебя, степь родимая,
Синей ставкою небеса стоятъ!
Ахъ, ты, степь моя, степь широкая,
На тебѣ ли, степь, два бугра стоятъ,
Безъ крестовъ стоятъ, безъ примѣтушки,
Лишь небесный громъ въ бугры стучаесть!».

Да, вотъ это пѣсня! Она не походить на ту, которую распѣваетъ такъ часто Федоръ Федоровичъ:

«Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ мплъ навсегда».

Въ моихъ понятіяхъ, въ моихъ взглядахъ на вещи, совершается теперь переворотъ. Давно ли я смотрѣлъ на грязную сцену кутежа моихъ товарищей спокойными глазами? Въ эту минуту она кажется мнѣ отвратительною. Воспоминаніе о робкомъ мальчикѣ, котораго посылали за водкою, возмущаетъ мою душу и поселяетъ во мнѣ отвращеніе къ жизни, среди которой могутъ возникать подобныя явленія. И все съ большею и большею недовѣрчивостью осматриваюсь

я кругомъ, все глубже и глубже замыкаюсь въ самомъ себѣ. Съ этого времени я понимаю постоянное раздраженіе Яблочкина противъ дикаго мелочнаго педантизма, противъ всякой сухой схоластики и безжизненной морали, противъ всего коснѣющаго и мертваго. Не скажу, чтобы я сдѣлался лѣнливымъ оттого, что пристрастился къ чтенію. Уроки выучиваются мною попрежнему. Но все это дѣлается ех offi-сio, а ужъ никакъ соп amoге. Ни одно слово изъ безчисленнаго множества оставшихся въ моей памяти словъ не проникаетъ въ мою душу, ни одно слово не вѣетъ на меня освѣжительнымъ дыханіемъ жизни близкой моему уму или сердцу...

Однако, волею-неволею, мнѣ опять нужно положить перо и взяться за урокъ. А Федоръ Федоровичъ спитъ безпробудно... Тяжело мнѣ мое одиночество въ чужомъ домѣ. Не съ кѣмъ мнѣ обмѣняться ни словомъ, ни взглядомъ. Молчаливо смотрятъ на меня невзрачныя стѣны. Тускло горитъ сальная свѣча. На дворѣ завываетъ вьюга. Бѣлые хлопья снѣгу, пролетая мимо окна, загораются огненными искрами и пропадаютъ въ непроницаемомъ мракѣ. Тяжело мнѣ подъ этою чужою кровлею.

14.

Вотъ и экзамены наступили. Нашъ классъ принялъ на нѣкоторое время какъ-бы праздничный видъ. По полу прошла метла, по столамъ тряпка. Печь истопили съ вечера, и дровъ, разумѣется, не пожалѣли. Впрочемъ истопить ее въ годъ два-три раза—расходъ не великъ. Для отца-ректора стояло заранѣе приготовленное уютное кресло. Для профессоровъ были принесены стулья. Казалось, все придумали хорошо, а вышло дурно: промерзшія стѣны отошли, и воздухъ сдѣлался нестерпимо тяжелъ и непріятенъ. На это обратили вниманіе и позвали сторожа съ курилкою. Сторожъ покурить, — и воздухъ пропитался запахомъ сосновой смолы. Федоръ Федоровичъ, вѣроятно, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ ожиданіи прихода своего начальника. Онъ торопливо ходилъ по классу, потирая руки и, время отъ времени, поправляя на себѣ черный фракъ, хотя, правду сказать, поправлять его было нечего: онъ былъ застегнутъ по формѣ, отъ первой до послѣдней пуговицы. Сидѣвшій у порога

на заднемъ столѣ ученикъ, съ лицомъ въ половину обращеннымъ къ двери, съ безпокойнымъ выраженіемъ въ глазахъ, напрягалъ чуткій слухъ, стараясь уловить звуки знакомой ему поступи, чтобы отворить во время дверь, что удалось ему сдѣлать какъ нельзя лучше. «Гм., гм... У васъ тутъ что-то скверно пахнетъ...» сказалъ отецъ-ректоръ, опираясь на свою камышевую трость и оборачивая голову налѣво и направо. — Да-съ, есть немножко, почтительно отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ и, тоже вѣрно по сочувствію, оборотилъ голову налѣво и направо и пододвинулъ къ столу спокойное кресло. Одежда отца-ректора была на лисьемъ мѣху, и на мѣху просторная обувь. Онъ отдалъ одному ученику свою трость, который поставилъ ее въ передній уголъ, и осторожно опустился въ кресло, придерживаясь обѣими руками за его выгнутые бока. «Удобно ли вамъ сидѣть! не прикажете ли поправить столъ?» сказалъ Федоръ Федоровичъ. — Нѣтъ, ничего. Ну, что-жъ, начнемъ теперь, начнемъ. — Въ эту минуту пришли еще два профессора и, послѣ обычныхъ поклоновъ, скромно заняли свои мѣста. Отецъ-ректоръ развернулъ списокъ учениковъ и положилъ на столъ билеты. Начались вызовы. Мнѣ пришлось отвѣчать третьимъ, а именно: *о памяти*. Отличусь, думаю. Взглянувъ на билетъ, и дѣйствительно отличился: прочиталъ нѣсколько строкъ такъ бѣгло, что отецъ-ректоръ пришелъ въ изумленіе. «Погоди, погоди! Я ничего не разберу. Говори раздѣльнѣе». Я повиновался. «Ну, что-жъ, хорошо, весьма хорошо!.. Повтори о достоинствахъ памяти».

— Достоинства памяти рѣдко соединяются между собою въ одинаковой мѣрѣ, особенно легкость съ крѣпостью и вѣрностію, но постояннымъ упражненіемъ памяти они могутъ быть пріобрѣтаемы до известной степени и часто доводимы до необыкновеннаго совершенства. Въ древнія и новыя времена встрѣчались примѣры...

«Чей ты сынъ?»

— Священника.

«Ну, что-жъ, учишь, учишь. Хорошо! Вотъ и выйдешь въ люди. Ступай!»

Я повернулся.

«Погоди! Зачѣмъ у тебя волоса такъ длинны? Щегольство на умѣ, а? Такъ, такъ! Остригись, непременно остригись. Сколько тебѣ лѣтъ?» — 19 лѣтъ.

«Такъ, щегольство. Ну, смотри, учись».

Онъ обратился къ Федору Федоровичу и спросилъ его въ полголоса: «Каковъ онъ у васъ?»

— Поведенія и прилежанія примѣрнаго. Способностей превосходныхъ, — послѣдовалъ отвѣтъ въ полголоса. Я боялся, что улыбнусь, и прикусилъ губы. Хвали, подумалъ я: понимаю, въ чемъ тутъ дѣло. Какъ-бы то ни было, сѣвъ на свое мѣсто, я порадовался, что отдѣлался благополучно.

Въ числѣ другихъ вышелъ ученикъ второго разряда очень молодой, красивый и застѣнчивый, за что товарищи прозвали его «преlestною Машенькой». Онъ робко читалъ по билету, который ему выпалъ, и во время чтенія не поднималъ рѣсницъ. «Такъ, такъ», говорилъ отецъ-ректоръ: «продолжай!» И затѣмъ онъ обратился съ улыбкою къ профессорамъ: «Какой онъ хорошенькій, а? не правда ли? Какъ тебя зовутъ?»

— Александромъ.

«Ну, вотъ, вотъ!.. И имя у тебя хорошее»...

Ученикъ краснѣлъ. Сидѣвшій подлѣ него профессоръ предложилъ ему вопросъ. — «Нѣтъ, нѣтъ!» замѣтилъ отецъ-ректоръ: вы его не сбивайте. Пусть читаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какой онъ хорошенькій!» И экзаменаторъ взглянулъ на списокъ. — «Ты здѣсь невысоко стоишь, невысоко. Вотъ я тебя поставлю повыше... Ты будешь заниматься, а?»

— Буду.

«Ну и хорошо. Ступай!»

Ученики выходили по вызову другъ за другомъ. И вотъ одинъ, малый, впрочемъ неглупый (относительно), замялся и сталъ въ тупикъ.

«Ну, что-жъ. Вотъ и дуракъ! Повтори, что прочиталъ».

— Хотя творчество фантазій, какъ свободное преобразованіе представлений, не стѣсняется необходимостію строго слѣдовать закону

истины, однакожь, показуясь представленіями, взятыми изъ дѣйствительности, оно тѣмъ самымъ примыкаетъ уже къ міру дѣйствительному. Оно только расширяетъ дѣйствительность до правдоподобія и возможности....

«Что ты разумѣешь подъ словомъ: показуясь?»

— Слово: проявляясь.

«Ну, хорошо. Объясни, какъ это расширяется дѣйствительность до правдоподобія?»

Ученикъ молчалъ. «Ну, что-жь молчишь!»

— Забылъ.

Федоръ Федоровичъ двигалъ бровями, дѣлалъ ему какія-то непонятные знаки рукой. Ничто не помогло. Не утерпѣлъ онъ — и слова два шепнулъ.

«Нѣтъ, что-жь, подсказывать не надо».

— Вы напрасно затрудняетесь, сказалъ ученику одинъ изъ профессоровъ? «Юрія Милославскаго» читали?

— Читалъ.

— «Что-жь тамъ — дѣйствительность или правдоподобіе?

— Дѣйствительность.

— Почему вы такъ думаете?

— Это историческій романъ.

«Нѣтъ, что жъ, дуракъ! Положительный дуракъ», сказалъ отецъ-ректоръ и махнулъ рукою.

Исторія въ этомъ родѣ повторялась со многими. Едва доходило дѣло до объясненій и примѣровъ, ученики становились въ тупикъ.

Къ концу экзамена отецъ-ректоръ, какъ видно, утомился. Сталъ смыкать свои глаза и пропускать нелѣпые отвѣты мимо ушей. Ученики не преминули этимъ воспользоваться, однако одинъ попалъ въ просакъ: заговоривъ объ органахъ чувствъ, онъ прилепъ сюда и память, и творчество, и прочее, и прочее, лишь бы не молчать. Вотъ, сколько мнѣ помнится, образчикъ на выдержку: «Органы чувствъ» суть: глаза, уши, носъ, языкъ и вся поверхность тѣла. Заучиваніе бываетъ механическое и разумное... однакожь бываютъ случаи, фантазія можетъ создать крылатую лошадь, не только тогда, когда

мы уже имѣемъ представленіе о лошади и крыльяхъ и сверхъ того... и... напрасно строгіе эмпирики отвергаютъ въ насъ дѣйствительность ума, какъ высшей познавательной способности...

— Такъ, такъ, говорилъ отецъ-ректоръ, безсознательно кивая головою. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ не перебивалъ этой галиматьи, что было очень понятно.

«Вы просто говорите безобразную чепуху», замѣтилъ сидѣвшій на лѣво профессоръ.

— А? что, что? Повтори! и отецъ-ректоръ широко раскрылъ глаза. Ученикъ сталъ въ тупикъ.

— Ну, что-жъ, дуракъ! Вотъ я тебѣ и поставлю нуль. Пошелъ!..

Несмотря на эти маленькія непріятности, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ остался вообще нами доволенъ и, садясь со мною обѣдать, весело потеръ руки и сказалъ: «Ну, славу Богу! экзаменъ нашъ сошелъ превосходно... какъ ты думаешь?»

— Хорошо,—отвѣчалъ я съ улыбкою.

«Прوماхи, конечно, были, но... пододвинь ко мнѣ горчицу». Я пододвинулъ... «Гдѣ-жъ этого не бываетъ?»

«И въ самомъ солнцѣ пятна есть».

17.

Экзамены продолжаются. Въ общихъ чертахъ они похожи одинъ на другой и только отличаются нѣкоторыми оттѣнками, смотря по тому, кто экзаменуетъ — отецъ-ректоръ или инспекторъ. Последний не дремлетъ за своимъ столомъ, нѣтъ!... Лицо его выражаетъ какое-то злое удовольствіе, когда ему удастся сбить кого-нибудь съ толку. И, Боже сохрани, если онъ не благоволитъ къ наставнику экзаменуемыхъ! Тогда вся его злоба обращается на учениковъ, которыхъ онъ мѣшаетъ съ грязью, и въ то-же время язвить ихъ наставника разными ядовитыми намеками и двумысленною учтивостію. Къ счастью, онъ не экзаменуетъ по главнымъ предметамъ, но по исторіи, языкамъ и т. д.

«Переводи!» говоритъ онъ ученику, который стоитъ передъ нимъ съ потупленною головою и съ Лактанціемъ въ рукахъ. «Переводи!»

что-жъ ты молчишь, какъ стѣна?...» И впивается въ него своими сѣрыми, сверкающими глазами.

— Душа, буду... будучи обуреваема страстями и... и...

«Далѣе!»

— Страстями... и...

«Что жъ далѣе?»

— И не находя опо... опоры.— Ученикъ чуть не плачетъ.

«Оселъ! У тебя и голосъ-то ослиный!» И онъ передразниваетъ ученика: «Обуреваема... Гдѣ ты нашелъ тамъ обуреваема? Лѣнь, тебя, осла, обуреваетъ, вотъ что! Почему ты цѣлую недѣлю не ходилъ въ классъ?»

— Боленъ былъ.

«Видишь, какой у него бацище... боленъ былъ...» Опять передразниванье. «Отчего-же ты не явился въ больницу?»

— Я полагалъ... я думалъ, что на квартирѣ мнѣ будетъ покойнѣе...

У малаго навертываются слезы.

— Ей Богу, я былъ боленъ лихорадкою. Спросите у моихъ товарищей и, если я солгалъ, накажите меня, какъ угодно.

«А ты покой любишь... хорошо! Вотъ тебя исключать къ ваканціи, тогда насладишься покоемъ: цѣлый вѣкъ будешь перезванивать въ колокола».

И вслѣдъ за этимъ предлагается вопросъ наставнику:

«Онъ у васъ всегда таковъ, или, можетъ быть, на него періодически находить одурѣніе?»

— Что дѣлать! Особенныхъ способностей онъ не имѣетъ, но трудится усердно и успѣваетъ, сколько можетъ. Кажется, онъ сробѣлъ немного...

«Все это прекрасно, т.-е. вы очень великодушны, но все это ни къ чему не ведетъ. Мнѣ кажется (по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, вы меня пожалуйста извините: можетъ быть, я ошибаюсь), мнѣ кажется, было бы сообразнѣе съ дѣломъ видѣть его въ началѣ не 2-го разряда, какъ онъ у васъ стоитъ, а въ концѣ 3-го. Впрочемъ, вѣроятно вы имѣете на это свое основаніе».

Наставникъ проглотилъ позолоченную пилюлю и сталъ извиняться что онъ ошибся, и увѣрялъ, что на будущее время онъ постарается быть болѣе осмотнительнымъ.

Послѣ класса я заходилъ за книгою къ своему товарищу, который живетъ въ семинаріи на казенномъ содержаніи. Мнѣ случилось быть въ первый разъ въ нумерѣ бурсаковъ. Это огромная высокая комната, по наружности похожая на наши классы, съ тою разницею, что она, хоть и экономно, но все же ежедневно отапливается. Вокругъ обтертыхъ спинами стѣнъ стоятъ деревянные, топорной работы кровати. Простынь на нихъ нѣтъ; подушки засалены; старые, сплюснутые матрацы прикрыты изношенными, разодранными одеялами. На полу пыль и соръ. И какой полъ! Доски стерты каблуками, и только крѣпкіе суки упорно противятся сапогамъ и времени и поднимаются со всѣхъ сторонъ бугорками. Между досокъ щели. Въ углу — отверстіе: смѣлыя голодныя крысы не побоялись прогрысть казенное добро!... Окна запушены снѣгомъ и такъ плотно, что самому зоркому глазу невозможно видѣть, что дѣлается на улицѣ и даже есть-ли здѣсь улица. Сквозь разбитыя и кое-какъ смазанныя стекла порядочно подуваетъ холодомъ, но я не слышалъ, чтобы кто-нибудь жаловался: кажется, здѣсь ко всему привыкли. Покамѣстъ мой товарищъ доканчивалъ выписку изъ моей книги, я присѣлъ на его кровать. Ничего! матрасъ не жестче доски, стало-быть, на немъ еще можно спать. Ученики сновали взадъ и впередъ по комнатѣ. Одинъ полураздѣтый, въ толстомъ и грязномъ бѣльѣ, лежалъ на своей кровати съ глазами, устремленными на тетрадку, и съ видимымъ удовольствіемъ доѣдалъ кусокъ чернаго хлѣба. Другому захотѣлось покурить. Курить не велятъ, поневолѣ поднимаешься на хитрости. Онъ поставилъ къ печкѣ скамью, открылъ вверху заслонку и, стоя на скамьѣ, пускалъ дымъ въ трубу. Вотъ я почувствовалъ что-то непріятное у себя на шеѣ, хватъ — клопъ! Этакая мерзость! Воображаю, какъ было бы покойно провести здѣсь ночь...

«Ты докончилъ выписку?» спросилъ я у своего товарища.

— Докончилъ.

«Какое вы тутъ проживаете?»

— Ничего. Семья, братъ, большая: 20 человѣкъ въ одной комнатѣ.

— «А какъ у васъ распределено время?»

— Утромъ бываетъ общая молитва и всѣ мы поемъ. Потомъ одинъ становится къ налою и прочитываетъ нѣсколько молитвъ. Послѣ класса позволяется немного отдохнуть. Уроки учимъ въ залѣ. Вечеромъ опять общая молитва. Кто хочетъ, и послѣ ужина можетъ заниматься, прочіе ложатся спать. Ты нигде не былъ у насъ въ столовой?

«Никогда. Я думаю тамъ почище, чѣмъ здѣсь?»

— Чистота одинакова. А воздухъ тамъ хуже: изъ кухни, вѣрно, чѣмъ пахнетъ. Просто—вонь!

«Какъ же вы тамъ садитесь за столы?»

— Извѣстно какъ, по классамъ, словесники особо, мы особо, богословы тоже особо. Богословы ѣдятъ изъ каменныхъ тарелокъ, мы и словесники изъ оловянныхъ; ложки деревянные, да такія, братъ, прочныя, что въ каждой будетъ полфунта вѣсу. Сторожа разносятъ щи и кашу. Вотъ тебѣ и все.

«Кушанье, стало быть, всѣмъ достается поровну?»

— Ну, нѣтъ. У богослововъ бываетъ побольше говядины, у насъ поменьше, у словесниковъ чуть-чуть. Первые ѣдятъ кашу съ коровьимъ масломъ; у насъ она пахнетъ только коровьимъ масломъ; у словесниковъ ничѣмъ не пахнетъ. Каша, да и только.

«А въ постные дни что-же подаютъ?»

— Бислюю капусту съ квасомъ. Щи изъ кислой капусты. Бѣ-кашѣ выдается конопляное масло въ томъ же родѣ, какъ и коровье.

«А блины на сырной бываютъ?»

— Иногда бываютъ. Крупны ужъ очень пекутъ: одинъ блинокъ сытъ будешь.

«И съ коровьимъ масломъ?»

— Съ коноплянымъ. Иногда съ коровьимъ—для запаха.

«Это вѣрно не то, что дома...»

— Ничего. Былъ бы хлѣбъ, живъ будешь. У меня и дома-то

ѣдятъ не больно сладко. Отецъ у меня пономарь; доходы извѣстные: копѣйка да грошъ, да и тотъ не сплошь.

Послѣ этого разговора я шелъ въ раздумьи вплоть до моей квартиры, и комната моя, послѣ нумера, въ которомъ я былъ, показалась мнѣ уютною и чистою.

21.

У насъ производится теперь раздача билетовъ, безъ которыхъ ученики не имѣютъ права разъѣзжаться по домамъ. Мнѣ всегда бываетъ пріятно толкаться въ это время въ корридорѣ, въ толпѣ товарищей, всматриваться въ выраженіе ихъ лицъ, и угадывать по немъ невидимую работу мысли. Получившіе билеты весело сбѣгаютъ по широкой, грязной лѣстницѣ отъ инспектора, который ихъ выдаетъ. Вотъ одинъ останавливается на бѣгу и съ безпокойствомъ ощупываетъ свой боковой карманъ: тутъ ли его дорогая бумага? не обложился ли онъ какъ-нибудь въ торопяхъ? И вдругъ оборачивается назадъ и вновь бѣжитъ наверхъ; вѣрно, еще что-нибудь забыто. Другой спускается съ лѣстницы съ потупленною головою и нахмуренными бровями. «Ну, что?» спрашиваетъ его товарищъ. «Послѣ велѣлъ придти. Говорить, некогда»... «А за тобою прислали изъ дома?» — То-то и есть, что прислали. Работнику дано на дорогу всего 30 коп., вотъ лошадь и будетъ стоять безъ сѣна, если тутъ задержать. — Подлѣ меня разговариваютъ два ученика: «Что жъ ты, пріятель, не ѣдешь домой?» — Зачѣмъ? Пьянства я тамъ не видалъ? Мнѣ и здѣсь хорошо. — «Нашелъ хорошее! Что-жъ ты будешь дѣлать?» — Спать — кромѣ нечего. У меня, братъ, на квартирѣ... — Онъ пошепталъ своему пріятелю что-то на ухо. «Въ самомъ дѣлѣ!» Честное слово. — «И хорошенькая?» — Ничего, не дурна. — «Вотъ оя!» — сказалъ Мельхиседекъ, показывая свой билетъ. — Часъ добрый, отвѣчалъ я: а что инспекторъ не сердить? — «Ни то ни се: говорить, какъ водится, напутственные слова. Ты, дескать, лѣнтый и часто не ходилъ въ классъ; тебя нужно бы не домой отпустить, а посадить для праздника на хлѣбъ и на воду. Ты на прошлой недѣлѣ смѣялся въ классъ. Помни это! я до тебя доберусь». А меня называлъ умнымъ малымъ. «Ты, говоритъ, ведешь себя скромно. Это

я люблю. Смотри, не заразишься дурными примѣрами. Я выслушалъ его съ видомъ глубочайшаго почтенія, отдалъ низкій поклонъ, да и вонъ.

И поѣдутъ они теперь въ разныя стороны, въ разныя деревушки и села. Какъ-то невольно представляются мнѣ знакомыя картины. Широко, широко раскинулось снѣжное, безлюдное поле. По краямъ сѣрое, туманное небо. Въ сторонѣ чернѣется обнаженный лѣсъ. На косогорахъ качаются отъ вѣтра сухія былинки. Надъ оврагами уродливыми откосами нависъ сугробъ. По лугамъ неправильными рядами поднимаются снѣжныя волны. Вокругъ печальная, безжизненная тишина. Слышенъ только скрипъ полозьевъ и тугонатянутой дуги. Среди этой пустыни ѣдетъ иной горемыка въ легкомъ и тонкомъ тулупишкѣ. Морозъ пробираетъ его до костей. На бровяхъ и рѣсницахъ нарастаетъ иней. Жгучій вѣтеръ колетъ иглами открытое лицо. Сани медленно ныряютъ изъ ухаба въ ухабъ. Тошная кляча съ трудомъ вытаскиваетъ изъ глубокаго снѣга свои косматыя ноги. И вотъ наступаетъ холодная, холодная ночь. Синее небо усыяно звѣздами. По снѣгу, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, перебѣгаютъ голубые и зеленые огоньки и видны свѣжіе слѣды недавно пробѣжавшаго зайца. Безконечная даль пропадаетъ въ туманѣ, и сквозь этотъ туманъ тускло мерцаетъ одинокая красная точка: вѣрно, еще не спятъ въ какой-нибудь дымной и сырой избенкѣ. Тпрръ! говоритъ кучеръ и съ бранью оставляетъ свое мѣсто. «Что тамъ такое?» спрашиваетъ сѣдокъ. «Супонь лопнула»....— Ахъ, Господи! что это за наказаніе!...— Бѣдняга выскакиваетъ изъ саней и бѣгаетъ около нихъ, похлопывая окостенѣвшими руками, покажѣтъ исправляется старая, истасканная упряжь.

Я остаюсь здѣсь потому, что ѣхать слишкомъ далеко. Книгъ у меня будетъ довольно, а съ ними я не соскучусь. И какъ бы сталъ я коротать въ деревнѣ праздничные дни? Батюшка, по обыкновенію, съ утра до ночи ходитъ со двора на дворъ съ крестомъ и святою водою и возвращается усталый съ собранными курами и черныиъ, печеныиъ хлѣбомъ. Со стороны матушки немедленно слѣдуютъ вопросы: кто какъ его принялъ и что ему далъ. Буры взвѣшиваются

на рукахъ и при этомъ, разумѣется, не обходится безъ нѣкоторыхъ замѣчаній. «Вотъ, молъ, смотри, что эта за курица? Воробей воробьемъ!... Матрена, говоришь, дала?»—Она, она, отвѣчаетъ батюшка, насупивая брови. «Экая выжига! экая выжига!» Христославнаго хлѣба у насъ собирается довольно. Часть его обращается на сухари для собственнаго употребленія, часть идетъ на кормъ домашней скотинѣ.

Когда-то и я вѣсть съ батюшкою ходилъ по избамъ мужичковъ въ качествѣ христославца и бойко читалъ наизусть какія-то допотопныя вирши, Богъ вѣсть, когда и кѣмъ написанныя, со всевозможными грамматическими ошибками и переходящія изъ рода въ родъ безъ малѣйшаго измѣненія. «Вишь, какъ тачаетъ!» бывало скажетъ иной мужичокъ: «сейчасъ видно, что поповичъ. Нечего дѣлать, надо и ему дать копѣечку»...

Впрочемъ, къ чему я объ этомъ говорю? Воспоминанія, изволите ли видѣть, воспоминанія... Это, что называется, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

29.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: я надѣялся провести свое праздничное время за книгами, а вышло не такъ. Григорій заболѣлъ наканунѣ Рождества простудою и слегъ въ постель, которую пришлось ему занять въ сырой угарной кухнѣ, на жесткой сосновой лавкѣ. На больного никто не обращалъ особаго вниманія. Бухарка тотчасъ послѣ обѣда наряжалась въ пестрое, ситцевое платье, завивала на вискахъ косички, уходила въ гости къ какому-нибудь свату или куму, возвращалась уже вечеромъ румяною, веселою и разговорчивою. «Вставай!» говорила она мальчугану, который съ трудомъ переводилъ свое горячее дыханіе: «что ты все лежишь, какъ колода? Не хочешь ли щей?» Больной отрицательно качалъ головою и оборачивался къ стѣнѣ: «Ну, наплевать! была бы честь приложена, отъ убытку Богъ избавилъ»... И баба запѣвала вполголоса не совсѣмъ пристойную пѣсню. Федоръ Федоровичъ раза два посылалъ меня къ нему съ чашкою спитаго, жиденкаго чая. Пусть, говорятъ, выпьетъ. Это здорово. Скажи, что я приказываю. Но ма-

лый не слушался и со слезами на глазах просилъ у меня холоднаго квасу. Ключъ отъ погреба постоянно хранился въ кабинетѣ Ѳедора Ѳедоровича: я спѣшилъ къ нему съ докладомъ, вотъ, молъ, такъ и такъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ мой наставникъ, скажи ему, что онъ глупъ. Больному пить квасъ нездорово». И этимъ оканчивалось все попеченіе о бѣдномъ мальчуганѣ. Такимъ образомъ, волею-неволею, мнѣ пришлось замѣнить его должность, т. е. состоять на посылкахъ и исполнять разныя приказанія и прихоти моего наставника. Только-что я возьмусь за книгу, «Василій», — раздается знакомый мнѣ голосъ, — «сходи-ка на рынокъ и купи мнѣ орѣховъ, да смотри, выбирай, какіе посвѣжѣе». Орѣхи принесены, молотокъ, чтобы разбить ихъ, поданъ, я опять берусь за книгу и читаю при громкомъ стукѣ молотка. «Василій! поди-ка собери скорлупу и вынеси ее на дворъ». Скорлупа вынесена, — я снова принимаюсь за книгу. «Василій! поди-ка вычисти мнѣ сапоги». И вотъ я развожу на старомъ чайномъ блюдечкѣ ваксу и чищу сапоги, а наставникъ мой покоится на диванѣ, заложивъ подъ голову свои руки, курить папироску и смотреть на потолокъ.

Теперь я окончательно убѣжденъ, что онъ строго слѣдитъ за ходомъ моего развитія. Сегодня за обѣдомъ у меня съ нимъ былъ слѣдующій разговоръ.

«Чѣмъ ты занимаешься?» спросилъ онъ меня, накладывая себѣ на тарелку новую порцію жаренаго поросенка.

— Читаю Фонъ-Визина.

«Читалъ бы ты что-нибудь серьезное, если ужъ есть охота къ чтенію, вотъ и была бы польза. Эти Фонъ-Визины съ братією отнимаютъ у тебя время. Что это за сочиненіе? Вымыселъ и больше ничего. Кажется, я говорилъ тебѣ, какія книги ты долженъ взять изъ нашей бібліотеки».

Да, подумалъ я: просьбою о выдачѣ мнѣ этихъ книгъ я надѣлъ бібліотекаря такъ же, какъ надѣдаетъ иной заимодавецъ своему должнику объ уплатѣ ему денегъ. Кончилось тѣмъ, что побѣда осталась на моей сторонѣ. Библіотекарь, выведенный изъ терпѣнія, плюнулъ и крикнулъ съ досадою: возьми ихъ, возьми! Отвяжись пожалуйста!..

— Я читалъ опытъ философіи Надеждина. Сухо немножко, — сказалъ я, стараясь по возможности смягчить вертѣвшійся у меня въ головѣ отвѣтъ: темна вода въ облацѣхъ.

«Смыслишь мало, оттого и выходитъ для тебя сухо. А ты дѣлай такъ: если прочиталъ страницу и ничего не понялъ, опять ее прочитай, опять и опять... вотъ и останется что-нибудь въ памяти и не будетъ сухо. На последнемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе. Очевидно, отвѣтъ мой ему не понравился.

«Чтеніе журналовъ», продолжалъ онъ: «тоже напрасная трата времени. Ты видишь, я самъ ихъ не читаю, а развѣ проигрываю отъ этого! Тебѣ, напримѣръ, дается тема! *знаніе и вѣдѣніе суть ли тождественны*, или: *въ чемъ состоитъ простота души*; ну, что-же ты почерпнешь изъ журналовъ для своихъ разсужденій на обѣ эти темы! Ровно ничего. Нѣтъ, ты читай что-нибудь дѣльное, а не занимайся пустяками».

Послѣ этого разговора передо мною яснѣе обрисовалась личность моего почтеннаго наставника. Я мысленно поблагодарилъ себя за то, что пряталъ отъ него почти всякую книгу, и рѣшился, для устраненія между нами какихъ бы то ни было недоразумѣній, никогда не заводить съ нимъ разговора о томъ, на что онъ имѣетъ свой особенный взглядъ. Этотъ взглядъ и эта должность прислуги, которую здѣсь несу, до того мнѣ надоели, что я писалъ къ своему батюшкѣ, чтобы онъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, перемѣнилъ мою квартиру, говоря, что я настолько выросъ и настолько понимаю все бѣлое и черное, что могу обойтись безъ посторонней нравственной опеки.

Января 6.

Здоровье Григорья поправилось. Онъ вынесъ тяжелую горячку и всталъ, не смотря на всѣ, такъ сказать, благопріятныя условія къ переселенію въ лучшій міръ, какъ-то: скверное помѣщеніе, дурную пищу и отсутствіе необходимыхъ лѣкарствъ... «Отвалялся!» говорить о немъ наша кухарка, и это слово я нахожу очень уместнымъ и вѣрнымъ. Однакожъ онъ еще такъ слабъ, что не можетъ исполнять своей обязанности, и я до сихъ поръ занимаю его мѣсто.

Богъ съ нимъ, пусть поправляется? Мнѣ пріятно думать, что мое хлопоты доставляютъ ему покой.

Передняя и гостиная моего наставника снова оживлены присутствіемъ извѣстныхъ личностей... Не знаю, какъ ихъ точнѣе называть... просителями, посѣтителями или гостями, — право не знаю. Иной вовсе ни о чемъ не просить: скажетъ только, что сынъ его прозывается Максимъ Часовниковъ, а онъ, отецъ его, принесъ вотъ пару гусей, и это короткое объясненіе закончить глубочайшимъ поклономъ: «извините, что, по своей скудости, не могу васъ ничѣмъ болѣе возблагодарить». Ему отвѣтять: «спасибо». Мѣсто удалившейся личности заступаетъ другая, которая подобострастно склоняетъ свою лысую голову и робко и почтительно протягиваетъ мозолистую руку, изъ которой выглядываетъ на Божій свѣтъ тщательно сложенная бумажка. «Осмѣливаюсь васъ беспокоить, благоволите принять...» — Напрасно трудились. Впрочемъ, я не забуду вашего вниманія, — равнодушно говоритъ Федоръ Федоровичъ и въ свою очередь протягиваетъ руку. Онъ дѣлаетъ это такъ естественно, какъ будто о бумажкѣ тутъ нѣтъ и помину, а просто пожимается рука доброму знакомому, при словахъ: «мое почтенье! какъ ваше здоровье?» Мое присутствіе нисколько не стѣсняетъ моего наставника: и какъ же иначе? Все это дѣло обыкновенное, не притязательное: хочешь — давай, не хочешь — не давай, по шеѣ тебя никто не бьетъ. Притомъ мнѣніе ученика (если бы, сверхъ всякаго чаянія, онъ осмѣлился имѣть какое-либо мнѣніе) слишкомъ ничтожно. Иногда меня забавляетъ нелѣпая мысль: что, думаю я, если бы въ одну прекрасную минуту я предложилъ моему наставнику такой вопросъ: въ какую силу принимаются имъ всѣ эти приношенія, и указать бы ему на разное *яствіе* и *питіе*? Мнѣ кажется, весь, съ ногъ до головы, онъ превратился бы въ живой истуканъ, изображающій изумленіе и, увы! потомъ разразились бы надо мною молнія и громы...

Съ наступленіемъ сумерокъ передняя опустѣла. Я пошелъ въ свою комнату и взялся за книгу.

«Василій!» крикнулъ Федоръ Федоровичъ.

Что вамъ угодно?

«Прибери эти бутылки подъ столъ... знаешь, тамъ — въ моемъ кабинетѣ, а гусей отнеси въ чуланъ, запри его и ключъ подай мнѣ».

Я все исполнилъ въ точности и снова взялся за свое дѣло, а мой наставникъ, въ ожиданіи ужина, занялся игрою съ своимъ сѣрымъ котенкомъ. За ужиномъ, между прочимъ, онъ спросилъ меня:

«Что ты теперь читалъ».

Этотъ часто повторяемый вопросъ, ей-Богу, мнѣ надоѣлъ.

— Слова и рѣчи на разные торжественные случаи, — отвѣчалъ я, удерживая улыбку, потому что безсовѣстно лгалъ; я читалъ, по указанію Яблочкина, переводъ *Венеціанскаго Купца* Шекспира, напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ», а «Слова и Рѣчи» лежали и лежатъ у меня на столѣ, служа своего рода громоотводомъ.

«Это хорошо. Однако ты любишь чтеніе!»

— Да, люблю.

Онъ обратился къ кухаркѣ: «завтра къ обѣду приготовь къ жаркому гуся. Сало, которое изъ него вытопится, слей въ горшочекъ и принеси сюда. Мы будемъ ѣсть съ кашею».

«Авось хоть теперь Федоръ Федоровичъ успокоится». думалъ я, ложась на свою кровать и продолжая чтеніе *Венеціанскаго Купца*. Но за стѣною еще слышалась мнѣ протяжная зѣвота и полусонныя слова: Господи помилуй! что это на меня напало?.. И вотъ я пробѣгаю эти потрясающія душу строки, когда жидъ Шейлокъ требуетъ, во имя правосудія, чтобы вырѣзали изъ груди Антоніо фунтъ мяса. По тѣлу пробѣгаетъ у меня дрожь, на головѣ поднимаются волосы.. «Василій! Василій! Или ты не слышишь?» раздается за стѣною громкій голосъ моего наставника.

— Слышу! — отвѣчалъ я съ тайною досадою: — что вамъ угодно?

«Ты куда положилъ гусей?»

— Въ чуланъ.

«Да въ чуланъ-то куда?»

— На лавку!

«Ну, вотъ, я и угадалъ. Это выходитъ на съѣденіе крысамъ».

Возьми ключъ и все, что тамъ есть, гусей и поросятъ, развѣшай по стѣнамъ. Тамъ увидишь гвозди. Съ огнемъ, смотри, поосторожнѣе». И положилъ я Шекспира и пошелъ развѣшивать гусей и поросятъ. Не правда ли, хорошъ переходъ?..

9.

Наша семинарія опять закипѣла жизнью, или, по рѣзкому выраженію Яблочкина, шестисотоголовая, одаренная памятью, машина снова пущена въ ходъ. Все это прекрасно, не хорошо только то, что стѣны классовъ, стоявшихъ нѣсколько времени пустыми, промерзли и покрылись инеемъ, а теперь, согрѣтыя горячимъ дыханіемъ молодого люда, заплакали холодными слезами. Пусть плачутъ! Отъ этого не будетъ легче ни имъ, ни тѣмъ учащимся толпамъ, которыя приходятъ сюда въ извѣстный срокъ и потомъ также въ извѣстный срокъ, въ послѣдній разъ, уходятъ и рассыпаются по разнымъ городамъ и селамъ.

И вотъ я сѣлъ и обращаю вокругъ задумчивые взгляды.

Опять всѣ скамьи заняты плотно сдвинутыми массами народа. На столахъ разложены тетрадки и книги; едва отворится дверь,—изъ класса бѣлымъ столбомъ вылетаетъ влажный паръ и медленно рѣдѣетъ подъ сводами корридора. Холодно, чортъ побори! Бѣдныя ноги такъ зябнуть, что сердце щемитъ отъ боли, и послѣ двухчасового, неподвижнаго сидѣнья, когда выходишь изъ-за стола, онѣ движутся подъ тобою, какъ будто какія-нибудь деревяшки.

Я помню, что въ училищѣ до нѣкоторой степени облегчали свое горькое положеніе въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: когда продрогшіе ученики теряли уже послѣднее терпѣніе и замѣчали, что наконецъ и самъ учитель, одѣтый въ теплую енотовую шубу, потираетъ свои посинѣвшія руки и пожимаетъ плечами,—изъ отдаленнаго угла раздавался несмѣлый возгласъ: «позвольте погрѣться!..» Позвольте погрѣться! вторили ему въ другомъ углу, и вдругъ все сливалось въ одинъ громкій, умоляющій голосъ «позвольте погрѣться!..» И учитель удалялся иногда въ корридоръ, а чаще въ комнату своего товарища, который занималъ казенное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ. Вслѣдъ за нимъ сыпались дружные звуки оглушительной дробы. Это-

то и было согрѣваніе: ученики, сидя на скамьяхъ, стучали во всю мочь своими окостенѣлыми ногами объ деревянный, покоробившійся отъ старости полъ. Между тѣмъ какой-нибудь шалунъ, просунувъ въ полуотворенную дверь свою голову, зорко осматривалъ корридоръ. «Гдѣ учитель? Въ корридорѣ?» спрашивали его позади. «Нѣтъ. Ушелъ внизъ». «Валай, братцы! Валай!..» И ученики прыгали черезъ столы на середину класса.

«Ну, ты, мокроглазый! Становись на поединокъ...» восклицаетъ одна голоостриженная бойкая голова и размахиваетъ кулаками передъ носомъ своего товарища.

— Становись! — говоритъ мокроглазый, притопывая ногой, — становись!

Разъ-два! разъ-два! и пошла кулачная работа.

Бъ нимъ присоединяется новая пара горячихъ бойцовъ, еще и еще,—и вотъ валить уже стѣна на стѣну. Неучаствующіе въ бою и тѣ, которые успѣли получить подъ свои бока достаточное число пироговъ, стоятъ на столахъ и тѣлодвиженіями, и крикомъ одушевляють подвизающихся среди класса рыцарей. Избранный часовой стоитъ у дверей и сторожитъ приходъ учителя. «Тсс... тс...» говорить онъ, и ученики бѣгутъ на свои мѣста.

Учителя встрѣчаетъ въ дверяхъ облако густой пыли.

«А!» восклицаетъ онъ: «опять бились на кулачки!» и внимательно смотритъ по сторонамъ и замѣчаетъ у одного подбитый глазъ.

«А какъ ты смѣлъ биться на кулачки? А?»

— Я не бился, ей-Богу, не бился! — отвѣчаетъ плаксивый голосъ.

«Врешь, бестія! Пошелъ къ порогу».

И виновный безъ дальнѣйшихъ объясненій отправляется, куда ему приказано, распоясывается, разстегиваетъ свой нанковый сюртучишко и такъ далѣе, и ложится на холодный полъ. Сидѣвшій у порога ученикъ, такъ называемый *скюторъ*, съ гибкою лозою въ рукѣ, усердно принимается за свою привычную работу.

«Простите! простите!» разносится на весь классъ жалобный крикъ.

— Прибавь ему, прибавь?

И *скжторъ* прибавляетъ.

Операція кончилась, и наказанный, какъ ни въ чемъ не бывало, встаетъ, утираетъ слезы, подпоясывается, отдаетъ по заведенному порядку своему наставнику низкій поклонъ — благодарность за поученіе — и отправляется на мѣсто, замѣчая мимоходомъ одному изъ своихъ товарищей: я говорилъ тебѣ; такой-сякой, не бей по лицу: синякъ будетъ... вотъ и выдрали.

Та-же самая потѣха повторяется и на слѣдующіе дни съ предва-
рительнымъ условіемъ: «смотрите, братцы: по лицу чуръ не бить!»
У насъ этого, благодареніе Богу, нѣтъ.

Но возвращаюсь къ дѣлу.

Что это за милый человѣкъ нашъ Яковъ Ивановичъ, профессоръ, читающій намъ русскую исторію!

Онъ смотритъ на исполненіе своей обязанности, какъ на что-то священное, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ безукоризненную похвалу. Въ классъ онъ приходитъ своевременно, спустя двѣ-три минуты послѣ звонка, при чтеніи молитвы молится усердно и, плотно захлопнувъ свою поношенную шубу, скромно садится за столъ. И вотъ развязываетъ свой клѣтчатый платокъ, и мы видимъ его неизмѣннаго спутника, можно сказать, его вѣрнаго друга, — старую, почтенной толщины, книгу, въ прочномъ кожаномъ переплетѣ, съ краснымъ обрѣзомъ. Яковъ Ивановичъ вынимаетъ изъ кармана очки, дышетъ на нихъ, протираетъ платкомъ и осторожно надѣваетъ на свой носъ. Все это дѣлается не спѣша, не какъ-нибудь: сейчасъ видишь, что человѣкъ приступаетъ къ исполненію трудной обязанности, къ рѣшенію великой задачи. «Гм... гм...» откашливается мужъ, посѣдѣвшій въ наукѣ, и развертываетъ книгу именно тамъ, гдѣ нужно. Ошибиться ему нельзя, потому что недочитанная страница каждый разъ закладывается продолговатою, нарочно для этого вырѣзанною, бумажкою, мѣсто же, гдѣ ударомъ звонка было закончено чтеніе, отмѣчается слегка карандашемъ, который вытирается потомъ резиною. Какъ видите, все рассчитано благоразумно и строго. И начинается тихое мѣрное чтеніе. Читаетъ онъ полчаса, читаетъ часъ, порою снова протираетъ очки

вѣроятно, глаза несчастнаго подергиваются туманомъ, и опять безъ умолку читаетъ, и нѣтъ ему никакого дѣла до окружающей его жизни, точно такъ-же, какъ никому изъ окружающихъ его нѣтъ до него ни малѣйшей нужды. Ученики занимаются тѣмъ, что имъ нравится, или что они считаютъ для себя болѣе полезнымъ. Нѣкоторые ведутъ рассказы о своихъ взаимныхъ похиженіяхъ и проказахъ, нѣкоторые переписываютъ лекціи по главному предмету, а нѣкоторые сидятъ за романами. Тутъ вы увидите разные романы, напр. «Шапка юродиваго», «Таинственный монахъ», «Фра-діаволо», Японча — Татарскій наѣздникъ» и т. под., но чаще всего увидите Поль-де-Бокка и Дюма. Они пользуются у насъ особенною извѣстностію. Если чей-нибудь неосторожный возгласъ или смѣхъ прерветъ мѣрное чтеніе почтеннаго наставника, онъ поднимаетъ свои вооруженные глаза на окружающую его молодежь и громко скажетъ: «пожалуйста, не мѣшайте мнѣ читать!..» И продолжаетъ: «Ахъ! странно и дивно есть, ежели шли братъ на брата, сынове противъ отцовъ, рабы на господъ, другъ друга ищутъ умертвить и погубить, забывъ законъ Божій и претупя заповѣди Его, единого ради властолюбія, ища брата брата достоянія лишить, не вѣдуще, яко премудрый глаголетъ: ищай чужаго о своемъ возрыдастъ! Изшедше же Юрій съ Ярославомъ и меньшими братіями, сталъ на рѣкѣ Гзѣ» (Рос. Истор. Татищева, изд. 1774 г., кн. III, стр. 389).

Если шумъ не унимается, наставникъ покраснѣетъ и громче прежняго повторить. «Не шумите! пожалуйста, не шумите! Не то, честное слово, я пушу кому-нибудь въ голову своею книгою...» Эта угроза, конечно, никого не пугаетъ, тѣмъ болѣе, что она никогда не приводится въ исполненіе. Но Яковъ Ивановичъ все таки достигаетъ своей цѣли, т. е. въ классѣ наступаетъ непродолжительная тишина. Его боятся потому, что своимъ смиреніемъ и безответностію онъ успѣлъ себѣ снискать расположеніе нашего инспектора.

20.

Бѣдный Иванъ Ермолаичъ! Онъ совсѣмъ спился съ кругу. Грустно было смотрѣть, въ какомъ видѣ пришелъ онъ сегодня вечеромъ къ Федору Федоровичу. Шинель истаскана, просто — дрянь! Подкладка

порвалась, изъ-подъ изношеннаго коленкора выглядываютъ клочки грязной ваты. Сапоги на немъ—безъ калошъ. Этого мало: одинъ сапогъ лопнулъ, и оказывается, что онъ въ трескучіе морозы носить нитяные чулки. Какъ онъ терпитъ эту нужду, — ей-Богу, не понимаю!

Федоръ Федоровичъ принялъ его чрезвычайно холодно или, лучше сказать, грубо; не только не подалъ ему руки, даже не пригласилъ его сѣсть и ходилъ изъ угла въ уголъ, поигрывая махрами своего пояса и напѣвая себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, какъ будто въ комнатѣ, кромѣ его, не было ни одной живой души.

«Знаете ли что, Федоръ Федоровичъ», сказалъ незваный гость, потирая свои синія, озябшія руки: «дайте мнѣ, пожалуйста, рюмку водки. Я, мочи нѣтъ, озябъ!»

— У меня ни капли нѣтъ водки. Я почти никогда ея не имѣю:—Иванъ Ермолаичъ подошелъ къ печкѣ, прикладывая свои руки къ теплымъ кафлямъ и, обернувшись, прислонился къ ней спиною.

«Что же у васъ есть? Дайте хоть одну рюмку. Авось убытку будетъ немного».

— Рому, пожалуй, я дамъ: есть немножко. Вѣдь, вы ужъ гдѣ-то выпили... довольно бы, кажется.

«Да ну, — ради Бога, безъ наставленій! Давать, — такъ давай; нѣтъ,—Богъ съ тобой!»

Федоръ Федоровичъ пошелъ въ свой кабинетъ и вынесъ оттуда рюмку рому. Иванъ Ермолаичъ ее выпилъ и сѣлъ, облокотившись на столъ. Нѣсколько времени прошло въ молчаніи.

«Глупая исторія», сказалъ Иванъ Ермолаичъ: «глупѣйшая исторія!»

— Что такое? спросилъ Федоръ Федоровичъ.

«А вотъ что: на дняхъ я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ отцомъ-ректоромъ и—остался въ дуракахъ».

— Я думалъ, случилось что-нибудь особенное, отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ, закуривая папироску и растягиваясь во весь свой ростъ на мягкомъ диванѣ.

«Теперь я все спрашиваю себя: за какимъ чортомъ я къ нему ходилъ?»

— Совершенно справедливо. Онъ уже не разъ намыливалъ вамъ голову; пора бы оставить его въ покоѣ.

«Но помиуйте! что-жъ это такое? Чѣмъ я виноватъ?» вскричалъ Иванъ Ермолаичъ, поднимаясь со стула [и вдругъ воодушевляясь. «Вотъ слушайте: ученики собрали 30 руб. сер. и просили меня, чтобы я составилъ имъ по своему выбору библіотеку, которою они могли бы постоянно пользоваться и, отъ времени до времени, ее увеличивать. Мысль прекрасная, не правда ли? Я пошелъ къ отцу-ректору и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

«Вы, сказалъ онъ, спросились бы прежде у того, кто постарше васъ, тогда и собирали бы деньги».

— Деньги, отвѣчалъ я, мнѣ принесли собранными.

«Такъ, такъ. Ну, что-жъ вы хотите купить?»

— Конечно, говорю я, что-нибудь для легкаго чтенія, напр. соч. Пушкина, романы Вальтеръ-Скотта, Купера...

«Ну, вотъ - вотъ! Пушкина... стишки, больше ничего, стишки. Опять вотъ Купера... Кто это такой Куперь? О чемъ онъ писалъ! Нѣтъ, нѣтъ! романы намъ не годятся».

— Да, вѣдь, у насъ читаютъ Поль-де-Кока и т. под. Вѣдь, это помои! Не лучше ли дать ученикамъ что-нибудь порядочное.

«Нѣтъ, что-жъ... Намъ это не годится. Вы ужъ, пожалуйста, не ходите ко мнѣ впередъ съ такими пустяками. А деньги отдайте назадъ, непременно отдайте».

— Помиуйте! возразилъ я, устройство библіотеки...

«Занимайтесь своимъ дѣломъ, вотъ-что! Мнѣ некогда пересыпать съ вами изъ пустаго въ порожнее. До свиданія!..»

«Скажите по совѣсти, что-жъ это такое?» заключилъ Иванъ Ермолаичъ.

— Не мое дѣло, отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ. Всякій Еремѣй про себя разумѣй.

«И только?»

— Больше ничего.

Гость постоялъ въ раздумьи и сказалъ, какъ-то принужденно улыбаясь! «Честь имѣю кланяться, Федоръ Федоровичъ!..»

— Будьте здоровы...—Иванъ Ермолантъ ушелъ.

«Гришка!» крикнулъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ.

— Ась, отвѣчалъ мальчуганъ изъ передней.

«Ты видѣлъ вотъ этого барина, что сейчасъ отсюда вышелъ?»

— Видѣлъ.

«Если когда-нибудь онъ опять придетъ, скажи ему, что меня нѣтъ дома. Слышишь?»

— Слышу.

О, мой мудрый наставникъ. Еслибъ ты зналъ, какъ ты упалъ теперь въ моихъ глазахъ!..

25.

Я сейчасъ получилъ отъ батюшки письмо. Вотъ что, между прочимъ, онъ пишетъ: «Ты поменьше предавайся мечтательности. О перемѣнѣ своей квартиры до твоего перевода въ Богословіе думать не смѣй; ибо наставникъ твой приметъ сію перемѣну за обиду, и тебѣ придется тогда плохо. Ты знаешь, что онъ скупится давать тебѣ свѣчи, посылаю тебѣ денегъ; купи на нихъ свѣчъ, но по пустому ихъ не трать; пустяковъ не читай и веи себя такъ, чтобы я былъ тобою доволенъ и чтобы худаго о тебѣ ни отъ кого не слышалъ. На счетъ того, что ты ему прислуживаешь, я тебѣ скажу, что это еще не бѣда, ибо старшимъ себя повиноваться ты обязанъ»...

И такъ терпѣніе и терпѣніе. Объ этомъ говорятъ мнѣ не только всѣ окружающіе меня люди, но книги и тетради, которыя я учу наизусть, и кажется, самыя стѣны, въ которыхъ я живу. Будемъ терпѣть, если нѣтъ другаго исхода.

Далѣе батюшка пишетъ, что дьячокъ нашъ, Бондратьичъ, выѣхавшій куда-то со двора, подъ хмѣлькомъ, во время мятли,—пропалъ и два дня не было о немъ ни слуху, ни духу. Лошадь его возвратилась домой съ пустыми саями. На третій день Бондратьича нашли въ полѣ въ снѣгу. Онъ замерзъ и лежалъ на боку, подогнувъ подъ себя ноги. Спину его занесло снѣгомъ. Изъ-за пазухи его тулупа вынута стеклянка съ виномъ и недоѣденный блинъ. Миръ его праху! говоритъ батюшка и прибавляетъ: впрочемъ, худая трава изъ поля вонъ...

Миръ его праху! и я скажу въ свою очередь. Какъ знать? Можетъ

быть, и онъ былъ бы порядочнымъ человѣкомъ, если бы его окружала другая обстановка, другія лица. Умѣлъ же онъ сработать отличную телегу, выстругать раму, связать красивую, узорчатую клятку, никогда не учившись этому ремеслу...

Февраля 1.

И когда этотъ Яблочкинъ отдохнетъ хоть на минуту отъ своего безпрестаннаго горячаго труда? Онъ изучаетъ теперь нѣмецкій языкъ и началъ уже переводить Шиллера.

«Что ты, братъ, дѣлаешь», говорю я ему: «пожалѣй хоть немного свое здоровье...»

— Ничего, отвѣчалъ онъ, медленно поднимаясь со стула. Лицо его было блѣдно и грустно. — А грудь, душа моя, у меня все болитъ да болитъ. Боль какая-то глухая. Не понимаю, что это значитъ. — И онъ прилежъ на свою кровать.

«Давно ли ты сталъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ?» спросилъ я его, перелистывая отъ нечего дѣлать книгу Шиллера, въ которой не понималъ ни одного слова.

— Мѣсяца три. Выучилъ склоненія и глаголы и прямо взялся за переводъ. Трудно, Вася. По правдѣ сказать, мы не избалованы судьбою. Потомъ и кровью приходится расплачиваться намъ не только за каждый шагъ, но и за каждый вершокъ впередъ.

«А какъ идутъ твои занятія по семинаріи?»

— Можно бы сказать — не дурно, если бы къ нимъ не примѣшивались исторіи о тросточкахъ и тому подобное. Какъ ты думаешь? Ужъ не писать ли мнѣ по этому поводу, конечно, въ видѣ подражанія нашимъ темамъ, разсужденіе на тему своего собственнаго изобрѣтенія: «Зависитъ ли любовь къ занятіямъ отъ рода и обстановки самыхъ занятій, или можетъ быть возбуждаема исторіями разныхъ тросточекъ и тому подоб?..»

«Какая тросточка?» спросилъ я съ удивленіемъ: «что это за исторія!»

— Исторія очень простая. Одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ заходилъ ко мнѣ за своею книгою, заговорился и забылъ у меня свою тросточку. Что ему за охота ходить зимою съ тростью, это

ужь его дѣло. На другой день я пошелъ къ нему за новою книгою и встати захватилъ съ собою забытую имъ у меня вещь. Какъ видишь, все случилось весьма естественно. Только иду я по улицѣ, вдругъ навстрѣчу мнѣ попадаетъ субъ-инспекторъ, въ своемъ неизмѣнномъ засаленномъ картузѣ и въ старенькихъ саняхъ. «Стой! сказалъ онъ, толкнувъ въ спину своего кучера, и подошелъ ко мнѣ величественнымъ шагомъ. «Что это у васъ въ рукѣ?» спросилъ онъ меня, указывая перстомъ на несчастную тросточку. Я улыбнулся и пожалъ плечами. «Это камышевая трость», отвѣчалъ я. «Чему ты смѣешься?» сказалъ онъ, нахмуривая брови и перемѣняя множественное число личнаго мѣстоименія на единственное. «Чему? Развѣ ты не знаешь, что ты не смѣешь съ нею ходить? что это запрещено, а? «Дѣлать нечего: я рассказалъ ему, почему эта трость очутилась въ моей рукѣ. «Отчего-жъ ты не завернулъ ее въ бумагу, чтобы отнести ее просто подъ мышкою? Ясно, что ты врешь». Я извинился, что не догадался это сдѣлать, онъ нѣсколько успокоился, и мы разстались. Что ты на это скажешь? спросилъ меня Яблочкинъ въ заключеніе своего разсказа.

«Что-жъ тутъ такое?» отвѣчалъ я: «случай весьма обыкновенный...»

— Нѣтъ, ты представь себѣ подробности этой сцены! сказалъ Яблочкинъ, вскочивъ съ своей кровати, и на щекахъ его загорѣлись два красныя пятна. — Вѣдь, это происходило на тротуарѣ, по которому шель народъ. Во все продолженіе нашего разговора я долженъ былъ стоять съ открытою головою и говорить почти шепотомъ, чтобы не привлечь на себя вниманія зѣвакъ. Неужели все это ничего не значитъ?

«Довольно, довольно!» сказалъ я съ улыбкою: «перестань горачиться», и незамѣтно склонилъ разговоръ на его будущую, университетскую жизнь. Лицо Яблочкина просіяло. Онъ сталъ говорить мнѣ, съ какою любовію онъ возьмется тогда за новый трудъ; какъ весело и быстро будетъ пролетать его рабочее время; какъ усердно займется онъ уроками, которые обезпечать его существованіе и которыхъ навѣрное найдется у него много; съ какимъ удовольствіемъ, послѣ этихъ уроковъ, сядетъ онъ въ своей маленькой квартирѣ за кипящій самоваръ, съ стаканомъ чая въ одной рукѣ, съ книгою—

въ другой. «А когда, продолжалъ онъ, окончу курсъ и поступлю на службу (куда и чѣмъ,—я самъ еще не знаю, но все равно), когда у меня будутъ хоть какія-нибудь средства для жизни, первое, что я сдѣлаю,—составлю себѣ прекрасную, избранную библіотеку. У меня будутъ свои собственные Пушкинъ и Гоголь, у меня будетъ Гете и Шиллеръ въ подлинникѣ, лучшіе французскіе поэты и прозаики. Если останутся свободныя минуты отъ службы, выучусь по-англійски, и у меня будутъ въ подлинникѣ Байронъ и Шекспиръ... А главное, душа моя, даю тебѣ мое честное слово, куда бы я ни попалъ, гдѣ бы я ни служилъ, никогда не буду мерзавцемъ. Останусь безъ хлѣба, умру нищимъ, но сдержу это честное слово. Вася! заключилъ онъ, крѣпко стиснувъ меня въ своихъ объятіяхъ: вѣдь, это будетъ рай, а не жизнь! понимаешь ли?...» Онъ говорилъ, глаза его сіяли, на рѣсницахъ наворачивались слезы. Я подумалъ о своемъ будущемъ,—вспомнилъ слова Яблочкина: «нужно имѣть желѣзную волю, чтобы одиноко устоять на той высотѣ, и прочее...» и стало мнѣ грустно, грустно! И вотъ давно уже ночь, а я все еще не могу сомкнуть своихъ глазъ и не могу взяться за какое-нибудь дѣло.

2.

Пословица говорить: утро вечера мудренѣе. Такъ или нѣтъ, но въ минувшую ночь я многое перечувствовалъ и многое передумалъ. Отчего жъ и мнѣ не ѣхать въ университетъ? Неужели отецъ мой не уважить моей справедливой, моей горячей мольбы?... Ну, мой милый Яблочкинъ, примѣръ твой на меня подѣйствовалъ. Конечно! будь что будетъ! Благослови меня, Господи, на честный трудъ. За дѣло, Василий Бѣлозерскій, за дѣло! Наверстывай теперь потерянное за зубреньемъ время бессонными ночами! А ты, мой безсвязный и прерывчатый дневникъ, бѣдная отрада моей скуки, покойся, впредь до усмотрѣнія. «Покойся, милый прахъ, ко радостнаго утра...» Приведется ли мнѣ увидѣть въ тебѣ болѣе веселыя строки?

24 апрѣля.

Весна, весна! Зимнія рамы вынуты. Въ моей комнатѣ, проходя въ окно и упираясь въ подошву стѣны, горитъ золотая полоса яр-

каго солнца. По стеклу ползеть и жужжить проспавшая всю зиму муха. На дворѣ громко чирикаютъ воробьи... но, увы! изъ окна, съ этого проклятаго задняго двора, все-таки пахнетъ навозомъ. Вблизи нѣтъ ни кусточка зелени. Только у сосѣда, склонивъ надъ досчатымъ заборомъ свои гибкія вѣтви, распускается одинокая старая ива.

Занятія мои подвигаются впередъ. Книгъ я прочиталъ много. Перевожу съ французскаго довольно свободно. Разумѣется, всѣмъ этимъ я обязанъ моему безцѣнному Яблочкину, который безпрестанно помогалъ и помогаетъ мнѣ своими совѣтами. Но, какъ онъ, бѣдный, худъ! у него блѣдное, истомленное лицо!

Къ батюшкѣ я написалъ, что готовлюсь въ университетъ, что уже достаточно для этого сдѣлалъ. Просилъ у него благословенія на продолженіе начатаго мною дѣла, денегъ на покупку нѣкоторыхъ учебныхъ руководствъ, и на письмо это уронилъ двѣ крупныхъ слезы. Посмотримъ, что оно скажетъ.

1 Мая.

Утромъ ученики ходили къ отцу-ректору просить рекреаціи. Эти рекреаціи существуютъ у насъ съ незапамятныхъ временъ. Въ корридорѣ обыкновенно собираются по одному или по два ученика изъ каждаго отдѣленія (классы раздѣляются на два отдѣленія, въ словесности иногда на три) и держать совѣтъ: какъ умнѣе приступить къ дѣлу? Черезъ кого бы узнать, — въ какомъ расположеніи духа находится теперь отецъ-ректоръ? И вотъ какой-нибудь богословъ отправляется развѣдывать, что и какъ, узнаетъ отъ келейника отца-ректора, или отъ другаго близкаго къ нему лица, что все обстоитъ благополучно, что онъ веселъ и кушаетъ теперь чай. Богословъ съ сіяющимъ лицомъ сообщаетъ объ этомъ во всеуслышаніе толпы, и она подвигается впередъ. Богословы, какъ люди, имѣющіе болѣе вѣса, идутъ во главѣ: смиренные словесники образуютъ хвостъ. Отцу-ректору доложили. Онъ вышелъ въ переднюю и съ улыбкою выслушалъ просьбу учениковъ. «Ну, что? май мѣсяцъ наступилъ, а? Погулять хочется, а? хорошо, хорошо! Не будетъ ли дождя? все разстроится...» Онъ обертывается къ своему келейнику. «Посмотри-ка въ окно.» — Небо ясное, отвѣчаетъ келейникъ: дождя, кажется, не будетъ.—

«Позвольте, отецъ-ректоръ, погулять въ рощѣ...» говорить съ поклономъ курчавый богословъ. «Позвольте...» съ поклономъ повторяетъ за нимъ нѣсколько голосовъ. «Ну, чтѣ-жъ. Хорошо, хорошо! Только вы того... въ рощѣ не шумѣть, пѣсень не распѣвать... Вотъ и я приѣду. А мячъ-то есть у васъ, а? и лапта есть?»—Есть, есть,—съ улыбкою отвѣчаютъ ученики. «Ну, ступайте съ Богомъ, погуляйте. Май наступилъ, а? Такъ, такъ! Хорошо!»

Мѣстность, на которой у насъ бываетъ рекреація, довольно живописна. На горѣ зеленѣетъ старая дубовая роща. Внизу выгнутыми колѣнами течетъ свѣтлая рѣка. За рѣкою раскидываются луга, блестятъ окаймленные камышемъ озера, въ которыхъ лозники купаютъ свои зеленныя вѣтви. Далѣе, поднимаясь надъ соломенными кровлями сѣрыхъ избышекъ, бѣлѣется каменная церковь. Ярко сверкаетъ на солнцѣ ея позолоченный крестъ и весело блеститъ обитый бѣлою жестию шпиль. Это пригородное село. За селомъ широко развертываются ровныя, покрытыя молодою рожью, поля; волнистою, необъятною скатертью уходятъ они вдаль и сливаются съ синевою безоблачнаго неба. Подлѣ рощи, со стороны города, мѣстность совершенно открыта. Подъ ногами песокъ или мелкая трава. Въ сторонѣ тамъ-и-сямъ поднимаются кусты и мшистые пни срубленныхъ деревьевъ, но они такъ далеко, что мячъ, посланный самою сильною и ловкою рукою, никогда до нихъ не долетаетъ и падаетъ на виду. Здѣсь-то и бываетъ у насъ рекреація.

Словесники являюся на мѣсто дѣйствія ранѣе всѣхъ, нѣкоторые тотчасъ послѣ обѣда. Къ 4-мъ часамъ пополудни вы видите уже цѣлую толпу, которая рассыпается по всѣмъ направленіямъ, и въ молчаливой доселѣ рощѣ перекликаются громкіе голоса. «Многая лѣта!» гремѣть протяжно въ одномъ концѣ, и эхо отвѣчаетъ въ далекой, темной чащѣ: «мѣта!» «Ахъ, чтѣ-жъ это за раздолье, семинарское житье!...» слышится съ противоположной стороны, и пробужденное эхо снова отвѣчаетъ: «житье!» А небо такое безоблачное, такое синее и глубокое. Солнце лется золотомъ на вершины деревьевъ, по которымъ перелетаютъ испуганныя людскими голосами птички. Старые дубы перешептываются другъ съ другомъ и бросаютъ отъ себя узор-

чату ю тѣнь. Вотъ одинъ ученикъ становится на избранное мѣсто, лѣвою рукою подбрасываетъ слегка мячъ и ударяетъ по немъ со всего размаха увѣсистою лаптою. «Лови!» кричитъ онъ своимъ товарищамъ, которые стоятъ отъ него сажень на сто. Нѣсколько ловцовъ бросаются на полетъ мяча, который, описавъ въ синемъ небѣ громадную дугу, быстро опускается внизъ. «Поймаемъ!» отвѣчаетъ голо-остриженная голова, поднимая на бѣгу свои руки, и... мячъ падаетъ за его спиною. «Эхъ, ты розиня!» упрекаютъ его сзади: «и тутъ-то не умѣлъ поймать». — «Чортъ его знаетъ! Мячъ вѣрно легокъ: его относить вѣтромъ». Направо, между кустами, краснѣется рубаха молодого парня, который, въ ожиданіи поживы, явился сюда изъ города съ кадкою мороженого. Его низенькая шляпенка надѣта на бекрень. За поясомъ виситъ мѣдный гребешокъ и бѣлое полотенце. Парня окружаютъ ученики. «А ну-ка, братъ, давай на копѣйку серебромъ. Да ты накладывай верхомъ... скупъ ужъ очень...» — Кваску, кваску! и торопливо подошедшій квасникъ бойко снимаетъ съ своей головы наполненную бутылками кадку и утираетъ грязнымъ платкомъ свое разгорѣвшееся, облитое потомъ лицо. Число играющихъ въ мячъ постепенно увеличивается и раздѣляется на нѣсколько кружковъ, каждый съ своею лаптою и своимъ мячемъ. Но вотъ на дорогѣ сопровождаемый облакомъ сѣрой пыли показался знакомый намъ экипажъ. Его неуклюжій кузовъ, чтò-то среднее между коляскою и бричкою, неровно качался на высокихъ, грубой работы рессорахъ. Это былъ экипажъ отца-ректора. Плечистый, бородатый кучеръ, крѣпко натянувъ ременныя возжи, едва удерживалъ широкогрудыхъ вороныхъ, которые, съ пѣною на удилахъ, быстро неслись по отлогой равнинѣ. На запяткахъ, при всякомъ толчкѣ колеса, подпрыгивалъ бѣлокурый богословъ, любимецъ отца-ректора, бездарнѣйшее существо. Онъ впрочемъ добрый малый и не ханжа, чтò въ его положеніи большая рѣдкость. Позади, на трехъ дрожкахъ, ѣхали профессора. Отецъ-ректоръ вышелъ изъ экипажа, опираясь на руку своего любимца, который откинулъ ему подножку, и направился къ ближайшей группѣ учениковъ. Профессора слѣдовали за нимъ въ почтительномъ разстояніи. «Ну, чтò играете, а? Играете? Это хорошо. Вотъ и деревья тутъ есть, и трава

есть... такъ, такъ. Играйте себѣ,—это ничего». Онъ обернулся съ улыбкою къ профессорамъ: «Развѣ подать имъ примѣръ, а? Примѣръ подать?»—Удостойте ихъ... это не мѣшаетъ...—отвѣчало нѣсколько голосовъ. «Хорошо, хорошо! Давайте лапту». Кто-то изъ учениковъ бросился за лежавшею въ сторонѣ лаптою и такъ усердно торопился вручить ее своему начальнику, что, разбѣжавшись, чуть не сбилъ его съ ногъ. «Радъ, вѣрно, а? Ну, ничего, ничего...» сказалъ начальникъ и взялъ лапту. «Извольте бить. Я подброшу мячъ!» сказалъ одинъ изъ профессоровъ, и мячъ былъ подброшенъ. Послѣдовалъ неловкій ударъ—промахъ! другой—опять промахъ! Въ третій разъ лапта ударила по мячу, но такъ неискусно, что онъ принялъ косо направление, полетѣлъ внизъ, сдѣлавъ нѣсколько безтолковыхъ прыжковъ и успокоился на желтомъ пескѣ. «Нѣтъ, нѣтъ! вы мячъ нехорошо подбрасываете, нехорошо... А бить я могу, право, могу».—Не угодно-ли еще попробовать? отвѣчалъ профессоръ. — «Нѣтъ, что-жъ... пусть молодежь играетъ. Мы лучше походимъ по рощѣ. Играйте, дѣти, играйте...» и вмѣстѣ съ профессорами онъ скоро скрылся за стволами старыхъ дубовъ. «Многая лѣта!» грянулъ въ рощѣ чей-то басъ, и опять отвѣчало эхо: «лѣта!» Это непременно Поповъ оретъ... экое горло! Достанется ему за это», замѣтилъ стоявшій подлѣ меня ученикъ: «побѣгу его предупредить...» И смѣтливый, добрый товарищъ полетѣлъ, какъ стрѣла, въ ту сторснѹ, откуда пронесся звукъ знакомый его слуху. Кучеръ одного изъ профессоровъ, переваливаясь съ боку на бокъ и загребая песокъ своими пудовыми сапогами, лѣниво шелъ къ опушкѣ рощи. Въ рукахъ онъ держалъ завернутый въ бѣлую скатерть самоваръ и большой кулекъ съ закусками. Ученики продолжали игру въ мячъ, бѣгали въ запуски, хохотали, спотыкались и падали, стараясь другъ-друга посалить *), и, за неимѣніемъ лучшаго, находили во всемъ этомъ большое удовольствіе. Съ наступленіемъ сумерокъ усталая толпа побрела въ раз-

*) *Посалить* — ударить. Ударившій лаптою мячъ бѣжитъ въ сторону, поймавшій его, или просто поднявшій съ земли, наноситъ бѣглецу ударъ во что придется,—это и называется *посалить*. Случается, что подъ этотъ ударъ подвертывается и какой-нибудь профессоръ.

ныя стороны домой. Яблочкина на рекреации не было. Въ эти дни онъ особенно жаловался на боль въ своей груди.

Яблочкинъ лежитъ въ больницѣ. Докторъ сказалъ, что жить ему остается недолго. Кажется немного сказано, но... нѣтъ я не могу продолжать! Наконецъ и моя крѣпкая натура не выдержала. Черною кровью облилось мое бѣдное сердце, и сижу я, поникнувъ головой, и плачу, какъ ребенокъ. Жить ему остается недолго.. Зачѣмъ я не могу отогнать отъ себя этой мысли? Нѣтъ, я не долженъ ее отогнать! Я былъ бы не человѣкъ, если бы позабылъ скоро это неожиданное, неисправимое горе. Дитя, начавшее лепетать, дитя, страстно привязанное къ своей матери и брошенное ею въ темномъ лѣсу, не можетъ такъ плакать, какъ я теперь плачу. Оно не можетъ такъ ясно понять свое безпомощное положеніе, сознать и представить себѣ весь ужасъ своего одиночества, какъ я теперь все это сознаю и понимаю. Вѣдь, Яблочкинъ—моя нравственная опора! Это — свѣтъ, который сіялъ передо мною во мракѣ, свѣтъ, за которымъ я подвигался впередъ по моей тяжелой и узкой тропѣ. Это—любовь, которая вѣяла на мою душу всѣмъ, что есть на землѣ прекраснаго и благороднаго.. Господи! какъ же мнѣ не плавать!

Вотъ, что вчера случилось: Яблочкинъ уже давно подалъ прошеніе и на дняхъ долженъ былъ получить увольненіе изъ духовнаго званія. Эта мысль заставила его держать себя нѣсколько независимѣе ко всѣмъ его окружающимъ. Вчера, во время перемены классовъ, онъ закурилъ въ корридорѣ папиросу и стоялъ, облокотившись рукою на перила лѣстницы, которая ведетъ въ комнаты инспектора. Меня тамъ не было. Говорятъ, что инспекторъ его увидалъ и позвалъ къ себѣ. Черезъ четверть часа Яблочкинъ вышелъ отъ него блѣдный, какъ полотно. «Принеси мнѣ, ради Бога, немножко воды»... сказалъ онъ первому попавшему ему на глаза товарищу и прислонился головою къ стѣнѣ, и все кашлялъ, кашлялъ, наконецъ ноги его подкосились, изъ горла показалась кровь. Его взяли подъ руки и отвели въ больницу.

Я узналъ объ этомъ только сегодня, попросилъ у Федора Федоровича позволеніе оставить классъ и бросился къ моему другу. Онъ лежалъ на кровати въ бѣлой рубашкѣ. Ноги его были прикрыты сѣ-

рымъ суконнымъ одѣяломъ. Глаза смотрѣли печально и тускло. Бѣлокурые волосы въ безпорядкѣ падали на блѣдный лобъ.

«Здравствуй, Вася! Вотъ я и боленъ...» сказалъ онъ, усиливаясь улыбнуться, и медленно протянулъ ко мнѣ свою ослабѣвшую руку. Голосъ его звучалъ какъ разбитый.

— Чтѣ-жъ такое! Богъ дастъ, выздоровѣешь, отвѣчалъ я, чувствуя, что слезы подступали къ моимъ глазамъ, и сознавая, что говорю глупость. Я давно подозрѣвалъ въ немъ чахотку и рѣшительно не зналъ, чтѣ сказать ему въ утѣшеніе. А развлечь его чѣмъ нибудь я не умѣлъ, и къ чему? Яблочкинъ безконечно умнѣ меня и навѣрное лучше всѣхъ знаетъ свое положеніе. Мы молчали. Въ комнатѣ лежало нѣсколько больныхъ. Одинъ изъ нихъ, съ пластыремъ на ногѣ, читалъ вслухъ «Выходъ Сатаны» и громко смѣялся. На прочихъ и вообще на обстановку больницы я не обратилъ вниманія: не до того мнѣ было.

Яблочкинъ поднялъ на меня свои грустные глаза: «У меня уже три раза шла горломъ кровь», и снова опустилъ свою голову и о чемъ-то задумался. Я хотѣлъ было остановить этого дурака, хотавшаго за книгою, но побоялся, что онъ заведетъ со мною какой-нибудь пошлый, грубый споръ и потревожитъ этимъ моего больного друга, и потому оставилъ свое намѣреніе.

Вошелъ докторъ, добрый и умный старикъ, котораго, за исключеніемъ наставниковъ, уважаетъ и любитъ вся семинарія. Онъ пощупалъ у Яблочкина пульсъ. Больной поднялъ на него вопросительный взглядъ. «Ничего, молодой человѣкъ. Все пройдетъ! бросьте на нѣкоторое время свои занятія,—и будете молодцомъ». Онъ чтѣ-то ему прописалъ и отдалъ рецептъ фельдшеру. «Чтѣ прописано?» спросилъ я у послѣдняго. «Лавро-вишневая капля». Лѣкарство самое невинное, подумалъ я: видно, нѣтъ никакой надежды. Докторъ сталъ осматривать другихъ больныхъ и, проходя мимо меня, уронилъ свою перчатку. Давъ ему время удалиться въ сторону, я поднялъ ее и, приблизившись къ нему, едва слышно сказалъ, указывая глазами на Яблочкина: «позвольте узнать, каково положеніе вонъ этого больного?» — «Ему жить недолго, отвѣчалъ онъ, принимая отъ меня перчатку и

слегка кивая миѣ головой. Организмъ его слишкомъ истощенъ, да кромѣ того, вѣроятно, съ нимъ было какое-то потрясеніе... — «Что тебѣ говорилъ докторъ?» спросилъ меня Яблочкинъ, внимательно всматриваясь въ выраженіе моего лица, которое измѣняло моему спокойному голосу. «Говорить, отвѣчалъ я, что болѣзнь твоя не опасна»... — «Согалъ ты, Вася, да все равно... Зайди, душа моя, на мою квартиру и попроси старушку, чтобы она прислала миѣ немножко чаю и сахару. Ёсть я ничего не хочу; все пить хочется. А ты будешь меня провѣдывать?»

«Буду, буду...» отвѣчалъ я и спѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть отъ него текуція по щекамъ моимъ слезы.

16.

Болѣзнь Яблочкина развивается быстро. Онъ едва, едва поднимаетъ отъ подушки свою голову. Сегодня я поилъ его чаемъ изъ своихъ рукъ. Бѣдняга шутилъ, называя меня своею нянею. «Только, говорилъ онъ, ты не смотри такъ тоскливо; больные не любятъ печальныхъ лицъ. Видишь, здѣсь и безъ того не весело». Онъ указалъ миѣ на грязный полъ, на мрачныя, Богъ вѣсть когда, покрытыя зеленою краскою стѣны и на тусклыя, засиженныя мухами, окна.

Я получилъ отъ батюшки письмо. «Ты, пишешь онъ, со мною не шути! (Эти слова имъ подчеркнуты). Какъ я ни добръ, но исполнять твоихъ прихотей не стану. И никогда тебѣ не дамъ моего родительскаго благословенія ѣхать въ университетъ. Какой дуракъ внушилъ тебѣ эту мысль, и что ты нашелъ въ ней хорошаго? Я тебѣ сказалъ: ты долженъ пребывать въ томъ званіи... и такъ далѣе, и такъ далѣе... Батюшка, батюшка! Ты говоришь: призванъ... А если, у меня недостаетъ силъ на исполненіе моего святаго долга? Если, по чему бы то ни было, я утрачу сознаніе своего высокаго назначенія, заглохну и окаменѣю въ окружающей меня горькой средѣ? Чей голосъ тогда меня ободрить? Чья рука меня подниметъ? На чью голову ляжетъ отвѣтственность за мои проступки?... Я не могу ни за что взяться: голова моя идетъ кругомъ. Между-тѣмъ у насъ начались повторенія къ годовому экзамену. Что со мною будетъ, не знаю.

23.

«Тебя зоветъ Яблочкинъ», сказалъ миѣ фельдшеръ, вызывая меня

изъ класса: «иди скорѣе...» Сердце мое дрогнуло, я побѣжалъ въ больницу и осторожно подошелъ къ постели больного.

«Ты здѣсь?» сказалъ онъ, открывая свои впалые глаза, подъ которыми образовались синіе круги. «Умираю, Вася... все кончено!» Онъ хотѣлъ протянуть мнѣ свою руку, но безсильная рука, какъ плеть, упала на постель. Я сѣлъ подлѣ него на табуретку. Въ комнатѣ была тишина. Пасмурный день слабо освѣщалъ ея мрачныя стѣны. На дворѣ шелъ дождь; его крупныя капли, заносимыя вѣтромъ, звонко ударялись объ стекла. Яблочкинъ дышалъ тяжело и неровно.

«Коротка была, сказалъ онъ, моя жизнь, и эта бѣдная жизнь обрывается съ самую лучшую пору, какъ не допѣтая пѣсня на самомъ задумчивомъ стихѣ. Прощай, университетъ! Прощай, мои молчаливые друзья, мои дорогія, любимыя книги!.. Ахъ, какъ мнѣ тяжело!.. Дай мнѣ, Вася, свою руку...»

Я понялъ, что приближается страшная минута.

«Другъ мой», сказалъ я, не удерживая болѣе своихъ слезъ и тихо пожимая его холодныя пальцы: «теперь тебѣ не время думать о земномъ. Видно такъ угодно Богу, что выпадаетъ намъ та или другая доля. Его безконечная любовь имѣетъ свои цѣли...»

«Помоги мнѣ сѣсть». Я поднялъ его и подложилъ ему сзади подушку.

«Хорошо», сказалъ онъ: «спасибо... Вася, Вася! У меня нѣтъ даже матери, которой я послалъ бы свой прощальный вздохъ. Я круглый сирота! На что мнѣ они—эти лица, которыя меня здѣсь окружаютъ? Какая у меня съ ними связь?»

— А развѣ я тебя не люблю? развѣ я не буду тебя помнить и за тебя молиться?

«Я знаю, знаю. У тебя добрая душа...» Голова его была свѣшена на грудь, неопредѣленный взглядъ устремленъ въ сторону. Онъ говорилъ:

Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы,
Но, Боже! и вѣрѣ
Могила темна...

— Алеша! другъ мой! сказалъ я: зачѣмъ это сомнѣніе?

Онъ посмотрѣлъ на меня задумчиво. «Что ты сказалъ?»

— Зачѣмъ это сомнѣніе? повторилъ я.

«Это такъ. Грустно мнѣ, мой милый! Слышишь, какъ шумить вѣтеръ? Это онъ поетъ мнѣ похоронную пѣсню... Скажи моей доброй старушкѣ, что я ее любилъ и за все ей благодаренъ. То же скажи ея сыну. Пусть онъ учится. Тебѣ я дарю всѣ мои книги и тетрадки. Ахъ, какъ мнѣ грустно!.. Дай мнѣ карандашъ и клочекъ бумаги». У меня было въ карманѣ то и другое, и я ему подаль и положилъ на его колѣни какую-то попавшуюся мнѣ подъ руку книгу, чтобы ему удобнѣе было писать. Онъ сталъ неразборчиво и медленно водить карандашемъ. Послѣ пяти или шести написанныхъ имъ строкъ на бумагу упала съ его рѣсницы крупная слеза. Больной отдохнулъ немного и снова взялся за карандашъ.

«Усталъ я... сказалъ онъ, прикладывая ко лбу свою руку. «Возьми себѣ это на память о моихъ послѣднихъ минутахъ. Прочтешь дома».

— Спасибо тебѣ, отвѣчалъ я и положилъ бумагу въ карманъ.

Вдругъ Яблочкинъ вздрогнулъ и остановилъ на мнѣ испуганный взглядъ.

«Кто это сюда вошелъ? Выгони его!»

— Здѣсь никого нѣтъ, мой милый.—Я сѣлъ къ нему на кровать и обнялъ его одною рукою.—Здѣсь никого нѣтъ...

«Какъ нѣтъ? Видишь, стоитъ весь въ черномъ... выгони его!» Больной дрожалъ съ головы до ногъ. Я всталъ, прошелся до двери и снова сѣлъ на свое мѣсто. «Я его вывелъ», сказалъ я.

«Ну, хорошо». Яблочкинъ положилъ ко мнѣ на плечо свою голову. Бредъ его усиливался.

«Горить!...» вдругъ онъ крикнулъ во весь голосъ и протянулъ впередъ свои исхудалыя руки. «Спасите!...»

— Чтò ты, чтò ты? успокойся!.. отвѣчалъ я, прижимая его къ своей груди.

«Стѣны горять... Мнѣ душно въ этихъ стѣнахъ!.. Спасите!»

— Опомнись, опомнись, говорилъ я, и грудь моя надрывалась отъ рыданій.—Здѣсь все мирно. И чужихъ здѣсь никого нѣтъ. Это я сижу съ тобою, я —Василій Бѣлозерскій, другъ твой, готовый за тебя лечь въ могилу.

Дыханіе Яблочкина становилось все тише и тише. Руки холодѣли, но глаза приняли болѣе опредѣленное выраженіе.

«Это ты, Вася?»

— Я, мой милый.

«Ступай въ университетъ, а здѣсь...»

Голова его упала ко мнѣ на плечо. Я послушалъ,—не дышетъ!.. И тихо я опустилъ его на подушку, перекрестилъ, закрылъ ему глаза и склонился на колѣни у изголовія его кровати. И долго, долго, текли изъ глазъ моихъ горькія слезы.

Вотъ что онъ написалъ мнѣ на память:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что-же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..

Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная,—
Гостя погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается:
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ,—
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

24 Августа.

Сейчасъ между моими учебными книгами мнѣ попался случайно забытый мой дневникъ. Первою моею мыслию было сжечь эти страницы, напоминавшія мнѣ столько горькаго. Но когда я пробѣжалъ нѣсколько строкъ, когда подумалъ, что въ нихъ положена часть моей жизни. — рука моя не поднялась на истребленіе этой бѣдной измятой тетради. Много протекло времени съ той минуты, когда умеръ мой незабвен-

ный Яблочкинъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ на меня непостижимое вліяніе. Онъ заставлялъ меня жить напряженною, почти поэтическою жизнію. Умоляли его огненные рѣчи, положили его въ могилу, и кажется, навсегда улетѣла отъ меня поэзія моей внутренней, духовной жизни. Все пришло въ обыкновенный порядокъ: мечты мои остыли, желанія не переходятъ за извѣстную черту. Успокойся! сказалъ я своему сердцу,—и оно успокоилось. Только на лбу у меня осталась рѣзкая морщина, только голова моя клонится теперь ниже прежняго.

Въ домѣ у насъ не весело. Поля выжжены палящимъ зноемъ; всѣ хлѣба пропали. Неурожай въ полномъ смыслѣ этого слова. По улицѣ не скрипятъ, какъ бывало, съ снопами воза. При вечерней зарѣ никто не поетъ беззаботной пѣсни. Батюшка ходитъ печальный и угрюмый.

По прїѣздѣ моемъ сюда, я заговорилъ съ нимъ о моемъ намѣреніи поступить въ университетъ. «Видишь?» сказалъ онъ, указывая мнѣ на обнаженные поля и на пустое наше гумно. «А до будущаго урожая еще далеко. Пожалуйста, не серди меня пустяками: безъ тебя тошно...»

Переводный экзаменъ въ Богословіе я выдержалъ не совсѣмъ хорошо. Вдругъ, послѣ смерти Яблочкина, мнѣ трудно было взяться за дѣло. Батюшка остался мною недоволенъ. «Жилъ ты, говорить, подъ надзоромъ профессора и едва удержался въ первомъ разрядѣ». Однакожъ я переведенъ. Прощаніе мое съ Федоромъ Федоровичемъ, у котораго жить болѣе я уже не буду, было довольно холодно. Онъ, конечно, ожидалъ отъ меня глубочайшей благодарности за всѣ его заботы о моихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ, но благодарить его, право, не стоило.

Моя будущая судьба теперь окончательно опредѣлилась. Пройдутъ еще два года трудовой однообразной жизни, и я приму на себя званіе духовнаго врача. Видитъ Богъ, намѣренія мои всегда были чисты. Если я заблуждался, мечтая о другой дорогѣ, заблужденіе мое было безкорыстно, мысль не заходила далеко и...

Я слышу голосъ батюшки, который зоветъ меня заплетать плетень, говоря: «все равно—ты сидишь безъ дѣла».

Довольно! Дневникъ мой оконченъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

1 —Стихотвореніе это напечатано было въ «Отеч. Запискахъ» 1857 г. № 2, подъ названіемъ «Прогулка» (отрывокъ),—и, вмѣсто послѣднихъ пяти стиховъ, оканчивалось такъ:

Путь къ дому мѣсяцъ мнѣ укажетъ...
Я знаю, что меня тамъ ждетъ,
Что камнемъ на сердцѣ мнѣ ляжетъ...
Какъ мраченъ дикій боръ стоитъ,
Какъ листъ болѣзненно дрожитъ!
Мой врагъ и тутъ не разстанется—
Забота вѣчная со мной...
Пришла, пугаетъ и смѣется,
И гонить на горе домой.

2 —Вотъ первая редакція этого стихотворенія:

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добрѣ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

Раздаются, растутъ
Золотыя слова.
Засыхай-пропадай
Ты, худая трава.

Дождался ты, порокъ,
Приговора-суда,
Не уйдешь ты теперь
Отъ клейма, отъ стыда...

Полно, такъ-ли, друзья?
Не притихъ-ли онъ гдѣ?
Не взялся-ли ловить
Рыбу въ мутной водѣ?

Гдѣ-жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ,
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить.
Надо плотью облечь.

Надо твердой ногой
Новый путь проложить,
Да всѣ силы на немъ,
Да весь умъ положить.

Какъ повѣрить словамъ, —
Чудеса настаютъ,
Прозираютъ слѣпцы
И больные встаютъ.

Какъ приходитъ пора
Трудъ тяжелый подыять, —
Начинаетъ нашъ жаръ
Остывать, потухать;

Тутъ и робость найдетъ,
Тутъ и лѣнь, и дрема, —
У разумныхъ головъ
Нѣтъ ни силъ, ни ума!

- 3 —Въ «Рус. Бесѣдѣ», 1858 г., № IV, это стихотвореніе, названное «Ночь», имѣетъ такой варіантъ:

Звѣзды сыплются. Ткань облаковъ
Серебрится при лунныхъ лучахъ;
Ночь глядитъ изъ-за старыхъ дубовъ.
Свѣтъ играетъ на сонныхъ листахъ.
Синій воздухъ волнами плыветъ,
Онъ прохладенъ, и свѣжъ, и душистъ;
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.
Подъ кустомъ въ травѣ искра горитъ,
Чей-то свистъ замираетъ вдали,
Кто-то въ чащѣ весь въ бѣломъ стоитъ...
Сказки дѣтства на умъ мнѣ пришли.
Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я-бъ пролилъ безъ конца, безъ конца...

- 4 —Стихотвореніе это имѣетъ большой біографическій интересъ. Оно написано (въ 1858 г.) по поводу обвиненія Никитина въ сочиненіи пасквиля на одно значительное лицо. Случай этотъ подробно разсказанъ въ біографіи поэта, и хотя онъ въ основаніи своемъ имѣлъ комическую подкладку, но не надобно забывать, что тогда Никитинъ былъ еще *безправнымъ* мѣщаниномъ. Купеческія права онъ пріобрѣлъ только съ открытіемъ книжнаго магазина, въ 1859 году.

- 5 — Вотъ первоначальная, неизданная редакція этого стихотворенія:

РАДОСТЬ и КРУЧИНА

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Навѣстятъ она,—ночь просіяетъ,
Полумертвый встаетъ-оживаетъ!

Мудрено съ нею, рѣзвою, ладить:
Косо взглянешь,—она испугалась;
Полетитъ,—и стрѣлой не догонишь,
Призывай-умоляй,—не воротишь.

Тяжела, чернѣй тучи кручина:
Подойдетъ,—бѣлый свѣтъ помутится;
Прогонять,—непослушная зѣветъ,
Съ нею жить—богатырь захирѣетъ.

Нападетъ она—сердце измучить,
Изожжетъ огонькомъ-невидимкой
Не залить его крупной слезою:
Онъ замретъ подъ доской гробовою...

6 —Это стихотвореніе, читанное 9 апрѣля 1860 г. на литературномъ вечерѣ, данномъ въ пользу литературнаго фонда, тогда только что открытаго въ Петербургѣ, направлено противъ поэта Некрасова.

7 —По поводу этого стихотворенія вотъ что говоритъ самъ Никитинъ въ письмѣ къ Второму (26 декаб. 1860 г.): «*Портной*»—это фактъ, случившійся на дняхъ.—Я зналъ его лично; но я, къ сожалѣнію, не зналъ о его страшномъ положеніи. Вотъ что бываетъ на свѣтѣ, а нашъ братъ еще смѣетъ жаловаться!» Портной этотъ—Тюринъ—находился въ сватовствѣ съ Никитинымъ и былъ послѣ смерти похороненъ имъ на свой счетъ. Дочь портнаго, Екатерина, по духовному завѣщанію Никитина, получила сороковую часть его имущества, т. е., 191 р. 62 к.

8 —Читано на литературномъ вечерѣ, въ залѣ Дворянскаго собранія, 9-го апрѣля, 1861 г. Это—послѣднее произведеніе Никитина, напечатанное уже послѣ его смерти.

9 —Надъ поэмою «Кулакъ» Никитинъ трудился почти два года (съ октября 1854 г. по сентябрь 1856 г.). Такая продолжительность работы объясняется, съ одной стороны, самымъ содержаніемъ поэмы—необходимостію изображенія бытовыхъ картинъ и обрисовки характеровъ дѣйствующихъ въ этой шестъ лицъ; съ другой стороны, и тогдашнее положеніе Никитина, какъ поэта только начинающаго, еще не опредѣлившагося, вызывало его на эту продолжительность въ работѣ. Кромѣ того, не надобно забывать, что Никитинъ въ это время былъ еще подъ сильнымъ эстетическимъ вліяніемъ своихъ друзей (изъ кружка Второва), которые вызывали его на частыя передѣлки, наконецъ, ему надоѣвшія, какъ это видно изъ письма поэта къ Второму отъ 2 августа 1857 года (См. I томъ, біограф., стр. 54). Что касается до друзей, то, независимо отъ ихъ расположенія къ Никитину и отъ ихъ ревности къ его доброму авторскому имени, суетливость ихъ критики и настойчивость ихъ совѣтовъ очень много зависѣли отъ того вліянія, которое производила тогда въ нашемъ обра-

зованномъ обществѣ комедія Островскаго «Свои люди, — сочтемся!» такъ какъ Никитинъ въ своемъ «Кулакѣ» изображалъ почти тотъ-же бытъ, что и нашъ знаменитый драматургъ въ первой своей комедіи; поэтому друзьямъ Никитина, какъ-бы сами собою, являлись такія параллели, какъ между Таракановымъ и Подхалюзинимъ, между Сашей и Липочкой. «Кулакъ» имѣлъ три редакціи, кромѣ небольшихъ передѣлокъ. Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ приводимъ варианты изъ второй редакціи «Кулака», въ которыхъ находятся нѣкоторыя новыя черты для характеристики «Саша», героини поэмы.

10 — „Охъ, Саша! То-то вотъ сокруха!
Сказала мать: пусть я, старуха,
Не вижу краснаго денька
Ты горюешь...“

— Будеть горько:
И всходить и заходить зорька, —
Кто весель, кто въ постели спать,
А у меня смола кипить
На сердцѣ...

„Вѣдомо, что жалко
И тяжело: столяръ-сосѣдъ
Женихъ хорошій, слова нѣтъ,
Къ тебѣ привыкъ... Да, вѣрно, палкой
Намъ старика не понуждать;
Вишь тянеть дѣло!“

— Срамъ сказать:
Три раза сваха приходила,
Отвѣта батюшки просила;
Все отвѣчаетъ: погоди,
Подумаю, на-дняхъ приди.
Ужъ видно мнѣ такая доля! —
„Дружочекъ мой! моя-ли воля?
Просила честью, умоляла,
Сосѣдъ, молъ, трезвый, молодецъ,
Ты знаешь самъ его съ-измала, —
Смѣшаетъ съ грязью,—и конецъ!“

11 — Огарокъ сальный потушень
Лукичъ храпѣлъ. Но все силѣли
И мать и дочь въ саду густомъ,
И звѣзды трепетнымъ огнемъ

Надъ головами ихъ горѣли.
Вокругъ, подъ зеленью кустовъ,
Вершины сонныя деревъ
Кудрями черными висѣли.
Среди глубокой тишины,
Лишь гостя робкая весны,
На вѣткѣ вздрагивала птичка,
Или порою по дворамъ,
Разсвѣта вѣсть, и тамъ-и-сямъ *
У пѣтуховъ шла перекличка.
Но въ чащѣ хмурилася ночь,
Смотря, какъ плачетъ мать и дочь.

„Зарей я зябнуть начинаю,
Старушка молвила, крихтя:
Старикъ храпитъ тецерь, я чаю...
Вставай пойдемъ, мое дитя!
Вотъ мы его поутру спросимъ,
За что мы горе переносимъ...“

Веселый день сіялъ давно.
Въ душистый садъ открывъ окно,
Старушка варежку вязала
И воздухъ утренній вдыхала
Въ больную грудь. А самоваръ,
Подъ потолокъ пуская паръ,
При свѣтѣ солнца красовался
И, грѣя чайникъ, потѣшался:
То, какъ рабочая пчела,
Жужжалъ, на мигъ не умолкая,
То, словно жукъ, гудѣлъ баскомъ.
Поспѣшно чашки вытирая,
Сидѣла Саша за столомъ.

12 — „Я никогда изъ вашей воли
Не выхожу. Теперь не въ мочь!
За чтѣ свою родную дочь
Вы губите?“

— Да ты въ умѣ-ли?
Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать? —
„Простите!.. Рада-бъ я молчать, —
На сердцѣ слезы накупѣли!
Вы принимали столяра,
Какъ сына. Вы-ли не видали,
Какъ мы другъ къ другу привыкали?“
— Теперь раздумалъ, — и поди!

Отнынѣ моего порога
Не смѣй онъ знать! Вишь рѣчь нашла!

13 — Ихъ раздѣляла дверь одна.
„Смотрушки завтра... Ночь осталась...
Наряжать, выведуть, а тамъ...“
И кровь ей въ голову бросалась;
„Нѣтъ, лучше умереть! къ моимъ слезамъ
Не будетъ жалости“.

На пыпочкахъ переступая,
Она прокралась по снѣгамъ
Къ крылечку шаткому, а тамъ
Въ зеленый садъ.

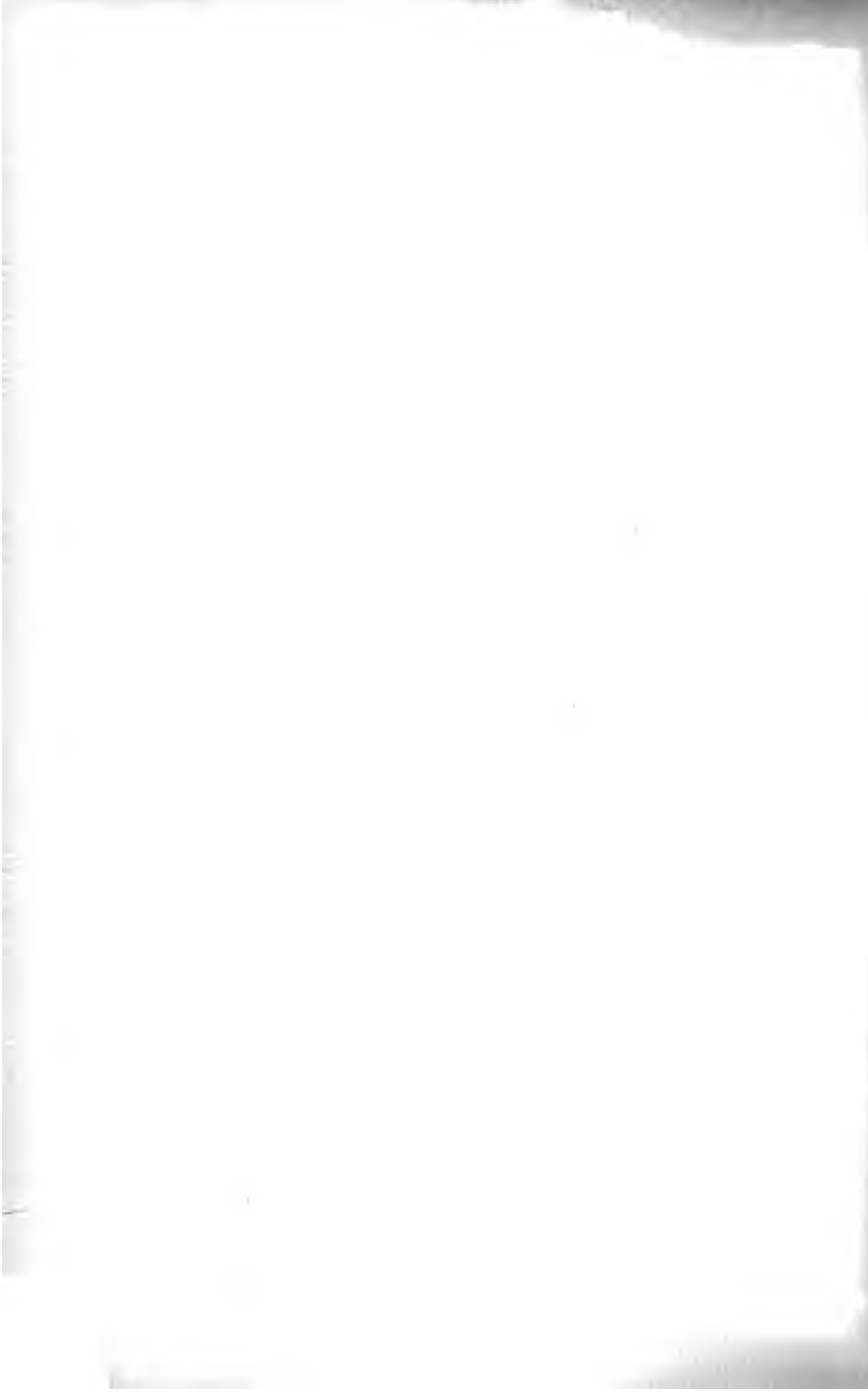
Въ саду жужжанье,
Веселый свистъ и пискотня,
Чиликанье и щебетанье.
Бурьянъ разросся у плетня;
По яркой зелени сирени
Перебѣгаютъ свѣтъ и тѣни;
Приподнялся сквозной стѣной
Межъ яблонь вишенникъ густой.
Вонь стволъ березы серебрится,
Она пряма и высока,
Отъ вѣтра шапка шевелится
И вдоль протянута рука.
И тутъ, и тамъ поникли ивы;
Кругомъ трава, цвѣты,
Дорожекъ узкіе извивы,
На нихъ поблеклые листы.

14 — Печально Саша покидала
Свой домъ. Одѣтая къ вѣнцу,
Въ цвѣтахъ безъ слезъ она рыдала
И въ ноги бросилась къ отцу:
„Простите! Можетъ, я грубила!...“
— Прости меня! — отецъ сказалъ
И крѣпко дочь поцѣловалъ.
Старушка Сашу обнимала:
„Дитя мое! Господь съ тобой!
Будь счастлива въ семьѣ чужой!“
Роняя слезы, поправляла
Повязку и цвѣты на ней, —
И пара вороныхъ коней
Невѣсту со двора умчала.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

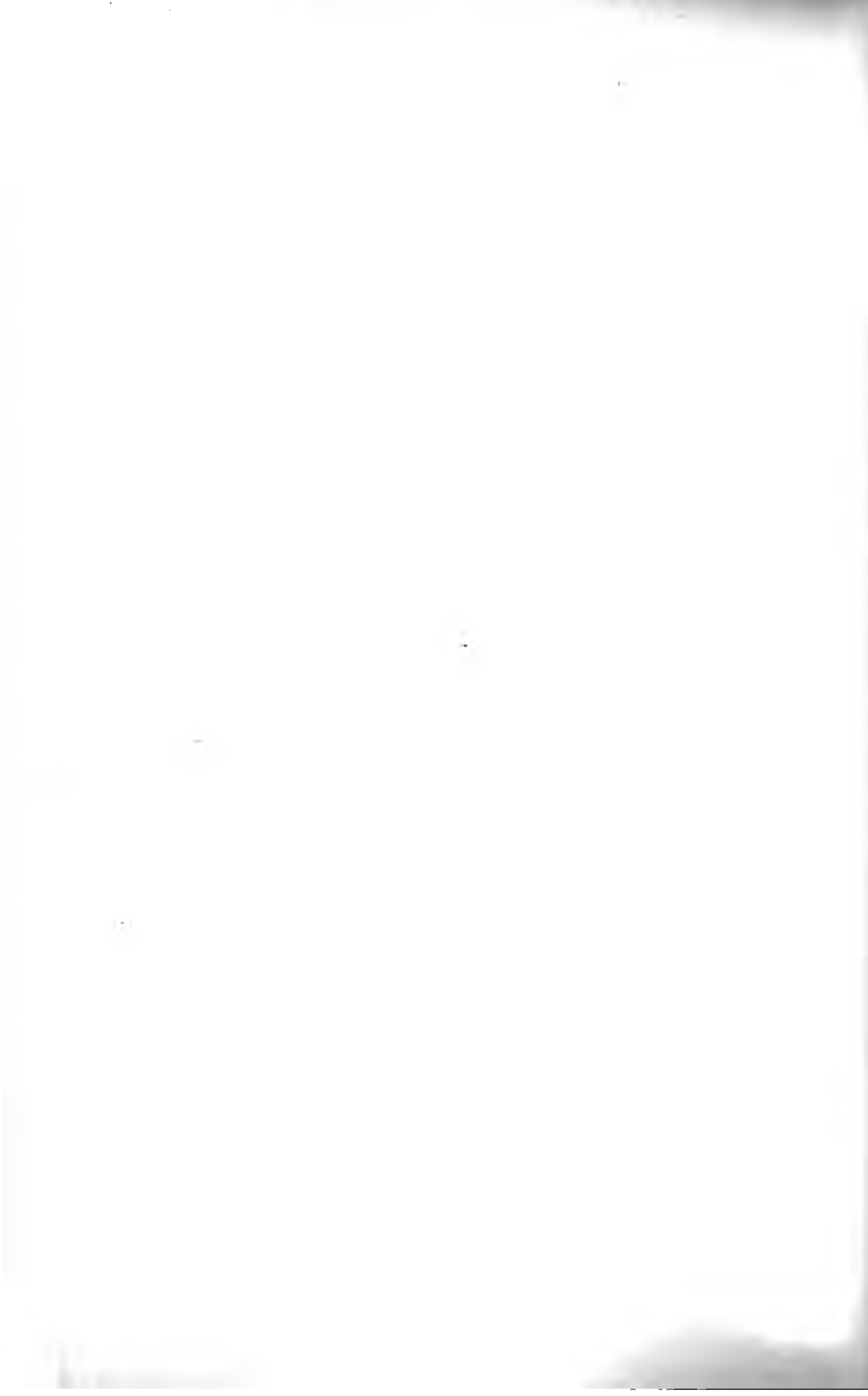
Приложенія къ соч. И. С. Никитина. Т. II.

I.

КУЛАКЪ.

(въ первоначальномъ видѣ).

КУЛАКЪ.

(ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВИДѢ).

I *).

Вадится солнце. Тучь громада
Покрыта краской золотой.
Рѣка зардѣлась. Жарь дневной
Смѣняетъ вечера прохлада.
Вдоль гати тянется обозъ,
Пестрѣютъ сѣно и солома,
Рубахи, шапки... У паромъ
И шумъ, и крикъ за перевозъ.
Кругомъ безлюдье. Свѣтлой сталью
Блестить, заснувшая въ тиши,

*) Картина города, которою начинается поэма (во всѣхъ трехъ редакціяхъ), принадлежитъ Воронежу, одному изъ живописнѣйшихъ губернскихъ городовъ Россіи. Видъ на городъ съ юго-восточной его части великолѣпный: городъ раскинулся по горамъ, у подошвы которыхъ широкою лентою извивается рѣка Воронежъ, образующая небольшіе острова на всемъ двухверстномъ протяженіи между городомъ и слободою *Придачей*. На одномъ изъ этихъ острововъ, подъ самымъ городомъ, по лѣвой сторонѣ отъ моста, возвышается двухъ-этажное зданіе, такъ называемый *Цейхаузъ*, — един-

Вода озеръ; сквозь камыши,
Идутъ луга зеленой гладью;
За ними поле разлеглось,
Краями въ небо уперлось.
Вотъ глушь-то наша, глушь родная!
Въ поляхъ просторъ, чтѣ дымъ туманъ...
Въ туманѣ лѣсъ, село, курганъ,
Березка, тучка дождевая,
Дорога, нива да трава,
Небесъ пожаръ и синева.

И ты, рѣка, давно знакома...
Бывало, вырвешься изъ дома —
Скорѣй сюда! Прилежъ въ траву,
И снятся дивы на яву....
Тамъ коршунъ плылъ подъ облаками —
И словно замеръ въ тишинѣ;
А тутъ въ прозрачной глубинѣ
Ракиты шевелятъ листьями,
Макушками всѣ внизъ растутъ;
Мартышки, ласточки снуютъ...
И съ золочеными крестами
Повисли церкви... Рай земной!
Вдругъ слышишь шумъ: надъ головой
Мгновенно утка промелькнула
И камнемъ въ озеро нырнула...

ственно уцѣлѣвшая постройка время Петра Великаго. Нѣ-
сколько поодаль отъ Цейхгауза, виднѣются съ гати и моста,
постройки моекъ купца Капканщикова, расположенныя на
другомъ островѣ. При Петрѣ Великомъ эти острова соеди-
нились съ городомъ мостами. На нихъ и противоположномъ
берегу, близъ Успенской и Богословской церквей, сосре-
дотчивалась вся кипучая дѣятельность великаго Преобразо-
вателя. Дворецъ его находился на мѣстѣ теперешнихъ моекъ;
жилища же его сотрудниковъ были расположены по близости
Успенской церкви.

А въ озерѣ — и рыбы плескъ,
И отъ воды и солнца блескъ...
О, дѣтство, дѣтство!.. Прочь съ дороги,
Украдкой прожитая былъ!
Не подымай въ душѣ тревоги,
Не отряхай забвенья пыль...
Вонъ, въ сторонѣ бѣлѣтъ зданье,
Оно глядѣло въ свой чередъ
На небывалое созданье, —
Въ степной глуши рожденный флотъ.
Въ тѣ дни здѣсь много было шуму,
Здѣсь думалъ царственную думу
Неутомимый человѣкъ.
Тотъ шумъ утихъ... Гдѣ жизнь кипѣла,
И былъ царя приютъ простой,
Купецъ усердною рукой —
Одинъ почтилъ святое дѣло:
Часовню выстроилъ и въ ней
Затешилъ набожно елей.
Всему пора. Идутъ постройки,
Какъ встарь, и въ наши времена...
По берегамъ бѣлѣютъ мойки,
Скирдами шерсть навалена.
Подрось и городъ. Въ изголовье
Онъ положилъ полей приволье;
Плечами горы придавилъ,
Ногой на берегъ наступилъ,
И, ближнихъ селъ дешевой данью,
До пояса отъ головы,
Покрылся каменною тканью
На мѣсто грязи и травы *).

*) Рѣчь идетъ о превосходной гати, сооруженной между слободою „Придачей“ и Воронежемъ, при помощи крестьянъ, употребленныхъ на работу за казенныя недоплатки.

Но грустно, что въ семьѣ громадной
Высоко-поднятыхъ домовъ,
Какъ нищѣ, въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ.
Въ дырявыхъ шапкахъ, съ костылями,
Онѣ ползутъ по крутизнамъ
И смотрятъ тусклыми очами
На богачей по сторонамъ.
Того и жди: гроза подуетъ, —
И полетятъ онѣ въ оврагъ...
Таковъ и домикъ, гдѣ горюетъ
Знакомый давній мой — Кулакъ.
Туда пѣшкомъ идти далеко,
Развернемъ самолетъ-коверь —
И, прямо отъ рѣки широкой,
Перелетимъ къ нему на дворъ.
Ну, съ Богомъ, въ путь! Въ глазахъ мелькая,
Назадъ несется пестрота:
Заборы, кровли, ворота,
Оврагъ, тропинка, мостовая,
Калачникъ, окны кабака,
Телѣга съ гробомъ, двѣ дѣвчонки,
Зеленый садъ, стѣна, избенки,
Стой! Вотъ и домикъ Кулака.

Онъ старъ и на бокъ покосился,
Карнизъ подгнилъ и опустился,
Потрескалась, куда ни глянь,
На крышѣ скорченная дрань;
Растрепанными волосами,
Повисла пакля вдоль стѣны;
Изъ-подъ дырявой пелены,
Натасканная воробьями,
Солома съ перьями торчитъ.

Одно окошко внизъ глядитъ,
Другое, — нѣтъ отъ крыши воли, —
Взвилось бы прямо къ облакамъ;
Въ немъ половинки красныхъ рамъ,
Чтѣ вѣки красныя отъ боли,
Мигаютъ въ вѣтеръ... Глазъ — да вотъ
Однѣхъ рѣсницъ не достаетъ...
Растетъ трава вокругъ крылечка.
Но садъ... Въ садъ послѣ завернемъ,
Теперь мы въ горенку пойдѣмъ.
Она чиста. Икона, печка,
Съ посудой шкафъ, сосновый полъ.
Кровать подъ пологомъ, да столъ,
Скамейка, лавка, стулъ безъ спинки,
Комодъ пузатый подъ замкомъ...
Все старина, за то соринки
Тутъ не примѣтишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка добрая, здорово!
Ты вѣчно съ варежкой въ рукѣ
И въ этомъ бѣломъ колпакѣ!
И все молчишь. Промолвишь слово
Отъ скуки съ дочерью родной,
Да и поникнешь головой.
Печаль, домашнія невзгоды,
Нужда тяжелая, да годы
Повысушили до поры
Тебя, какъ травушку, жары.
Поникла голова, чтѣ колось,
И побѣлѣлъ твой русый волосъ..
Одна незлобная душа
Осталась въ горѣ хороша.

И ты, красавица, съ работой
Сидишь, какъ мать, передъ окномъ:
Одной привычною заботой
Вы вѣчно заняты вдвоемъ.
Глядишь на улицу тоскливо...
Румянецъ яркій на щекахъ,
Но спицы движутся сонливо
И дремлетъ варежка въ рукахъ.
О чемъ тоска? Откуда скука?
Глаза — огонь, коса — смола,
Какъ бѣлый воскъ рука бѣла...
Простора нѣтъ? неволя — мука?..
„Постой, старушка говоритъ:
Гдѣ поминанье-то лежитъ,
Не знаешь, Сашенька?“

— Не знаю. —

„Вотъ надо на погостъ сходить
И панихиду отслужить —
То некогда, то забываю...“
— Задаромъ служить-то? —

„Все Богъ!

Я варежки продамъ...“

— Богаты!..

А у меня вездѣ заплаты,
Да башмаки скочили съ ногъ;
Пошла бы въ церковь, ради скуки, —
Сиди! —

„Отъ этого не стать

Родителей не поминать;
Покуда есть глаза да руки,
Нужда — не смертная бѣда...“

И мать умолкла. Тучь гряда
Въ огнѣ зори понакалилась,

Свернулась въ кучу, поплыла,
И, померкая, за поля
Горою темною скатилась.
Неслышно тѣни подошли,
Въ окошко медленно вползли,
Въ углы и за кроватью стали.
И мать и дочь давно молчали...
Блеснулъ и мѣсяцъ, вѣстникъ сна,
Но звуки спиць не умолкали:
Имъ не знакома тишина.

Поди ты, думала старушка:
Скучаетъ дочь, невесела...
Вѣдь, вотъ ребенкомъ-то была
Такая бойкая рѣзвушка, —
И не уймешь ея никакъ!
Бывало, утро чуть настанетъ,
Плутовка куколки достанетъ,
Толкуетъ съ ними: „Ты вотъ-такъ
Сиди, ты глупая дѣвчонка;
Ты, барыня, сиди вотъ тутъ,
А ты прислуга, старый плутъ,
Давай имъ чаю...“ И ручонкой
Начнетъ ихъ эдакъ тормошить.
Возьметъ подастъ имъ на бумажкахъ
Водицы въ желудовыхъ чашкахъ,
И скажетъ: „ну, извольте пить,
Вотъ чай...“ А вечеромъ, бывало,
Къ себѣ подружекъ соберетъ,
Болтаетъ съ ними, чтѣ попало,
Хохочетъ, бѣгаетъ, поетъ...
Вотъ словно колокольчикъ звонкій,
Веселый смѣхъ и голосъ тонкій
Въ обѣихъ горенкахъ звенить.

Отецъ, бывало, закричить:

„Уймися, говорю, вострушка,
Не то я больно поѣку!“

Она присядетъ къ уголку

И лобикъ сморщить, какъ старушка,

И все молчить... Отецъ съ двора, —

Опять потѣшная игра!

Со стороны глядѣть — отрада...

Да правда, какъ и не скучать:

Ей не съ кѣмъ слова-то сказать...

Куда мы ходимъ? Тутъ, досада,

Сосѣдъ къ намъ сваху засылалъ,

Старикъ зачѣмъ-то отказалъ;

А дѣвка-то была какъ рада!

Женихъ съизмала ей знакомъ...

О-охъ, бѣда мнѣ съ старикомъ!

Однако темно. Надо свѣчку.

И вставъ, она открыла печку,

Лучину тонкую взяла,

И дуть на уголь начала.

Черезъ минуту заскрипѣло

За дверью шаткое крыльцо.

Вошелъ Кулакъ. Его лицо

Отъ зноя солнца загорѣло.

Угрюмъ и зорокъ смѣлый взглядъ,

Щетиной жесткою торчать

Густыя брови. Лобъ широкой

Изрытъ морщинами глубоко,

И темень волосъ, но сѣда

Подстриженная борода.

Ростъ не великъ и не умалень,

Упруги жилы крѣпкихъ рукъ,

Картузь расплющенъ и засалень,

До пятокъ нанковый сюртукъ.

„Небось, усталъ? жена сказала:
Поди-ка руки-то умой...
Вотъ полотенце. Да водой
Не брызгай на полъ!“

Саша встала,
Въ ведеркѣ квасу принесла
И въ чашкѣ луку натолкла.
Кулакъ за столъ не торопился;
Сюртукъ на лавку положилъ,
Да сверху картузомъ накрылъ;
Снялъ галстухъ, сапоги, умылся
И сѣлъ съ семьею.

„Экой квасъ!..“
Старушка, сморщившись, сказала.
— Разборчива ты съ дочкой стала:
Не угодить самъ чортъ на васъ!
Отвѣтилъ мужъ.

„Перекрестися!
За хлѣбомъ такъ не говорятъ“.
— Вѣстимо. Ну, сама трудися,
Я старъ, всѣ кости ужъ болятъ...
Покуда я кормить васъ стану! —
„Ну — вотъ и хлѣба жаль теперь,
А сваху проводилъ за дверь...
Намъ меньше было-бы изъяну
Вдвоемъ-то жить“.

— Хорошъ совѣтъ.
Богатъ, къ примѣру, твой сосѣдъ? —
„Намъ богача-то дожидаться, —
Вѣкъ Сашѣ дѣвкою остаться“.
— Дождемся, можетъ быть, не плачь:
На наше поле сядетъ грачъ. —
„Все такъ, старикъ, да не грѣшно-ли...“
— Ну, дальше!.. —

„Дочь-то принуждать!“

— Пересолила! Слышишь, мать!

Ну, да! Въ квасу-то много соли... —

„Пошло!.. Вы дайте хоть поѣсть!

Сказала дочь: попрекъ да ссора,

Минуты не пройдетъ безъ спора...

Вы думаете, вамъ и честь!“

— Молчать! не во время запѣла,

Смотри, языкъ не прикуси...

Поди — вотъ кашу принеси...

Вишь, умница! понаторѣла! —

Оконченъ ужинъ: каши нѣтъ,

За то былъ съ кашею обѣдъ.

Лукичъ привсталъ, перекрестился,

На Сашу крупно побранился —

Зачѣмъ, дескать, досель окно

На улицу отворено,

И легъ. Но, занятый заботой,

Онъ думалъ думу съ полчаса,

Смыкая нехотя глаза,

Полуобъятые дремотой:

Ну, завтра ярмарка. Авось

На хлѣбъ добуду. Плохо стало:

Хлопѣтъ, что дровъ въ лѣсу, — не мало,

А прибыли отъ нихъ — хоть брось.

Другимъ, къ примѣру, удастся:

Казна валится, точно кладъ,

А ты копѣйкѣ былъ-бы радъ,

Такъ нѣтъ — гдѣ тонко, тутъ и рвется;

Порой, — чтѣ въ домъ и попадаетъ,

Нужда метлою подметаеть.

Вотъ дочь невѣста... Все забота...

И сватають, да нѣтъ разсчета:

Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
Да голь большая, вотъ причина!
Что честь-то, коли нѣтъ алтына:
Далеко съ нею не уйдешь...
Одно — душѣ да сердцу мука:
Передъ зажиточнымъ плутомъ
И честный спину гнетъ кольцомъ;
Нужда — мудреная наука...
Мнѣ дочь и жаль! Я человѣкъ,
Отецъ, къ примѣру... да не вѣкъ
Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ...
„Лукичъ — Кулакы!“ кричитъ весь городъ,
Кулакъ!.. Душа-то не сосѣдъ:
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
Будь зять богатый, будь помога, —
Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай Богъ мнѣ пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть женихъ... навѣрно, знаю
Богатъ, не долженъ никому,
И Саша нравится ему...
Давно я сваху поджидаю...
И тяжело Кулакъ вздохнулъ,
Перевернулся и заснулъ.

III.

Быть можетъ, на другой ступени,
Въ иномъ быту, съ инымъ отцомъ,
Кулакъ не зналъ бы праздной лѣни
И просто — не былъ кулакомъ.
Но много-ль тѣхъ, кто полный силы,
Какъ воинъ, правдѣ послужилъ,

Напрягъ всѣ мускулы и жилы
И зло, какъ змія, раздавилъ?
Кто среди грязи, подъ грозою,
Остался чистъ, какъ серебро,
И крѣпкой каменной горою
Стоялъ за правду и добро?
Великъ добра подвижникъ строгій,
Кто велъ всю жизнь борьбу со зломъ
И не свернулъ съ прямой дороги,
Пройдя безстрашно подъ огнемъ!
Но если-бы и этотъ пламень
Ты вынесъ, воинъ правоты,
Остановись, поднявши камень
На жертву зла и нищеты!
Сдержи свое негодование,
Не будь презрѣннымъ палачемъ:
Твой братъ передъ твоимъ судомъ,
Съ правами на твое вниманье.
Быть можетъ, въ грязной нищетѣ,
Корою грубости закрытый,
Добра зародышъ неразвитый
Горитъ, какъ свѣчка, въ темнотѣ.
Быть можетъ, жертвѣ заблужденья
Доступны рѣдкія мгновенья,
Когда казнить она свой вѣкъ
И зло проклятьемъ поражаетъ,
Какъ человѣкъ, въ душѣ страдаетъ
И думаетъ, какъ человѣкъ.

Еще ребенкомъ, нестѣсенный,
Въ привычкахъ жизни обыденной,
Кулакъ бездѣлье полюбилъ.
Отецъ имъ мало занятъ былъ.
На воспитаніе мальчишки

Торгашъ имѣлъ особый взглядъ:
„Рости дескать, рости, сынишка,
Пойдешь по мнѣ, — я буду радъ;
Я и читать вотъ не учился,
Да сытъ живу, одѣтъ, обутъ...“
Но подъ хмѣлькомъ всегда сердился:
Ты, дескать, баловень, ты плуть...
И сына за вихоръ поймаешь,
Такъ, ни за что! ну, вотъ, молю, знай!
Дереть, дереть, до слезъ таскаетъ.
И молвить: ну, ступай — играй!
А мать свое хозяйство знала:
Въ печи дрова съ расчетомъ жгла,
Горшки да чашки берегла
И словъ напрасно не теряла, —
Когда зимой, по цѣлымъ днямъ,
Забросивъ азбуку съ указкой,
Карпушка лазить по горамъ,
Таская за собой салазки;
Иль въ бабки, лѣтнею порой,
Былъ занятъ вѣчною игрой.
Въ мальчишкѣ рано проявилась
Наклонность къ сдѣлкамъ, плутовству
И мелочному воровству,
И постепенно обратилась
Въ привычку. По чужимъ садамъ
Онъ лазилъ смѣло. По полямъ
Шатался. Въ рожь зайдетъ, бывало:
Отъ жару потъ съ него течетъ..
И солнце въ голову печетъ...
Лежитъ себѣ — и нужды мало,
И смотреть весело кругомъ.
Чуть бабочка на колось сядетъ,
Онъ къ ней подкрадется ползкомъ,

Ручонку смуглую протянетъ —
И разомъ схватитъ. Разглядитъ
Всю спинку, усики и глазки,
На крылышкахъ узоръ и краски,
И, улыбаясь, говорить:
„Ага! Вотъ я тебя, плутовку!..“
И оторветъ у ней головку.
Иль грачей въ гнѣздѣ найдетъ,
На половину острижетъ:
Къ ногамъ веревочки привяжетъ,
И мальчику сосѣду скажетъ:
„Слышь, Ваня, у меня, грачи,
Давай мѣнять на калачи!“
И если тотъ пойметъ уловку
И калачи побережетъ,
Карпушка птицъ въ оврагъ швырнетъ
И дастъ сосѣду потасовку,
А послѣ прибѣжитъ домой
И плачетъ. Мать его ласкаетъ:
„О чемъ же ты, голубчикъ мой?“
— Ванюшка, сынъ ей отвѣчаетъ,
Моихъ грачей закинулъ въ ровъ
И надавалъ мнѣ тумаконъ. —

И долго росъ онъ безъ заботы,
Покуда вздумалось отцу
Отдать наслѣдника къ купцу...
Тутъ мелкихъ плутней обороты
Карпушка тонко изучилъ;
Купецъ помощника хвалилъ:
— Торговецъ ловокъ, не зѣваетъ,
Продастъ — руки не замараютъ. —
И малый точно не зѣвалъ:
Карманъ свой плотно набивалъ.

Межъ-тѣмъ отецъ его скончался;
Пошла и мать за старикомъ
Въ сырую землю. Сынъ остался
Одинъ. Поссорился съ купцомъ
И, наконецъ, его оставилъ.
Снялъ лавку, дегтю накопилъ,
Лопать и лыкъ понавалилъ,
Женился, дворъ кругомъ оправилъ,
И домикъ заново покрылъ.
Но счастье не далось въ руки:
Легко нажитый капиталъ
Въ три года онъ проторговалъ,
И запилъ съ горя и отъ скуки...
Искать мѣстечка — стыдъ большой!
Искать рѣшился, — отказали...
А ремеслу не обучали.
Подумалъ и махнулъ рукой:
Тьфу, чортъ возьми! Да что за горе!
Авось безъ хлѣба не умру!
Пойду на рынокъ поутру,
Такъ вотъ и деньги. Рынокъ — море,
Тамъ рыба есть, умѣй ловить,
Небось достанетъ, чѣмъ прожить...
И съ той поры, лѣтъ тридцать сряду,
Онъ всякой дрянью промыслялъ.
И Кулака весь городъ зналъ
По разнымъ плутнямъ, по наряду,
И загорѣлому лицу.
Онъ покупалъ ягнятъ, шетину,
Пеньку и нитки, и холстину,
Коня знакомому купцу,
Овесъ, и все, что попадалось,
И что надѣялся онъ сбыть
Другому съ выгодой. Случалось

И попустому проходить
На рынкѣ съ ночи до разсвѣта
И. не поужинавъ, заснуть...
За то Кулакъ умѣлъ блеснуть
Подъ часъ серебряной монетою.
Когда, бывало, мужичекъ
Цѣны съ товара не сбавляетъ,
Онъ выхватить свой кошелекъ,
На воздухъ имъ помотаетъ
И крикнетъ: „ты вотъ — посмотри!
Вѣдь, у тебя купецъ торгуешь,
Иной, алтынникъ, да надуешь,
А тутъ, братъ, денежки бери!“

IV.

Флагъ поднять. Ярмарка открыта.
Безоблаченъ и жарокъ день.
Изъ ближнихъ селъ и деревень
Народомъ площадь вся покрыта;
Толпа безъ устали кишить.
Тутъ пестрота! Въ глазахъ рябитъ!
Понявы, кички, бисеръ, ленты,
Сережки съ пухомъ, позументы,
Раструбистые кафтаны,
Рубашки, шапки, зипуны,
Доска на шляпѣ съ калачами,
Сѣдой старикъ со связкой лыкъ,
Со шпагой красный воротникъ, —
Все копошится за дѣлами!..
Въ рукахъ-то! Боже мой, товаръ!
Щетина, гребни, веретены,
Индѣйки, перья, холстъ крученный,
Безъ носа желтый самоваръ,

На палкѣ сапоги съ гвоздями...
Тутъ смѣси! въ лавкахъ напоказъ,
Приманка хитрая для глазъ:
Развѣшенъ ситецъ полосами,
Мотаются — тесьма, платки,
Развернутые кушаки
И шали съ яркими цвѣтами;
И каждый цвѣтъ глядитъ живьемъ
Подъ жгучимъ солнечнымъ лучемъ.
За лавками лотки, лопаты,
Разсохи, улича горшковъ,
Колеса, лыки и ушаты,
И груды ведеръ и ковшовъ.
Вотъ парень съ чашками понагнулся,
Одну беретъ и обернулся,
Глядитъ, — и чашка передъ нимъ
Сверкаетъ краемъ золотымъ.
Стой! Давка! Спорять съ мужиками,
За клячу пѣгую, купцы.
И Лазаря поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Ну, мимо! Чернью окруженный,
Подъемлетъ флагъ свой испещренный,
Холстомъ обтянутый, кабакъ.
За нимъ какой-то шарлатанъ,
Весь въ розовомъ, въ мишурныхъ блесткахъ,
Кривляясь бойко на подмосткахъ,
Зоветь въ свой грязный балаганъ
Толпу веселаго народа —
Смотрѣть на рожи обезьянъ
И пляску кукольнаго сброды;
А влѣво, на конѣ верхомъ,
Трусить цыганъ въ рубахѣ красной

И божится: „а лжешь напрасно,
 Ему не двадцать лѣтъ, а пять!
 Жены, дѣтей мнѣ не видать...“
 Веселый говоръ, шумъ торговли,
 Визгъ поросятъ и дудокъ пискъ,
 И смѣхъ, и пѣсни, брань и крикъ —
 Все въ гулъ слилось. Межъ-тѣмъ оглобли
 Глядятъ на тысячи головъ,
 Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ *).

Кулакъ на площади съ разсвѣта...
 Успѣлъ ужъ выпить, закусить,
 Купить два старыхъ пистоleta
 И съ выгодой кому-то сбыть.
 Теперь близъ бабы загорѣлой,
 Одѣтой въ бѣломъ зипунѣ,
 Онъ мечется, какъ угорѣлый,
 Упрямо споря о цѣнѣ
 За толстый холстъ:

„А ты, молодка,

По сторонамъ-то не смотри,
 Твой холстъ, къ примѣру, не находка...
 Почему аршинъ-то? — говори!“
 — По гривнѣ, я тебѣ сказала,
 Вонъ и другіе такъ берутъ. —
 „Ну, вотъ! куда ты указала!
 Тамъ по три гроша отдають“.
 — И, що ты! Аль я одурѣла!
 Да мнѣ четыре за аршинъ
 Сулилъ какой-то мѣщанинъ,
 И то отдать я не хотѣла. —
 „Онъ какъ собой-то?“

— Рыжевать. —

*) Воронежскія ярмарки, происходящія на площадяхъ —
 Базарной, Щепной и Конной, имѣють совершенно сельскій
 характеръ.

„Ну такъ! Съ карманникомъ связалась!
Эхъ, дура! Ты не догадалась!
Его ужъ потащилъ солдатъ,
Поймалъ...“

И съ бабою онъ спорилъ,
Голубушкою называлъ,
Разъ десять къ чорту посылалъ
И напоследокъ урезонилъ,
Изъ-подъ полы аршинъ досталъ,
Разъ!.. разъ!.. и смѣрена холстина.
„Гляди вотъ — двадцать три аршина.“
— Охъ-ма! Тутъ двадцать семь какъ разъ. —
„Что у тебя — иль нѣту глазъ?
Аршинъ казенный! Понимаешь!
Вотъ, на! — Не видишь? — два клейма.. “
— Да какъ же такъ? —

„Не довѣряешь!“

— Я мѣрила, родной, сама. —
„Тьфу, грѣхъ какой! Вѣдь, я съумѣю
Безъ краденой холстины жить,
Глаза что-ль ею мнѣ накрыть,
Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю...“

И онъ подъ мышку положилъ
Покупку. Въ кошелькѣ порылся,
Пяти грошей не доплатилъ,
И съ бабой весело простился.
„Эй, голова! почему мука!
Спросилъ онъ громко мужика.
— Чего кричать-то попустому!
Мужикъ съ досадой отвѣчалъ:
Ты, братъ, намеренъ покупать,
Сказалъ — себѣ, привелъ къ другому,
А тотъ съ двора меня согналъ. —

Кулакъ смолчалъ и отвернулся,
Прищурясь, поглядѣлъ вокругъ,
Пошелъ-было въ толпу — и вдругъ
Съ помѣщикомъ въ очкахъ столкнулся!
„Мое почтенье-съ, Климъ Кузьмичъ!
Не купите-ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!“

— Ба, ба! Лукичъ!

Ты не забылъ свою привычку!
По-прежнему торгуешь всѣмъ? —
„Что дѣлать! Сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А 'бричка дешева-съ. Купите.“
— Нѣтъ, я на бричку не купецъ...
Не попадется-ль жеребецъ?
Вотъ не найду нигдѣ, — мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть...
Караковый...

„Есть, сударь, есть...“

Порода — просто удивленье!“
— Онъ не съ порокомъ-ли, Лукичъ?
Ты плутъ естественный, я знаю. —
„Нѣтъ-съ, извините, Климъ Кузьмичъ,
Я васъ съ другими не сравнию.
Тутъ случай, сударь. Дворянинъ,
Къ примѣру въ карты проигрался.
Весь, какъ въ пуху, въ долгахъ. Остался
У бѣдняка рысакъ одинъ.
Ну, конь! Ей-Богу, заглядѣнье!
Вотъ недалеко, сударь, домъ,
Коли угодно, завернемъ,
Посмотримъ“.

— Сдѣлай одолженье...

А помнишь-ли, купилъ ты мнѣ

Собаку какъ-то по веснѣ?

„Плохенька развѣ?“ —

— Околѣла.

Не взялъ бы чортъ знаетъ чего! —

„Охотиться не захотѣла, —

Поможемъ, сударь... Ничего!

Охъ, тутъ-вотъ есть у офицера

Собака... кличку-то забылъ,

Вчера деньщикъ и говорилъ...

Ну и животное, къ примѣру!

Брось въ воду гривенникъ, — найдеть!

Вотъ вамъ купить-то...“

— Радъ душою.

А для чего-жъ онъ продаетъ? —

„Что дѣлать станете съ нуждою!

Наслѣдство дядя обѣщаль,

А при смерти не завѣщаль.

Ѣсть нечего... Семья большая...“

— А, вотъ что!—баринъ отвѣчалъ

И, гибкой тросточкой играя,

Поглядывалъ по сторонамъ

И напѣвалъ: „тири-тарамъ!..“

V.

„Я говорилъ вамъ, недалеко“,

Кулакъ помѣщику сказалъ

И съ мезониномъ домъ высокой

Аршиномъ бойко указалъ.

„Вонъ кучеръ... рыжая борода!

Конюшни что-ли не видалъ?

Поди сюда!.. Заковылялъ...

Эхъ, ты, утиная походка!

Что баринъ дѣлаетъ!“

— Пьетъ чай. —

„Потише ротъ-то разъвай...
 Пьетъ чай! Не кучеръ ты, — дубина!
 Вишь лѣнь и шляпу приподнять,
 Гвоздемъ прибита?

— Можемъ снять... —

„Ну, то-то можемъ... Эхъ, дѣтина!
 Поди, намъ покажи пока
 Продажнаго-то рысака.
 Вишь ковыляется .. вотъ потѣха!
 А знаете-ли, Климъ Кузьмичъ,
 (Лукаво продолжалъ Лукичъ),
 Снаровка дѣлу не помѣха,
 Ему на водку надо дать;
 Вѣдь, и дуракъ подъ часъ годится,
 Я знаю, онъ не постыдится
 При сдѣлкѣ барину сказать,
 Что нашъ-де конь намъ не подходитъ,
 И кормъ-де въ прокъ ему нейдетъ...
 Ей-богу-съ! Этотъ хамскій родъ
 Господъ частенько за носъ водить“.
 — Все смыслишь, баринъ отвѣчалъ,
 И кулаку полтинникъ далъ.
 Старикъ смолчалъ и торопливо
 Пошелъ въ конюшню, кнутъ схватилъ,
 Въ карманъ полтинникъ опустилъ,
 И молвилъ кучеру: „ну, живо!“
 — Да что, статья не подойдетъ:
 Съ запаломъ конь-то, зареветъ. —
 „Ты не крути, держи умнѣ...
 А ну-ка, дорогой рысакъ,
 Держись, дружокъ! Вотъ такъ! Вотъ такъ!
 Тсс!.. прр! на дворъ его скорѣ!“
 И бѣдный конь черезъ порогъ
 Вдругъ сдѣлалъ бѣшенный скачокъ,

Глазами дико покосился
И началъ землю рыть ногой...
Кулакъ назадъ посторонился:
Вишь, дескать, бойкой стальъ какой.
Помѣщикъ подошелъ. Рукою
Коня по шеѣ потрепалъ,
И съ лоскомъ — гривую густою
Полюбовался, холку взялъ,
Поправилъ на бокъ. Осторожно
Ощупалъ ноги, мышки, грудь,
И молвилъ: надобно взглянуть
На зубы. „Очень возможно“,
Плечистый кучеръ отвѣчалъ
И зубы рысаку разжалъ.
„Э, конь-то молодой... три года.
Лишь стальъ окраины ронять.
А ну, нельзя-ли пробѣжать?..
Стой! стой! Да, недурна порода!“
— Вы не забудьте, что рысакъ,
Сказалъ въ полголоса Кулакъ.
Да вотъ идетъ и самъ хозяинъ.
Мое почтенье-съ...

— Погоди!

Твое почтенье впереди... —
Замѣтилъ коренастый баринъ,
Въ халатѣ съ трубкою въ зубахъ,
Въ сафьянныхъ желтыхъ сапогахъ.
И, шаркнувъ лѣвою ногою,
Два пальца Клима Кузьмича
Пожалъ онъ жилистой рукою,
И забасилъ: „рублю съ плеча,
Безъ церемоній докладаю:
Скобѣевъ, здѣшній старожилъ,
Въ комиссіи подъ лямкой былъ,

Теперь въ отставку прозябаю...

А вы, почтеннѣйшій? "

— Лукинъ,

Помѣщикъ. —

„Стало — дворянинъ;

Имѣете и родовое? "

— Да, было... есть, да небольшое. —

„Служили гдѣ-нибудь?

— Въ полку. —

„Не захотѣли? "

— Надоѣло. —

„Ну, въ штатскую! съ перомъ за дѣло.

Въ тепло! А въ тепломъ уголку

И благодать васъ не забудетъ... "

— Да лѣнь беретъ и нѣтъ нужды. —

„Ха, ха, люблю! А если будетъ? "

— Ну, по-неволѣ за труды. —

„Какъ водится. Пока свобода...

Не правда-ли? "

— Покуда такъ.

А дорогъ-ли у васъ рысакъ? —

„Четыреста... Одна порода

Дороже стоитъ. "

— Можетъ быть.

Нельзя-ли сотню уступить? —

„Я не торгашъ, предупреждаю ..

Четыреста давно даютъ,

Придти хотѣли — и придутъ... "

Все вретъ, Кулакъ подумалъ, знаю ..

И молвилъ: „я и приводилъ. "

— Молчать! — Скобѣевъ перебилъ.

„Я не обидѣлъ васъ словами,

Какъ знаете: я сторона...

Не дорогая, молъ, цѣна,

Я вотъ-что...“

И Кулакъ руками

Развелъ съ досады: вишь, хитриты!..

Меня то чѣмъ онъ наградить?..

Я разомъ кончу... И украдкой

Шутя помѣщику сказалъ:

„Скобѣевъ пятится, сплошалъ!“

Лукинъ стоялъ въ недоумѣнны, —

Поглядывалъ на рысакъ:

Картина конь! — на Кулака.

Кулакъ былъ въ страшномъ нетерпѣнны:

Усами шевелилъ, мигалъ,

Къ карману руки прикладывалъ...

Не прозѣвай, молю, что ты смотришь!

Покаешься, да не воротишь!

Мнѣ что! я не желаю зла!..

И сдѣлка кончена была...

„Покупку сырсынемъ? Надо, надо!

Скобѣевъ весело басилъ:

Да, да! Ахъ, чортъ возьми! досада...

Жена на ярмаркѣ... забылъ!

Ключи-то увезла съ собою...“

Вонъ, подъ окномъ она сидитъ,

Кулакъ подумалъ: экой жидъ!

— Извольте деньги. Пусть за мною

Ведутъ коня... —

„Да какъ же быть,

И не хотите покурить?“

— Благодарю васъ. Нѣтъ желанья. —

„Ну, извините. До свиданья“.

Лукинъ къ воротамъ повернулъ

И Кулаку рукой махнулъ.

„Цѣлковый за труды... довольно?“

— Довольно-съ... —

„А Скобѣвъ скотъ!

Онъ, кажется, свиньей живетъ!“

— Свиньею-съ... То-то вотъ и больно:

На карты прочить. —

Гмм... Когда-жъ

Ты о собакѣ знать мнѣ дашь?“

— Порою, часъ въ торговлѣ дорогъ...

Пойдемте, сударь... Я готовъ“.

— Теперь, я занятъ... —

„Мы съ двухъ словъ!..“

— Нельзя. До завтра. Срокъ не дологъ...

Прощай покуда до утра.

VI.

— Ну, слава Богу! съ плечъ гора!

Кулакъ подумалъ: развязался!

Вотъ покупатель-то попался!

Вѣдь, съ виду смотреть молодцомъ,

Очками, тростью шеголяетъ

И на спинѣ колпакъ съ махромъ,

Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ;

А хорошенько разберешь,

Выходить такъ-себѣ... какъ глина,

Что хочешь изъ нея сомнешь.

Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина!

Добру съумѣла-бъ научить,

Да некому дубиной бить...

Не то дуракъ... развѣситъ уши

И слушаетъ, да вѣрить чуши:

Вотъ тутъ, молъ, баринъ оплошалъ.

Продулся въ карты, задолжалъ...

Какъ разъ! ему и проигратъся?

Да онъ удавится за грошъ...

„Эй, старый хрѣнь! Кого ты ждешь?
Пора въ свояси убираться“,
Съ крыльца Скобѣевъ забасилъ.
Кулакъ за козырекъ хватился
Картузъ подъ мышку положилъ,
И молвилъ: „ну, сударь, трудился!..
Весь лобъ въ поту“.

— Утрись возьми. —

„Утремся, баринъ... Я дѣтьми
За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ дать“.
— Я-бъ безъ тебя съумѣлъ продать;
Взялъ съ олного, ну, знай и мѣру...
А много заплатилъ Лукинъ? —
„Съ него возьмешь!.. Хоть-бы алтынъ!..
Такая выжига, къ примѣру“. —
— А врешь! —

„Не время безъ барыша:
И въ насъ, сударь, не парь, — душа“.
— Ха, ха, душа! Оно и видно...
Я-бъ далъ, — нѣтъ мелочи въ дому. —
„Да не шутите, сударь, стыдно!..
— Молчать! не то я ротъ зажму! —
„Благодаримъ! не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть?“
— Вѣдь, далъ Лукинъ? ты съ барышами:
Ну, и довольнымъ надо быть. —
„Хоть рубль-то дайте!..
— Чести много!..
Пожалуй, на — вотъ четвертакъ. —
„Себѣ возьмите, коли такъ.
Эхъ, баринъ, не боишься Бога!“
— Я говорилъ тебѣ молчать! —
„Потише, можно испугать...“

Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ...
Вишь умникъ, — дурака нашелъ!..⁴
И свой картузь Кулакъ надвинулъ,
Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Прохлада. Часъ зори вечерней.
Въ туманѣ прячутся деревни,
И все темнѣй, темнѣй въ дали.
За пашнями, изъ-подъ земли,
Выходитъ пламя полосами
И начинается, тутъ и тамъ,
Краснѣть по темнымъ облакамъ,
По синевѣ надъ облаками;
И смотришь, — неба сторона
Виситъ, — въ огнѣ потоплена.
Здѣсь просо, дремля, зеленѣтъ,
А тамъ вонъ, на краю небесъ,
Насупился сердитый лѣсъ;
Едва примѣтный, онъ синѣтъ...
Вотъ — словно туча приплыла
И въ полѣ ночевать легла.
Соха на пашнѣ опочила;
Дорога ровная мертва...
Вдругъ началъ перепелъ: вва, вва!
И замолчалъ.

Но пыль покрыла
Весь городъ. Съ ярмарки народъ
Вдоль улицъ весело снуетъ.
Стучать пролетки. За шарманкой
Мальчишки съ хохотомъ бѣгутъ,
Дразня жиды. Слѣпцы идутъ;
У нихъ и споръ, и перебранка.
Шумитъ толпа у кабака,
Подъ бойкій топотъ трепака.

Вотъ звуки пѣсни понеслися
 Все громче, громче... У воротъ
 Кухарки, кучера сошлися
 И сплетничаютъ про господъ.
 Отсталый жеребенокъ ржетъ;
 За нимъ мужикъ бѣжитъ съ арканомъ...
 Въ домахъ блеснули огоньки...
 Вотъ стукъ сторожевой доски
 Послышался, и ночь туманомъ
 Притихшій городъ залила,
 И свѣчи на небѣ зажгла...

Кулакъ въ свой домикъ возвращался...
 Онъ шелъ одинъ, безъ картуза,
 Вращая мутные глаза,
 И сильно въ стороны шатался,
 И вслухъ несвязно бормоталъ:
 „А вамъ-то чтó?... Вы чтó такое?
 Вишь, умники!.. Ну, погулялъ!
 Вѣдь, на свое!.. не на чужое!
 Что, Климъ Кузьмичъ, каковъ рысакъ?
 Съ запаломъ?.. Ну, впередъ — наука!
 На то, къ примѣру, въ морѣ щука,
 Чтóbъ не дремалъ карась... Да, такъ!
 Ты вѣрилъ на-слово... И ладно!
 Выходить дѣло, ты и глупъ!
 А мнѣ-то что?.. Мнѣ не накладно,
 Мнѣ благо, что купецъ не скупъ. —
 Э!.. А собаку-то, пріятель?..
 Молчишь... Сердить за рысака...
 Да! ты теперь не покупатель...
 И не нуждаюся пока!
 Да гдѣ я?.. Чтóbъ за чертовщина!
 Постой-ка осмотрюсь кругомъ...

Я помню, отъ угла мой домъ
Четвертый... Экая причина!
Дай, сосчитаю... вотъ одинъ,
Другой, и третій... больше нѣту...
Тутъ пустошь и какой-то тынъ...
Да какъ-же прежде пустошь эту
Я здѣсь ни разу не видалъ?
А! понимаю... догадался!
Я въ улицу не ту попалъ,
Выходить дѣло, заплутался..."

Добравшись до дому съ трудомъ,
Лукичъ на лавку опустился,
И крупной бранью разразился,
Объ столъ ударя кулакомъ:
— Стой! Смирно! Эй, Арина!
Постель готовъ мнѣ на полу...
Ты, дочка, что стоишь въ углу!
Картина, стало, а? Картина?
Ты, значить, дочь! Должна разуть!
Вотъ-такъ... не рви! ослабь маленько...
А сапоги-то не забудь
Помазать саломъ хорошенько. —

VII.

Веселый день сіялъ давно,
Когда Кулакъ отъ мухъ проснулся;
Зѣвнуль, лѣнливо потянулся
И настежь отворилъ окно.
Старушка, стоя передъ печкой,
Рубила свеклу острой сѣчкой
Въ корытцѣ. Желтый самоваръ,
Подъ потолокъ пуская паръ,
При свѣтѣ солнца красовался.

Передъ окномъ среди стола
И, грѣя чайникъ, потѣшался:
То, какъ рабочая пчела,
Жужжалъ, минуты не смолкая,
То, будто жукъ, гудѣлъ баскомъ
Сердито. Чашки вытирая,
Сидѣла Саша за столомъ...

Старикъ припоминалъ неясно,
Что бунтовалъ вчера напрасно;
Водою освѣжилъ лицо
И плюнулъ: „экое винцо!
Тошнить! Вчера я поздно
Пришелъ?“

— Да! — молвила жена. —
„А смирно легъ?

— Такой-то грозный!
Шумѣлъ, шумѣлъ... „Подай вина!“
Тутъ Саша на глаза попалась...
Бѣда! наслушались всего...
Спасибо въ садъ она прокралась,
Не то... —

„Не помню ничего...
Молитесь съ Сашею-то Богу:
Къ намъ сваха, можетъ быть, придетъ“.
— Опять на старую дорогу!
Ты видишь, дѣвка слезы льетъ,
И-ихъ, старикъ!

„И-ихъ старуха!
Не забывается сосѣдъ...
Вѣдь, я сказалъ, къ примѣру, нѣтъ!
Ну, — плетъ не перебьетъ обуха, —
И кончено!“

— Они давно
Другъ другу нравятся... —

„Вѣстимо!

Ты съ дочкой-то своей родимой
На всѣ проказы за одно“.

„Неправда, Саша отвѣчала,
И нѣтъ, и не было проказъ:
Въ тюрьмѣ росла-то, да отъ васъ
То въ садъ съ постели убѣгала,
То забиралась на чердакъ,
Вотъ вся и радость!“

„Такъ-то такъ...

Выходить — узелъ не развязанъ:
Кто уступить кому обязанъ?
Ты умница, отецъ дуракъ,
За то, что кормить...“

Дочь молчала

И плакала.

— Твой чай простылъ,
Старушка дочери сказала.
— Пей, Сашенька! —

„Ей чай не милъ.

Сгубилъ сосѣдъ твою голубку,
Поплачь и ты: оно подъ стать“.
И не спѣша набилъ онъ трубку,
Потомъ огонь сталъ высѣкать.

„Посмѣйтесь, весело покуда!“

Сквозь слезы говорила дочь:
„Когда, я вырвуся отсюда?
Не жизнь тутъ: каторга, точь-въ-точь!
Взяла-бы вотъ глаза закрыва,
Да, смерть, знать, горькую, забыла“.

„Гм... гдѣ это табакъ лежалъ?

Отецъ спокойно отвѣчалъ:
Сырой какой-то...“ — Я не знаю. —
„Слышь, — дочкѣ-то не до того,

Подай хоть ты, старуха, чаю.

Жиденекъ, ну, да ничего“.

— И-ихъ, старикъ! побойся Бога!

Сосѣдъ не пьяница, не мотъ,

Работникъ, и семьи немного,

А въ церковь-то когда придетъ...”

И вдругъ старушка потерялась,

Какъ будто грома испугалась.

„Что тамъ?“ промолвилъ мужъ.

— Ну такъ!

Я нынѣ въ церковь-то сходила,

А просвиру и позабыла

Сѣсть передъ чаемъ, натошакъ... —

„Тьфу ты, къ примѣру? Ну, Арина,

Я думалъ... просто, — вонъ изъ рукъ...”

— Зачѣмъ плюешь-то, старичина? —

„Не видишь? — духъ нейдетъ въ чубукъ...

Стой! кто-то въ ворота стучится...

Ужъ не жидовка-ли опять

Сюда съ бѣлилами тащится? —

Вотъ я ей!...”

— Перестань кричать!

Пусти, — я выгляну въ окошко,

Не сваха-ли твоя, Лукичъ...

Ой, сваха! Некому опричь!

Прибрать бы горенку немножко...

Бѣда... Все валится изъ рукъ.

Старикъ! надѣнь скорѣй сюртукъ...

И горя нѣтъ: стоитъ, ни съ мѣста! —

„Ну, струсила. Вотъ пусть невѣста

Уйдетъ на-время... это такъ,

А я не попаду въ просакъ“.

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась,
 И гостя, кашляя, вошла,
 Святымъ иконамъ помолилась,
 И чуть не въ поясъ отдала
 Поклонъ хозяину съ хозяйкой.
 На гостѣ былъ нарядъ простой:
 Покрытый синею китайкой
 Шушунъ, кокошникъ золотой,
 Подарокъ бабушки богатой,
 Да сарафанъ, съ кого-то взятый
 За сватанье. Широкий носъ
 Украшенъ острою горбиной;
 Взглядъ смѣтливый и ястребиный;
 На красныхъ вѣкахъ капли слезъ;
 (Старушка головой страдала,
 И вѣчно, клѣтчатымъ платкомъ,
 Глаза больные протирали).

„Челомъ вамъ, золотые, бьемъ!
 Здоровы-ли, мои родные?
 Ну, жаръ! На-си-илу доплелась!
 Да пыль отъ вѣтра поднялась,
 Изму-училась, золотые!“
 — Садись-ка, матушка, садись!
 Сказалъ Лукичъ: вотъ чашка чаю... —

„Давай, родной! уста спеклись;
 Шестой десятокъ доживаю,
 Насилу бродишь .. ну и жа-аръ!“
 — Долей, Арина, самоваръ,
 Привѣтимъ гостю дорогую,
 Чѣмъ Богъ послалъ. —

„И-и, родной!

Привѣтъ хоть ласкою одной,
Да потрудишься на рѣчь простую
Мнѣ, глупой бабѣ, отвѣчать“.

— Изволь! послушаемъ, въ чемъ дѣло...—

— „Кажись, вамъ времячко приспѣло
Живой товаръ свой съ рукъ сбывать...

Есть у меня купецъ,—не знаю,
Хорошъ-ли будетъ онъ для васъ?...“

— А, понимаю, понимаю,
Товаръ, къ примѣру, есть у насъ,
Да кто купецъ-то?

„Таракановъ...“

Такъ! отъ него-то я и ждалъ!

Лукичъ подумалъ и смолчалъ.

„Пенькой торгуетъ въ балаганахъ,
Мукою, батюшка, овсомъ.

Имѣеть, знаешь ты, свой домъ...

А ужь, красавецъ!.. И бровями,

И свѣтлорусыми кудрями,

Всѣмъ взялъ, хоть въ рамку, золотой!“

— Намъ красотой не любоваться,

А былъ бы съ умной головой,

Умѣлъ бы дѣломъ заниматься,—

Вотъ это лучше красоты!—

„Охъ, батюшка, ума палата!

А домъ-ать, поглядѣлъ бы ты,

Ужъ нечего, не наша хата...

Пять комнатъ, батюшка, просторъ!

На окнахъ, сударь мой, гардины,.

Въ простѣвкахъ разныя картины,

А дворъ-то, что это за дворъ!

Кругомъ дубовые амбары,

И лѣсъ старинный, прочный лѣсъ!

Въ одномъ углу большой навѣсъ...

Въ амбарахъ всякіе товары:
Что, золотой, и говорить,
Добра возами не свозить!^а
— Ну, тутъ прикрасы не у мѣста,
Ты о приданомъ рѣчь веди.—
„Рѣчь о приданомъ впереди:
Для жениха нужна невѣста.
Ее онъ видѣлъ гдѣ-то разъ,
Да на—вотъ! Кругомъ закружился!
И хлѣба, золотой, лишился,
И ночью не смыкаетъ глазъ,—
Все ею грезить. Да и мнѣ-то
Совсѣмъ покою не даетъ:
Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ,
Все умоляетъ: какъ-бы это
Сходила ты къ невѣстѣ въ домъ,
Поговорить съ ея отцомъ“.
— Ну, да однако, чтѣ же надо?—
„Такъ, что-нибудь, хотъ для обряда:
Четыре головныхъ платка,
Ну-съ—три, четыре перстенька,
На шею жемчугу три нитки,
(Да, золотой мой, безъ поднизки!)
Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
Кровать, комодъ и самоваръ,
Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ
И денегъ, сударь, сто цѣлковыхъ.“
— Выходить дѣло, не взыщи:
Съ приданнымъ этакимъ, гдѣ знаешь,
Иную дѣвушку ищи.—
„И, золотой, ты обижаешь!
Дай намъ невѣсту поглядѣть,

А тамъ рѣшеніе женихово:
Онъ можетъ свой расчетъ имѣть...
А то, вошла, сказалъ, — „здорово“,
Присѣла, — и отказъ готовъ“.
— Ну, да! Вотъ эта рѣчь умнѣ...
Не постоимъ изъ пустяковъ.
Смотрушки завтра. Попозднѣ
Прошу покорно вечеромъ
Пожаловать къ намъ съ женихомъ. —
„Всенепремѣнно. Ваши гости...
Повѣришь-ли, что я скажу:
Состарѣлись мои всѣ кости,
Лѣтъ тридцать свахою хожу,
И счетъ-то свадьбамъ потеряла,
А и доселѣ, мой родной,
Всѣ, для кого я хлопотала,
Остались довольны мной...
Кому какой таланъ отъ Бога!
За то, куда, вѣдь, не придешь,
И ласку, и хлѣбъ-соль найдешь...
Однимъ нехорошо немного:
Иные выжиги за трудъ
По уговору не даютъ...
Ну, имъ и достается горько!
Начнешь по городу звонить,
То тѣмъ, то семъ ихъ обносить,
И свадьба врозь... Да мнѣ-то сколько
Отъ нихъ, проклятыхъ, барыша“.
— Охъ, свашенька, моя душа,
Хозяйка, сморщившись, сказала:
Не грѣхъ отъ такихъ затѣй? —
„И, нѣтъ, родная! Я слыхала:
(Старшой мой сын-атъ грамотѣй,
Надъ библией и засыпаетъ!)

За око—око! Вотъ, вѣдь, что!
 Коли тебя обидѣлъ кто,
 Не кланяйся,—не подобаетъ!⁴

— Вишь, мать моя! Ну, мой старикъ
 На рынкѣ, знаешь, все хлопочетъ,
 Вонъ святцы есть,—читать не хочетъ:
 Я къ дѣлу, говорить, привыкъ,
 Отъ книгъ намъ прибыли немного.
 Такое горе! Отъ того
 И я не знаю ничего,
 И согрѣшаю противъ Бога...
 Порою случай припадетъ
 Что сдѣлать доброе,—боюся:
 А ну-ка, молъ, я ошибусь—
 И это къ худу поведетъ...
 Вотъ тутъ ума и не приставишь:
 Подумаешь, да все оставишь.—

Лукичъ любилъ потолковать,
 И у него, вплоть до обѣда,
 Со свахой длилася бесѣда:
 Дочь замужъ надо выдавать
 Умно, дескать; смотри тутъ въ оба,
 Тутъ думай думу не шутя:
 Не шапка,—кровное дитя;
 Дашь промахъ разъ,—бѣда до гроба.
 Но сваха не была плоха:
 Да, да! рассказывай, молъ, сказки!
 И не жалѣла яркой краски,
 Рисуя бойко жениха.

IX.

Рѣчь свахи даромъ не пропала:
 Ей дочь хозяйская внимала,

Въ сѣняхъ за дверью притаясь,
Едва дыша, не шевелясь.
Подслушивать—дурное дѣло!
Все это пошло, устарѣло,
Наружу вызвано давно,
Разъ тысячу повторено;
Но пошлость, видно, плодovита:
Не вырвешь съ корнемъ, все растеть!
Приносить тайно и открыто,
Налитый ядомъ, горькій плодъ;
Бича насмѣшки не боится,
Ты шагъ впередъ—она у ногъ,
И гадиною шевелится...
Зачѣмъ? Откуда Видить Богъ!
Тутъ Саша не подозрѣвала
Дурнаго ровно ничего,—
Къ двери-ли ухо прикладывала,
Иль сплетничала про кого.
Кому какое было дѣло
Ей съ малолѣтства докучать:
Вотъ это черно, это бѣло...
И для чего? ну, что за статья!
Сидѣть за варежкой, шить платье,
Да понимать въ стряпнѣ расчетъ—
Вотъ были важныя занятя,
Предметъ родительскихъ заботъ.
— Рости, дитя, на волю Божью!—
Созрѣетъ дикій кустъ травы...
Посмотришь,—и холодной дрожью
Охватить съ ногъ до головы...

Ну, что ты, бѣдное созданье,
Въ сѣняхъ украдкою стоишь?
Твой домъ—тюрьма, житье—страданье,

Сама безъ умолку твердишь.
Женихъ хорошъ, живетъ исправно,
Ты будешь вдоволь ѣсть и спать,
Сидѣть въ теплѣ, ходить нарядно,—
За что же сваху проклинять?
Сосѣда любишь, горе мучить?
Отецъ упрямъ, отецъ разлучить..
Тоска въ груди гнѣздо советъ,
Съ ума безсонница сведеть...

Не оскорбляй святыни сердца!
Любовь свята: не оскорбляй!
Въ лицѣ—весна, душа младенца,
Въ крови огонь, во взглядѣ рай.
Она идетъ, —и небомъ вѣетъ,
Нечистый помыслъ прочь бѣжить,
Сырой тюрьмы окно свѣтлѣетъ,
Среди зимы тепло стоитъ.
Въ груди, въ минуты сладкой муки,
Живой воды ключи кипятъ,
И свѣтъ, и тѣнь, цвѣты и звуки
Понятно сердцу говорятъ.
Нѣтъ, смыслъ иной въ твоей печали,
Инымъ ты вѣчно занята.
И въ міръ любви тебѣ едва-ли
Отворить время ворота.

„Вотъ жениха-то отыскала:
За дверью Саша горевала;
Ну, сваха! Онъ, дескать, богачъ!..
Вотъ и молчи тутъ, и не плачь...
Уродъ какой-нибудь, да скряга,
Ѣсть лукъ, да тюрю по постамъ...
А! Таракановъ!.. Тьфу, ты, срамъ!

И видно дрянъ! Сосѣдъ-бѣдняга
Хоть изъ себя-то молодець...
У батюшки своя, вишь, думка,
А дочь, молъ, что!.. Дороже рюмка...
Все называется отецъ“.

И полъ скрипучій проклиная,
На цыпочкахъ переступая,
Она прокралась по сѣнямъ
Къ крыльцу, съ крыльца на дворъ, а тамъ
Въ зеленый садъ.

Въ саду прохлада
И шумъ. Кусты поразрослись,
Поспутались, переплелись,
Непроницаемой оградой
Нависла надо рвомъ сирень,
Кидаю на дорожки тѣнь.
Какъ снѣгомъ, бѣлыми цвѣтами,
Усыпанъ вишенникъ густой.
Тутъ яблони, тамъ, подъ плетнями,
Бурьянъ, покрытый воробьями,
Тропинка межъ травы густой.
Вонъ стволъ березы серебрится,
Она пряма и высока,
Отъ вѣтра шапка шевелится,
И въ даль протянута рука.
Въ травѣ кузнечикамъ забота—
Звенять, безъ усталости куютъ,
Богъ-вѣсть, желѣзо гдѣ берутъ;
Тутъ по цвѣтамъ у пчелъ работа,
Тамъ, смотришь, дятель прилетитъ,
Объ иву носомъ застучитъ.

Но вотъ и Саша... Торопливо

Къ плетню сосѣдскому идетъ.
 Сама рукой нетерпѣливой
 То сломить вѣтвь, то отведеть.
 Упрямы вѣтви! не пускають:
 За платье, за плечи хватають,
 И бьютъ, чуть въ слухъ не говорятъ:
 „Куда! куда! — ступай назадъ!
 Изъ-за чего заторопилась?“
 Плетень все ближе. Онъ увить
 Весь хмѣлемъ. Саша наклонилась
 И хмѣль раздвинула, — глядитъ:
 Дворъ пустъ, и только по срединѣ
 Блестить стекло на желтой глини...
 Одна насѣдка подъ крыльцомъ
 Усердно дѣломъ занималась:
 Въ сору съ цыплятами копалась,
 Да хрюкалъ боровъ подъ плетнемъ...
 — Знать, подождать сосѣда надо... —
 Она подумала съ досадой
 И опустилась на траву...
 Глядѣла долго на листву,
 Вокругъ ромашку обрывала
 И на послѣдокъ задремала.

X.

Кулакъ на рынкѣ. Тихъ весь домъ.
 Отъ мухъ покрытая платкомъ,
 Старушка крѣпко почиваетъ,
 И котъ съ ней рядомъ на полу;
 Одна пчела не умолкаетъ,
 Скользя по гладкому стеклу.
 Тоскуетъ Саша, — ей не спится:
 Сосѣда нѣтъ, пока, не ждать,

Работать,—праздникъ, не годится;
Въ окно прохожихъ наблюдать?
Оно пріятно и не* трудно,
Да не теперь: кругомъ безлюдно.
Одинъ исходъ помочь тоскѣ—
Пройтись за водой къ рѣкѣ.

Прогулка скучная, конечно,
Когда въ водѣ и нужды нѣтъ,
Но надоѣсть и дома вѣчно
Глядѣть въ окно на бѣлый свѣтъ.
У бѣдной дѣвушки-мѣщанки
Не весель праздничный денекъ.
Порою зимней, у лежанки,
Смотря на яркій огонекъ,
Она на картахъ погадаетъ,
Сѣмень подсолнечныхъ возьметъ,
Пошелушитъ,—и день смеркаетъ,
Обычный ужинъ настаетъ.
Но время лѣтомъ страшно длится!
Подруги въ гости къ ней нейдутъ,
Заснуть приляжетъ,—ей не спится,
То жаръ, то мухи не даютъ.
Идетъ бѣдняжка за водою,
Подругу встрѣтитъ на пути,
Ну, какъ тутъ рѣчи не найти!
Знакомый лавочникъ порою
Отвѣситъ поясной поклонъ,
И день отрадно проведенъ.

Полдневный воздухъ жаромъ пышетъ,
На небѣ нѣтъ ни облачка;
Съ открытой грудью спать—не дышетъ
Въ постели свѣтлая рѣка;

На берегу бѣлѣтъ камень,
Онъ бѣлъ, какъ снѣгъ, горячъ, какъ пламень;
За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ,
Крыло повисло, клювъ раскрытъ.
Подъ пылью пестрою толпою
Идутъ коровы къ водою;
Усталый, шелкая кнутомъ,
Пастухъ тащится босикомъ.
Приладивъ пузыри подъ мышки,
Шумя, купаются мальчишки,
И брызги въ стороны летятъ,
Отъ солнца искрами горятъ;
А вѣрно мать ихъ, въ юбкѣ красной.
Оттерла самоваръ пескомъ
И смотритъ: вонъ, дескать, какъ ясно,
Блеститъ, какъ золотцо, кругомъ!..

Вотъ камень. Саша отдохнула.
Все нѣтъ подругъ! И тутъ тоска,
Песокъ, мальчишки, да рѣка...
Воды студеной почерпнула
И оглянулася: ну, вотъ!
Откуда онъ? Сосѣдъ идетъ.

Сосѣдъ-столяръ высокъ и строень,
Не очень смугль, не слишкомъ бѣлъ,
Веселый взглядъ его спокоень,
И простодушно-твердъ, и смѣль;
Опрятенъ казакинъ изъ нанки,
Рубашка красная чиста,
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

„А! за водою приходила?
Ну, что отецъ?.. Бѣда прошла?

Обрадуй!.. Вѣрно упросила...“

— Я три часа тебя ждала...—

„Въ саду?... Да тутъ старикъ скончался,

За мной прислали чуть-лишь свѣтъ...

Жена голосить: гроба нѣтъ!

Я приготовить обѣщался,

И посидѣлъ тамъ. Жаль до слезъ!

Спасибо, есть готовый тесъ...

Такъ, стало, туча миновала?..“

— Ну, да!—И Саша рассказала

О свахѣ.

„Вѣсть не хороша!

Неужто все, моя душа,

Пропало?“

— Батюшка-то воленъ —

Не переспоришь. Онъ сказалъ,

Чтобъ ты двора его не зналъ...—

„Вотъ человѣкъ! Упрямствомъ боленъ!

Вѣдь, за тобою у него

Не требую я ничего...

Я бѣденъ: этого боится?

Такъ мой верстакъ не залежится,

Пока не высохнетъ рука,

Я не останусь безъ куска...

Проси его!.. Авось уступить...“

— Да какъ просить-то? Чѣмъ помочь?..—

„Какъ Бога умоляй! Ты дочь...

Другой на рынкѣ онъ не купить...

Ты знаешь, я не говорунъ,

Божиться - не божусь: не лгунъ,

А будешь ты моей женою,

Не то что за тебя въ нужду,

Или на трудъ ночной порою,—

Я прямо въ полымя пойду“.

У Саши щеки запылали,—
 Богъ знаетъ, глубоко-ль запали
 Ей въ душу рѣчи бѣдняка,
 Или, какъ говоръ вѣтерка,
 По соннымъ листьямъ пробѣжали,
 И снова листья сонъ объялъ,
 Какъ скоро вѣтеръ замолчалъ...
 Она стыдливо отвернулась,
 Слезу отерла, улыбнулась,
 И отвѣчала: „что умирать,
 А за другаго не поидеть“.

XI.

Смеркалось. Съ трубкой закуреной
 И разгорѣвшимся лицомъ,
 Упрямствомъ Саши разсерженный,
 Кулакъ сидѣлъ передъ окномъ,
 И думалъ думу. Дочь металась
 Въ постели, вся въ жару, въ тоскѣ;
 Старушка, съ рюмкою въ рукѣ.
 Къ больной тревожно наклонялась
 И говорила: „Перестань!
 Ну, полно охать-то! привстань!
 Вотъ укусь. Дай-ка, я немного
 Тебѣ затылокъ помочу“,
 — Не приставайте, ради Бога!—
 Дочь отвѣчала—не хочу!—
 „Вотъ закоснѣлое упрямство!“
 Сказалъ отецъ: „не въ мочь терпѣть!
 Иль встать? и я найду лѣкарство—
 Ременную, витуую плетъ“.
 — Богъ съ вами! Я вамъ надоѣла...
 Вамъ Таракановъ дорогъ...—
 Да!—

Вонъ мѣтитъ дѣвка-то куда,
Не такъ, къ примѣру, заболѣла!
Ты постыдилась бы людей!
Или отецъ-атъ твой злодѣй?
Иль я со зла тебя морочу?
Ну, для кого я хлопочу,
Кому свое добро-то прочу?..
Да что тутъ!.. Лучше замолчу.
Нѣтъ, съ бабами не сладишь скоро,
Съ досадою онъ разсуждалъ:
Какъ на пожарѣ я кричалъ,
Поди, вѣдь, не окончилъ спора;
За косы взяться? визгъ поидеть,
И жаль! Пстой — я знаю средство,
Оно вреда не принесетъ,—
Эхъ-ма достался мнѣ въ наслѣдство
Отъ батюшки таланъ худой!
Промолвилъ онъ, махнувъ рукой...
И самъ-то радости не видѣлъ,
И дочери, зная, въ горѣ жить...
Ну, Саша! послѣ не тужить!
Не говорить — „старикъ обидѣлъ“.
Ты — умница, ну, такъ-и-такъ,
Выходить дѣло, — я дуракъ.
Не буду спорить, Богъ съ тобою!
А вспомнишь всѣ мои слова,
Когда пойдешь ходить съ сумою,
Разумная ты голова“.

— У васъ всегда однѣ догадки...
Мнѣ къ бѣдности не привыкать:
Я стану шить, вязать перчатки...—

„А мужъ начнетъ пилить, стругать,

Тамъ явятся, глядишь, дѣтишки,
И дѣвочки, и ребятишки,
И повалится въ домъ казна!
Живи, какъ въ маслѣ сырѣ катайся!
Капустой, мисой толокна
Въ семьѣ, какъ хочешь, подѣляйся,
Одежда и въ расчетъ нейдетъ:
Она къ вамъ съ неба упадетъ^а.

— Вамъ только!.. смѣйтесь надо мною...
Вотъ участь-то! Въ углу родномъ
Живу постылой сиротою:
Не скажутъ слова мнѣ добромъ!
Молитву-то читать учили,
Не такъ читала,—розгой били!..
Я отъ чужаго не таюсь,
Съ отцемъ поговорить боюсь,
Я приласкаться къ вамъ не смѣю...—
„Какъ быть-то! я не виновать,
Что нравомъ крутъ... я самъ не радъ:
Вѣдь, я люблю тебя, жалѣю...
Мнѣ развѣ хочется кричать!
Тутъ, кажется, ослу понятно,
Ну что-жь, къ примѣру, мнѣ пріятно
За нищаго тебя отдать?
У столяра одна избенка,
Казны ни гроша; мать—бабенка
Сварливая, всегда ворчить,
Ей и святой не угодить.
А Таракановъ—смѣтливъ, ловокъ,
Богатъ, торговый человѣкъ;
Онъ надаритъ тебѣ обновокъ
До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!
Теперь коня, вишь, покупаетъ,

Для молодой, дескать, жены,
Не тронь,—катается, гуляетъ...
Не знаешь людямъ-то цѣны,
Да взоришь... Вотъ она причина!"

„Ахъ Саша!" молвила Арина:

„Не спорь, дружочекъ, съ старикомъ:
Я принуждать—не принуждаю,
Да по себѣ сужу, и знаю,
Какъ тошно жить за бѣднякомъ: .
И ослушаться грѣхъ и стыдно;
Я дочерью сама была
И по приказу замужъ шла,
Такъ стало надо...

„Нынѣ видно,

Родителямъ-то старикамъ
Почетъ, какъ старымъ сапогамъ..."

Старушка снова продолжала:

„Послушайся, моя душа!
У насъ ты рукъ не покладала,—
Женихъ богатъ, ты хороша,
Ты будешь куколкой рядиться,
Въ саняхъ и дрожкахъ разъѣзжать.
Въ домахъ богатыхъ веселиться,
Гостей почетныхъ принимать...
Ты насъ порадуешь подъ старость,
Ты наша дочка, наша кровь!
Надежда ты моя и радость,
Послушайся, не прекословь!..."

И Сашу крѣпко обнимала

Старушка добрая. Она
Была теперь убѣждена,
Что дѣвушка не понимала,
Какъ мало ждетъ ее добра
Подъ бѣдной кровлей столяра.

„Идите сами на смотрушки,
 Не покажусь я никому“,
 Дочь отвѣчала: „я съ подушки
 Вотъ головы не подыму“.
 И Саша, охала, крѣпилась,
 Больной до полночи была,
 Потомъ старушку обняла,
 Заплакала—и согласилась.—
 „Давно бы такъ!“ сказалъ отецъ:
 „Вотъ и не спору, и конецъ!“

XII.

Мерцають звѣзды. Городъ сонный
 Какъ-будто вымеръ, такъ онъ тихъ.
 Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
 Бѣлѣють смутно. Мѣсяцъ полный
 Плыветъ. Онъ волю далъ лучамъ:
 По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ;
 Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ,
 Другой, какъ хитрый чародѣй,
 Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей
 И цѣпь колодника освѣтитъ;
 Неслышно церковь навѣститъ,
 Окладъ иконъ посеребрить.
 Не зная страха и запрета,
 Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ
 И скорбный ликъ Владыки свѣта,
 И дерзко ляжетъ на престолъ.
 Иль въ чашу сада проберется,
 По темной зелени блеснетъ,
 Росинку на листѣ найдетъ,
 Росинка искрою зажжется.
 А городъ спитъ-себѣ, да спитъ...

Порой по улицѣ широкой
Пройдется сторожъ, постучить;
Идетъ онъ молча, одиноко,
А тѣнь, сзади, на мостовой
Махнетъ, какъ и онъ, рукой.
Иль царской службой занесенный
Въ урочный часъ подъ небеса,
Спросонокъ, инвалидъ смиренный
Протреть на каланчѣ глаза
И съ разстановкой, отъ бездѣлья,
Посвищеть въ дудку... Вонъ окно
Вдали огнемъ освѣщено,
Кто тамъ не спитъ?.. Разгулъ веселья,
Любовь-ли, горе, иль порокъ,—
То знаетъ ночь одна, да Богъ

И ты, столяръ, въ своей постели
Не успокоился доселѣ!
Лежить онъ подлѣ верстака,
Отдѣлкой гроба утомленный;
Подушка — локоть обнаженный,
Подъ локтемъ — жесткая доска.
Печально смотреть мастерская;
Смолистый запахъ изливая,
Бѣлбуютъ стружки на полу,
Сосновый гробъ стоитъ въ углу,
Топоръ въ березовый отрубокъ
Воткнулся носомъ; на стѣнѣ
Чернѣетъ старый полушубокъ,
Пила блистаетъ при огнѣ.
Подъ образами, на скамейкѣ,
Въ потертой желтой душегрѣйкѣ
Сидитъ дородная вдова,
Семьи сварливая глава,

И молча карты раскладаетъ...
Про сынинь бракъ она гадаетъ:
Но сбивчивъ глупый ихъ отвѣтъ:
То выйдетъ—да, то выйдетъ—нѣтъ,—
Вотъ, напимѣрь: печаль, дорога,
Постель, больная, интересъ...
Да тутъ и навикъ не помога,
Богъ знаетъ, просто—темный лѣсъ,
Межь-тѣмъ, съ гремушкою въ рученкѣ,
До вечера проспавшій днемъ,
Въ штанишкахъ, синей рубашенкѣ,
По стружкамъ скачетъ босикомъ
Ея сынишка краснощекий.
И православныхъ избъ жилецъ,
Извѣстный на Руси пѣвецъ,
Сверчокъ стрекочетъ одиноко
Подъ печью.

„Вотъ“, сказала мать:

„Вотъ пиковый король... постылый!
Онъ твой злодѣй, мой Вася милый!
Посмотришь, свадьбѣ не бывать,
Ни, ни!.. я прежде это знала:
Намедни, помнится, во снѣ
Жемчугъ да биссеръ я низала,—
И доведется плакать мнѣ“.

Сынъ улыбнулся беззаботно,
Провель рукой по волосамъ
И промолчалъ. Не вѣря снамъ,
Онъ вѣрилъ Сашѣ безотчетно.
Конечно, вѣра—все для насъ:
Въ ней золь святое примиренье,
Да разувѣришься подъ часъ!
Порой разумное творенье,

Бываетъ такъ измельчено,
Запачкано, искажено,
Что, право, надобно полвѣка
Его съ любовью изучать
За тѣмъ, чтобъ душу человѣка
Подъ этой грязью отыскать.
Столяръ избѣгъ подобной встрѣчи:
Онъ росъ въ нуждѣ, пилилъ, стругалъ,
Не человѣка наблюдалъ;
Но помнилъ онъ отцовы рѣчи
И выросъ съ вѣрою въ добро:
„Вотъ видишь, это серебро“,
Ему отецъ, бывало, скажетъ,
И въ головѣ своей съдой
На кудри жесткія покажетъ:
„Отъ нуждъ и горя, мой родной,
Все это нажито до срока;
Да, коли честно ты живешь,
И нѣтъ на совѣсти упрека, —
Все хорошо! И свѣтъ хорошъ,
И будетъ ласковъ людъ съ тобою:
Коли обидятъ, — промолчи,
Не гнѣвайся! Не будь судьею!
Ты пуше вотъ себя учи...“

Не такъ-себѣ, для наставленья,
Твердилъ о совѣсти старикъ,
То не были и строки книгъ,
Плоды избитаго ученья:
Живою книгой самъ онъ былъ.
Изъ жизни слово выносилъ.
Зародышъ книга уронила,
Смерть навсегда ее закрыла,
И въ ящикѣ она лежитъ,

Надъ нею крестъ святой стоять.
Но сынъ окрѣпъ. Съ нуждою злою,
Какъ умный мужъ съ дурной женою,
Безъ шума ладить онъ умѣлъ,
Безъ шей оставить, — все терпѣлъ
Не тутъ ты выросъ, лубъ тѣнистый!
Могучей силѣ, какъ твоя,
Просторъ бы нуженъ, воздухъ чистый,
Не эта крыша и семья;
И не съ твоей душой и мочью,
О Сашѣ думать темной ночью,
Да глушь кругомъ, да въ сердцѣ жаръ...
Эхъ, бѣдный, бѣдный мой столяръ!

„Мнѣ то досадно, мать сказала,
Что Кулаку я уважала!
Давно-ль жена его у насъ
Брала утюгъ, дескать, на часъ,
Три дня держала, — я ни слова!..
Я подѣлиться, моль, готова
Съ сосѣдомъ. Сальную, свѣчу,
Въ заемъ, на „красной горкѣ“ взяли,
И до сихъ поръ не отдавали...
Ништъ... покуда помолчу,
А если насъ онъ одурачить,
Я за себя не поручусь,
Ни, ни! я такъ съ нимъ расплачусь,
Что любо!“

— Это ссора, значить,
Отвѣтилъ сынъ: изъ-за чего?
Безъ шума дѣло обойдется. —
„Какъ свистнешь, такъ и отзовется...
Я не боюсь никого!
Мнѣ эдакъ дорогъ твой Кулакъ,

Чтò вонъ немытая тряпица...
Ну, Саша, точно не въ него,
Скромна, работать мастерица,
Умомъ-то... правда, ничего.
Ахъ, Вася! я и не спросила.
За гробъ-ать много-ли ты взялъ?⁴
— Да такъ-себѣ... Не въ этомъ сила,
Покойника-то я, вѣдь, зналъ.
Чудакъ! Онъ жилъ въ своемъ домишкѣ,
Такъ въ старой мазанкѣ. Ходилъ
Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ,
Щегловъ, чижей, синицъ ловиль...
Бывало, раннею зарею
Въ лѣсъ проберется съ западнею
Да съ сѣтью, — холодъ ни-почемъ!
Разставить сѣть, а съ птицей клѣтку
Повѣсить, знаешь ты, на вѣтку,
И на-сторѣжъ за кустомъ
Дрожить въ снѣгу... Одну заботу,
Покуда кончился, имѣлъ:
„Охъ-ма! не въ пору заболѣлъ!
Теперь — вотъ въ лѣсъ-бы.. на охоту...“
Кончатся сталь, какъ закричить:
„Жена! пусти на волю дѣтокъ!“
— Какихъ тамъ дѣтокъ? говоритъ. —
„Моихъ-то вотъ, моихъ... изъ клѣтокъ!“

„Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
И твой отецъ чудилъ не мало:
Да скоро бросилъ. Все, бывало,
Шестомъ гоняетъ голубей.
Тѣ, знаешь, съ крыши встрепенутся,
Куда! подъ облака взвываются...
Ему-то радость! Вверхъ глядитъ,

А самъ свистить, а самъ свистить!^а

— Охота не укоръ. Намъ стыдно

Тревожить кости старика...

Слышь, Ваня, хочешь молока? —

„Нѣтъ, братецъ...“

— Покормили видно.

Ну, хорошо. Сюда поди;

Игрушку брось. Пора молиться.

Смотри-же, братъ, не торопиться.

Ты крестъ, какъ надобно, клади. —

И вотъ дитя перекрестилось,

Огонь головку освѣтилъ:

Мать позади остановилась,

Столяръ молитву говорилъ:

Прости, Господи,

Меня грѣшнаго

И весь міръ прости!

Вразуми меня

Своей мудростью,

Научи меня

Всему доброму.

Помяни мою

Мать-кормилицу.

Помоги въ нуждѣ

Брату бѣдному,

И родителю,

Рабу Пимену,

Мѣсто свѣтлое

И покойное

Уготовь. — Аминь.

— Ну, вотъ спасибо! братъ сказалъ,

И на руки ребенка взялъ.

Со мною ляжешь спать? —

„Съ тобою“.

— А съ матушкою? —

„Не хочу!“

И крѣпко розовой щекою
Припаль онъ къ братнину плечу.

XIII.

Смотрушки искони — забота, —
Хозяйки съ трепетомъ ихъ ждуть:
Чуть не весь день кипить работа,
Метутъ, и моютъ, и скребутъ.
Едва блеснувшій лучъ разсвѣта
Засталь Арину на ногахъ,
Она была совсѣмъ одѣта
И грѣла воду въ чугунахъ.
Старушка ставней не открыла
И въ горенкѣ, какъ тѣнь, ходила,
Тревожить шумомъ не хотя
Всю ночь не спавшее дитя.
Вотъ утро. Саша не гуляетъ,
Нѣмой тоской подавлена,
И молчалива и блѣдна,
Она посуду вытираетъ.
Сборъ разныхъ чашекъ, пузырьковъ,
Графины, рюмки и бутылки
Изъ царства темноты и пыли
Пришли омыться отъ грѣховъ.
Звенятъ они, другъ-другѣ вторятъ:
Ну, что, молъ, если невзначай
Изъ рукъ, да на полъ насъ уронятъ?
И шкафъ, и мы на-вѣкъ прощай!
Теперь поламъ пора мученья:
Водой облитые кругомъ
Они выходятъ изъ терпѣнья,
Скрипятъ подъ краснымъ кирпичемъ.

А подь окномъ, на вѣткахъ ивы
И крикъ, и споръ нетерпѣливый
У любопытныхъ воробьевъ.
„Смотрите, молъ, мытье половъ,
Возня, тревога... дѣло худо!
И котъ вонъ тутъ! Скорѣй отсюда!“
И птицы дружно поднялись,
И вдаль въ испугѣ понеслись.

Лукичъ былъ тоже озабоченъ:
Всталъ рано, чуть не на зарѣ,
Замѣтилъ, что заборъ не проченъ,
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И въ кухню отдалъ на топливо, —
Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
Онъ зналъ, что надо терпѣливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идетъ не пьянъ,
Чтò подъ ноги ему попало —
Подкова, гвоздикъ, — все въ карманъ.
Прошелся по саду отъ скуки,
На яблони червей сыскалъ
И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
„Ахъ, вы, анаѣемскія штуки,
Не давитесь чужимъ добромъ!..“
И, наконецъ, покинулъ домъ.
На перекресткѣ помолился
На церковь. Нишей поклонился...
Откуда, чья она — спросилъ
И грошъ ей въ чашку положилъ,
Не по любви и состраданию
Къ подобному себѣ созданью,
Онъ просто вѣрилъ, что Господь

За подаяніе святое
Ему сторицею пошлетъ.
Желанье, кажется, благое
И не убыточный расчетъ?
Купить на площади торговой
Осенней шерсти два мѣшка
У горемыки-мужика;
О всходѣ ржи и гречи новой
Потолковалъ съ нимъ напередъ
И крѣпко побранилъ господъ:
„Народъ, молъ, да! работай втрое,
Изъ жилъ тянись, имъ все не въ честь!..“
Мужикъ былъ тронуть за живое,
Заговорилъ, забылъ про шерсть:
Вотъ тѣ, дескать, и тѣ... и въ праздникъ...
„Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ“,
Лукичъ нахмуясь отвѣчалъ
И, вся шерсть, на рубль укралъ.
Домой пришелъ съ двумя узлами;
Тамъ были булки съ кренделями,
Орѣхи, сладкіе стручки,
Изюмъ и Сашѣ башмачки.
„Вотъ, Саша, на... Ты поскромнѣ
При женихѣ себя веди,
Что спросятъ, отвѣчай умнѣ, —
Болваномъ, значить, не сиди“.

Всѣ стулья заняты гостями:
Смотрушки въ горенкѣ давно.
Румяный, съ русыми кудрями,
Женихъ сидитъ подъ образами,
И говоромъ оживлено
Собранье. Женщины толкуютъ,
Что оплошалъ гостиный рядъ,

Товары завалью глядятъ,
Купцы безсовѣстно плутуютъ,
На шляпахъ мало пестроты,
На ситцахъ блѣдные цвѣты.
Двѣ-три старушки вспоминаютъ
О сарафанахъ съ галуномъ,
О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ,
И прихоть моды обвиняютъ.
Хозяинъ судить съ женихомъ
О разныхъ отрасляхъ торговли,
О недостаткѣ рыбной ловли
Въ ихъ городѣ, и сознаетъ,
Что Таракановъ рѣчь ведетъ
Разумно. Скромная невѣста
Два раза поднималась съ мѣста
Гостей сластями обносить
И свой нарядъ перемѣнить.
Женихъ и мать его съ роднею
Переглянулись межъ собою,
Привстали чинно, не спѣша,
И молча потянулись въ сѣни
Для приговора и суждений —
Была-ль невѣста хороша?
Кулакъ въ углу шепталъ съ женою,
Съ дороднымъ кумомъ и кумою,
Дочь выслалъ въ кухню напередъ;
Теперь, молъ, торгъ у насъ пойдетъ.
Но вотъ съ гостями сваха входитъ,
Поклонъ, другой — и рѣчь заводитъ:
„Ну, батюшка, товаръ хорошъ!
Купца похвалишь-ли, не знаемъ“.
— Ты честь товару отдаешь, —
И мы купца не обижаемъ.
Разсчетъ въ приданомъ? —

„И, — родной!

Не просимъ лишняго“.

— Постой!

Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ...

Ты слушай вотъ что: я согласенъ

Салопъ и все... а жемчугу

И денегъ дать я не могу...

Безъ жемчуга дойдетъ до дома...

Онъ думалъ: трудно безъ заема. —

„Нѣтъ, нѣтъ! копѣчки одной

Мы не уступимъ, золотой“!

— А я и нитки не прибавлю... —

И закипѣлъ упрямый споръ.

„Пустьѣйшій, значить, разговоръ“,

Сказалъ женихъ: „я все поправлю!

Дочь ваша, смѣю доложить,

Не то что, да-съ!... Ей-ей, безъ лести!

Извольте насъ благословить,

Когда я нравлюсь ихней чести...

А деньги — пыль-съ...“

— Выходить рокъ...

Жена! утирку и платокъ! —

Старушка, плача, суетилась,

Невѣста снова появилась,

Поднось у матери взяла

И жениху, съ боязнью тайной,

На немъ подарокъ обручальный,

Глаза потупивъ, подала.

Женихъ утерся имъ легонько,

Невѣстѣ молча возвратилъ.

Утерлась и она.

„Ну, только,

Теперь Господь васъ съединилъ“,

Съ поклономъ сваха имъ сказала
И поцѣлуемъ приказала
Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть,
И любовно рѣчи вестъ.

Подруги Саши не лѣнились,
Пришли на зовъ, и въ тишинѣ
Гостямъ, краснѣя, поклонились;
Краснѣя, сѣли въ сторонѣ
И пѣли пѣсни, не смолкали,
Пока слезами не согнали
Румянца яркаго со щекъ...
И скажутъ — слезы не порокъ!

Бесѣда весело кипѣла,
Женихъ невѣсту цѣловалъ.
Вино лилось. Кулакъ плясалъ,
Его жена помолодѣла:
Покачивая головой,
Она въ ладони ударяла
И мѣрно топала ногой.
Невѣста молча разсуждала,
Что Таракановъ очень милъ:
Одѣтъ пестро, лицомъ пріятенъ
И въ обхожденьи деликатенъ...
Межъ тѣмъ женихъ ей говорилъ:
„Вы танцы любите?“

— Танцую,

А вы? —

„Да какъ-бы вамъ сказать,
Ногами вензеля писать
Мнѣ некогда-съ. Вѣдь, я торгую“.
— Вы курите? —

„Ни — Боже мой!

И не къ чему-съ. Расходъ пустой“.

— Зимой катаетесь? —

„Бываетъ,

На сырной... это ничего-съ;

Вотъ жалко, вздорожалъ овесъ,

Конь, знаете, не понимаетъ,

Что жерновъ — мелеть Божій даръ“.

— Скажите! —

„Да-съ! Вотъ самоваръ

Въ семействѣ нуженъ. Не скрываю:

Съ ребячества привыкъ я къ чаю,

Сначала просто пью, потомъ

Употребляю съ молокомъ,

Есть, знаете, своя корова...

Вы вяжете чулки?“

— Вяжу,

И шью, и бисеромъ нижу. —

„Позвольте, это нездорово,

О бисерѣ я говорю.

Низать не хорошо для зрѣнья“.

— Я кошелекъ вамъ подарю... —

„Своей работы?“

— Безъ сомнѣнья. —

„Чувствительно благодарю“.

Усердной пляской утомленный.

Кулакъ забился въ уголь темный

И, шурясь, бормоталъ сквозь сонъ:

„Не надо! Убирайтесь вонъ...“

— Прощайте, батенька, прощайте! —

Женихъ съ улыбкой отвѣчалъ

И руку Лукичу пожалъ.

„Ты что за птица?“

— Угадайте! —

„Подай свѣчу... Вотъ такъ... не знаю,
Столяръ что-ль? Нѣтъ, онъ не таковъ...“
— Я Таракановъ, Глѣбъ Петровъ. —
„А вспомнилъ, вспомнилъ, понимаю...
Ну, поцѣлуй меня... вотъ такъ!...
А я ей-Богу не дуракъ,
И Саша вотъ дитя родное...
Мнѣ, значить, жаль... Продумалъ ночь...
И столяры, и все такое.
А ты, вѣдь, можешь мнѣ помочь?..
На совѣсть, честно поторгую!
И ты, выходить, чуть сплутую...“
Женихъ за дверью былъ давно,
Не замолкалъ Кулакъ равно.

XIV.

Бѣлѣтъ утро. Надъ домами
Дымъ коромыслами встаетъ.
Со включенными волосами
Выходить дворникъ изъ воротъ,
Зѣвая, чешетъ грудь, затылокъ,
И лѣзетъ ставни открывать.
Бѣжитъ бѣгомъ съ ключемъ на рынокъ
Мальчишка-лавочникъ, а мать
Въ окно кричитъ ему спросонокъ:
„Не ѣшь ты дыни, пострѣленокъ,
Побереги ты свой животъ“.
Плетется нищій стороною,
На костыляхъ, съ пустой сумою;
А вотъ семинаристъ идетъ:
Ротъ калачомъ набить, подъ мышкой
Тетрадь съ изорванною книжкой.
— Постой, кутейникъ, погоди! —
Голосить баба позади,

Таша баранину сырую:
Вотъ я-те, я-те, поворую,
Я дамъ тебѣ, какъ лазить въ садъ! —
Торговка, трубочистъ, солдатъ,
Купецъ корысти недоступный,
Маляръ, чиновникъ неподкупный,
Снуютъ, встрѣчаются, спѣшать.
Пойдетъ обычная работа!
Иной и не успѣлъ уснуть:
Всю ночь промучила забота —
Получше ближняго надуть.

Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою,
Поникъ кудрявой головою,
И не поетъ его пила:
Кручина руки отняла.
Шубенкой матери покрытый,
Его братишка, какъ убитый,
Лицомъ къ стѣнѣ на лавкѣ спитъ,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка,
У ногъ забытая лежитъ.
Дверь настежь, — и вдова вбѣжала,
Съ усильемъ духъ перевела,
Руками бойко развела
И крикнула: „не угадала!
Нѣтъ, карты, батюшка, не лгутъ...
Вотъ твой Лукичъ-то! Вотъ онъ, плутъ!
О-охъ, родимые, устала!
Дай сяду... Охъ, терпѣнья нѣтъ!
Отдѣлали! Хорошъ сосѣдь!“
— Нельзя-ли, матушка, безъ шуму?
Не весело и безъ того. —

„Ну, славно, славно! ничего,

Сиди вотъ сиднемъ, думай думу,
А Сашка-то изподтишка
Вонъ полцѣпила женишка...
Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась,
Ужъ цѣловалась, цѣловалась!..
Ну, ну! Безстыжіе глаза!
Да что, вѣдь: на меня взглянула
И головою не кивнула,
А! каково! не чудеса!..⁴
— Да ладно! Мнѣ-то что за дѣло? —
„Благодарю, благодарю!
Ну, извини, что надоѣла
И не у мѣста говорю.
Нѣтъ дѣла! Думаешь не шутка...
Съ тобою матери-то мука:
Дѣвченкой, душой проведенъ!
Понравилась! околдовала!
Вишь роза! гдѣ и разцвѣтала!..⁴
И мать съ досады вышла вонъ...

Ей нужды было очень мало,
Что сынъ невѣсту потерялъ,
Да самолюбіе страдало:
Сосѣдъ, бѣднякъ — и отказалъ!
Обидно — главная причина.
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына,
На цѣлый свѣтъ. Она едва
Кота полѣномъ не убила
За то, что въ кухнѣ захватила
Его надъ чашкою съ водой;
Котъ замяукалъ, какъ шальной,
Шарахнулся на дворъ, оттуда
Въ садъ Лукича, и тамъ пропалъ.

Вражды сосѣдственной покуда
Несчастный котъ не понималъ.

Услышавъ вечеромъ случайно
У Лукича напѣвъ печальный,
Столяръ провелъ безъ сна всю ночь.
Кого винить? Отца, иль дочь?
Въ догадкахъ темныхъ онъ терялся,
Сидѣлъ, ходилъ по мастерской,
Бродилъ и по двору: порой
Въ постелю жесткую кидался
И вскакивалъ, или на мигъ
Безъ нужды зажигалъ ночникъ.
Неужто Саша не любила?..
Женихъ богатъ... ее просила,
Быть можетъ, на колѣняхъ мать, —
И дочь не смѣла отказать;
Отцу, быть можетъ, покорилась:
Старикъ проклятьемъ угрожалъ,
Не разъ прибилъ, съ двора сгонялъ...
Но истина теперь открылась:
Онъ мелькомъ видѣлъ изъ окна, —
Его сосѣдка не грустна.
— Такъ вотъ какъ ты меня любила,
Шутила шутки надо мной,
Отца упрямаго винила!
А я и вѣрилъ всей душой!..
Эхъ, Саша, Саша!.. —

И тоскливо

Глядѣлъ онъ на широкій дворъ,
Поросшій жгучею крапивою,
На кровли, на чужой заборъ,
И смутно передъ нимъ мелькали
Его прожитыя лѣта,

Перенесенныя печали,
Съизмала трудъ и нищета,
О домѣ, о семьѣ забота,
О Сашѣ думы по ночамъ,
Бесѣды съ ней по вечерамъ,
Отца тяжелая работа
За верстакомъ по смертный часъ,
И при смерти его наказъ—
Жить мирно, честно, помнить Бога...
Вся обыденная тревога,
Все, что давно ужъ пронеслось,
Закопошилось, поднялось,
Клещами за сердце схватило
И свѣтъ туманомъ позакрыло..
Столяръ промолвилъ: „экой вздоръ!“
И кулакомъ глаза утеръ,
И со двора пошелъ безъ цѣли.
Погода ясная была.
Дуль вѣтерокъ. Колокола
Неумолкаемо гудѣли:
То церковь-мать дѣтей звала...
Столяръ на церковь помолился,
Подумалъ, твердою ногой
Переступилъ порогъ святой
И у столба остановился.
Народу нѣтъ. Окладъ иконъ
Лучами солнца освѣщенъ.
Нѣмые лики смотреть строго,
Свѣчей затеплено немного;
Подъ сводомъ сумерки лежатъ,
Двѣ люстры на цѣпяхъ блестятъ;
Сѣдой священникъ у престола,
Молясь, чело склонилъ до пола;
Поютъ о Богѣ голоса...

Но видятъ столяра глаза
Одно: съ простертыми руками,
Прибитый острыми гвоздями,
Нагой, съ поникшею главой,
Колючимъ терномъ увитой,
Недвижный, кровью истекая,
Весь правда и любовь святая,
Посланникъ Божій, въ высотѣ,
Къ отцу отходить на крестѣ.
Бѣднякъ весь вздрогнулъ, страха полный;
Какъ затихающія волны,
Смолкала въ немъ души печаль;
Міръ уходилъ куда-то вдаль,
Огонь охватывалъ все тѣло,
И вдругъ на крестъ взглянулъ онъ смѣло,
Забылъ сосѣдку, мать и домъ,—
И слезы хлынули ручьемъ.

XV.

Со дня помолвки измѣнился
Невѣсты скромный уголокъ;
Въ немъ съ утра до ночи тѣснился
Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ.
Ихъ занимало на досугѣ
Шитье приданого подругѣ,
Мелькнувшій мимо пѣшеходъ,
Подъ вечеръ пѣсни у воротъ,
Порою сновъ истолкованье,
Чужая жизнь—бѣда и грѣхъ,
Въ саду горѣлки и гулянье,
Но больше смѣхъ, невинный смѣхъ!
Такъ онъ однажды разразился,
Когда, измоченный дождемъ,
Въ лохмотьяхъ грязныхъ подъ окномъ

Калѣка-нищій появился
И милостыни попросилъ
Разбитымъ голосомъ. Случалось,
И вечеринка собиралась, —
Вотъ тутъ-то тратилось бѣлилъ,
Румянъ, и мыла, и помады!
Тутъ было въ домѣ хлопотни,
Веселыхъ шутокъ, бѣготни,
Невольной зависти, досады!
Но трудъ не даромъ пропадалъ:
Съ иными гость потанцовалъ
И, продавая рукавицы,
Толкуя утромъ съ мужикомъ,
Воображалъ другія лица
И думалъ вовсе о другомъ.
„Зѣвай, зѣвай!.. Смотри порядкомъ!
А нынче гдѣ ты ночевалъ?“
Кричалъ хозяинъ за прилавкомъ.
— Чего-съ? На сѣновалѣ спалъ. —
Двѣ скрипки, въ домѣ освѣщенье,
Конфекты, стукъ отъ каблуковъ,
Учтивый говоръ молодцовъ:
„На счетъ того-съ... мое почтенье...
Вы роза, да-съ! Ей-ей! Богъ святъ!“
Вотъ вечеринка.—Виновать...—
Порой веселые зѣваки
Сквозь стекла съ улицы глядятъ,
Хохочутъ и гостей бранятъ;
Межъ тѣмъ, сосѣднія собаки
Бѣгутъ въ тревогѣ къ воротамъ
И поднимаютъ страшный гамъ.

Быть можетъ, Саша и грустила
О столярѣ въ иные дни,

Но, къ счастью, минули они;
Она разумно разсудила,
Что глупо о пустомъ жалѣть,
Не мудрено и заболѣть,
И крѣпко на себя сердилась
За то, что встрѣтиться стыднлась
Съ сосѣдомъ. Чтб, дескать мнѣ онъ?
И стыдъ былъ скоро подавленъ.
Она обновки примѣряла,
Или по городу гуляла
Съ подругами и женихомъ.
Однажды сумасшедшихъ домъ —
Большое каменное зданье —
Къ себѣ привлекъ ея вниманье.
„Огромный домъ-съ“, сказалъ женихъ:
„Войдемте; взглянемъ на больныхъ;
Оно. пріятно, ради скуки“.
И Саша съ робостью вошла,
Но долго быть тамъ не могла.
— Смѣшно, молъ, очень. Что за штуки! —
Твердила дѣвушка потомъ:
— Кто связанъ, эдакъ-вотъ, ремнемъ,
Да чушь-то, чушь-то какъ городятъ! —
„Нѣтъ-съ“, Таракановъ отвѣчалъ,
„Я сумасшедшаго знавалъ, —
Тотъ все угадывалъ отлично...
Бывало, дичь несетъ, несетъ,
Подъ-часть и слушать неприлично,
Да вдругъ такой намекъ повернетъ,
Что просто... да-съ! ей-ей, чудесно!
Даръ, значить,— все ему извѣстно“.

Бѣда! раздумывалъ Кулакъ:
Вотъ остается четвертакъ,

Да грошъ... Заемъ не удается;
 Ну, если свадьба разойдется?
 Родится-жъ этакой народъ, —
 И подъ залогъ никто не вѣрить!
 Изъ-за чего онъ только лжетъ,
 Идетъ на подлость, лицемѣрить'..
 Сказалъ бы прямо: деньги есть,
 Не про твою, къ примѣру, честь, —
 Такъ нѣтъ! И щедрымъ притворится,
 И на слова не поскупится...

— Помочь я радъ, дескать, душой...
 Поводить за носъ день-другой,
 Помучить болтовней, распросомъ:
 Ну, что моль?.. и отправить съ носомъ:
 Свои де нужды, извини... —
 „Вотъ богачи то! Вотъ они!
 Чортъ знаетъ... или попытаться
 Пойти къ Скобѣеву?.. Вѣдь, жидъ,
 Просить не стоить... и сердить.
 Мнѣ, правда, чтó! — равно шататься...
 Уважить — ладно, поклонюсь;
 Толкнетъ — по-свойски разочтусь“.
 И черезъ часъ, проситель скромный,
 Онъ у Скобѣева въ пріемной
 Съ лакеемъ-мальчикомъ шепталъ:
 „Что дома баринъ?“

— Тсс... не всталъ. —

„А скоро, думаешь, проснется?“

— Вотъ-вотъ... не кашляй! —

„Отчего?“

— У насъ за это достается. —

„Такъ! Этотъ завтракъ для него?“

— Да, колбасу ѣсть передъ чаемъ. —

„Всегда?

— Случается, — балыкъ
И ветчину. Вишь, такъ привыкъ;
Здорово, стало. —

„Понимаемъ.

Ну, а жена его смирна?“
— Ништо. Да какъ-то все больна;
Тоскуеть, книжки все читаетъ,
Поетъ, да грустно таково,
А баринъ этимъ попрекаетъ.
„Дѣтишки есть?“

— Ни одного. —

„А вонъ въ гостиной чья дѣвица?“
— Да самъ-атъ говорить — сестрица,
А дворянъ говорить... ой, ой!..
Проснулся, братъ! потише стой! —
Пока Скобѣевъ всталъ, умылся,
За колбасою посидѣлъ,
Сигару выкурилъ, обрился
И кончилъ чай, — Кулакъ глядѣлъ
На кресла, зеркала, картины,
На свѣтлый, выкрашенный полъ,
На складки бѣлой парусины,
Одѣвшей люстру, и на столъ
Съ часами въ бронзовой отдѣлкѣ.
И думалъ: вишь понакупилъ!
Выходить, былъ въ своей тарелкѣ,
Когда въ комиссіи служилъ.

„А, грубіянь! зачѣмъ явился?“

Входя, Скобѣевъ забасилъ
И на диванъ развалился...

„Эй, Васька! Трубку! Ну, зачѣмъ?

— Что, сударь, обнищаль совсѣмъ.

Просваталъ дочь, нужна помога,
Цѣлковыхъ этакъ сто въ заемъ;

Я заложилъ бы вамъ свой домъ...
Не откажите, ради Бога! —
„Просваталь дочь... а что она
Молоденькая, недурна?“
И плотный баринъ улыбнулся.
— Вы все изволите шутить;
Тутъ горе, смѣю доложить. —
„Да врешь! когда вашъ братъ горюетъ?
Привыкъ къ бездѣлю, пьетъ вино,
Да ѣсть и спать, или плутуетъ,
И только. Знаю васъ давно“.
— Всѣ люди грѣшные, конечно...
Я заплачу вамъ черезъ годъ,
Проценты вычтите впередъ...
Ей-ей, васъ не забуду вѣчно! —
„Процентовъ на сто — двадцать пять!..
— Да это, сударь, разоренье! —
„Ха, ха! я думалъ одолженье!
Шучу, дуракъ! Я рукъ марать
Не стану“.

— То-есть просятъ мало? —
„Ну, да! и просить-то Кулакъ“.
— Смекаемъ, сударь... низко стало...
Одѣтъ, къ примѣру, я не такъ;
Не то — вы крикнули-бъ, я знаю,
Эй, Васька, принеси имъ чаю! —
„А хочется!“ — Три раза пилъ,
Въ четвертый васъ я-бъ угостилъ,
Да не пойдете: горды больно. —
„Дуракъ!.. Пошелъ!..“
— Пойдемъ. —

„Довольно,

Ступай-же!..“

— Выйду, говорю...

За рысака-то вамъ дарю,
Раздайте нищимъ... —

„Это видишь?“

— Чубукъ хорошъ. —

„Ну, скоро выйдешь?..“

— Съ двумя концами... —

„Такъ держись!“

— Семень Ивановичъ пришли-съ! —
Сказалъ лакей.

„Проси, чертенокъ!

Нашелъ докладывать о комъ,
Негодный!.. Одурѣлъ спросонокъ?“
И баринъ стукнулъ каблукомъ,
Вскочилъ съ дивана, трубку кинулъ,
Дверь кабинета отворилъ,
Къ столу два кресла пододвинулъ,
Усѣлся съ гостемъ и спросилъ:
„Вы изъ Коммисіи?

— Оттуда. —

„Ну, что идетъ-ли нашъ подрядъ? —

— Да подвигается покуда,
Подмазать надо, говорить... —

„А, знаю... очень, молъ, пріятно...
На вещи цѣну-то того...
Вы понимаете?“

— Понятно. —

„Да не опасно-ль?“

— Ничего! —

„А по бумагамъ безусловно
Въ подрядъ вы: я подъ судомъ“.
— Какъ ваше дѣло въ уголовной? —
„Все, — слава Богу, — подъ сукномъ.
Жаль, нѣтъ войны: подряды мелки,
Отъ мира мало намъ добра...“

— Нельзя сказать... —

„Все вздоръ, бездѣлки!
Нѣтъ, батюшка, не та пора“.

Кулакъ не очень торопился:
Тутъ разговоръ. Онъ соблазнился;
Его забыли. Кабинетъ
Едва припертъ, лакея нѣтъ...
Чего-же лучше? Слушать можно,
И онъ подслушалъ осторожно:
„Держися, матушка-казна!
Подрядъ, вишь, плохъ, нужна война...
А гость-то!... Царь ты мой небесный!
Недавно въ кабакахъ сидѣлъ,
Носилъ отрепье, плутъ извѣстный, —
Теперь подрядчикъ, фракъ надѣлъ...
Вотъ кулаки-то!..“

Выль буйный вѣтеръ; дождь ливнемъ лился
И громъ гремѣлъ. Лукичъ промокъ
До нитки, посинѣлъ, продрогъ,
На грязь и непогодь сердился
И пробирался стороной,
Согнувшись, въ обуви худой.
На перекресткѣ онъ столкнулся
Съ торговкой, чтѣ-то проворчалъ,
Посторонился, поскользнулся
И чуть-чуть въ лужу не упалъ.
Старуха, шамшая, сказала:
„Хрѣнку, родимый, не возмешь?
— Ну, ну, проваливай, пристала...
Безъ хрѣну горько не въ терпѣжь. —

Межъ тѣмъ, по улицѣ широкой
Куда-то гнали въ путь далекой,
Въ халатахъ сѣраго сукна,

Толпу преступниковъ. Она
Шла медленно, гремя цѣпями,
Конвой съ примкнутыми штыками
Ее угрюмо окружалъ,
И барабанъ не умолкалъ.
Пошелъ народецъ на работку!
Лукичъ подумалъ: да, ступай!
Поройся тамъ руды въ охотку
И не въ охотку покопай.
Добру-ль съизмала не учили,
Подрось-ли, люди соблазнили,
Далъ волъ-матушкѣ разгулъ,
Въ разгулъ голову свернулъ...
Есть грошъ, достать на подаянье...
Поди, Скобѣевы живутъ,
Ихъ въ кандалы не закуютъ,
Не отведутъ на покаянье...
Ну, вотъ тебѣ и взялъ въ заемъ!
Постой, постой!.. Вѣдь, этотъ домъ
Купца Пучкова... Э, почтенный,
Я про тебя и позабылъ!
Пучковъ... да, я ему служилъ.
Святоша, человекъ смиренный,
Мукой, къ примѣру, торговалъ,
Парчей, свѣчами восковыми...
Ну, такъ! руками-то моими
Частенько жаръ онъ загребалъ...
Зайти къ нему.

XVI.

Угрюмъ и прочень
Пучкова домъ. На кровлѣ тесъ
Зеленой плѣсенью поросъ;
Досками крѣпко заколочень

Сосновый ставень кладовой.
Косматый сторожъ, песъ цѣпной,
Въ конурѣ дремлетъ у забора;
Амбары въ сторонѣ стоятъ,
Ихъ двери отъ ночнаго вора
Замки тяжелые хранятъ.
Едва глядятъ лучи дневные
Сквозь окна въ комнаты пустыя,
Хозяинъ не имѣлъ дѣтей
И рѣдко принималъ гостей,
Но спальня съ желтыми стѣнами
Свѣтла, опрятно убрана;
Весь уголь занять образами,
Лампада вѣчно зажжена,
Кровать накрыта простынею,
И полонъ шкафъ церковныхъ книгъ, —
Иныхъ терпѣть не могъ старикъ
И называлъ ихъ чепухою.
Въ простѣнкѣ, трудъ давнишнихъ лѣтъ,
Виситъ на гвоздикѣ портретъ
Монаха съ черной бородою,
Съ рукой, поднятой къ небесамъ,
И надписью надъ головою:
„Воспомяни, что узришь тамъ“.

Проникнуть думою святою,
Во очкахъ, за Библіей большою
Пучковъ, нахмурившись, сидитъ.
Сюртукъ мерлушками подбитъ,
Подстрижены усы сѣдые,
Бородка жидкая длинна.
Скулы торчатъ, глаза косые,
Какъ мѣсяцъ лысина ясна.
Онъ жилъ въ ребячествѣ трудами,
Водилъ по ярмаркамъ слѣпцовъ,

Ходилъ искусно вверхъ ногами
За крендели зѣвакъ-купцовъ;
Нѣмымъ, калѣкой притворялся;
Для нищей братьи по ночамъ
За „Еруслана“ принимался.
(Читать онъ выучился самъ).
Одинъ добрякъ, старикъ бездѣтный,
Полубольной и безотвѣтный,
Его за бойкойсть полюбилъ,
Одѣлъ и въ лавку посадилъ.
Мальчишка взросъ, и за услугу
Оставилъ нищимъ старика;
Купецъ спился отъ горя съ кругу
И умеръ подлѣ кабака,
Полночной вьюгою отпѣтый, —
То былъ простой, но горькій плачъ;
А трупъ, въ больницѣ отогрѣтый,
Разсѣкъ ножомъ ученый врачъ.
Чужаго золота наслѣдникъ,
Пучковъ себя не уронилъ:
Глядѣлъ смиренникомъ и былъ
О чести строгій проповѣдникъ;
Не кушалъ рыбы по постамъ,
Молился долго по ночамъ,
Передъ нетлѣнными мощами
Въ слезахъ колѣни преклонялъ,
На церковь подавалъ грошами
И грабилъ бѣдныхъ наповалъ.
И странно! Плутъ не лицемѣрилъ:
Онъ искренно въ святыню вѣрилъ;
Вѣдь, совѣсть надо очищать, —
Чтѣ дѣлать! Страшно умирать!
Пучковъ объ адѣ начитался,
И какъ же онъ чертей боялся!

На полчаса вздремнуть не могъ,
 Три раза „Да воскреснетъ Богъ“
 Не прочитавъ. Теперь, подъ старость,
 Оплакивалъ онъ грѣшный міръ,
 И говорилъ: вотъ наша радость!
 Указывая на Псалтирь
 И Библию, хотя ни мало
 То и другое не мѣшало
 Ему язвить изподтишка
 И умнаго, и дурака.

Кулакъ вошелъ. Сказалъ учтиво:
 Погода, молъ, дурна-съ, промокъ!
 Прибавилъ: грязно съ! И умолкъ.
 Хозяинъ поглядѣлъ пытливо,
 Закладкой книгу заложилъ,
 Зѣвнуль, молитву сотворилъ
 И отвѣчалъ: „да, дождь сегодня:
 Все хорошо, все власть Господня...
 Ты здѣшній“.

— Да-съ. Я мѣщанинъ,
 Слуга вашъ бывший, Карпъ Лукинъ. —
 „Какъ будто-бы припоминаю.
 А, впрочемъ, нѣтъ... едва ли такъ“.
 — Я вотъ на дняхъ просваталъ дочь... —
 И рассказалъ Лукичъ, въ чемъ дѣло.
 Гмм... жаль, что не могу помочь!
 Мое богатство улетѣло,
 Какъ дымъ въ трубу: все разошлось
 По добрымъ людямъ, да авось
 Промаюсь. Старъ... гляжу въ могилу,
 И время... Господи помилуй!“
 — Нельзя-ли, сударь, пожалѣть?
 Вѣдь, вы не вѣрите, извѣстно...
 Вотъ образъ, — заплачу вамъ честно!

Безъ покаянья умереть,
Коли солгу! —

„Зачѣмъ божиться?“

— Да тошно! Кажется, готовъ
Сквозь землю лучше-бъ провалиться.
Чѣмъ этакъ — вотъ изъ пустяковъ
Просить, да мучиться напрасно... —
„Охъ, милый! Вѣрить-то опасно!
Иного ссудишь, да не радъ:
Уплаты нѣтъ, — я виновать,
Терпи, да жди... Прійдетъ, голосить,
А не послушаешь, — поносить;
Да вытянешь процентъ едва,
Вотъ нынѣ правда какова!“

Кулакъ и тѣломъ, и душою
Божился честно заплатить, —
Не могъ Пучкова убѣдить:
Онъ морщился, махалъ рукою:
„Нѣтъ не могу! Закладъ не тотъ:
Твой домъ не каменный... нейдетъ“.
— Несытая твоя утроба!
Ну, стало, голову мнѣ снять
И подъ закладъ тебѣ отдать?!
Вѣдь, ты вотъ-вотъ подъ крышку гроба...
Кому казну-то ты копишь? —
„Опомнись! съ кѣмъ ты говоришь?“
— Съ тобою, старый песъ! съ тобою!
Ты вмѣстѣ воровалъ со мною,
Клади мнѣ денежки на столъ,
Дѣлись! Я вотъ зачѣмъ пришелъ! —
Пучковъ вскочилъ.

„И ты мнѣ смѣешь?..“

— Кто, я-то?... Ты не подходи
И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,

Убью! Вотъ тутъ и околѣешь! —

Купецъ позеленѣлъ. Нѣмой,
Грозя приподнятой рукой,
Онъ въ мрачное изваянье
Вдругъ превратился. Есть одно
Востока чудное сказанье,
Руси знакомое давно:
Въ глуши таинственная сила
Три дива на горѣ хранила.
Столбомъ надъ почвою сухой,
Вставалъ ключъ влаги золотой,
Разумно птица говорила,
И пѣло дерево. Межъ скаль
Завѣтный путь туда лежалъ,
Въ глушь не одинъ пройти пытался,
Но по пятамъ текла гроза —
Гремѣли громомъ голоса,
Весь воздухъ кличемъ наполнялся,
Смѣльчакъ запретъ позабывалъ:
Лицо въ испугѣ обращалъ
Назадъ, — и камнемъ оставался.
На мигъ едва-ли не таковъ
Въ безсильномъ гнѣвѣ былъ Пучковъ.

Кулакъ захохоталъ. „Ну что-жь?
Ударь, попробуй!“

— Вонъ, злодѣй! —

„Пойду, святоша... правый Боже!
И терпишь Ты такихъ людей!
Прощай! Садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги —
Все, значить, о душѣ печаль...
А жаль тебя, ей-Богу, жаль!“
Привелъ Господь считать пороги!
Кулакъ дорогой горевалъ
И потъ холодный отиралъ.

Пойду. Дождешься тутъ помощи!
Гм... Кулаку, дескать, дадимъ!
И говорить-то стыдно съ нимъ!
Ну, а вотъ эти, стало, святы?
Набыютъ сундукъ чужимъ добромъ
И вдругъ — банкроты, не при-чемъ!
И этотъ чистъ, крючекъ проклятый —
Ограбить матушку-казну,
Деревню купить на жену?
И тотъ, къ примѣру, помнить Бога
И судъ по совѣсти творить;
Съ перомъ присядеть, поскрипитъ, —
Богатый выйдетъ изъ острога,
Бѣднякъ — въ невидимой винѣ,
И плеть засвищетъ по спинѣ?
И тотъ вонъ не торгуетъ честью:
Межъ знатныхъ трется съ подлой лестью,
Мѣшаетъ съ грязью мужиковъ...
Да мало-ли насъ, кулаковъ!
Кулакъ въ енотѣ, въ полушубкѣ,
При саблѣ, въ золотѣ и юбкѣ,
Гдѣ и не думаешь, онъ — тутъ.
Не мелочь, не грошовый плуть,
Не намъ чета — подниметь плечи,
Прикрикнетъ, — не найдешь и рѣчи,
Рубашку сниметъ, — все молчи...
Господь суди васъ, палачи!
А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
На грошъ обманешь по неволѣ, —
Тебя согнуть въ бараній рогъ,
Бранять, и бьютъ-то, и смѣются...
А разживись я, — видитъ Богъ,
Въ пріатели всѣ назовутся;
Сплутую, — скажутъ: не порокъ...
Тьфу! гадость!

XVII.

Туча миновала;
Прошла тревога Кулака:
Онъ отыскалъ ростовщика...
Все благо! Саша промѣняла
Родимый домъ на кровъ чужой,
Она прощальною слезой,
Его, какъ водится, почтила,
Какъ водится и позабыла.
Веселой свадьбы пиръ умолкъ,
Утихъ о ней сосѣдей толкъ,
Угомонились пересуды,
Въ свояси гости разбрелись;
Переколоченной посуды
Въ домахъ осколки убрались.
Кулакъ покоенъ: дни позора
Онъ прожилъ. Полно плутовать!
Ему поможетъ добрый зять, —
Зятя надежная опора.
Одна Арина у окна
Сидитъ за варежкой грустна:
Безъ Саши горенка скучнѣе,
И время тянется длиннѣе,
И котъ тоскуетъ: спать въ углу,
Не поиграетъ на полу
Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ,
Она калитку запираетъ
И съ робостью обходить дворъ, —
Не притаился-ли гдѣ воръ,
И мужа ждетъ. И спицы снова
Звенять, безъ умолку звенять.
Межъ-тѣмъ все къ ужину готово,
Ужъ ложки на столъ лежать.

Въ грозу закроетъ боязливо
Трубу, всѣ окна, и платкомъ
Завяжетъ уши торопливо, —
Все, дескать меньше слышенъ громъ;
Затеплеть свѣчу восковую
И Бога на помочь зоветь,
Покуда тучу громовую
Далеко вѣтеръ унесетъ.
Порою, у воротъ отъ скуки
Съ глухой кумой поговорить
О томъ, что грудь ея болитъ
И ломятъ отчего-то руки,
Что не горитъ щепы въ печи,
Сырая, вѣрно, хоть кричи;
Сегодня каша не упрѣла;
Что посадить она хотѣла
Вчера насѣдку, но едва-ль
Не поздно, да и яйца жаль;
Что у сосѣда, Шестакова,
Намедни гусь зажаренъ былъ,
Да мужъ женѣ платокъ купилъ,
И отелилася корова, —
Вотъ счастье-то! А дочь придетъ,
Старушкѣ бѣдной тѣма заботъ!
„Ахъ, наша гостыя дорогая!
Здорова-ли? Присядь, присядь!
Здорова-ль? повторяетъ мать,
Съ улыбкой слезы утирая:
Насилу Богъ тебя принесъ...“
И начинается допросъ:
Живетъ-ли съ нею мужъ согласно,
Привѣтливъ онъ, или сердитъ?
Не ссорится-ль когда напрасно,
Не часто-ли свекровь ворчитъ?

О всякой мелочи ничтожной
Поразузнаетъ осторожно,
И трудовой пятакъ возьметъ,
Спѣшитъ къ богатому сосѣду,
И въ кринкѣ молока къ обѣду
Любимой гостѣ принесетъ.
Свой садъ Арина позабыла:
Мать столяра ей досадила
Упрекомъ, бранью каждый разъ,
Сквозь наклонившійся плетень:
„Здорова, мать! Въ саду гуляешь!
Хозяйка, яблоки считаешь!...
Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
Поймаю, прямо подъ топоръ;
Да, зять богатъ! Передъ тобою!
Звоню я, матушка, про васъ...
Умна ты съ дочкою своею,
Хотѣла одурачить насъ...
Тьфу, вотъ вамъ! Вотъ народъ продажный!
Возьмите!..“ И махоръ бумажный
Леталъ на колпакѣ вдовы
Отъ потрясенья головы.

Настала осень, скученъ городъ.
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
На сумерки похожій день...
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголь. Мостовыя
Покрыты грязью. Пѣшеходъ
Съ досадой нехотя бредетъ.
Слезамъ капли дождевыя
Текутъ по кровлямъ, по стѣнамъ,
По окнамъ и по воротамъ.
Другъ-другу грустные поклоны
Въ садахъ деревья отдають,

Ихъ шапки на землѣ гніють
По вечерамъ кричатъ вороны,
Въ лѣса собираясь на ночлегъ.
Порой — неожиданный, мокрый снѣгъ,
Какъ туча бѣлыхъ мухъ, кружится;
Минута — ливнемъ онъ смѣнится...
Вотъ время! Двери на крючекъ,
Зажги веселый огонекъ,
Бесѣдуй съ другомъ цѣлый вечеръ.
Пусть льется дождь, голосить вѣтеръ, —
Тепло въ затворенномъ углѣ,
За самоваромъ на столѣ.
Но каково сидѣть съ тоскою
И одному, и въ заперти?
Пошелъ бы, — не къ кому пойти,
Читалъ бы, — нечего порою;
Заснуть — счастливъ, кто можетъ спать,
Не то, хоть петлю надѣвать!
Кулакъ, съ досадой молчаливой,
Поглядывалъ нетерпѣливо
На небо, снѣга поджидалъ
И непогоду проклиналъ.
На рынкѣ нечѣмъ поживиться,
Дороги плохи... нѣтъ крестьянъ;
Ходи, глотай сырой туманъ,
Пришлось хоть воздухомъ кормиться,
А между-тѣмъ кругомъ нужда:
Лежанка въ горенкѣ худа,
Подъ матицей кряхтитъ подставка,
Въ окошкахъ стеколъ недочетъ;
Тамъ крыша кое-гдѣ течетъ;
Тутъ сапогамъ нужна отставка,
Сюртукъ заплатами покрытъ,
А гасть въ клочья истаскался,

И какъ старикъ ни ухитрялся
Его сложить, но все на видъ
Не кстати бахрама висить.
На рынкѣ, просто, нѣтъ прохода.
Прійдетъ на бѣдняка невзгода!
Какой-нибудь молокососъ
Людей и Бога не боится,
Какъ надъ шутомъ, надъ нимъ глумится:
„Ну, что, Лукичъ, повѣсилъ нось?
Охота здѣсь тебѣ таскаться
И хлѣбъ обманомъ добывать,
Подъ старость скверно воровать,
Ей-ей, безгрѣшнѣй побираться;
Сидѣлъ бы съ чашкой гдѣ-нибудь,
Трудъ, значить, легкій, стариковской,
Да благо и сюртукъ таковской,
Вишь — любо-дорого смотрѣть!..“

Мнѣ, видно, зять не довѣряетъ,
Кулакъ подумалъ: не поймешь...
И чаемъ вдоволь угощаетъ,
И льститъ, а толку ни на грошъ.
Я говорю, къ примѣру, буду
Тебѣ въ торговлѣ помогать,
Чужихъ, равно, молъ, нанимать!
— Извольте-съ! я васъ не забуду...
У насъ торговый оборотъ
Зимою-съ... Вотъ зима придетъ... —
Гмм... путь, того и жди, настанетъ...
Ну, если онъ меня обманетъ,
И я останусь въ дуракахъ,
Безъ дома, съ сумкой на плечахъ?
За что же такъ!.. Дитя родное
Принудилъ... Самъ теперь въ долгу...
Покоя ждалъ, — и вдругъ... Пустое!

Нельзя! Повѣрить не могу!

Дождь каплетъ. Синими клоками

Плывутъ на сѣверъ облака.

Не весель домикъ Кулака

Съ его измокшими стѣнами;

Въ болото обратился дворъ,

По серединѣ: кучи, соръ.

Но садъ грустный: вокругъ молчанье,

Замолкло птичекъ щебетанье.

Огнемъ онъ точно обожженъ,

Весь почернѣлъ и обнаженъ.

Покинутыя колыбели,

На ивахъ гнѣзда опустѣли, —

Жильцы разсѣялись. Мертва

Къ землѣ припавшая трава,

И съ непокрытою макушкой,

Забытой горькою старушкой,

Въ измокшей бѣлой простынѣ

Стоитъ береза въ сторонѣ.

Кулакъ въ саду. Онъ на топливо

Деревья взглядомъ выбиралъ,

Топоръ подъ мышкою держалъ.

Но что рубить? Подъ этой ивой

Вздремнуть, бывало, онъ любилъ

На свѣжей травкѣ, въ полдень знойный;

Иныя самъ отецъ покойный

Ему на память посадилъ.

И жаль, и дровъ нѣтъ ни полѣна...

Вонъ, правда, есть пока замѣна...

И засучилъ онъ рукава:

Пошла береза на дрова...

Старушка печку затопила,

Кулакъ на коникъ прилегъ.

„О чемъ грустишь?..“ жена спросила.

— Такъ... Что то мочи нѣтъ, продрогъ. —

„Что зять-то, какъ?“

— Смотри за шами:

Мужское дѣло — не твое... —

„Я все про Сашино житье...

Богъ знаетъ, и за богачами

Живуть, да мучатся...“

— Опять!

Нельзя, къ примѣру, помолчать? —

Дверь отворилась, и горбатый

Курчавый рыжій мужичекъ,

Въ халатѣ, съ палкой суковатой,

Сказалъ съ поклономъ: „Встань, дружокъ,

Хозяинъ умный, тароватый!

Явился гость, — и ты не радъ,

И я, соколъ, не виновать“.

— Мы, погода, побалагуримъ...

Ты кто? Зачѣмъ? —

„Да встань-ка, встань,

Не погоняй, кнута не любимъ...

Теперь подушное достань“...

— Ты, знать, отъ старосты... разсылный...—

„Узналъ, сударикъ мой, узналъ!“

— Присядь, ты, кажется, усталъ.

А что морозъ сегодня сильный?

Я, знаешь! все въ избѣ сажу,

На дворъ, къ примѣру, не хожу:

Нога болить. —

„Да, да! Проказникъ!

Испилъ воды на свѣтлый праздникъ,

Болить съ похмѣлья голова...

Хитеръ на красныя слова!“

— Чего! Ей-ей болить, безъ шутокъ!

Вотъ видишь... охъ, не наступлю! —

„Хе, хе, сударикъ мой, люблю;
 Нужда горька безъ прибаутокъ...
 Достань-ка деньги-то, родной,
 Инъ — къ старостѣ пойдемъ со мной“.
 — Да какъ же быть?.. недугъ проклятый!..
 Что дѣлать? —

„Деньги заплатить!

Я вотъ, сударикъ, самъ девятый
 Живу. Плачу... не стать тужить...
 Шесть душъ дѣтей, жена седьмая,
 Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ,
 Какая тамъ нога больная!
 — Скажи, что дома не засталъ,
 Ушелъ, моль, ленъ скупать въ деревни...—
 И гостю гривенникъ послѣдній
 Изъ кошелька Кулакъ досталъ.
 „Оно ништо... да маловато...“
 — Ей-Богу, гроша больше нѣтъ! —
 „Ну, за тобою... дѣло свято!
 Прощай покудова, мой свѣтъ...“
 Теперь на хлѣбъ добудь,—гдѣ знаешь!
 Кулакъ подумалъ и вздохнулъ
 И кошелекъ на столъ швырнулъ:
 „Не радъ хромать, да захромаешь“,
 Попробуй-ка пожить вотъ-такъ!..
 А вѣдь, кричатъ: кулакъ! кулакъ!..“

XVIII.

Зима стоитъ. Трещать морозы.
 Пошли съ товарами обозы
 По Руси-матушкѣ гулять,
 Слѣды въ сугробахъ прокладать!
 Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ,
 Рѣка, болото,— всюду мостъ

За тысячу и за двѣ верстъ...
На мужичкѣ бѣлѣтъ волосъ,
Но веселъ онъ! идетъ — кряхтитъ,
Казну на подати копить.
Посвистывая теперь на волѣ,
Холодный вѣтеръ въ чистомъ полѣ,
Кружись, сердитая метель,
Стелись, пуховая постель!

Кому путекъ, кому дорога,
Аринѣ дома дѣла много:
Вставая раннею зарей,
Она ходила за водой,
Порой бѣлье чужое мыла,
Дескать, работа не порокъ,
Все будетъ хлѣбушка кусокъ;
Порою и дрова рубила,
Когда Кулакъ на печкѣ спалъ,
Похмѣлье храпомъ выгонялъ;
Отъ стужи кашляла, терпѣла,
И напоследокъ заболѣла.
Лежить недѣлю, легче нѣтъ,
Ознобъ и жаръ ее объемлетъ;
Едва забудется, задремлетъ, —
Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ
Встаютъ неожиданныя видѣнья...
Вотъ вспомнилась съ грозою ночь, —
Въ густомъ саду шумятъ деревья
Изъ теплой колыбели дочь
Головку въ страхъ поднимаетъ
И громко плачетъ, и дрожить,
А мужъ неистово кричитъ
И стулъ, шатаясь, разбиваетъ,
Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ —
Малютка, убранный цвѣтами,

Покоится подъ образами;
Блестить въ лампадѣ огонекъ,
Въ углу кадилница дымится,
Столь бѣлой скатертью накрыть,
Подъ кисеей младенецъ спитъ,
Она отъ вѣтра шевелится,
И солнце въ горенку глядитъ,
На трупъ весело играя...
И мечется въ жару больная.
Въ ушахъ звенить, въ глазахъ темно,
И слезы градомъ льются, льются...
Межь-тѣмъ, какъ съ улицы въ окно
Къ ней звуки музыки несутся:
Тамъ, свадьбу праздную, идетъ
Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ.
Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ,
Смотря безсмысленно кругомъ,
Старушка встанетъ и потомъ,
Вся потрясенная испугомъ,
Со стономъ снова упалетъ
И дочь въ безпамятствѣ зоветъ.

Снѣгъ падалъ хлопьями. Былъ вечеръ.
Порывистый сердитый вѣтеръ
Въ трубѣ печально завывалъ.
Лукичъ встревоженный стоялъ
У ногъ Арины. Дочь глядѣла
На умирающую мать,
И слезы удержать хотѣла.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодѣла,
И судороги ногъ и рукъ,
Послѣдній признакъ тяжкихъ мукъ,
Слабѣли.

„Матушка, родная!
 Благослови!..“ сказала дочь,
 Въ слезахъ, колѣни преклоняя.
 — Отецъ... Онъ нищій... ты помочь
 Ему... нашъ домъ...— и рѣчь осталась
 Не конченной. Невнятный крикъ,
 Раздавшись, замеръ, и языкъ
 Умолкъ. Развязка приближалась.
 Въ тоскѣ подъятая рука,
 Какъ плеть, упала. Грудь слегка
 Приподнялась и опустилась,
 Взоръ неподвижный угасаль,
 По тѣлу трепеть пробѣжалъ —
 И стихло все... Не умолкаль
 Лишь бури вой.

„Одинъ остался,
 Одинъ, какъ персть!“ Лукичъ сказалъ,
 Закрывъ лицо и зарыдалъ.

Уснуло доброе созданье!
 Жизнь кончена, итогъ сведень,
 Посмотримъ, чтѣ-то скажетъ онъ?
 Немного. Скромное желанье
 Безъ хлѣба завтра не пробыть;
 Возня съ горшками, да съ насѣдкой,
 Вязанье варегъ день и ночь,
 Отъ скуки разговоръ съ сосѣдкой,
 Тревога, что тоскуеть дочь,
 На пьянство мужа тайный ропоть,
 Порой побой отъ него,
 Про быть чужой невинный шопоть,
 Да слезы,— больше ничего!
 И эта мелочь мозгъ сушила,
 Изъ жилъ по каплѣ кровь пила!
 Страшна ты — роковая сила —

Нужды и мелочнаго зла!
Ты не убьешь, какъ громъ, мгновенно,
Войдешь ты,—поль не заскрипитъ,
И душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ.

Съ разсвѣтомъ буря замолчала
Арина на столѣ лежала.
Въ лампадѣ огонекъ сіялъ;
Онъ какъ-то странно освѣщалъ
Лицо покойницы старушки
И неподвижной, и нѣмой,
И бѣлые углы подушки,
Измятой мертвой головой.
Убитый горемъ и тоскою,
Передъ иконою святою
Лукичъ всю ночь Псалтирь читалъ.
Уныль и тихъ его былъ голосъ,
Отъ страха жесткій, черный волосъ
На головѣ не разъ вставалъ...
Казалось, строго и сурово
Глядѣла бѣдная жена;
Раба доселѣ, съ жизнью новой
Вдругъ измѣнилася она...
Свою печаль припоминала
И мужу казнь угрожала...
Старикъ внимательнѣй читалъ —
И ничего не понималъ...
Всѣ буквы, мнилось, оживали:
То замыкались въ кругъ порой,
То расходились, выросали,
Плясали черною толпой...
Межь-тѣмъ, сосѣдки понемногу
Набились въ горенкѣ. Однѣ
Вздыхали и молились Богу,
Другія, въ грустной тишинѣ;

Съ тяжелой думою стояли,
Иль объ усопшей толковали,
Что вотъ-де каковы дѣла:
Жила, жила, да умерла.
Мать столяра въ недоумѣньи
Покачивала головой,
Въ углу бесѣдуя съ кумой:
„Вотъ срамъ-то! Просто, удивленье!
Вѣдь, на покойницѣ платокъ,
Что тряпка... ай-да, муженекъ!
Убралъ жену, Кулакъ проклятый!
О платѣ я не говорю:
Я вчужѣ отъ стыда горю, —
Съ заплатой, милая, съ заплатой!
А дочкѣ горя нѣтъ... сидитъ,
Одной слезы не уронитъ.
Ахъ, я тебѣ и не сказала!
Она за сына моего
Хотѣла выйти... каково!
Да я-то шишъ ей показала!
И мать-то, помянуть не тѣмъ,
Глупа была, глупа совсѣмъ“.

Сосѣдки вышли. Саша плачетъ,
Отецъ печально говоритъ:
„Не позабудь! я нишій, значить...
Ты дочь, вонъ мать твоя лежитъ,
Похорони!“

— Да не грустите!

Пойдемте къ намъ. Вы попросите
Здѣсь посидѣть кого-нибудь...
Вамъ не мѣшало-бъ и заснуть:
Вишь, вы стоите черезъ силу... —
„Идти просить, на гробъ просить,
На свѣчи, Саша, на могилу!“
— Да гдѣ же взять-то? Какъ же быть!

XIX.

Зять Кулака сидѣлъ въ рубашкѣ,
Расходъ въ тетрадку заносилъ,
О чемъ-то съ Сашей говорилъ
И морщился. Въ граненой чашкѣ
Чай на подносѣ остывалъ,
И сахару кусокъ лежалъ.
Покоенъ взгляды его и ясенъ,
И густъ румянецъ полныхъ щекъ,
Подстриженный затылокъ красенъ,
Мясистыхъ плечъ размѣръ широкъ.
Софа, комодъ, горшокъ съ цвѣтами,
Часы съ кукушкой на стѣнѣ,
Пять стульевъ съ мѣдными гвоздями,
Пеньки образчикъ на окнѣ,
Двѣ кучки ржи, одна пшеницы,
Въ чулкѣ оставленныя спицы,
Вотъ комната, — гдѣ онъ писалъ.

Лукичъ вошелъ, перекрестился,
Сказалъ, что умерла жена,
Что погребенья ждетъ она;
И зятю въ поясъ поклонился.
„Извольте-съ, отъ добра не прочь...
Зачѣмъ родному не помочь...
А жаль: я думаю, простуда?“
— Богъ знаетъ что, да умерла. —
„Я полагаю-съ — смерть пришла...
Вотъ выпейте чайку покуда“.
— Благодарю, не до того. —
„Напрасно-съ! Это не мѣшаетъ:
Онъ эдакъ грудь разогрѣваетъ“.
— Да я не зябну, ничего...
Не позабудь, къ примѣру, въ горѣ... —
„Вотъ ключъ позвольте отыскать...

Я много не могу вамъ дать,
Не то что, да-съ... нѣтъ денегъ въ сборѣ.“
— Не добивай, я такъ убить! —
„О томъ никто не говорить.
На счетъ того-съ, оно, конечно,
Родно позабывать грѣшно,
Да, вѣдь, грѣшно и жить безпечно...
Да-съ! поскользнетесь неравно!
На васъ вотъ тулупишка рваный,
Да пальцы изъ сапогъ торчатъ,
А вы, намедни, были пьяны...
Выходить, кто же виновать?“
— Да знаю, другъ мой, все я знаю!
Неволя пьетъ-то иногда;
Ты думаешь, мнѣ нѣтъ стыда,
Что плутовствомъ я промышляю,
Ѣмъ хлѣбъ чужой, какъ подлый воръ?... —
„Да, да! Для васъ, то-есть позоръ...
Все это пустяки — и только!
Торговли — круговой обманъ.
Вамъ горько лѣзть въ чужой карманъ,
Ну, а просить теперь не горько?...“
— Вѣстимо. Если-бы ты зналъ!
Осмѣянъ всѣми, обнищаль,
Тутъ совѣсть не даетъ покою...
Зять, не пусти меня съ сумою!
Дай мнѣ подъ старость отдохнуть,
Поставь меня на честный путь,
Дай дѣло мнѣ! Господь порука,
Не буду пить и плутовать! —
„Привыкли-съ! Трудно перестать!
Вотъ, значить, вамъ впередъ наука. .
На похороны помогу,
На счетъ другаго-съ — не могу!“
— И съ бородою посѣдѣлой

Опять мнѣ грабить мужичковъ?..
Пойми, мое-ли это дѣло!
Неужто воръ я изъ воровъ!
Мнѣ стыдно! Богомъ умоляю,
Подумай, выручи!.. —

„Опять!

Охота вамъ слова терять...
Нельзя-съ! По чести завѣряю...
Рубль серебра извольте — дамъ...“
— Такъ я, выходить, по домамъ
На тѣло мертвое собираю...
Къ чему ты говоришь про честь?
Вѣдь, я не нищій, я твой тесть,
Вѣдь, я прошу не подаянья;
Въ заемъ, ты слышишь, или нѣтъ?..
„А я даю изъ состраданья,
Не то что, да-съ! И мой совѣтъ —
Не надо брезгать...“

Саша встала,

Въ другую комнату пошла,
Тихонько мужа позвала
И на ухо ему сказала:
„На похороны надо дать:
Насъ, душка, будутъ осуждать,
Что вотъ, дескать, зятёкъ богатый .,“
— Не дамъ я. Пьяница проклятый!
Вотъ навязалася родня! —
„Да, ну! Уважь хоть для меня!
Старикъ тамъ разному народу
Пойдетъ — расскажетъ...“

— Съ камнемъ въ воду!

Пускай! Намъ всѣхъ похоронять, —
Суму придется надѣвать. —
„Ну, вотъ что: помнишь, въ воскресенье
Ты далъ мнѣ деньги на платокъ?“

— Нѣтъ, въ пятницу... —

„Возьми, дружокъ.

Назадъ...“

— Назадъ! Вотъ это удивленье! —

„Отдай ихъ, душка, старику:

Ты видишь — онъ вдался въ тоску,

И мнѣ-то, знаешь, съ нимъ остуда...“

Мужъ головою покачалъ,

Затылокъ жирный почесалъ

И согласился.

„Вотъ-съ, покуда“,

Съ досадой тестю онъ сказалъ:

„Извольте! Это Богъ послалъ,

Вотъ Саша сжалилась надъ вами...“

Тестъ поклонился, покраснѣлъ,

Благодарить онъ не съумѣлъ,

Пошевелилъ слегка губами,

На зятя кинулъ мутный взоръ

И крупный потъ на лбу утеръ.

„Вамъ, батенька, теперь не радость,

Сказала дочь: пора того...

Оно для васъ-то ничего,

А для родныхъ выходить гадость...

Пойдете тамъ по кабакамъ,

На улицѣ васъ встрѣтитъ срамъ...“

— Пора-съ, пора за умъ приняться, —

Прибавилъ зять: — вы не чужой,

Не то что, да съ! Вы нашъ родной,

А съ пьянымъ не хочу я знаться! —

Старикъ молчалъ и вышелъ вонъ.

О чемъ, бѣдняга, думалъ онъ?

А вѣрно дуемою печальной

Быль оглушенъ; на рынокъ шелъ,

И, Богъ вѣсть, почему забрелъ

Въ какой-то переулокъ дальній:

Опомнившись, взглянулъ кругомъ
И назвалъ зятя подлецомъ.

XX.

Добычи рыночный остатокъ,
Давно кулакъ рублей десятокъ
Въ жилетѣ плисовомъ берегъ,
Теперь вотъ зять ему помогъ,
На все достало, слава Богу!
Купилъ онъ меду, калачей,
Вина, говядины, свѣчей,
Муки, конечно, понемногу,
Поденщиковъ приговорилъ
Могилу рыть, и гробъ купилъ.
Принесъ его въ свою избушку,
Перекрестился, крышку снялъ,
Солому въ немъ и холстъ постлалъ,
Съ молитвой положилъ старушку,
Съ молитвою свѣчу зажегъ
И сѣлъ на лавку въ уголокъ,
Скрестивши руки... Бѣлый иней
Сверкалъ отъ солнца на стеклѣ;
Дымился ладонъ на столѣ
Въ курильницѣ,— то, струйкой синей
Колеблясь, къ верху поднимался, —
То въ кольца тихо завивался.
„Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша!
И правда, говорятъ, что цвѣтъ:
Ногою смялъ — его и нѣтъ.
Умру и я, умереть и Саша,
И ни одна душа потомъ
Меня не вспомнить... Боже, Боже!
А, вѣдь, и я трудился тоже,
Весь вѣкъ и худомъ, и добромъ
Сбивалъ копѣйку... Зной и холодъ,

Укоры, брань, побои, голодъ,
Насмѣшки — все переносилъ!
Изъ-за чего? Ну, чтò нажилъ?
Тулупъ остался, да рубаха,
А кралъ безъ совѣсти и страха:
Охъ, горе, горе! Вѣдь, метла
Годится въ дѣло! Чтò-же я-то?
Чтò я-то сдѣлалъ, кромѣ зла?
Вотъ свѣчи, гробъ!.. Гдѣ это взято?
Крестьянинъ, мужичекъ-бѣднякъ,
На пашнѣ потомъ обливался
И продалъ рожь... А я, Кулакъ,
Я, пьяница, не побоялся, —
Не постыдился никого,
Ограбилъ, осмѣялъ его,
Не додалъ денегъ и обмѣрилъ,
Да смертной клятвою увѣрилъ,
Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ!
Вотъ, зять, какъ нищему, помогъ!..
Въ глазахъ мутилось, сердце ныло, —
Я въ поясъ кланялся, просилъ!
А, вѣдь, и я добро любилъ.
Оно, вѣдь, дорого мнѣ было!
Со мной, къ примѣру, было разъ,
Давно ужъ... раннею весною
Я утопающаго спасъ.
Когда онъ съ мокрой головою
Нагой на берегу лежалъ,
Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ,
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
И радостно перекрестился...
И все пропало, все забытъ!

И голову онъ опустилъ...
Чтò думалъ, Богъ про это вѣдалъ.

Насталъ обѣдъ, онъ не обѣдалъ,
И въ два часа, пока сидѣлъ,
Двумя годами постарѣлъ.

Бѣднякъ! бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не вразумилъ!
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
И путь тебѣ иной возможенъ,
Что ты, добра живой сосудъ,
Не совершенно уничтожень;
Ты плакалъ, ты на помощь звалъ;
Нужды подхваченный волнами,
Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками, —
И въ грязномъ омутѣ пропалъ!

Въ семьѣ чужой нашла-ли Саша
Любовь и счастье? Какъ сказать!..
И чтѣ намъ счастьемъ здѣсь назвать?
Вопросъ мудреный, воля ваша!
Есть люди (благодатный родъ)!
Цѣль и граница ихъ желанья —
Спокойный ходъ существованья
Безъ слезъ, сомнѣній и заботъ.
Какъ свѣтъ и воздухъ, имъ лишь нужны —
Здоровье, сонъ, обѣдъ и ужинъ:
И вѣрують они всему,
И счастливы по-своему.
Есть родъ иной: его отрада —
Большая дворня, блескъ палатъ,
Причуды моднаго наряда, —
И это счастье — говорить!
И есть созданья: нѣтъ покою
Для ихъ души; имъ нуженъ шумъ,
Ихъ сила крѣпнеть подъ грозою, —
И постоянною борьбою

Неутомимый занять умъ.
Движенья мысли, жажда знанья,
Науки торжество и плодъ,
Стремленье вѣчное впередъ, —
Вотъ все ихъ счастье и призванье!
На жизнь у всякаго свой взглядъ...
Кто правъ, Богъ вѣсть, когда рѣшатъ.
У Саши былъ свой мѣръ любимый:
Мечты завѣтныя, печаль,
Сережки, зонтикъ, или шаль,
Или салопъ необходимый
Съ пушистымъ мѣхомъ изъ лисицъ,
Да изъ купеческаго круга,
Для болтовни, въ часы досуга,
Пять или шесть знакомыхъ лицъ.
Надежды скромныя съ годами
Осуществятся, можетъ быть,
Не то легко ихъ замѣнить
Разнообразными трудами:
Она въ домашней тишинѣ
Привыкнетъ къ кухонной стряпнѣ,
Отъ скуки самоваръ согрѣетъ,
Отъ скуки сладостно заснетъ,
И постепенно растолстѣетъ,
И вѣкъ безъ горя проведетъ.
Мужъ, человѣкъ неприхотливый,
Ее и нѣжилъ, и любилъ:
Икрой и сельдями кормилъ
Тайкомъ отъ матери строптивой;
(Ея бояться сынъ не могъ,
А просто денежки берегъ).
Съ жены не взыскивалъ онъ много,
Одно наказывая строго:
По дому хлопотать съ утра,
Беречь посуду, ложки, чашки,

Доить корову, шить рубашки,
Безъ спросу не ходить съ двора.

XXI.

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
Чредѣ обычной нѣтъ конца:
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.
Живи, трудись, людское племя,
Вопросы мудрые рѣшай,
Сырую землю удобряй
Своею плотью!... Время, время!
Когда твоя устанетъ мочь!
Какъ страшный жерновъ, день и ночь,
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ
Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ,
Ты ихъ не видишь и не знаешь,
Даешь веселью краткій срокъ,
И тихо, медленно стираешь
Людскія кости въ порошокъ!

Прошло два года.

Народъ дождался торжества:
Заутра праздникъ Рождества,
Желудкамъ полная свобода...
Отмстить за постъ голодный людъ!
На рынокъ безъ метлы метутъ
Добро съѣстное. Поросята,
Индѣйки, мерзлые цыплята
И туши жирныя свиней...
Прохода нѣтъ между саней!
Вотъ боровъ съ опаленной мордой
Вверхъ брюхомъ на возу лежитъ;
Вотъ гусь живой, онъ смотритъ гордо,

На покупателей шипить.
Вотъ крикнулъ селезень. Чиновникъ
Его суеть въ мѣшокъ пустой:
Поди-ка, молъ, сюда, разбойникъ!..
Эхъ, любятъ на Руси святой
Поѣсть и выпить! Намъ не вредны
Излишки. Все на столъ мечи!
Быть можетъ, въ чемъ другомъ мы бѣдны,
Желудкомъ — просто силачи!

Въ тулупѣ, нанкою покрытомъ,
Косматомъ и просторно сшитомъ,
Между воевъ столяръ идетъ.
Онъ веселъ. Поросятъ несетъ.
Съ нимъ женщина. Она смѣется,
У ней шубейка на плечахъ
Нѣтъ-нѣтъ отъ вѣтра распахнется...
И что за доброта въ глазахъ!

А въ сторонѣ былъ громкій хохотъ
И безтолковый споръ и ропотъ;
Толпу внимательныхъ зѣвакъ
Тамъ тѣшилъ, не-хотя, Кулакъ.
Мужикъ съ курчавой бородою,
Съ широкимъ лбомъ, аршинъ въ плечахъ,
Въ тулупѣ, шапкѣ и лаптяхъ,
Взбѣшенный, лѣвою рукою
Его за шиворотъ держалъ.
„Вотъ-эдакъ-вотъ! Вотъ-эдакъ съ вами!..“
Старикъ постукивалъ зубами.
Халатъ съ разорванной полой
Сзади на воздухъ мотался,
И кровь на бородѣ съдой
Застыла каплями.

„Попался!“

Кричалъ народъ: „тряхни его!
Тряхни, получше... ничего!“

— Не бей по шапкѣ! одурѣть! —
„Не смѣть бить,—на это судъ,
Расправа, значить, бить не смѣть...“
— Валяй! тамъ послѣ разберуть! —
Но вдругъ столяръ рукою смѣлой
Толпу раздвинулъ: „стой, за что?“
— А не обвѣшивай... за то! —
Мужикъ отвѣтилъ: — наше дѣло!
Я продалъ шерсть, а онъ того...
Обвѣсилъ, вонъ — шо!..—

„Брось его!

Не то, ей-ей, въ тюрьму запрчемъ,
Сейчасъ солдата позовемъ!..
Чего ты, Карпъ Лукичъ? пойдемъ!..“

— Проваливай, мы не заплачемъ...
Вотъ, не замай, онъ покряхтитъ:
Въ бокахъ-то у него лежитъ! —
„Эхъ, съ этимъ не дошло до драки!“
Жалѣли, расходясь зѣваки.
„А въ нанковомъ куда — горячъ!
И статень, то-то, чай, силачъ!“
„Сосѣдъ, ну, какъ тебѣ не стыдно!“
Столяръ дорогой говорилъ:
„Весь помертвѣлъ, лица не видно...
Чтò завтра? Вспомни!“

— Согрешилъ...

Обвѣсилъ... не во что одѣться...
Озябъ... и нечѣмъ разговѣться. —
„А зять?“

— Мошенникъ!.. Охъ, продрогъ! —
„Ну, Саша?“

— Саша помогаетъ...

Попреки... водкой попрекаетъ...
Ой, больно! заломило бокъ! —
„Бѣдняга! Выгнали изъ дома...

Да ты идешь едва-едва:
Квартира гдѣ? —

— У Покрова.

Привыкъ, къ примѣру... Грязь, солома...
Полтинникъ въ мѣсяцъ... Охъ, продрогъ!
Зимой безъ шубы, безъ перчатокъ! —
„Слышь, Карпъ Лукичъ! вотъ есть остатокъ,
Возьми на праздникъ... Видитъ Богъ,
Даю изъ дружества. Вѣдь, хуже
Обманывать... дрожать на стужѣ...
Возьми, пожалуйста, сосѣдъ,
Ну, хоть въ заемъ, какъ знаешь...“

— Нѣтъ!..

Я виноватъ передъ тобою...
Ты дочь мою... —

„Пустякъ, пустякъ!

Угодно было Богу такъ...
Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною,
Въ карманъ насильно положу,
Вотъ-на!.. И руки подержу...“
— Покинь! мнѣ стыдно! —

„Знаю, знаю!

А ты не вынимай назадъ...
Я чтó родному помогаю,
Не то что, значить... Чѣмъ богатъ!..
Утри-ка лучше кровь полою.
Не ловко? Вотъ сюда пойдемъ.
Да, кстати? Ты, вѣдь, незнакомъ
Съ моею Танею, съ женою?
Люби и жалуй — вотъ она“.
— А ты женатъ уже? —

„Недавно;

Живемъ ништо... покуда ладно.
Взялъ сироту. Однимъ дурна:
Я ей обновку покупаю,

Она свое: купи лотокъ,
Чугунъ, жаровню, да горшокъ...“
— Права: затѣмъ не уступаю! —
Со смѣхомъ молвила жена:
— Обновка тоже не нужна. —
„Ну; вотъ изволь тутъ... Не досада?
И съ матушкою такова:
Найдетъ разумныя слова,
Безъ шума сдѣлаетъ, что надо...
Сосѣдъ, да полно горевать!“
— Я такъ, къ примѣру, грустно стало...
Ты къ намъ, что сынъ родной, бывало,
Прійдешь, сидишь... Теперь мой зять...
Прости!..—

„Я даромъ не прощаю!

Ты посѣтишь нашъ уголокъ,
Поговоримъ, напьемся чаю,
Разрѣжемъ эдакой пирогъ!..“
И весело, въ толпу густую,
Столяръ отправился съ женой;
Вотъ снялъ онъ шапку мѣховую
И... Нѣтъ, не видно за толпой!
Кулакъ съ разорванной полою
Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ, —
Знакомыхъ нѣтъ... Махнулъ рукою
И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай, Кулакъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объять былъ сномъ,
Я при свѣчѣ, ночной порою,
Сидѣлъ въ раздумьи за столомъ.
Несчастный братъ! мнѣ было больно
За твой позоръ, за твой порокъ,
И не одну слезу невольно

На эти строки ты извлекъ.
Я понималъ твои страданья,
И язвы смѣло осязалъ,
Въ моихъ глазахъ ты угасалъ
Одинъ, въ грязи, безъ врачеванья.
А горько! Вѣрно и теперь,
Едва перешагну за дверь,
Инаго Кулака я встрѣчу
И, можетъ быть, на немъ опять
Порока страшную печать
И язвы новыя замѣчу...
Бѣднякъ! Взглянувши на тебя,
Не каждый сердцемъ содрогнется;
Пройдетъ, быть можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя.
Кому нужна твоя утрата!
Васъ много! Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Прійдетъ-ли, наконецъ, пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта,
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторицей плодъ?
Когда минетъ проказа вѣка,
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ!

1854 октябрь.

1856 сентябрь.

II.

ВОСПОМИНАНІЕ О НИКИТИНѢ.

Воспоминаніе объ И. С. Никитинѣ. *)

(А. А. ШКЛЯРЕВСКАГО).

нѣ было тогда семнадцать лѣтъ и я пріѣхалъ въ Воронежъ держать экзаменъ на званіе учителя. Имя Ивана Саввича Никитина гремѣло, стихотворенія его читались молодежью съ жаромъ, переписывались и твердились наизусть. Я былъ однимъ изъ величайшихъ поклонниковъ Никитина и, пріѣхавъ въ Воронежъ, старался во что бы то ни стало видѣть Ивана Саввича, но это мнѣ не удавалось, къ тому же говорили, что онъ боленъ. Между тѣмъ, экзаменъ былъ выдержанъ и мнѣ нужно было уѣзжать изъ Воронежа въ г. Валуйки, гдѣ отецъ мой служилъ учителемъ русскаго языка. Наканунѣ отъѣзда я шелъ по главной улицѣ въ Воронежъ, „Большой Дворянской“, вмѣстѣ съ однимъ семинаристомъ, валуйчаниномъ, у котораго я квартировалъ. Вдругъ вниманіе мое было привлечено какимъ-то господиномъ, разсматривавшимъ вывѣску оптическаго магазина, съ нарисованными на ней инструментами, въ черной шинели съ нахлобученнымъ

*) Этотъ краткій, но живой разсказъ о единственномъ свиданіи автора съ Никитинымъ, происходившемъ въ 1854 году, заимствуемъ изъ брошюры, изданной въ 1882 году, въ Петербургѣ, подъ названіемъ „Русская Библіотека Уголовной Хроники“ (выпускъ 1-й). Авторъ разсказа (уже умершій), не разъ упоминая о пишущемъ эти строки и весьма благосклонно относясь къ нему, заподозриваетъ насъ однакоже въ искаженіи стихотвореній Никитина, изданныхъ послѣ смерти поэта. Такое подозрѣніе было бы очень тяжелымъ, если бы оно не было комичнымъ. Оказывается, что авторъ воспоминанія не видалъ ни одного изъ посмертныхъ изданій стихотвореній Никитина и считалъ такимъ изданіе Кокоревское (1859)! Не найдя въ послѣднемъ стихотворенія „Болѣсть“, выброшеннаго

воротникомъ и въ картузѣ. Онъ показался мнѣ незаурядною личностью, и я хотѣлъ было спросить своего спутника, не знаетъ ли онъ, кто это?

Но семинаристъ самъ остановилъ меня и спросилъ:

— Ты знаешь, кто это?

— Нѣтъ.

— Иванъ Саввичъ Никитинъ, котораго ты хотѣлъ видѣть.

— Быть не можетъ!

— Ей-Богу, правда.

Я бросилъ своего спутника и ринулся къ поэту. (То то молодость! говорю же, мнѣ было 17 лѣтъ, а Никитину лѣтъ 28).

— Вы Иванъ Саввичъ Никитинъ? спросилъ я у него.

— Я, отвѣчалъ онъ, взглянувъ на меня не совсѣмъ ласково, и сталъ продолжать свой путь далѣе по направленію къ Щепной площади. Но я былъ не изъ тѣхъ, отъ которыхъ легко можно бы было отдѣлаться.

— Это вы написали:

• По утру вчера дождь
Въ стекла оконъ стучалъ;
Надъ землею туманъ
Облаками вставалъ... *)

И т. д., и т. д., я прочелъ все стихотвореніе до конца. Тогда я декламировалъ недурно.

— Да, сказалъ Никитинъ.

— А это?.. И я пошелъ отваливать его стихотворенія одно за другимъ.

— Вы кто такой! спросилъ, наконецъ, у меня Никитинъ:— семинаристъ?..

изъ этого изданія самимъ Никитинымъ, авторъ разсказа вообразилъ себѣ, что эту операцію непременно сдѣлали мы! По этой причинѣ, а также изъ *близни* (sic) увидѣть въ искаженномъ видѣ любимаго имъ поэта авторъ разсказа даже не заглянулъ въ Михайловское изданіе, гдѣ стихотвореніе „Болѣсть“ красуется на 343—347 стран. 1-го тома!..

Прилагаемый разсказъ хотя и подписанъ буквами А. Л., но намъ достоверно и извѣстно, что онъ принадлежитъ перу автора беллетристическаго разсказа („Воинская повинность, или у гроба самоубійцы“), помещеннаго въ томъ же выпускѣ названной брошюры,— А. А. Шкляревскому.

Ред.

*) См. стихотвореніе „Встрѣча зимы“ (1-й т., стр. 148).

— Нѣтъ, отвѣчалъ я ему:—я воспитывался въ Харьковской гимназіи, но я, такъ же, какъ и вы, мѣщанинъ. Хотя мой отецъ теперь учитель и имѣетъ чины, но я родился въ то время, когда мой отецъ не поступалъ еще на службу, а онъ изъ мѣщанъ. Я даже занимался одной съ вами профессіей, былъ отъ 6 до 9 лѣтъ дворникомъ у своей бабушки, содержавшей постоялый дворъ въ городѣ Лубнахъ, Полтавской губерніи, и зазывалъ проѣзжихъ богомольцевъ въ Кіевъ и на поклоненіе святителю Аѳанасію Лубенскому. Да какъ лихо!.. Другіе дворники не могли противъ меня ничего подѣлать... Всѣхъ проѣзжихъ отобью... Мѣщанская косточка, а la Кольцовъ, шибай!..

Угрюмый, и какъ видно, не со всѣми общительный, Никитинъ улынулся и проронилъ:

— Что же вы тутъ дѣлаете, въ Воронежѣ?..

Я разсказалъ, для чего я пріѣхалъ въ Воронежъ, и когда коснулся формы экзамена на учителя, то замѣтилъ, что Иванъ Саввичъ очень заинтересовался и сталъ входить во всякія мелочи... И заподозрилъ даже тогда Ивана Саввича, что онъ самъ хочетъ держать экзаменъ на учителя уѣзднаго училища *).

Разговаривая объ экзаменахъ, мы дошли до Московской улицы и до лучшаго въ то время въ г. Воронежѣ трактира купца Колыбихина, подъ названіемъ: „Московскій трактиръ“.

— Зайдемъ, выпьемъ чаю, предложилъ Никитинъ.

— Съ вами, съ удовольствіемъ.

Въ трактирѣ Иванъ Саввичъ избралъ вторую, менѣ роскошно меблированную, комнату, въ которой не было ни души посѣтителей, и приказалъ половому, почтительно поклонившемуся ему, подать двѣ пары чая.—Разговоръ продолжался все объ учительствѣ.

— Не легкую обязанность вы на себя приняли, замѣтилъ Никитинъ.

— Да, отвѣчалъ я необдуманно:—трудись-трудись, а впереди никакой карьеры... Всякій писецъ надѣется быть столоначальникомъ, секретаремъ, совѣтникомъ, а учитель...

*) Догадка автора не имѣетъ никакого достаточнаго основанія; любознательность Никитина объясняется простымъ вниманіемъ къ своему собесѣднику. О педагогической дѣятельности Никитинъ никогда и не думалъ, тѣмъ болѣе—въ пору своей извѣстности, да она была совсѣмъ и не по его характеру, не по его натурѣ.

— Я не о карьерѣ говорю, прервалъ меня Никитинъ, потирая лобъ:—а о томъ: доступно-ли на этой должности сдѣлать столько хорошаго, сколько желаешь?..

Я стушевался и ничего не могъ отвѣчать на этотъ вопросъ.

Мы выпили по второму стакану чая. Случайно, или по привычкѣ (я не знаю), Никитинъ, выпилъ чай, повернулъ и поставилъ на блюдечко стаканъ вверхъ дномъ. Знакомый съ мѣщанскими этикетами, я понялъ, что Никитинъ болѣе чаю не хочетъ и собирается уходить.

Иванъ Саввичъ! обратился я къ нему: — дайте мнѣ, ради Бога, хоть строчку своей рукописи о себѣ на память... Я васъ не выпущу безъ этого. (Сборника стихотвореній И. С. Никитина тогда не было).

Я былъ изъ такихъ взбаломученныхъ, что готовъ былъ броситься передъ Никитинымъ на колѣна, цѣловать ему руки, или, выражаясь прямѣе, подъ видомъ оваціи, само-собою разумѣется, безъ злаго умысла, сдѣлать скандалъ и скомпрометировать его.

— Чтò же я вамъ дамъ?... Ахъ! у меня есть стихи черновые... хотите?..

— И вы спрашиваете!.. съ укоризной произнесъ я.

Иванъ Саввичъ порылся въ боковомъ карманѣ сюртука и между разными бумагами нашель листъ бумаги, исписанный стихами. Это была „Болезнь“.

Я чуть не вырвалъ ее у него изъ рукъ. Моимъ благодарностямъ конца-краю не было... Съ ними я вышелъ съ Никитинымъ изъ трактира и, къ душевному прискорбію своему, болѣе мнѣ не пришлось видѣть Ивана Саввича, потому что, когда я былъ переведенъ въ 1893 году въ Воронежъ учителемъ, его уже не существовало и мнѣ пришла грустная доля быть зрителемъ при открытіи ему памятника... *).

*) На могилѣ.